

Н.А. Миненко
Е.Ю. Адкаримова
С.В. Голикова

Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века

НАУКА

Н.А. Миненко
Е.Ю. Апкаримова
СВ. Голикова

Повседневная жизнь

уральского города
в XVIII-начале XX века

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(47) ББК
63.3(235.55) М61

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 05-01-16013д

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е.В. Вершинин*, доктор
исторических наук *Г.Н. Чагин*

Миняеко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова СВ.

Повседневная жизнь уральского города в XVIII - начале XX века / Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкаримова, СВ. Голикова ; Ин-т истории и археологии УрО РАН ; Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. - М. : Наука, 2006. - 384 с. - ISBN 5-02-035153-9 (в пер.).

Монография представляет собой антропологически ориентированное региональное исследование по проблемам повседневной жизни провинциального города в имперский период истории России. На живом и увлекательном материале авторы реконструируют социально-бытовую инфраструктуру уральского города и материальную культуру горожан, характеризуют их семейный быт, конфессиональные аспекты повседневности, семейный и общественный досуг, формы социокультурного взаимодействия, воссоздают картину будней и праздников.

Для историков, этнографов, культурологов и всех, кто интересуется проблемами российского города, историческими судьбами Урала, страны в целом и русской культуры.

Темплан 2007-1-375

ISBN 5-02-035153-9

- © Институт истории и археологии
УрО РАН, Уральский государственный
университет им. А.М. Горького, 2006
- © Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова
СВ., 2006
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2006

Введение

Проблема города является традиционной для исторической науки. Это объясняется той выдающейся ролью, которую город *W* играл и продолжает играть в развитии общества. Известно, что на практике общество как целостность воспроизводится в виде двух основных специфических структур - города и деревни, которые функционируют как относительно самостоятельные гомеостатические социальные организации. При этом можно выделить нечто сущностно общее, свойственное всем городам (соответственно — всем деревням), ту константу, постоянную величину, которая проявляется на общечеловеческом уровне. Вместе с тем город - это сложно развивающийся организм; он имеет "свои этапы, свою меру развитости как особого социального феномена, различные формы и типы своего исторического функционирования как конкретной реализации сущности последнего"¹. Научное осмысление города как социокультурного явления, как субъекта исторического действия требует поэтому рассмотрения его в определенном историческом контексте - в конкретных временных, территориальных, этнополитических и прочих рамках. Сегодня в историографии города одним из важнейших направлений является изучение темпов, факторов и форм урбанизации в их конкретно-историческом развитии и разработка на этой основе ее региональной типологии. Интерес историков-урбанистов к "разнообразию в пространстве", к выявлению локальных городских типов в определенной степени связан с нынешней переориентацией гуманитарных наук на исследование индивидуальных практик, на "конструирование индивидуальностей". Последнее, в свою очередь, объясняется изменениями в дискурсе современных обществ.

"В настоящее время, - пишет по этому поводу М. Дингес, имея, в частности, в виду задачи, выдвигаемые коллективным сознанием перед исторической наукой, - важным представляется, по всей видимости, уже не столько решение или решаемость общественных, т.е., в конечном счете, политических, проблем, сколько лучшее понимание тех обстоятельств и мотивов, которые определяют поступки действующих лиц..."² Причину такого поворота следует видеть в том, что именно "действующие лица", конкретные люди, Человек с его правами и возможностями (и прежде всего возможностью индивидуального выбора) вышли на первый план в системе ценностей постиндустриального мира. "Старая" историческая наука с ее установкой на макроперспективу, для которой, по словам

М. Дингеса, "не имеет значения все, что не относится к развитию государства, складыванию мирового рынка и образованию классов", оказалась в разладе с потребностями времени. Своеобразной реакцией на это стала абсолютизация частью исследователей так называемого историко-антропологического подхода к изучению прошлого. Эвристическая эффективность такого подхода (в разработку его крупный вклад внесли представители школы "Анналов") не вызывает сомнений, поскольку он позволяет реконструировать прошлое на уровне микропроцессов, а следовательно, в достаточной степени включить в анализ и индивидуальный опыт, конкретного человека.

Одним из результатов внедрения в науку историко-антропо-логического подхода надо считать обращение специалистов к истории повседневности, в изучение которой наиболее значимый вклад внесли ученые Германии, Австрии, Франции и Швейцарии³. Особо стоит упомянуть в данной связи Институт изучения реалий повседневной жизни в средневековье и раннее новое время и Кремский центр по изучению материальной культуры и повседневности.

Нельзя, однако, недооценивать участия в исследовании истории повседневности и отечественных ученых. В 1993 г. в Москве вышла в свет книга под названием «Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов"». Выступивший на ее страницах В.В. Согрин, в частности, заявлял: «Я думаю, недостаток школы "Анналов" не в том, что она слишком увлеклась изучением ментальности и повседневности, а в том, что она изучала их недостаточно. Все-таки школа "Анналов" сосредоточилась на изучении ментальности и повседневности в средние века, а для того, чтобы определить наличие прогрессивной линии в развитии обыденного мира людей, нужно изучать ментальность и повседневность и в новую, и в новейшую историю. Здесь школа "Анналов" могла бы позаимствовать опыт британской школы, возглавляемой Э. Хобсбоумом, Д. Рюде и Э. Томпсоном, которые изучали ментальность, обыденный мир людей не только в спокойные времена, но и во времена общественных потрясений XVIII-XIX вв. Может быть, настало время разработать совместный проект по изучению ментальностей и повседневности, обыденного существования людей от возникновения человечества до наших дней. Я думаю, что реализация такого проекта позволила бы дать объективный ответ на вопрос, существовал ли действительный прогресс в истории человечества и в каком направлении он осуществлялся»⁴.

Идея проекта, предложенного В.В. Согриным, и сегодня представляется весьма привлекательной. Хотя, учитывая множественность и сложность задач, которые понадобятся решать создателям "всемирной" истории повседневности, речь надо вести не об одном, а о целом ряде проектов. Вряд ли и цель этих проектов надо сводить к установлению "наличия прогрессивной линии в развитии обыденного мира людей". М. Дингес не без оснований утверждает, что "на сегодняшний день очевидна обратимость, а значит, разнонаправленность или

нетелеологичность структуры исторических изменений". "Сегодня, - продолжает немецкий историк, - уже невозможно, как это делали авторы всеохватных теорий, призванных объяснить исторический процесс, объявлять этот процесс односторонним, а все то, что выходит за его рамки, считать лишь временными отклонениями"".

К сожалению, и В.В. Согриным, и большинством других участников интереснейших "споров о главном" остались "не замеченными" отечественные труды по истории повседневности, которых уже к 1993 г. было немало. Имеются в виду работы как по зарубежному средневековью⁶, так и по истории России. Интерес "к повседневной жизни обыкновенных людей" среди исследователей российского прошлого заметно проявился уже в 60-80-х годах прошлого века. «"Крот истории", - справедливо отмечает А.Я. Гуревич, - был давно и в совершенно определенном направлении, и те историки, у которых за десятилетия тоталитаризма не атрофировались гражданские чувства и приверженность к поискам истины, нащупали научный "пульс" задолго до того, как толпы ведущих, главных, старших и младших научных сотрудников вкупе с профессорами и доцентами, внезапно прозрев, вскричали: "Мы всегда так и думали!"»⁷.

Стремление части историков России выйти за пределы привычного для советской науки "пантеона" тем и проблем (о котором пишет Ю.Н. Афанасьев, характеризуя советскую историографию как особый научно-политический феномен⁸), обратиться к изучению истории семьи, общины, домашнего хозяйства, быта и нравов, народной религиозности, повседневной материальной культуры, моделей поведения людей и их обыденного сознания сопровождалось поиском новых исследовательских подходов и методов. Результатом поиска явилось становление в отечественной науке особого направления, к которому вполне подходит определение "антропологически ориентированной истории" или "социальной истории" (в том понимании, в каком последнее определение стало у нас употребляться с 1990-х годов). У этого направления было много общего и с французской школой "Анналов", и с немецкой "историей повседневности", однако оно никогда не занималось "сужением истории до картинок из быта маленьких людей"⁹, не отказывалось от системного уровня рассмотрения явлений и процессов. Пожалуй, ближе всего новое направление оказалось к британской "социальной истории". Л.П. Репина констатировала: «Если во Франции между историками-марксистами и немарксистами длительное время существовало "неписаное джентльменское соглашение", по которому первые ограничивали себя преимущественно социально-экономической историей и историей классовой борьбы, отдавая вторым в безраздельное обладание проблемы истории ментальностей, то в Англии именно историки-марксисты, не забывая о социально-экономической истории и истории классовой борьбы, явились пионерами в исследовании массового сознания и поведения людей прошедших эпох... Парадоксально, но в условиях острого кризиса традиционного викско-либерального историзма именно британским марксистам пришлось в 50-х -

начале 60-х годов в борьбе с экономическим детерменизмом и вульгарным социологизмом школы Нэмира отстаивать значение идей в историческом процессе. Они, по выражению А.Л. Мортонга, успешно продвинулись "от общего утверждения, что люди являются созидательной силой истории, к точному и детальному представлению о том, кто были эти "люди" на каждом этапе и что они в действительности делали и думали..."¹⁰

В рамках марксизма шло формирование "антропологически ориентированного" направления и в российской историографии. Показательно, однако, что участвующие в этом процессе исследователи, которых интересовало прошлое собственного Отечества, в основном были сотрудниками академического Института этнографии (впоследствии переименованного в Институт этнологии и антропологии) или трудились на периферии - речь, в частности, идет о школе, созданной в Новосибирском научном центре М.М. Громько¹¹. Что же касается главного центра исторической русистики - Института истории СССР АН СССР (ныне -Института российской истории РАН), то к нему вполне может быть отнесен вывод А.И. Куприянова, к которому он пришел в 1996 г., о том, что "историки-русисты еще только приступают к изучению культурно-антропологических проблем"¹².

Надо при этом отметить, что новые подходы к прошлому России, включившие в предмет исследовательского внимания и историю повседневности, до недавнего времени реализовывались в основном на деревенском материале. Повседневная жизнь русского города до 1990-х годов изучалась главным образом этнологами¹³. Наиболее заметным исключением явились работы М.М. Рабиновича¹⁴, в которых эта тема рассматривалась в рамках исторической урбанистики. Лишь в последнее десятилетие ситуация изменилась. Во-первых, отечественной науке конца XX - начала XXI столетия удалось заметно продвинуться вперед в разработке теоретико-методологической базы исследования истории человека - с его мировидением, стереотипами поведения, умственными привычками, повседневной деятельностью. Исключительно важную роль в этом сыграл ежегодник "Одиссей. Человек в истории" (выходит с 1989 г.), редакция которого сумела привлечь к сотрудничеству высококлассных специалистов, убежденных в необходимости кардинального обновления исторической науки, и прежде всего ее методологического инструментария. Во-вторых, заметно расширилась в последнее время проблематика конкретных исследований, посвященных российской повседневности. Не осталась на периферии внимания историков и проблема "человек в городе". Поиску современных подходов к ее решению, безусловно, способствовал выход сборников "Город как социокультурное явление исторического процесса" (М., 1995), "Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики" (М., 2001), "Homo historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного" в двух книгах (М., 2003), "История повседневности" (СПб., 2003), книг А.Л. Ястребицкой "Европейский город

(средние века и раннее новое время: введение в современную урбанистику)" (М., 1993) и "Средневековая культура и город в новой исторической науке" (М., 1995), Л.П. Репиной «"Новая историческая наука" и социальная история» (М., 1998), В.Д. Лелеко "Пространство повседневности в европейской культуре" (СПб., 1997), ежегодников "Социальная история" (М., 1998-2005. Вып. 1-6) и некоторых других трудов.

Однако на уровне российского провинциального города, в том числе уральского, история повседневности остается малоизученной. Можно говорить лишь о первых подступах к этой теме¹⁵. Применительно к Уралу отдельные ее аспекты получили разработку в статьях авторов предлагаемой монографии, опубликованных в сборниках "Уральский город XVIII - начала XX в.: история повседневности" (Екатеринбург, 2001), "Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII - начале XX в." (Екатеринбург, 2002), "Уральский город XVIII - начала XX в.: проблемы социальной истории" (Екатеринбург, 2003). Изменениям в повседневной жизни горожан Пермской губернии на рубеже XIX-XX вв. посвящены кандидатская диссертация и ряд интересных статей О.Н. Яхно¹⁶. Определенную ценность представляют также работы Г.А. Васильевой, А.Р. Касимовой, И.Ю. Трушко-вой и отдельные публикации в различных краеведческих изданиях ("Земля Курганская: прошлое и настоящее", "Шадринская старина", "Челябинск неизвестный" и др.)¹⁷.

Авторам предлагаемой монографии в основном пришлось опираться на источники - архивные и опубликованные. Были использованы документы текущего делопроизводства, историко-этнографические описания, путевые записки, мемуары и дневники, письма, периодическая печать, записи фольклора, публицистика. Значительная часть источников впервые вводится в научный оборот.

Выбор хронологических рамок - XVIII - начало XX в. обусловлен той общей перспективной задачей, которая была при этом поставлена: проследить изменения в городском образе жизни, культуре (в широком смысле этого понятия) населения городов в условиях начавшейся российской модернизации.

К рассматриваемому времени на Урале существовало пять основных городских типов (без учета так называемых неполноценных, т.е. не имеющих соответствующего правового статуса городских поселений). К первому относились старые административные и торговые центры (например, Вятка, Кунгур) со сложившимися городскими "мирами" и традициями, сохранявшие устойчивую тенденцию к росту. Вторую группу составляли процветавшие ранее города, которые постепенно теряли завоеванные позиции (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Туринск). На развитии этих городов негативно отразилось перемещение главного сухопутного тракта, связывающего европейскую и азиатскую части страны, с линии Соликамск-Верхотурье-Тобольск на линию Пермь-Кунгур-Екатеринбург-Тюмень. Третья группа включала южные города - административно-военные центры Оренбург, Троицк, Челябинск, Уральск и др., в

составе населения которых было много военных (включая казаков). Последние две группы были представлены молодыми городами, одни из которых (например, Оса, Оханск, Камышлов), являясь уездными центрами, в экономическом отношении оставались сельскими поселениями - их жители занимались в основном земледелием и скотоводством, а другие (Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Ирбит и пр.) оказались в числе быстро растущих торгово-промышленных центров. При этом Екатеринбург - столица горнозаводского Урала занимал особое место не только среди уральских, но и среди российских городов. Получив статус горного города, он не утратил и прежней роли уездного центра.

Возраст, "происхождение", состав населения, административное значение, характер и уровень развития экономики городов определяли особенности их повседневной жизни. При этом, однако, повседневность уральского города в целом вполне вписывалась в рамки русской культурной традиции, что обуславливалось принадлежностью подавляющей массы местных горожан к русскому этносу.

Современные исследователи справедливо указывают на ин-тегративность подходов "историка повседневности". Так, А.Л. Ястребицкая подчеркивает, что западная историография рассматривает историю повседневности в качестве "интегративного метода познания человека в истории"¹⁸. Н.Л. Пущкарева также полагает, что "подходы историка повседневности интегративны", - его, в отличие от историков в чистом виде и этнографов", интересует "и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история ментальностей и ментальных стереотипов"¹⁹. Это мнение поддержала и А.В. Белова, занимающаяся историей повседневности русского дворянства конца XVIII - первой половины XIX в., причем, по ее мнению, «проблематика истории повседневности "встроена" в разные научные дисциплины - историю, культурологию, феминологию, источниковедение, обновленное краеведение»²⁰.

Изучение повседневной жизни человека с ее буднями и праздниками, "вещным миром" и эмоциональностью, внутрисемейными, соседскими, конфессиональными и дружескими связями и отношениями, ментальными установками и ценностными ориентациями предполагает поэтому использование, наряду с традиционными приемами исторического анализа, исследовательского инструментария других наук: этнологии, искусствоведения, исторической психологии и пр. Однако при определении круга конкретных исследовательских задач историк повседневности исходит прежде всего из информационных возможностей потенциальной источниковой базы. Именно этим главным образом обусловлена структура предлагаемой монографии.

¹ См.: *Сайко Э.В.* Введение // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 6.

² *Дингес М.* Историческая антропология и социальная история: через теорию "стиля жизни" к "культурной истории повседневности" // Одиссей. Человек в истории. История в сопоставительном наклонении? М., 2000. С. 96.

³ См.: *Оболенская С.В.* "История повседневности" в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 182-198; *Яриту Г.* История средневекового быта: опыт междисциплинарного подхода // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов". М., 1993. С. 77-80.

⁴ *Согрин В.В.* За творческий диалог // Споры о главном... С. 112.

⁵ *Дингес М.* Указ. соч. С. 102.

⁶ См.: *Ястребицкая А.П.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 84-102.

⁷ *Гуревич А.Я.* Историк и история. К 70-летию Юрия Львовича Бессмертного // Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. М., 1994. С. 210.

⁸ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 146-168.

⁹ Именно в этом упрекали немецких историков повседневности их оппоненты - представители "социально-исторической науки". См., например: *Kocka J.* Klassen oder Kultur? Durchbrüche und Sackgassen in der Arbeitergeschichte // Merkur. 1982. Н. 10.

¹⁰ *Ретина Л. П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. С. 169.

¹¹ Об этой школе см.: *Миненко Н.А.* Урал и Сибирь конца XVI - первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25-27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск, 1997. С. 24-25.

¹² *Кутрянов А.И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4. С. 86-99.

¹³ См.: *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6. С. 23-27; *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980; Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982; *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских. М., 1989; и др.

¹⁴ *Рабинович М.Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан XI-XVI вв. М., 1964; *Он же.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; *Он же.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

¹⁵ См.: Русский город: история, люди, культура: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 1997. Ч. 1-2; *Ястребов А.Е.* Культурный облик губернского провинциального города Центрального Черноземья в конце XIX - начале XX в.: Орел, Курск, Воронеж: Автореф. дис... канд. ист. наук. Орел, 1999; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000; *Бухараев В.М.* Провинциальный обыватель в конце XIX - начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 19-33; *Алисов А.Д.* Культура городов Среднего Прииртышья в XIX - начале XX в. Омск, 2001; *Гончаров Ю.М.* Городская семья второй половины XIX - начала XX в. Барнаул, 2002; *Он же.* Семейный быт горожан Сиби-

ри второй половины XIX - начала XX в. Барнаул, 2004; *Он же*. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX - начало XX в.). Новосибирск, 2004; *Лабури В.Н.* Письменные и визуальные источники изучения повседневности в истории Ставропольского края // Новая локальная история. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы 1-й Всероссийской научной интернет-конференции Ставрополь, 2003. С. 91-96; Города Сибири XVII - начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004; и др.

¹⁶ См.: *Яхно О.Н.* Образ жизни жителей Екатеринбурга рубежа XIX - XX вв.: проблемы реконструкции // Город Екатеринбург: историко-культурное наследие и современность. Екатеринбург, 1996. С. 90-95; *Она же*. "Образ города" в периодической печати Екатеринбурга рубежа XIX-XX вв. // Екатеринбург-вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 90-93; *Она же*. Индустриализация рубежа XIX-XX вв. и изменения в образе жизни городского населения Урала // Урал индустриальный: Вторая региональная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 1998. С. 124-126; *Она же*. Новое в быту горожан Пермской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 376-379; *Она же*. Представления о телесности горожан на рубеже XIX-XX вв. (на материалах Урала) // Вторые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 307-311; *Она же*. Повседневная жизнь горожан российской провинции на рубеже XIX-XX вв.: методологические и конкретно-исторические аспекты // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2001. № 7. С. 244-254; *Она же*. Общественные развлечения в Екатеринбурге начала XX в. // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2002. С. 87-90; *Она же*. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX - начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; *Постников С.П., Яхно О.Н.* Формирование городского образа жизни // Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М., 2000. С. 227-243.

¹⁷ См.: *Васильева Г. А.* Культурный облик губернского провинциального города Южного Урала в конце XIX - начале XX в. // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Челябинск, 2002. С. 19-25; *Она же*. Города Южного Приуралья во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004; *Касимова А.Р.* Духовная жизнь городов Южного Урала конца XIX - начала XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002; *Трушкова И.Ю.* Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX - начале XX в. (система жизнеобеспечения). Киров, 2003; *Ершов М.Ф.* Источники о мире вещей состоятельных горожан Зауралья в конце 50-х - начале 60-х годов XIX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Курган, 1994. Вып. 8. С. 101-104; *Повлева В.Н.* Рождественские были // Шадринская старина. 1995; Краеведческий альманах. Шадринск 1995. С. 4Б-М *Она же*. Прекрасное далеко // Там же. С. 47-49; *Пушкарев Н.Г.* Кинематограф в Шадринске // Там же. С. 138-139; *Боже В.С.* Очерк церковно-религиозной жизни Челябинска начала XX века // Челябинск неизвестный. Челябинск, 1996. Вып. 1. С. 23-64.

¹⁸ *Ястребицкая А.Л.* О культур-диалогической природе историографического // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 44.

¹⁹ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь и повседневность глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Тезисы докладов научной конференции. М., 2002. С. 44-46.

²⁰ Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII - первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 49-56; Она же. Тендерное измерение и тендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции. Иваново, 2002. С. 171-173; Она же. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII - первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и тендерная история. М., 2003. С. 269-284.

Глава 1

социально-бытовая инфраструктура и материальная культура городского населения

Развитие социопространственной структуры города

Формирование и развитие социопространственной структуры уральских городов определялись многими факторами: их географическим положением и функциональным назначением, особенностями генезиса, составом городского населения и пр. Для уральских городов характерно прибрежное расположение (по берегам рек или озер). Они основывались у воды как укрепленные поселения. Часто кремль и монастырь располагались на холме над водоемом. Вода являлась одной из преград для неприятеля. Об особенностях расположения городов свидетельствуют их названия. Так, исследователь истории одного из старинных уральских городов - Чердыни - Г.Н. Чагин пишет: "Лингвисты утверждают, что Чердынь - один из старых топонимов Верхнего Прикамья. Он образовался из двух коми-пермяцких слов: чер, а это измененное слово шор, - небольшой ручей - и дынь - устье. В объединении этих слов отразились топография местности и характер ее заселения. В далекие времена первые жители облюбовали подножие холмов по правому берегу р. Колвы, там, где устье небольшой речки, кстати, не пересохшей до нашего времени, названной уже от возникшего поселения Чердынкой"¹.

В VII-XIV вв. на месте будущего города существовало укрепленное поселение аборигенов края - коми-пермяков. В 1451 г. московский князь посадил наместника в Чердынь, к тому времени ставшей уже признанным центром Перми Великой. С самых первых лет вхождения Перми Великой в Русское государство в Чердыни селились русские люди. Первые укрепления русских возникли в 1535 г. на Троицком холме. Здесь была построена крепость, называемая в письменных источниках городом, а в литературе - кремлем. Возле крепости образовался посад - торгово-ремесленная часть города. Первоначально посад располагался к северу и западу от крепости, а затем расширился полукругом. Нижний посад на берегу р. Колвы представлял собой торгово-во-ремесленную слободу, где размещались причалы, лавки, амбары, винокурня, дома ремесленников. Чердынь являлась православным центром Прикамья, из которого во второй половине XV в. осуществлялась христианизация местных народов, здесь открылся первый на Урале Иоанно-Богословский мужской монастырь. Монастырская часть города развивалась вверх по Колве.

К концу XVI в. Чердынь была самым крупным городом на Урале, представляя собой религиозный, административный (здесь находился воевода) и торгово-ремесленный центр, типичный для своего времени город-крепость с "острожною" стеною. Подступы к городу с севера, востока и юга защищались природными условиями - крутыми склонами Троицкого холма, а с запада - глубоким рвом и высоким земляным валом. Кроме того, по всему периметру холма были возведены деревянные стены с башнями. Монастырь тоже представлял собой крепость, способную к обороне. В начале XVII в. в городе уже насчитывалось 10 церквей. На рубеже XVI-XVII вв. русские составляли основу постоянного населения города, в котором также проживали и потомки его основателей - коми-пермяки².

С учетом природных ресурсов и удобного географического положения закладывался Соликамск. Это поселение солеваров было основано не по Каме, а в семи километрах от нее, у богатых рассолов. В дальнейшем оно получило официальный статус города и герб в форме геральдического щита, состоящего из двух частей. В верхней части изображался герб Пермской губернии: на красном фоне серебряный медведь, на котором поставлено Евангелие в золотом окладе, над ним серебряный крест. В нижней части помещался символ Соликамска - в золотом поле соляной колодец с опущенным в него ведром для поднятия рассола. Колодец являлся напоминанием о том, что рассолы побудили рождение города и с солеварением связана вся жизнь городского населения. К концу XVI в. Соликамск по численности населения являлся вторым после Чердыни городом в Перми Великой. В 1579 г. в Соликамске действовало 16 варниц. Посадские люди сочетали промышленную деятельность с торговлей и сельским хозяйством. Соликамск, оказавшийся на важнейшем транзитном европейско-азиатском пути, получил большое развитие благодаря Бабиновской дороге.

С 1613 г. в Соликамске действовало воеводское управление, с 1636 г. был упразднен чердынский воевода, а Соликамский воевода отныне и до 1781 г.

управлял обоими уездами: Чердынским и Соликамским. С учреждением воеводства в Соликамске появились избы - приказная, таможенная, судная, земская. По данным писцовой переписи 1624 г., в нем имелось 323 двора, в которых проживали 520 человек мужского пола (женское население не учитывалось). В городе насчитывалось 5 церквей, 61 лавка, 2 харчевни и 35 варниц на посаде. О том, как выглядел город, можно получить представление из описания, выполненного писцом М. Кайсаровым в 1624 г.:

"Город Усолья Камского в сем году был деревянный и расположен на реке на Усолке, а у него ворота Спасские, а на воротах образ Нерукотворного Спаса...а от Спасских ворот по Никольские ворота девять городень, а от Никольских ворот по Наугольные башни одна городня, а от Наугольные башни по Георгиевские ворота пятнадцать городень, а от Георгиевских ворот по Наугольные же башни пять городень; да у той же Наугольные башни тайник из-под городской стены к речке к Усолке, а от башни и от тайника до Петропавловских ворот 11 городень, а от Петропавловских ворот до третьей Наугольные же башни одиннадцать городень, а от Наугольные же башни до Глухие башни десять городень, а от Глухие башни четвертую Наугольную башни одиннадцать, а от Наугольные башни до Спасских ворот 10 городень; и всего четверы ворот да пять башен, а меж ворот и башен городовые стены 83 городни, да около города ров; а от города полова места по дворы посадских людей, что на песках... 50 сажень, а с трех сторон около города места наводные"³.

Как военизированное поселение возник город Верхотурье, в том месте, где дорога из Соликамска (знаменитая Бабиновская) примыкала к Туре. В 1598 г. здесь был поставлен деревянный острог, имевший с трех сторон стены, а с четвертой защищенный утесом Троицкой горы. Капитальный рубленый город с башнями возвели по царскому указу в 1624 г. Внутри острога вскоре после его сооружения была построена церковь - храм в честь св. Троицы. В 1674 г. деревянные стены с башнями, Троицким собором и другими строениями сгорели. Вообще пожары стали для молодого города настоящим бедствием. В 1698 г. было начато сооружение каменного кремля. Его строительство закончилось спустя 14 лет - в 1712 г.⁴

Высоко на горе над Яиком, близ устья р. Сакмары, весной 1743 г. начал строиться Оренбург. Освоению этого края способствовало присоединение Казахстана к России. Идея основания города возникла гораздо раньше. Первоначально речь шла о строительстве города на р. Орь, такой проект был одобрен Сенатом в 1734 г. От названия реки, по мнению ряда исследователей, произошел урбоним Оренбург. На более сложной этимологии слова настаивает В.В. Дорофеев, полагая, что выведение названия Оренбург только от первичного топонима Орь не совсем убедительно. По его мнению, первичный топоним составил основу, а сходство с немецким определило форму: "Оренбург" (ассоциируется с немецким "Ор" - "ухо"). Крепость, заложенная "при Яике и устье Орском", стала Орской крепостью, а потом городом Орском. О том, где основать настоящий Оренбург, еще долго велись споры. Предлагалась местность при Красной горе (здесь даже были начаты соответствующие строительные работы), а также недалеко от устья Сакмары. Новый начальник Башкирской комиссии И.И.

Неплюев склонялся к последнему варианту, видя его преимущества: расположение места ближе к российским хлебным районам, стратегически - в середине линий недавно построенных крепостей, здесь было больше воды и леса. К востоку от устья Сакмары к тому же имелась небольшая Бердская крепость. 15 октября 1742 г. императрица Елизавета утвердила проект своей резолюцией на докладе Сената, в котором, в частности, говорилось: "...При урочище Красной горы...города Оренбурга строить не надлежит, а ...надлежит оный строить ...при Бердской крепости". Последнюю предполагалось перенести на новое место. 19 апреля (30 по новому стилю) "с надлежащим молебствием и с пушечной пальбой" был заложен Оренбург там, где сейчас находится исторический центр города⁵.

Оренбург являлся крепостью бастионного типа. Крепость имела 10 бастионов и 2 полубастиона. По проекту она была три-надцатибастионной и круглой. Строить же ее начали овальной, приблизив западную и восточную стороны. Бастионы и полубастионы назывались по близлежащим церквям или улицам. По первому проекту вал имел высоту в среднем 12 футов - более 3,5 м, в зависимости от места он был то выше, то ниже, за счет чего достигалась его горизонтальность. Глубина рва, окружавшего крепость, намечалась 12 и ширина 35 футов. Однако и вал, и ров на практике не достигали этих размеров. Так, ров почти всюду имел половину проектировавшейся ширины и не был доведен до нужной глубины. Сквозь вал вели четверо каменных сводчатых ворот. Воротные мосты в XVIII в. были деревянными. Яицкие ворота (на юго-западе) по чертежу 1760 г. имели примерно следующие размеры: высота проема - 3,6 м, ширина - 3 м, общая высота - более 6 м. Для закрепления оборонительных сооружений в Оренбурге употреблялся больше камень, чем дерн. Каменную кладку собирались дать во всю высоту вала вместе с бруствером⁶.

В 1736 г. на месте башкирской деревушки Селябы на р. Миасс был основан Челябинск, который, как отмечает дореволюционный исследователь В.А. Весновский, стал "одним из первых русских оплотов в восточном Приуралье, а равно и дозорным пунктом за иногородцами, подчиненными русской власти". По преданию, название сначала деревни, а потом города происходило от башкирского слова "селяк", что по-русски означает "бурак". В.А. Весновский же полагал, что оно было дано по названию речки Селябки, протекавшей поблизости. Челябинск представлял собой крепость - имел деревянные (заплот) и земляные (вал) укрепления. Гарнизон крепости первоначально состоял из стрельцов и казаков. Число жителей в крепости постепенно увеличивалось, местность заселялась "папашенными" и "гулящими" людьми. К 1744 г. это было уже довольно большое поселение, преобразованное в центр Исетской провинции, в состав которой вошли Челябинский уезд, часть Троицкого, а также Шадринский уезд и дистрикт Исетский. Для управления посадскими людьми была учреждена ратуша. Казаки подчинялись войсковым атаманам, подведомственным провинциальной канцелярии во главе с воеводой⁷. Член Петербургской академии наук И.Г. Гмелин оставил одно из первых описаний Челябинска, относящееся к 1742 г.:

"...Эта крепость также находится на р. Миасс, на южном ее берегу, она похожа на Миасскую, но побольше и окружена только деревянными стенами из лежащих бревен. Каждая стена имеет примерно 60 саженей. Она была заложена вскоре после Миасской крепости, а имя получила от ближайшего к ней, находящегося выше на южной стороне реки бора (уже третья версия происхождения названия города. - *Авт.*), по-башкирски - Чилибе-Карагай. С того времени при этой крепости располагается главная квартира обоих драгунских полков, а также старого Сибирского и вновь сформированного Оренбургского, которые сначала стояли лагерем среди домов слободы, чтобы держать в узде башкиров, а также предотвращать набеги киргиз-кайсаков. Но в этом году большая часть их отбыла на Уй строить крепость, часть - сопровождает провиант в Оренбург"⁸.

По описанию оренбургского краеведа П.И. Рычкова, Челябинская крепость имела укрепления: внутренние (небольшая крепостца с двумя башнями) и внешние (заплот с тремя проезжими башнями, рогатками и надолбами). По мнению известного исследователя истории Челябинска И.В. Дегтярева, "крепостца" просуществовала только два столетия, с появлением наружных укреплений потребность в ней отпала, и около 1755 г. она была снесена. Двойная система укреплений, о которой сообщает П.И. Рычков существовала в Челябинской крепости, как полагает И.В. Дегтярев, не более 10 лет, а потому упоминание о "внутренней крепости" в "Топографии Оренбургской губернии" П.И. Рычкова ошибочно: в 1762 г., когда был издан этот труд, ее уже не имелось. Исследователь ссылается при этом на документ, составленный в июне 1761 г. в Исетской провинциальной канцелярии, в котором внутренняя крепость не упоминается, а говорится, что "крепость Челябинска ограждена вокруг деревянным оплотом с тремя проезжими воротами и над ними багарами, которое ограждение мерою вокруг четыре версты триста тридцать

семь сажен... Выпиною оплот в одну сажень, местами ж и более, а позади того оплоту еще укрепление той крепости вокруг рогатки и надолбы". Не отражена внутренняя крепость и в городском плане 1768 г.

На основе изучения плана Челябинска 1736 г. И.В. Дегтярев заключил, что крепость находилась на правом берегу Миасса и представляла собой небольшую четырехугольную площадку размером в длину и ширину по 60 саженей (около 130 м в ту и другую сторону), с выступающими наружу углами, огражденную рубленой деревянной стеной, с двумя проезжими башнями (в северной и южной стенах). Параллельно стене с наружной стороны проходил ров, за ним находились рогатки и надолбы. Ширина полосы препятствий (ров, рогатки и надолбы) составляла около 25 саженей (примерно 50 м) с каждой стороны, за исключением северной (береговой), где этой полосы не было. На огражденной стеной площади размещались командирский дом, четыре солдатские казармы, четыре провиантских амбара и пороховой погреб. На плане был показан мост через Миасс⁹.

Поскольку в хозяйственной жизни горожан большую роль играло сельское хозяйство (наряду с промышленностью и торговлей), то при выборе места учитывалось, насколько оно было пригодно для занятий земледелием и

скотоводством. Обращалось внимание на наличие поблизости лесных угодий, а также возможности заниматься рыболовством. И.Г. Гмелин, имея в виду месторасположение Челябинска, отмечал: "В этой местности очень много прекраснейших полей, здесь отлично вырастают все виды злаков. До последнего времени достаточно было леса, вблизи же он в основном уже вырублен, и сейчас его приходится привозить. Рыбы в этом месте очень мало. Но озера, богатые карасем, не очень далеки; только потому, что жители очень заняты строительством и обустройством крепости, крестьяне еще не могут сильно удаляться от своих домов и ловить рыбу в отдаленных местах"¹⁰. Как вполне удачно оценивали расположение Челябинска и авторы книги "Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении": "За Уральским хребтом, в пределах азиатской России, в долине, по обеим сторонам реки Миаса, протекающей с запада на северо-восток...Полагают, что Челябинск лежит в самом узле золотоносных россыпей, направляющихся от Уральских гор по течению реки Миаса"¹¹. Д.Л. Мордовцеву, путешествовавшему по Уралу в 1894 г., запомнился Челябин или Челябинск, "небольшой довольно глухой сибирский городок, менее, чем с десяти тысячным населением, теперь, с переводом в него из Самары в 1893 году управления постройки западносибирской же-

' Миненко А. Н. и др.

17

лезной дороги, необыкновенно оживленный". Он отмечал, что Челябинск "окружен березовым лесом, так что даже так называемый челябинский городской сад вовсе не сад, а просто березовая роща, хотя в ней торчит и подобие курзала, а кое-где поставлены и скамейки. Но к этому публичному гулянью иначе нельзя пройти, как мимо мрачного острога, обнесенного высоким частоколом, за которым постоянно слышится хватающий за сердце лязг кандалов...Вот она - суцая Сибирь"¹².

О некоторых неизбежных недостатках прибрежного расположения Челябинска писал В.А. Весновский: местность "представляет собой значительную котловину, края которой совпадают с окраинами, а по дну ее протекает река Миасс. Она не раз размывала сдерживающие ее быстрое течение мельничные плотины и причиняла много бед жителям заречной части города. Бывали случаи, что сообщение между центральной и заречной частями возможно было только на лодках". В 1888 г., в день Благовещения Пресвятой Богородицы, из-за сильного напора речной воды деревянный мост, служащий сообщением между частями города, не выдержал, "много хлебных лавок на Хлебной площади было снесено течением, и вода залилась далеко в улицы, наводнив собой некоторые дома по Азиатской, Ивановской, Оренбургской, Болотной и др. улицам"¹³.

На уральских реках располагались также поселения, основанные как слободы, но затем превратившиеся в города. Из слободы вырос город Шадринск на левом крутом берегу Исети, где к реке вплотную подступал густой сосновый лес. Место было удобным: "В лесу можно было укрыться в минуту опасности, в

нем водилось много зверя; деревья вполне годились на срубы для жилых домов, крепостных и хозяйственных построек. Река кишела рыбой. Невдалеке находились большие озера, тоже обещавшие богатую добычу"¹⁴. Это было укрепленное поселение. К 1664 г. завершилось сооружение Шадринского острога. С трех сторон слободу защищала срубная стена (заплот, или "город"), с четвертой стороны обрывистый речной берег служил естественной защитой. Над крепостной стеной возвышались две проезжие башни¹⁵.

К 1686 г. в Шадринской слободе и приписанных к ней деревнях числилось около 200 дворов (в том числе 137 крестьянских). Кроме того, здесь жили драгуны (41 человек), беломестные казаки (10), духовенство, приказчик и его помощники, бобыли, дворовые люди, вдовы. К этому времени в слободе уже действовал Ми-хайл о-Архангельский храм¹⁶.

В начале XVIII в. были возведены новые укрепления: рубленый "город" в центре (городовая стена в окружности 233 сажени) и тыловая стена вокруг всего селения с двумя проезжими башнями. Снаружи был выкопан ров и устроены надолбы и рогатки. Городовая стена являлась двухрядной, "город" был покрыт двускатной крышей. В городской стене снаружи разместились торговые лавки (по подсчетам Г.Ф. Миллера, их было 13), в которых по воскресеньям шел оживленный торг. К тому времени Шадринская слобода являлась административным центром одного из дистриктов Тобольского уезда, но у ее коменданта В.А. Мещерского были основания для того, чтобы называть ее "Архангельским Шадринским городом" (в честь Михаила Архангела, весьма почитавшегося на Исети). В этой связи авторы книги по истории города Н.А. Миненко и С.В. Федоров отмечают, что отсутствие Шадринска в штатном расписании российских городов не давало оснований для запрета называть его городом. "В широком смысле, - пишут они, - городами в начале XVIII века признавались все укрепленные поселения с постоянным гарнизоном из государственных служилых людей, расположенные на государственной земле". Шадринская слобода отвечала этому критерию. В ходе реформы местного управления в 1719-1724 гг. в Шадринский дистрикт вошли вместе с "Архангельским Шадринским городом" Маслянский острог, Барневская и Красномысская слободы и Успенский Далматовский монастырь с прилежащими к ним селами и деревнями. Однако состав населения "Архангельского Шадринского города" оставался преимущественно крестьянским, собственно городского населения (посадских людей) в нем не было. Не существовало здесь ни магистрата, ни ратуши¹⁷.

В 1738 г. Шадринск становится центром Шадринского дистрикта Исетской провинции. Если прежний Шадринский дистрикт являлся частью Тобольского уезда, то теперь он фактически являлся самостоятельным уездом. В начале 1740-х годов в Шадринской слободе насчитывалось 165 жилых дворов, из которых 88 принадлежали крестьянам, 62 - отставным солдатам и драгунам, 12-канцелярским служителям, 3 - духовенству. В центре размещались: дом управителя, управительская канцелярия, погреб для денежной казны, хлебные амбары,

торговые лавки, таможня. Украшением города являлась пока единственная церковь. Шадринск сохранял свои укрепления: "город" в центре и тыновую стену с башнями вокруг всего поселения. В описании П.И. Рычкова (1750-е годы) также упоминается "рубленный город" с лавками, но о тыне уже не говорится, а отмечается лишь, что "позади всего жила" Шадринск "обнесен рогатками". К этому времени в нем действовали уже три церкви: Михаила Архангела, Преображения Господня и Николая Чудотворца¹⁸.

Еще одним типом уральского поселения являлся город-завод. От Екатеринбургского завода вела свою родословную "горнозаводская столица Урала". Выбор места осуществлялся с учетом наличия необходимых для развития промышленности природных ресурсов. В.И. Геннин, основатель города, в "адресе" императрице Екатерине Алексеевне сообщал: "...Я зачал при реке Исети, где место сыскал лучше: воды довольно и лесов, и руды на многа лета. И около оных заводов зачал крепость делать, чтоб башкиры, наши соседи, не смогли ее разорить. А оную крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх, а заводы - Кате-риненбурхские, в память высокославного имени вашего величества"¹⁹.

Таким образом, природный ландшафт уральских городов предполагал реку, лес, холмы или долины, а их облик первоначально определяла жилищная застройка преимущественно деревянного типа с доминантами в виде церквей и колоколен.

Более древней планировочной структурой являлись кремль, посад и монастырь. В XVII в. такую типичную для средневекового градостроительства трехчастную планировочную структуру - крепость (кремль), посад (верхний и нижний), монастырь - сохраняла Чердынь. Свообразие планировки и застройки города способствовали особенности природного ландшафта - р. Колва и семь холмов по правому высокому берегу, разделенных глубокими оврагами. "В развитии русского оборонительного зодчества чердынский кремль, - отмечает Г.Н. Чагин, - принадлежит к тому этапу развития, когда стихийная застройка, характеризующаяся ярко выраженной связью планировки с рельефом местности, заменялась регулярной. Элементами регулярности в чердынском кремле явились примерно прямоугольный его план и размещение башен равномерно по периметру стен". В XVII в. посад ограждался острогом длиной до полутора километров. Когда острог сторел, его заменили рубленой стеной. В 1686 г. над стенами возвышались 4 башни, но первоначально их было 6 - столько же, сколько и ворот²⁰.

Сравнивая Соликамский кремль с чердынским, Т.Н. Чагин отмечал, что первый отличался почти правильной четырехугольной формой, близкой к квадрату, а чердынский формировался в соответствии с рельефом местности. Конструкция стен обоих кремлей в виде городней выглядела одинаково, только в Соликамске их было 83, а в Чердыни - 80. Свообразие Соликамскому кремлю придавали четыре башни по углам, четверо ворот в стенах. Над всеми воротами возвышались маленькие башни с изображениями святых, которым посвящались

ворота. Общая длина стен достигала 600 м. Возле Наугольной башни, стоящей между

Георгиевскими и Петропавловскими воротами, начинался подземный ход за пределы кремля ("тайник"). В XVII в. внутри кремля находилась деревянная церковь во имя Архангела Михаила. Здесь же располагались 18 амбаров, пороховой погреб, 10 келий монахинь. После опустошительного пожара 1672 г. от кремля остались жалкие остатки, о чем написано в дозорной книге 1707 г., составленной воеводой И.И. Щербатовым: "...А по осмотру то городовое место: с одну сторону Усолка река, по мере от реки до горы, на которой горе бывала городовая стена 37 сажень, а горою той же городовой стены, где бывала стена, по мере 4 сажени, а с другую сторону ров самородный, ширина тому рву 12 сажен, а в ином месте боле и мене; с третьего сторону от поля ров копаный, ширина тому рву 8 сажен и боле и мене; а с четвертую сторону от западу знатно, что бывал ров же копаной. А по мере тому городу по горе, что от реки, 68 сажен, с другую сторону по самородному рву 65 сажен, с третьего сторону, что от поля, по копаному рву 60 сажен, четвертую сторону, что от посаду, 65 сажен". На посаде вне территории кремля располагались церкви, лавки, усадьбы. Деревянные торговые ряды с торговой площадью возникли у моста через р. Усолку. Посад с напольной, южной стороны защищала острожная стена. В 1678 г. в нем насчитывалось 308 дворов и 25 изб. Посад состоял из двух слобод: нагорной и болотной. Первая - основная часть посада - располагалась на высоком левом берегу Усолки, недалеко от кремля. Во второй части посада на низменном правом берегу размещались варницы, дровяные склады, кузницы. В 1685 г. насчитывалось уже 58 варниц. Через посад и р. Усолку в направлении с севера на юг проходила дорога, связывающая Соликамск с Чердынью и вотчиной Строгановых.

После пожара 1672 г., когда сгорел кремль, ядром города стала та часть посада, где были сосредоточены церкви, торговые и солеваренные заведения, воеводский двор, приказная, таможенная, земская и съезжая избы. После пожара Соликамск обстраивался заново. Город получал радиально-лучевую застройку, сохраняя пересечение оживленных путей в центре. Развивалось каменное зодчество. Первое каменное здание в Соликамске предназначалось для приказной избы. Оно строилось по указу царя Алексея Михайловича, строительство завершилось в 1688 г. По сведениям 1707 г., оно являлось одноэтажным, на подклети возвышались "две светлицы с сенями" посередине. С переводом в него воеводского управления оно подверглось реконструкции, был надстроен второй этаж. За зданием закрепилось новое название - "дом воеводы". В 1670-х годах закладываются первые каменные храмы. За сорок с небольшим лет в городе появились два собора с отдельно стоящей колокольной, 7 церквей. В прибрежной и нижней частях города расположились два монастыря. По одним данным, в Вознесенском монастыре, а по другим, за городом располагалась колокольная фабрика. В 1731 г. известный солепромышленник М.Ф. Турчанинов на восточной окраине Соликамска построил Троицкий медеплавильный завод²¹.

Со временем старинные города Урала переходили к более регулярной, плановой застройке. Этому способствовали разные обстоятельства. Преобразование Чердыни во многом обуславливалось ее новым административным статусом: в результате административной реформы в 1708 г. Чердынь с уездом вошла в Сибирскую губернию, в составе которой в 1719 г. были образованы провинции, в том числе Соликамская с Чердышским и Соликамским уездами. В 1727 г. Соликамская провинция (вместе с Вятской) оказалась в составе Казанской губернии. В 1781 г. было создано Пермское наместничество, преобразованное в 1796 г. в губернию. В 1783 г. указом императрицы был утвержден герб Чердыни: "В серебряном поле лось, означающий, что жители округа оного промысел имеют звериной ловлей и что платят ясак лосиными кожами".

Очевидно, в связи с началом каменного строительства в середине XVIII в. возникла необходимость в планах, которые и были составлены в 1770-х годах. Город располагался на пяти холмах, каждый из которых выделялся храмами. На Троицком холме в южной части города среди развалин кремля стояла церковь Троицы Живоначальной. К западу от кремля располагалась церковь Николая Чудотворца, а рядом с ней канцелярия. К северу от Троицкого холма, на южной стороне Соборного холма, возвышались две каменные церкви - соборная Воскресения Господня и приходская Преображения Господня, между которыми стояла деревянная колокольня. К храмам прилежала площадь с ратушей, "контрой коронного поверенного" и питейным домом. От Кол-вы в верхнюю часть холма пролегалла дорога. Между Троицким и Соборным холмами находился еще один холм, на котором были построены каменная церковь Успения Богородицы девичьего монастыря и часовня "над убиенными от ногайских татар". Через овраги пролегалли мосты на соседние холмы. Эти три холма, украшенные церквями и застроенные общественными и частными зданиями, представляли собой центр города. Еще две части города сложились на холмах в северном направлении от центра, на одном из них находилась каменная церковь Богоявления Господня с отдельно стоящей деревянной колокольней, а на другом - каменная и деревянная церкви мужского Иоанно-Богословского монастыря. Население посада расселялось свободно. Город отличался небольшими размерами: "с полдня на север на две версты, а с востоку на запад на полверсты"²².

В городах Урала на протяжении XVIII-XIX вв. нередко случались крупные пожары. Так, пожар 2 июня 1792 г. поставил под вопрос существование Чердыни. Об этом бедствии в донесении пермского и тобольского наместника А.А. Волкова императрице Екатерине II от 14 июня 1792 г. сообщалось: "И так в оном городе в четыре часа сгорело церквей каменных 4 да деревянная 1, часовня каменная 1 ж, присутственных мест: управа благочиния, городской магистрат, нижняя расправа и земский суд, цейхгауз с воинскими снарядами и аммуницією; дела бывшей Чердынской ратуши; обывательских домов со всеми хлебными и припасными анбарами 350, в том числе училище, людей мужеска полу 2, женска 4". Он же

докладывал о том, что уцелели только одна каменная церковь, "домов жилых во вновь застраиваемой улице 37, срубов 7; вина две бочки"; "соль же, по сгорании анбаров, состоит в скирде без всякой защиты; а денежная казна с собранными в ясак соболями и лосинами вся сохранена, так как и государственные ассигнации вынесены в целости, а только с медною монетою при выносе оной несколько мешков погорело". Ущерб от пожара составил 212 806 руб., в том числе "убыток" четырех церквей - 3806 руб. Однако город сохранил свой административный и экономический статус. Продолжало увеличиваться его население. Согласно рапорту чердынского городничего пермскому губернатору, в 1814 г. в Чердыни насчитывалось 2793 человека, среди которых было: духовенства - 77 человек, дворян - 2, военнотружущих - 57, купцов - 150, мещан - 1959, дворовых - 39, представителей прочих сословий - 509²³.

После пожара город отстраивался по плану, составленному в 1806 г. архитектором Иваном Лемом. Он приобрел черты "регулярности", хотя по-прежнему сохранялась взаимосвязь древней части города с рельефом, видовыми ориентирами оставались каменные храмы, венчающие холмы. Параллельно реке шли улицы: Преображенская, Успенская, Нижняя Торговая, Верхняя Торговая. С запада город замыкала улица Плоская. В центре города были переулки: Романовский, Мичуринский, Воскресенский, Богоявленский. Переулки соединяли древнюю часть города с заново застраиваемой западной окраиной. В северной части города размещалось кладбище, в западной - кузницы. Южная часть отличалась ровной местностью, что способствовало прямоугольной, геометрически цельной застройке. В Подгородней слободке по-прежнему размещались пристани и многочисленные купеческие амбары. Связующим звеном между Подгородней слободкой и городским центром являлся Прямычный взвоз - широкий лог между Троицким и Соборным холмами. По плану 1806 г. предусматривались две новые площади - по одной в северной и южной частях города. Центром города оставалась старая торговая площадь (с торговыми рядами), привязанная к Воскресенскому собору, Преображенской и Успенской церквям. Прямоугольная сетка улиц создавала благоприятные условия для размещения купеческих усадеб. Обычно двухэтажный, главный дом такой усадьбы, ставился на углу квартала. Рядом с ним строился дом для конторы, кухни. Дома ограждались амбарами, а иногда и каменными стенами, чтобы защитить от пожаров. На хозяйственный двор можно было попасть через трехили четырехстворчатые ворота на столбах²⁴.

Первые здания в Екатеринбурге имели строгий, казарменный вид (исключением являлась только церковь). Мастерские, солдатские и бобыльские деревянные дома тянулись в несколько рядов. Заводская промышленность определяла лицо города. Побывавший около 1723 г. в "Катериненбурхе" Ф.А. Страленберг отметил: "Мастера на этих заводах в большинстве немцы, имеют они свои собственные дома, которые построены совершенно одинаковыми, и, кроме

русской, они имеют свою собственную церковь и немецкого священника, который обучает детей чтению, счету и языку"²⁵.

Река Исеть, запруженная плотиной для завода, делила город на части (районы), называвшиеся по главным объектам: восточная - церковная, западная - торговая или канцелярская. С конца XVIII в. части города еще делились по линии Главной перспективы (позднее Главного проспекта). С начала XIX в. в городе выделялись три (если западная часть не делилась проспектом) или четыре части. Крепость, прямоугольником окружавшая город, до 1735 г. имела шесть бастионов и четыре полубастиона, на каждом из которых было установлено по одной пушке. В 1735 г. крепость была расширена: на западной стороне стало четыре бастиона, на восточной - три, а с севера и с юга - по два полубастиона. Крепостные ворота обычно запирались на ночь железными засовами с огромными замками. Крепость окружали земляной вал и ров. Первыми заметными мазанковыми сооружениями в городе были: деревянная церковь, построенная в 1723-1726 гг., и обер-бергмат (горная канцелярия), строительство которого началось в 1723 г.²⁶

Большинство городов Южного Урала, как и Екатеринбург, с самого начала отличались регулярной застройкой. Так, в частности, было в Оренбурге. Принципы строительства и реконструкции населенных пунктов, разработанные в эпоху Петра Великого, предполагали единовременность планирования и осуществления плана, геометрически правильную планировку, преимущественно по прямоугольной сетке, наличие центральной площади с административными учреждениями, симметричное размещение комплексов зданий. В.В. Дорофеев отмечает, что эти принципы легли в основу и плана Оренбурга, составленного, однако, с учетом местных особенностей. Так, административный центр города расположили не на главной площади, а у реки, в начале главной улицы, что "совпадало со старинным размещением центра русских городов; нет полной симметрии в размещении торговой части"²⁷. Творчески был применен принцип прямоугольной сетки - планировка органично сочеталась с функцией крепости. План города основывался на двух взаимно перпендикулярных осях с центральной площадью на их пересечении. На осях был построен прямоугольник улиц. Главные планировочные оси делили город на четыре сектора. Число сквозных улиц было сокращено до минимума. Улицы перекрывались кварталами не через одну, а сразу по две и даже три. В любой части города достаточно было 5-6 заслонов, чтобы локализовать прорыв через вал, а локализации прорыва через ворота способствовало бы продольное по отношению к ним расположение кварталов. Главную причину такой своеобразной планировки В.В. Дорофеев видит в том, что основной силой потенциального противника в лице кочевников являлась конница, действие которой ослаблялось, если приходилось поворачивать²⁸.

Регулярность отражалась и в принципах заселения Оренбурга. Кварталы, расположенные вдоль главных осевых улиц - Губернской и Штабской, - планировались под застройку казенными домами, а также домами чиновников,

офицеров, казачьей старшины. Основную часть населения Оренбурга составляли военные - солдаты и казаки. В гарнизон поставили Пензенский полк, по которому была названа одна из улиц (впоследствии Пушкинская). Решили перевести сюда самарских и алексеевских казаков, планировались места для уфимских дворян и казаков. К середине октября 1744 г. была застроена значительная часть площади города. Кварталы вдоль осевых улиц были шириной в 30 сажений, а другие имели в поперечнике 26 и 24. Здесь располагались лучшие участки. Офицерские участки были вдвое больше стандартных, а у казачьей старшины еще больше. Уже в 1744 г. в центре города на площади стоял "кабак симбирского купца Ивана Твердышева", а на другой стороне улицы его дом.

Застройка велась со стороны набережной и близ ворот, кроме Сакмарских ворот, где сразу поставили только караульно и казармы. В казачьей слободе выделялись кварталы по обе стороны Штабской улицы от Орских ворот и немного к северу от нее, а также кварталы на севере, ближе к Самарским воротам. Армейский городок распространялся к югу от малой оси, основная часть армейских построек располагалась между Сакмарскими и Яицкими воротами. Кварталы, идущие по Губернской улице от набережной Яика, застраивались губернскими учреждениями и домами "инженерных, медицинских и прочих по губернии состоящих служителей". К востоку в самой южной части селилось духовенство, а севернее два квартала заселили артиллеристы.

В первые же годы строительства появился ряд специальных зданий: близ Торгового бастиона - госпиталь "из дикого камня о шести покоях", аптека "о восьми покоях и в ней материальной погреб", тоже из камня; в Бердском бастионе - "острог для содержания ссыльных, а в нем 10 казарм", недалеко от него конюшня на 300 лошадей; в Провиантском бастионе - "провиантские магазейны", т.е. продовольственные склады; около Преображенского полубастиона - "материальный магазейн". Еще осенью

1743 г. была построена Успенская церковь (по ней была названа и улица). Она была деревянной. В 1744 г. построили второй храм - "из дикого камня при Пензенском полку церковь". Она располагалась на Штабской улице. Постройки первых лет были преимущественно деревянными. Первый Гостиный двор был сооружен из плетня и обмазан глиной.

В дальнейшем планомерно застраивалась восточная и юго-западная части, а северо-западная почти до 1750 г. пустовала. В городе стало больше церквей: в 1746 г. в казачьей слободе появилась Никольская церковь, при госпитале - Воскресенская. В этом же году рядом с Успенским закладывается Преображенский собор - пятый храм за первые четыре года. Заметно выделялась центральная площадь. В 1745 г. здесь было возведено каменное здание гауптвахты "о четырех покоях" с деревянным куполом, на котором позже установили часы с боем и циферблатами на две стороны. В это же время около Никольского бастиона появился артиллерийский деловой двор, на набережной - каменные дома

губернатора и генерал-майора. На главной улице (к северу от Проезжей) из дикого камня был построен дом "о 5-ти покоях для приезжих знатных людей" - первая гостиница Оренбурга. Всего со времени закладки города по 1746 г. было "построено казенных и разных чинов дворов 628", из них к середине октября 1744 г. стояло уже 419.

В 1750-е годы появляются новые крупные здания. Особое внимание придавалось строительству церквей. В 1750 г. закончилось сооружение Преображенского собора (автор его проекта И. Мюллер). В 1752 г. была освящена возведенная около Нагорного полубастиона Введенская церковь. Строились они на казенный счет. В архитектурном отношении храмы отличались строгостью и влиянием барокко. Они размещались симметрично друг другу относительно главной улицы, со стороны Яика были видны издалека.

Всю ширину квартала между Губернской и Комисской улицами занял комплекс губернской канцелярии. (Оренбург стал губернским городом в 1744 г.). Комплекс состоял из одного центрального двухэтажного и двух одноэтажных зданий, характеризуется элементами барокко. К концу 50-х годов XVIII в. полностью завершилась застройка северо-западной части города, где появились соляные амбары. Застраивались остальные пустые места, кроме юго-западной части, где места резервировались казной. Был перестроен артиллерийский двор, построена кузница, на центральной площади севернее гауптвахты появился новый колодец (два других были в западной и юго-западной частях города). Еще с 1745 г. в городе действовала школа, которая со временем обзавелась капитальным зданием. В 1748 г. открылась еще одна школа-интернат для сыновей "свокошптных" и ссыльных. Из других строений выделялась торговая баня, построенная в 1745 г. за городом, с западной стороны, на берегу озера. К югу от нее затем появились мясные ряды, а еще южнее (на берегу Яика) - пивоварня. Недалеко от нее, восточнее вдоль берега, был основан первый кирпичный завод. Однако затем кирпичное производство было перемещено к северу. Город застраивался неравномерно. С восточной его стороны долго не было никаких построек, только в 1750 г. напротив Неплюевского бастиона появилась мясная лавка. В 1752 или 1753 г. здесь строилась загородная казачья слобода. В 1755 г. на казенный счет была возведена небольшая Георгиевская или Егорьевская церковь, по которой называли саму слободу Егорьевской (другое название слободы Кальмыцкая). В ней в основном селились крещенные калмыки, записанные в казаки²⁹.

При различных изменениях в планировке уральских городов первоначальная крепость не всегда оставалась центром города. Так, территория, занимаемая Челябинской крепостью, в дальнейшем не стала центром города. Религиозный, административный и торговый центр сформировался вне стен этой крепости на свободной местности, прилегавшей к ней с востока. Здесь была построена сначала деревянная, потом каменная церковь - Хри-сторожественский собор, возведены дома провинциальной канцелярии, полицейского управления, купеческой рагуши, гостинный двор. На месте крепости никаких значительных зданий не появилось ни

во время ее существования, ни после ее сноса. В конце XVIII - начале XIX в. в западной части этой территории размещались дома горожан и огороды³⁰.

Застройка Челябинска, как и Оренбурга, шла не стихийно, а осуществлялась по плану, предусматривавшему сеть улиц и переулков. Старейшими улицами являлись Большая Береговая (потом ее стали именовать Сибирской), Исетская, а также Оренбургская, считавшаяся главной улицей города, местом сосредоточения его деловой жизни (позднее ее переименовали в Христорождественскую, а с конца XIX в. - в Большую). На главной улице города располагались административные учреждения: провинциальная канцелярия, войсковая казачья канцелярия, полиция, казначейство, ратуша (потом магистрат), в головном конце улицы стоял дом воеводы. На этой же улице проживали купцы, чиновники, духовенство. Академик И.Г. Гмелин, посетивший Челябинск в 1742 г., оставил его описание: "В жилых домах, выше и ниже крепости, находится 161 крестьянский двор, 20 квартир солдат и 5 казачьих. Дома построены по прямой линии и улицы очень длинные". Упоминает Гмелин и о "древнейшей" площади, названной в дальнейшем Христорождественской: "Немного в стороне от крепости, на свободной площади находится церковь, посвященная святому Николаю, в которой служат уже два года". На этой площади возник ряд построек: дом провинциальной канцелярии, дом полиции, купеческая ратуша. В 1748 г. рядом с деревянной Никольской церковью на площади закладывается каменный Христорождественский собор, построенный в 1766 г.³¹

Иначе развивался Оренбург, который и после Крестьянской войны 1773-1775 гг. оставался в пределах крепости почти до конца века. Выжженная при походе пугачевцев казачья слобода не восстанавливалась. Вторично слободу с восточной стороны города стали строить после 1786 г. С западной стороны города были восстановлены и дополнительно построены различные хозяйственные здания, появилась маленькая слобода ссыльных. Дальше к северу расположился губернаторский дом с садом, который построили вскоре после Крестьянской войны. С западной стороны города слобода (Голубиная, ее называли также Солдатской) появилась только после Отечественной войны 1812 г. Численность населения к началу XIX в. вместе с гарнизоном и чиновничеством достигала 5,5 тыс. человек (количество купцов, мещан и дворовых не доходило и до тысячи). Поскольку Форштадт отводился для казаков, а Голубиная слободка была малоперспективной, чтобы избежать перенаселения города-крепости, решено было строить новое предместье к северу от города (по радиально-кольцевой планировочной схеме)³². С упразднением крепости в 1862 г. и срытием крепостного вала центр города слился со Старой и Новой слободками. От Караван-Сарайской прибавилось количество радиальных улиц. После пожара 1879 г. градостроители выбрали другой путь, перейдя от радиально-кольцевой к прямоугольной планировочной сетке³³.

В отличие от Оренбурга в Уфе строительство первоначально шло стихийно, без единого плана. Генеральный план этого города был утвержден

правительством только в 1819 г. Между тем жилой фонд города рос: в 1783 г. было 979 частных домов, в 1800 г. - 1129, а в 1861 г. - уже 1991. Почти все они были деревянными³⁴.

В 1784 г. новый план получила Вятка. Особенностью городской застройки Вятки в конце XVIII в. являлись большие по площади занимаемой земли дворы. Город напоминал ряд дач с обширными дворами и огородами. Побывавший в Вятке с ревизией сенатор И.В. Лопухин в своих записках отметил, что город походил "больше на богатое село, нежели на губернский город"³⁵.

Свой неповторимый облик имел город Ирбит. По справедливому утверждению Д.Я. Резуна, "Ирбит к концу XVIII в. стал городом не просто по екатерининскому указу, а в силу ряда объективных и градостроительных причин". Ирбит стал "рыночным городом" в том смысле, что город и ярмарка слились в единое целое. "Жизненным нервом города" называет исследователь знаменитую на всю Россию Ирбитскую ярмарку³⁶. Городское пространство тяготело к торговой площади. Центром Ирбита являлась торговая площадь с архитектурной доминантой гостиного двора, от нее веером расходились прямолинейные улицы. Генеральный план Ирбита 1821 г. закрепил сложившуюся лучевую композицию застройки, обеспечивавшую торговцам наикратчайший путь от мест расселения к деловой части города³⁷.

24 апреля 1790 г. в Ирбите случился большой пожар: "Как обывательские дома, так казенный гостиный двор и общественные торговые лавки, питейные погреба и харчевни все сгорели..." Однако отстроился город в сравнительно короткое время. В 1797 г. в нем было уже 470 деревянных лавок и балаганов, 4 каменных и 15 деревянных питейных домов и два трактира. В трактирах подавали виноградное вино, английское пиво, легкое "полпиво", чай, кофе, шоколад (в одном - трактире 2-го разряда - еще "французскую" виноградную водку и рейнвейн)³⁸.

Во второй половине XVIII в. "упорядочивался" и облик Шадринска. Составленный в 1780-х годах план предусматривал регулярную застройку с прямыми улицами, с разбивкой на кварталы. Предполагался снос ветхих строений и типовое строительство. Жителям рекомендовалось строительство каменных домов и деревянных на каменных фундаментах. В это время в Шадринске появились первые каменные здания. Украшением города стал построенный в 1771-1774 г. храм Преображения Господня. Он был выполнен в традициях "украинского барокко". Размещался храм на Михайловской площади. Возведенная в 1791-1796 гг. на Николаевской площади Николаевская церковь также являлась каменной³⁹.

С появлением каменных зданий заметно менялся облик и других уральских городов. Строительство первого в Екатеринбурге значительного каменного здания - канцелярии Главного правления заводов - проходило в 1737-1739 годах с участием Соликамских и тюменских каменщиков. Это было двухэтажное кирпичное здание с высокой крышей на "голландский манер", с 34 оборудо-

ванными комнатами. Отделка здания завершилась лишь в 1741-1743 гг. Затем появились другие каменные сооружения: пороховой погреб, госпиталь, плотинный откос, загородная Свято-Духовская церковь, Златоустовская церковь, Екатерининский горный собор, Кафедральный собор, заложена Вознесенская церковь, арсенал, новый арсенал, заводская лаборатория и чертежная. В конце XVIII в. в Екатеринбурге разворачивается строительство каменных домов по инициативе кушцов, горных и военных офицеров. К 1763 г. в городе насчитывалось лишь 5 каменных зданий. В 1770 г. известный ученый-естествоиспытатель, географ и путешественник, член Санкт-Петербургской академии наук И.И. Лепехин писал о Екатеринбурге: "Ныне в нем до 1426 домов считается. Он обнесен земляным валом, также и нарочито глубоким рвом, обставленным деревянными рогатками. Жители его составляют разного звания заводские люди. Купечества в нем до 1370 душ. Строение в городе все деревянное, выключая фабрики и канцелярию; церквей четыре, две каменные и две деревянные". Наличие каменных домов отметил другой путешественник - побывавший в Екатеринбурге в 1786 г. англичанин И. Биллингс: "Екатеринбург ...насчитывает около двух тысяч домов, многие из них построены из камня и с большим вкусом". На "признаки" Екатеринбурга как культурного центра указывали, по словам путешественника, "пять церквей и общественные школы"⁴⁰.

Н.С. Попов, автор "Хозяйственного описания Пермской губернии" (Пермь, 1804), "из знатнейших публичных зданий" Екатеринбурга выделил 5 каменных церквей, а также каменные заводские строения: "Екатеринбургский железный завод с фабриками молотовою, резною, плющенною, укладною и сталною; медеплавленную фабрику; монетный двор, состоящий из двух каменных корпусов, с каменным особливим домом для монетной экспедиции и деревянным судейским домом; золотопромывальной фабрикой". В "Хозяйственном описании" упоминаются и другие каменные строения: здание горного начальства (прежде канцелярия Главного заводов правления) с лабораторией; каме-нотесная, гранильная и шлифовальная фабрики, здание полковой гауптвахты и дом уездного казначейства, построенный на казенные средства; каменный частный дом, где размещалась почтовая контора; общественный дом, в котором располагались городской магистрат, городская дума, сиротский и словесный суды. Кроме того, в Екатеринбурге к началу XIX в. были: "винный магазин каменный, состоящий из 2 подвалов, построенный в виде буквы Г, потом пороховой подвал, арсенал, архив и два училища, также каменные", каменная богадельня, "два питейных каменных наемных дома". Гостиный двор города в это время состоял "из 14 каменных торговых и кладовых, самой простой архитектуры и 192 деревянных лавок", купечество собиралось построить новый каменный гостиный двор. Имелись также в Екатеринбурге 3 каменные харчевни и 2 деревянные. Частных каменных домов было еще немного - 18, некоторые из них "о 2 жильях". Деревянных домов в городе насчитывалось 1837 (в том числе штаб- и обер- офицерских - 27, "монетной экспедиции приказ-но- и военнослужителей -

89, мастеровым заводским принадлежащих - 749, в ведомстве гранитной фабрики состоящих" -50 домов"). К началу 1808 г. число каменных зданий в Екатеринбурге увеличилось до 37. Известный ученый А.Я. Купфер, побывавший в горнозаводской столице Урала в 1828 г., заключил: "Екатеринбург - место пребывания центральной администрации и резиденции уральского горного начальника. Хотя этот город еще принадлежит Пермской губернии, центр которой Пермь, и хотя это только уездный город, он значительно превосходит последний величиной и благосостоянием ... улицы не мощены (как почти во всех провинциальных городах), но широки и прямы"⁴¹.

В начале XIX в. и в других уральских городах увеличилось количество каменных строений. Так, в Шадринске в это время к их числу добавились здание уездного казначейства, особняк купца И.Г. Фетисова, а также принадлежавшие ему же салотопня и кладовая при другом его доме (двухэтажном, но деревянном)⁴². В начале XIX в. в городе было всего три площади: Михайловская, Николаевская (Никольская) и Нижняя. Шадринск имел вид продолговатого четырехугольника, с пятью главными продольными (вдоль Исети) улицами: Набережной, Преображенской, Михайловской, Петропавловской, Никольской (Николаевской)⁴³.

Из деревянных зданий Шадринска выделялись в это время кладбищенская церковь св. мучеников Флора и Лавра, бывшее здание управительской канцелярии (здесь разместились городская полиция, тюремное помещение, уездный и земский суды), новая тюрьма, винный магазин, семь соляных амбаров, новый административный корпус (городская дума, городской магистрат, словесный суд и малое народное училище), дом духовного правления, рядом с которым возводилось новое здание для него. В 1785 г. в городе открылась уездная больница. В 1801 г. на Михайловской площади соорудили битую земляную избу, где хранились "огнегасительные орудия": две пожарные машины, багры, вилы, бочки для воды, щиты, кожаные ведра и пр.⁴⁴

По данным М.Ф. Ершова, к началу XIX в. в Ирбите кроме лавок и балаганов имелось 4 каменных и 15 деревянных так называемых "питеев". К этому времени в городе действовали 2 каменные церкви. Со временем число деревянных "питеев" увеличилось до 18⁴⁵. Важной вехой в истории Ирбита стало строительство каменного гостиного двора, потребовавшего немалых затрат - строительство завершилось в 1808 г.⁴⁶

Росло число каменных строений в Вятке. В 1780 г. в городе был зарегистрирован 871 дом, в том числе 6 каменных. В 1804 г. из 835 вятских домов 24 были каменными, а в 1813 г. из 855 - 30⁴⁷. Вятскому городскому обществу принадлежал каменный двухэтажный дом с антресолями, в котором размещались шестигласная дума, земская изба и цеховая управа⁴⁸. В 1836 г. в Вятке насчитывалось 865 домов (в том числе 94 каменных), а в 1856 г. уже ИЗО (из них 167 каменных). Император Александр I, посетивший город в 1824 г., заметил: "Вятка есть один из лучших губернских городов"⁴⁹. Впрочем, понравились императору и другие уральские (не только губернские) города с их самобытной

архитектурой, в том числе Екатеринбург. Планы Екатеринбурга пересматривались в 1804, 1829 и 1845 гг. В разработку плана города 1829 г. внес большой вклад замечательный архитектор М.П. Малахов. В "высочайше" утвержденном плане 1845 г. использовались данные двух предыдущих. С именем М.П. Малахова, работавшего в Екатеринбурге с 1815 г., связано развитие классического стиля в городской архитектуре, который так привлекал взоры гостей города. К 1860 г. здесь было построено свыше 500 каменных и почти 3200 деревянных зданий и сооружений⁵⁰.

Постепенно росла и благоустраивалась Пермь. В.С. Верхоланцев, признанный знаток истории Перми, утверждал: "На первых порах своего существования Пермь только носила имя губернского города, на самом же деле она мало чем отличалась от села". При основании города в Перми был только один каменный дом, все остальные - деревянные. К началу XIX в. в Перми насчитывалось уже 28 каменных и 912 деревянных домов. Город украсили три новые церкви, строился кафедральный собор. Развивалась сфера социального обслуживания: появились городская аптека,

больница, почтовая контора, смиренный и рабочий дома, а также каменные здания городского магистрата и школы⁵¹.

Существенные перемены произошли в Перми в годы губернаторства К.Ф. Модераха, при котором помимо прочего большое внимание уделялось организации правильной планировки улиц. Так, в 1800 г. началось строительство в Перми каменного гостиного двора. Через четверть века в городе насчитывалось уже 36 каменных и 995 деревянных домов. Появились еще одна церковь и монастырь. Имелись здесь 3 учебных и 5 богоугодных заведений, 2 завода, 62 лавки, 1 трактир и 9 питейных домов, 1 банк и 1 сад.

В.С. Верхоланцев выделял еще одну веху в истории Перми - 1820-е годы, связанную с подготовкой города к приезду Александра I, когда под руководством губернатора К.Я. Тюфяева почти "все казенные и частные дома были покрашены с фасада, по улицам впервые устроены тротуары, площади очищены от нечистот и сорной травы, построены были круглая ротонда и обелиски Казанской и Сибирской застав и приступлено к сооружению Александровской больницы, лучшего и самого обширного в то время здания в городе".

В городе продолжалось церковное строительство. С 1826 по 1832 г. в Перми сооружалась церковь Всех Святых под руководством известного архитектора И.И. Свизева. В 1829 г. началось строительство трехэтажного каменного здания пермской духовной семинарии и соединенных с ней низших духовных училищ⁵².

Одним из крупных владельцев каменных зданий в Перми являлся И.Р. Жмаев, одно время служивший бургомистром, потом городским головой. С его именем связано строительство в городе гостиного двора. Самому Жмаеву кроме 11 лавок в гостином дворе принадлежало несколько каменных домов. В одном из них, большом одноэтажном, жил сам владелец. К дому примыкали, спускаясь в направлении к Каме, 15 лавок и амбаров. При доме И.Р. Жмаева имелись

великолепный сад и большая оранжерея. По воспоминаниям очевидцев, в ней были "прекрасные абрикосовые и персиковые деревья и виноградные кусты, дававшие обширные плоды". Круглая, в виде башни с куполом, каменная двухэтажная беседка, на стенах которой были изображены "ландшафты", а на потолках - "резвящиеся нимфы и амуры", разделяла оранжерею на две половины. В 1842 г. усадьбу Жмаева купил за 25 тыс. руб. купец Д.Е. Смышляев, но в сентябре того же года она сгорела (пожар 1842 г. истребил в Перми около 300 домов)⁵³.

Побывавшие в Перми до пожара 1842 г. офицеры оставили о городе интересные воспоминания. Так, адъютант наследника престола цесаревича Александра Николаевича (будущего импе-

3 Миненко А Н и др.

33

ратора Александра II) С.А. Юрьевич, посетивший вместе с цесаревичем Пермь, в дорожных письмах так описывал свои впечатления от города: "Сегодня (т.е. 24 мая 1837 г.) увидели мы, что это бедный город - хуже всех виденных нами губернских городов и хуже очень многих великороссийских уездных; несколько каменных домов на высоком левом берегу широкой Камы, да и те оставлены почти в развалинах; эти дома делают, однако, некоторый эффект, смотря на город с реки, по которой мы катались в лодке ...Сегодня мы провели день до обеда в осмотре богоугодных и училищных заведений: первые здесь отличны, а вторые жалки, кроме школы для детей канцелярских чиновников"⁵⁴.

Другой военнослужащий, флотский лейтенант Л.А. Загоскин, проезжая в феврале 1839 г. через Прикамье на Дальний Восток к месту службы, "из замечательных зданий Перми" выделил также "училище канцелярских детей" и Александровскую больницу. На него Пермь произвела более приятное впечатление. "Въезжая в Пермь, - свидетельствовал он, - невольно заглядишься на городскую заставу постройки купца Мясникова. Это две чугунные пирамиды, обтянутые белым железом, наверху каждой пирамиды орлы держат в когтях бронзовые венки; исполнение изящно..." Он предвидел благоприятное будущее Перми, полагая, что "через 50 лет город будет в цветущем состоянии"⁵⁵.

Огромный ущерб нанес Перми пожар, случившийся 14 сентября 1842 г. На помощь погорельцам из государственной казны было выделено 150 тыс. руб. серебром для раздачи местным жителям в ссуду в качестве пособия "на возобновление общественных и частных зданий". Для этого был создан специальный комитет, действовавший на основании Положения 13 августа 1843 г., раздававший пособия с разрешения губернатора. Всего к 1 декабря 1843 г. были выданы в ссуду пособия 48 домохозяевам на сумму 124 865 руб. Местная городская дума ходатайствовала о ссуде ей 6233 руб. серебром для восстановления сгоревших лавок в гостином дворе и 20 тыс. руб. для строительства дома для городских присутственных мест. К тому времени еще 18 домохозяев остро нуждались в таких ссудных пособиях. После пожара большие городские участки оставались незастроенными, например, три улицы от гостиного двора до Петропавловского собора, имевшие прежде 11 кварталов, долго

оставались почти пустыми, о чем сообщал губернскому начальству городской голова Д. Смышляев⁵⁶.

В конце XVIII - первой половине XIX в. малые провинциальные города Урала сохраняли свою традиционную деревянную архитектуру. Например, об Осе, являвшейся местом сбыта сельскохозяйственной продукции для жителей окрестных сел и деревень, в источнике конца XVIII в. сообщалось: "В сем городе старинного укрепления рубленый город (остатки крепостных стен), в коем одна деревянная церковь, богадельня, две лавки. В бывшей канцелярии в воеводском доме помещены новые присутственные места. Обывательских домов 152, кои все деревянные и ветхие. Жителей в городе 1015 человек"⁵⁷. Горожане занимались в основном хлебопашеством и ремеслами. К началу XIX столетия в городе были два кожевенных, мыловаренный и свечный заводы⁵⁸.

В пореформенный период уральские города развивались более динамично. Быстро рос Екатеринбург, уплотнялась его застройка, строились новые дома, заводские, торговые, складские помещения. В это время уже не возводились "большие и по-казенному солидные здания, подобные домам горного управления и горного начальника, или претенциозно-аляповатые особняки миллионеров-золотопромышленников". В строительстве принимали участие разные городские слои. Город рос вширь, сближаясь с пригородами. Он уже не вмещался в границы 1845 г. Среди уральских городов в Екатеринбурге была самая высокая квартирная плата. Большая квартира здесь стоила 1200-1500 руб., в Перми - 800, Челябинске - 400-1000, Самаре - 1200 руб. Интенсивное строительство не способствовало снижению цен на привилегированное жилье. Городской план был пересмотрен только в 1912 г., согласно которому в городскую черту был включен фактически уже освоенный городской выгон и некоторое количество земель казенной Екатеринбургской дачи⁵⁹.

Во второй половине XIX в. в архитектуре Екатеринбурга наблюдались изменения, характерные вообще для эволюции уральской архитектуры. Что касается гражданских зданий, то в качестве противопоставления классицизму в это время стали строиться здания, в которых сочетались декоративные формы разных стилей, взятых из разных эпох, хотя в облике некоторых зданий продолжали чувствоваться черты классицизма. Наиболее ярким примером здания, где были использованы элементы разных стилей, стал построенный в 1866 г. дом Севастьянова в Екатеринбурге (архитектор А.И. Падучев), декорированный деталями мавританско-готического стиля. Росло число торговых помещений, торговых домов в 2-3 этажа. Торговые центры становились главными в планировочных схемах. Сократился объем строительства общественных сооружений, особенно административных зданий Горного ведомства. С развитием институтов местного самоуправления в городах Урала появились здания городских и земских учреждений, например, здания городских управ в Кунгуре и Сарапуле, построенные в 70-х годах XIX в. (архитектор М.С. Купинский). В эти же годы построены здания окружных судов в Уфе и Сарапуле (архитекторы Н.Ф.

Акимов и М.С. Купин-ский). В уральских городах возникли новые типы общественных сооружений: вокзалы, биржи, банки. Расширилась сеть учебных и здравоохранительных учреждений. В 80-90-е годы XIX в. в архитектуре уральских городов полностью утвердились принципы эклектики. Это видно на примере здания городской управы в Уфе, построенного в 1897-1901 гг. по плану архитектора П.Г. Ла-невского, здания первой женской гимназии в Екатеринбурге, возведенного в 1886 г. по проекту архитектора Ревнера. В уральских городах распространялись постройки в так называемом русском стиле: здания железнодорожных вокзалов в Перми и Екатеринбурге (инженеры В.Г. Быховец и П.И. Губонин, 1878-1885 гг.), дом Железнова в Екатеринбурге (архитектор А.Б. Турчевич, 1895 г.) и др.

Не только иностранцы, но и русские путешественники выделяли Екатеринбург из числа уральских и даже всех российских городов. Л.Ф. Пантелеев, издатель, писатель, публицист, вспоминая свой визит в Екатеринбург в 1874 г., отмечал: "... Екатеринбург...по сравнению с другими сибирскими городами, выгодно выделялся своей каменной постройкой". Другой путешественник, писатель, журналист В.И. Немирович-Данченко, который год спустя навещал Екатеринбург, писал: "Вот и город. Потянулись пустынные улицы, замелькали по сторонам большие белые дома, церкви. Тускло блеснула направо река Исеть, отражая в своих темных водах огоньки вытянувшихся по ее берегам купеческих хором". Город нравился многим его гостям, независимо от их национальности и представлений о культуре. Понравился он, в частности, Г. фон Ланкенау и Л. фон Есницу, авторам книги о России, выпущенной в свет в Берлине в 1881 г.: "Город производит очень солидное впечатление. Над низкими домами возвышаются восемь церквей с многочисленными главами. Частные дома построены очень элегантно, так что они могли бы украсить и крупные европейские города. Улицы, правда, не вымощены, но находятся в хорошем состоянии и удобны для прохожих благодаря деревянным тротуарам, которые тянутся на некотором возвышении вдоль улиц. Общественный сад посредине, в центре города, является излюбленным местом прогулок, но и частновладельцы разрешают публике посещать принадлежащие им парки и оранжереи, на содержание которых расходуются значительные суммы". Американский писатель Дж. Кеннан, на всю жизнь сохранивший интерес к России, называл Екатеринбург "самым цивилизованным и деятельным промышленным центром ... на восточном склоне Уральских гор в азиатской части Пермской губернии". Очень понравился, в частности, американскому гостю екатеринбургский вокзал, о котором он писал: "Прочно и красиво в архитектурном смысле выстроенный вокзал, окруженный зеленью и яркими цветочными клумбами. Изящные собственные экипажи и пролетки с одетыми в ливреи кучерами, хорошо одетые, богатые на вид пассажиры, выходящие из поездов и садящиеся в ожидающие их экипажи, белые электрические шары, освещающие широкие улицы - все говорит о предприимчивости, успехе и процветании". Да и сами уральцы восхищались екатеринбургским вокзалом. Д.Н. Мамин-Сибиряк писал о нем: "Самое здание его

устроено в русском вкусе и поражает своим великолепием, так что трудно даже сравнить московские, петербургские и нижегородские вокзалы с этим произведением г. Губонина: низкие своды, вычурные колонны, высокие коньки, массивная дубовая мебель - словом, все на широкую ногу"⁶¹.

Железнодорожное строительство значительно стимулировало экономическое, демографическое и социокультурное развитие уральских городов. Подтверждением этому является, в частности, пример Челябинска. Новый этап в его истории был связан с превращением города в своеобразные "ворота" Транссибирской железнодорожной магистрали. В известном труде "Россия: полное географическое описание нашего Отечества", изданном в 1914 г., Челябинску дается весьма достойная характеристика: "Находясь в узле трех железнодорожных линий - Самаро-Златоустовской, Пермской и Сибирской, Челябинск представляет самый бойкий и населенный из уездных городов Оренбургской губ. До проведения железных путей это был жалкий русско-башкирский городишко самого заурядного, захолустного типа. Став затем на линии двух дорог, соединивших Европу с Азией, и узловой станцией на богатый Урал, Челябинск стал быстро расти и расширяться, украсился новыми домами, общественными учреждениями и, сделавшись крупным торговым центром, привлек множество пришлого торгового купечества"⁶².

Это описание вполне согласуется с впечатлениями В.Н. Гар-тевельда, композитора и дирижера, побывавшего в Челябинске в 1909 г. «Но какая разница между Златоустом и Челябинском! - писал он. - Если я назвал Златоуст - "город без улыбки", то Челябинск можно смело назвать - "город, который смеется". Это, конечно, не добродушный смех Вены, не задорный смех Парижа, это, пожалуй, даже не смех, а скорее какая-то гримаса, но гримаса веселая. Это гримаса хулигана, обделавшего хорошее "дело" и у которого появились деньги». В своих заметках путешественник запечатлел местную железнодорожную станцию: "... Огромное движение, так как она представляет собой узловой пункт (ветвь на Екатеринбург, Тюмень и т.д.), а между тем она очень мала и люди буквально сидят друг на друге. Публика тут удивительно разношерстная. Евреи (комиссионеры по хлебным делам), русские, переселенцы, ссыльные, кавказцы, киргизы - все дают друг друга, курят, выпивают и почти все время смеются"⁶³.

На челябинском вокзале в среднем пересаживалось до 15 тыс. пассажиров в день, не считая переселенцев. Громадное число пассажиров, по сведениям А.М. Нечаевой, ехало в четвертом классе, тариф которого равнялся C_2 тарифа 3-го класса. Для этой категории пассажиров было предусмотрено отдельное деревянное здание вокзала 4-го класса. Здесь можно было наблюдать представителей разных народов, от великороссов до бурят. А.М. Нечаева рисует картины повседневной вокзальной жизни: "Вся разношерстная масса людей в ожидании пересадок располагается прямо на каменном полу платформы, раскинув под открытым небом свои тюки, и нередко проводит тут же и ночь. В толпе слышен говор всевозможных наречий. Мелькают разнообразные бусы на грязных шеях

женщин; обнажены их белые или изморенные груди, кормящие открыто младенцев; всевозможные головные уборы; подобранные выше колен сарафаны рязанских баб; разбросанные группы лиц, сонных или острящих друг над другом... Это наши переселенцы, ищущие лучших мест за Уралом"⁶⁴.

В.Н. Гартевельд описал привокзальную территорию: "От станции до города около 3-х верст, но дорога сносная, и вы все время едете между домов железнодорожного городка. Сейчас же около вокзала начинается базар, где можно найти что угодно: съестные припасы, обувь, одежду, оружие, галантерейные товары и т.д., и т.д. Базар этот живет почти исключительно переселенцами. Эти несчастные найдут здесь за дорогую цену весь тот хлам, который бракует Россия. Есть от вокзала несколько очень подозрительных номеров для приезжающих, где, говорят, можно найти не только временный, но и вечный покой"⁶⁵.

Привлекала путешественников второй половины XIX столетия архитектура губернского центра Среднего Урала - Перми. На наблюдателей производили отрадное впечатление "целые кварталы прекрасных домов"⁶⁶. Наиболее значительным из построек культурного назначения в 70-х годах XIX в. был театр в Перми (архитекторы Р.О. Карвовский, В.В. Потапенко, 1874-1879 гг.). Примером ретроспективного обращения к классическим формам стал дом Мешкова (архитектор А.Б. Турчевич, 1886 г.)⁶⁷. Если на поэта П.А. Вяземского, побывавшего на Урале в начале XIX в., Пермь и другие города Прикамья произвели жалкое впечатление, то другой очевидец, спустя три четверти столетия, писал: "Города Чистополь, Елабуга, Сарапул и Пермь стоят в иных уже условиях. Везде... заметна забота об удобствах и приспособлениях к лучшей обстановке жизни. Если бы Вяземский был жив и проехал теперь на одном из блестящих пароходов, принадлежащих прикамским же жителям, он, наверное, не узнал бы прежнего... прикамского края и, вероятно, вместо сожаления об убожестве этого края, воспел бы ему хвалебную песнь..."⁶⁸

Территории уральских городов со временем расширялись, занимая значительные пространства. В первой половине XIX в. Оренбургу принадлежало 16 тыс. десятин земли, из них 1800 десятин составляли пахотные земли, а остальные использовались под сенокосы и пастбища. Городские власти сдавали землю в аренду по недорогим ценам (рубль за десятину)⁶⁹. В пореформенный период происходило заметное расширение границ Уфы в результате экономического роста города, притока крестьянства, а также в связи с развернувшимся железнодорожным строительством. Перми к концу XIX в. принадлежало 4381 десятина 130 кв. саженей земли, находившейся под садами, промышленными предприятиями, улицами и площадями, р. Камой, различными строениями, выгоном и лесами. Ирбит располагал в это время 2975 дес. 967 саж. земли. Из этого числа 121 дес. 1672 саж. были под городскими строениями, усадьбами и учреждениями, а 2853 дес. 1695 саж. - под выгоном; "из числа выгонной земли находилось в оброчном содержании жителей 1504 дес. 50 кв. саж. (доход с них в 1893 г. составил 2373 руб.). Камышлов в конце XIX в. имел 2940 дес. городской земли, Оса - 2839 дес, Верхотурье - 3496 дес. Шадринску в начале

XX в. принадлежало 4848 дес. земли. Город Верхотурье сохранял земельную функцию. По данным на 1898 г., городская земля соответственно распределялась на несколько категорий: пахотная земля составляла $465 \frac{7}{8}$ десятин, сенокосная - 1014, выгонная - 1951. Довольно большие площади городской земли отводились под озимые хлеба - 93 У₈ Дес, но преобладали площади под яровые посевы - $245 \frac{6}{8}$ дес. Земельные владения Кунгура в это время составляли 902 дес. 2173 саж. усадебной (застроенной и незастроенной, частично под реками) и 3645 дес. 426 саж. выгонной (папши, покосы, леса, церковь, дороги, болота, реки: Сылва, Ирень, Шаква, Малая Шаква, Сухая, озера и т.д.) земли⁷⁰.

Земля арендовалась жителями городов под строительство фабрик, домов, складов и других строений, разбивку садов и огородов. При отводе мест городские власти проявляли заботу о том, чтобы они не оставались заброшенными и чтобы строения на них возводились в срок, с соблюдением определенных требований. Екатеринбургская городская дума, например, в 1892 г. приняла решение об отводе горожанам земельных участков под усадьбы по цене от 10 до 20 коп. за кв. сажень. Решено было одному лицу предоставлять только по одному участку. Впоследствии дума время от времени пересматривала цены на городскую землю. Например, в 1895 г. она постановила взимать за «место, просимое к отводу торговым домом "Бр. Злоказовы" - для постройки домов рабочим - одного квартала - в Бороздинской улице», а также за участок, на который претендовал купец А.М. Чеканов, в 3102 кв. саж. ("в той же Бороздинской и Набережной улицах") плату по 1 руб. 50 коп. за сажень. Другие же "усадебные места в незаселенных кварталах" управа должна была "отчуждать участками" ("по улице не более двадцати сажень, а в глубину до половины квартала") по 30 коп. за кв. сажень. Участки, которые превышали установленные размеры, согласно решению думы могли отводиться только по ее специальному постановлению. При этом думой предусматривалось, чтобы "при отводе мест под усадьбы в незаселенных кварталах ставить покупателям условие: приобретенный участок в продолжение первых трех лет застроить и незастроенный не отчуждать в течение того же срока, в чем они и должны были выдавать подписки". Дума также постановила "потребовать от владельцев прибрежных усадебных мест, занимающих ведущие к р. Исети улицы, немедленного освобождения последних от преград", а места, которые должны были отойти под набережную улицу, арендованные у города или занятые самовольно, с 1 января 1896 г. "обложить арендой в размере 8 коп. за кв. саж. в год".

В 1898 г. при сдаче участков в аренду по левому берегу Исети взималась плата от 2 до 10 коп. в год за кв. саж. Арендаторам ставилось условие пользоваться участками "исключительно для дачного жилья, растущего леса не срубать и не повреждать, а расчистку места для построек производить с разрешения городской управы"⁷¹.

В планировке и застройке уральских городов отчетливо выделялись центр и окраины. Так, в начале XX в. Челябинск делился на три части, каждая из которых имела свои особенности: центральная - с Уфимской, Большой, Сибирской, Азиатской, Ивановской и примыкающими к ним улицами; заречная и заручейная. В преимущественно торговой центральной части располагались все главные магазины, банки, конторы, биржа, клуб, почта, телеграф, театр, средние учебные заведения, административные учреждения и пр. Здесь размещались лучшие здания, были устроены мостовые, тротуары, водостоки, проведена телефонная сеть, даже по ночам действовало электрическое освещение. Иначе выглядела повседневная жизнь заречной части города, где почти отсутствовало уличное оживление. В этой части

Челябинска были постройки в большинстве своем деревянные, "порою самого жалкого вида". Во всей заречной части число каменных домов не превышало двух десятков, причем в основном они являлись одноэтажными. В этой городской части была замощена лишь одна Екатеринбургская улица, на большинстве улиц не было ночного освещения. Расположенные здесь Дешева и Семеновская слободы выглядели особенно неблагоустроенными: маленькие домишки, "в одно-два окна, расположены они или на болоте, или на местах прежних свалок нечистот". Заречная часть, по словам В.А. Весновского, напоминала не бойкий промышленно-торговый город, а большую деревню: "По улицам свободно бродит всякий скот: коровы, свиньи с поросятами, козы и пр. Тут же разгуливают стада гусей, уток, кур. В праздничные и воскресные дни отовсюду несутся звуки гармоники, на улицах же происходит пьянство, тут же на виду у всех разыгрываются семейные скандалы и проч. О санитарном надзоре нечего и говорить: отбросы спокойно выкидываются на улицу, повет заменяет отхожее место, и в лучших случаях для него делается аршинная яма, которая никогда не чистится". И все-таки и в этой части были культурные учреждения: 2 церкви, 2 училища, ремесленная и церковно-приходские школы, городская публичная библиотека, городская аптека. Здесь же находились пожарная часть, канцелярия полицейского надзирателя. Еще меньшим благоустройством отличалась заручейная часть города, где было всего два каменных дома, "более или менее приличных деревянных насчитывалось не более десятка, а остальные - одно- и двухоконные хибарки". В этой городской части не было "ни церкви, ни школы, ни библиотеки", не было освещения, мостовых, полицейских постов. Здесь находилась пожарная каланча и тюремное здание.

В начале XX в. увеличился жилой фонд города. По данным Челябинской городской управы, в 1909 г. в нем насчитывалось 4163 дома, в том числе 625 нежилых построек, каменных зданий было 409, из которых нежилых 71, а полуквадратных домов 150. Вплоть до начала XX в. город оставался "по преимуществу деревянным". Однако в конце XIX - начале XX в. здесь стали появляться большие каменные здания: реального училища, народного дома, чаеразвесочной Кузнецова, Русского торгово-промышленного банка, домов

Семенова, Зайкова, Чикина, Колбина, братьев Якушевых, Ахметова, Новиковых, Сапег-Ольшевско-го, Пентегова, Круглова, Кузнецова и др.⁷²

В начале XX в. Оренбург развивался в северном и северо-западном направлениях. Как писал современник, он "раскинулся очень просторно: здесь нет особенной тесноты, улицы его широкие. В центре поместились разные присутственные места, на окраинах же он сливается с пригородами, за которыми начинается степь". Каменные храмы (2 собора и 35 церквей) играли главенствующую роль в формировании силуэта города. Быстрыми темпами шла реконструкция южной части города (Старый город), где строились двух- и трехэтажные дома в стиле модерн. Несмотря на энергичное возведение каменных зданий, они не стали преобладать в застройке Оренбурга. Однако их удельный вес в общем количестве зданий был значительным. В 1847 г. их насчитывалось 1646, в 1877 г. - 2670, а в 1894 г. - 4960. Если в первой половине XIX в. каменные здания составляли менее 10%, то в 1894 г. их доля достигала уже 36%. По данным на 1913 г., в городе насчитывалось 11 235 жилых домов: каменных - 3550 (31,5%), деревянных - 6736 и смешанных - 949⁷³.

По материалам отделения недвижимых имуществ и адресного стола В.Н. Трапезников установил число домовладений и жителей в Перми на 1912 г. В городе вместе с пригородами (Дани-лихой, Горками и Гарюпками) оказалось 883 каменных, 835 полукаменных и 9170 деревянных домов. Можно видеть, что в Перми каменные дома составляли только 8,4%, значительно меньше, чем в Оренбурге. Следует отметить, что Оренбург в начале XX в. вошел в число 28 наиболее крупных городов Российской империи. В 1914 г. его население достигло 100,1 тыс. человек. По данным на 1912 г., в Перми с пригородами проживали 108 тыс. жителей, в том числе в самом городе - 75 тыс.⁷⁴

К 1900-1910 гг. наметились определенные изменения в архитектуре уральских городов. К этому времени возросло число дипломированных архитекторов и инженеров-строителей. Преодоление и трансформация классицизма оказались длительным процессом, следы его влияния отразились не только в постройках эклектического типа, но и модерна. Уральская провинция отставала от столиц: в 1890-е годы происходило становление модерна в столичном зодчестве, тогда как на Урале господствовала эклектика. Специалист по архитектуре модерна на Урале В.Е. Звагельская отметила, что лишь к 1910-м годам влияние модерна охватило широкий круг объектов в регионе - не только уникальные жилые и общественные здания, но и массовую застройку. "Как яркий символ новизны на Урале", подчеркнула она, получили распространение декоративно-орнаментальные композиции модерна⁷⁵.

Среди построек в стиле модерна на Урале по своим композиционным особенностям выделяются дома Смагина в Сарапуле (1912) и Высоцкого в Челябинске (1911), а по преимущественному использованию декора - дом Грибушина в Перми (1900-е годы). На Урале встречаются также особняки,

которые характеризуются сочетанием элементов модерна и эклектики, к их числу относится, например, дом Костерина в Уфе (1910-е годы).

При сооружении общественных зданий модерн использовался в качестве фасадного декора. Фасадные композиции зданий второй женской гимназии в Екатеринбурге (1915) архитектора К.А. Полкова, коммерческого училища в Уфе (1910) архитектора К.А. Гуськова, Николаевского реального училища в Сарапуле (1915) отличаются линейно-геометрическим орнаментом. Здание Кирилло-Мефодиевского училища в Перми, построенного в 1911 г. по проекту В.Г. Кендржинского, оказалось единственной на Урале постройкой, воплотившей в своей композиции принципы национально-романтической ветви русского модерна.

Меняется архитектура торговых сооружений, появляются новые для Урала типы: пассажи и крупные торговые дома. При их постройке также активно использовались декоративные элементы модерна. Характерной чертой торговых сооружений стали большие окна-витрины или почти сплошное остекление (например, торговый дом Якушевых в Челябинске, построенный в 1911 г.). Таким образом, в период с 1900 по 1910 г. модерн занял положение "самого значительного и содержательного архитектурного направления"⁷⁶.

Особый неповторимый вид придавали уральским городам церкви, монастыри и часовни. Рубеж XVII-XVIII вв. ознаменовался развитием уральского зодчества, распространением каменного церковного строительства. В ходе сооружения Верхотурского кремля в 1703-1710 гг. был возведен знаменитый Троицкий собор. Этот храм типа "восьмерик на четверике" с богатым кирпичным и керамическим убранством стал примером "московского барокко" на Урале. Другим центром каменного церковного строительства на Урале в XVIII в. был Далматов монастырь. Строительство его Успенского собора закончилось в 1717 г., а освящение храма состоялось в 1719 г. Это был первый на Урале двухэтажный храм. В нем разместились нижние Христорождественская и придельная Дмитрия Прилуцкого церкви с трапезными, верхняя Успенская церковь с колокольной и деревянной трапезной⁷⁷.

Немалое число культовых построек находилось в таких древних городах Урала, как Чердынь, Соликамск, Кунгур. Эти города славились своими старинными церквями и прочными православными традициями. Например, в Чердыни к 1792 г. имелись соборная и 4 приходские каменные церкви⁷⁸.

Украшением Ирбита также были его храмы. Во второй половине XVIII в. здесь появились две каменные двухэтажные церкви: соборная Богоявленская (1765) "с двумя приделами Тихвинской

Пресвятой Богородицы и Ильи Пророка, вокруг коей каменная ограда с деревянной решеткой", и Сретенская церковь (1788) с приделом Николая Чудотворца⁷⁹.

Активно велось церковное строительство и в губернской Перми, возникшей в конце XVIII в. на месте Егояштинского завода. Первая церковь на территории будущей Перми - деревянная Петропавловская - просуществовала с 1724 по 1726

г. В 1757 г. на ее месте началось строительство каменной церкви. К началу XIX столетия в Перми действовали уже 4 церкви⁸⁰.

В Екатеринбурге по распоряжению заводского начальства 1 октября 1723 г. на левом берегу Исети, недалеко от плотины, священник Тобольского полка И. Ефремов освятил закладку церкви во имя св. Екатерины. Освящение самой Екатерининской церкви произошло 27 февраля 1726 г. Однако в 1747 г. храм сгорел. В середине XVIII в. в городе (в 1756 г. в 925 его дворах проживали православные прихожане: 2639 душ мужского пола и 2435 - женского) функционировала только одна небольшая деревянная Богоявленская церковь, которая в праздничные и торжественные дни могла вместить меньше половины желающих, и даже в обычные дни во время службы многие были вынуждены стоять у церкви. В 1755 г. "вниз по Исети реке за городом" заложили каменную церковь во имя Сочествия св. Духа. Она должна была строиться на "оставшийся после смерти купца Филиппа Сокольникова пожиток". Сначала построили северный придел во имя Святителя Христова Иоанна Златоуста. Главный Свято-Духовский храм освятили 19 мая 1768 г. Кроме того, в 1768 г. на средства купца Ивана Хлепетена в каменной колокольне был устроен придел во имя святителя Николая Чудотворца, который освятили в 1769 г. Южный придел в честь Покрова Пресвятой Богородицы, заложенный 1 октября 1786 г., строился на средства купца Иосифа Устьянцева. Его торжественное освящение состоялось в конце декабря 1792 г. Гораздо раньше - 22 сентября 1768 г. начал действовать новый Екатерининский храм, к сооружению которого приступили в 1757 г. (храм строился на казенные и мирские средства). По планировке и внешнему облику этот храм больше тяготел к "сибирскому барокко". По статусу и составу горожан Екатерининский собор оставался горным, т.е. принадлежал горнозаводскому ведомству. Приход нового Екатерининского храма насчитывал 542 двора (1504 души мужского пола и 1822-женского)⁸¹.

В конце XVIII - первой половине XIX в. в Екатеринбурге велось интенсивное храмовое строительство. В 1795 г. артелью устюжских каменщиков под руководством Д. Квасова на Главной торговой площади города было завершено строительство каменного Богоявленского собора (с 1833 г. - Кафедральный собор во имя Явления Господня) в стиле русского барокко конца XVIII в. Этот величественный православный храм стал самым высоким зданием в городе - его колокольня с крестом достигала 66 м. В 1818 г. завершилось сооружение Вознесенской церкви с характерными чертами русского барокко. В 1806-1831 г. на средства екатеринбургского купца Я.Ф. Толстикова на улице Спасской строилась церковь Христа Спасителя. Это была первая в городе единовременная церковь. На средства местного купца и золотопромышленника Я.М. Рязанова на углу Сибирского проспекта и Златоустовской улицы к 1852 г. завершилось строительство еще одной единовременной церкви. Грандиозным сооружением этого времени стал выполненный в основном в стиле русского классицизма ансамбль Ново-Тихвинского женского монастыря, композиционной основой

которого стал собор св. князя Александра Невского, возведенный в честь победы в Отечественной войне 1812 г. (освящен в 1852 г.)⁸²

В целом же в каменном церковном строительстве на Урале к середине XIX в. по-прежнему преобладали барочные черты. Имея сходные объемно-планировочные композиции, местные церкви различались главным образом по характеру завершения – большой восьмерик, малый восьмерик, пятиглавие. К числу церквей с большим восьмериком относятся, например, Покровская в Верхотурье (1744-1753) и Старо-Златоустовская в Екатеринбурге (1755-1768)⁸³. Пятиглавие стало характерной особенностью уральской культовой архитектуры. Центральный малый восьмерик дополнялся либо четырьмя главами на постаментах, располагающимися по углам (Воскресенский собор в Чердыни и Никольская церковь в Далматове), либо по сторонам света⁸⁴. Выделялся среди этих строений Воскресенский собор в Чердыни. Этот храм был построен в 1750 г. на месте обветшавшей деревянной Воскресенской церкви, на одном из холмов в центральной части Чердыни. Освятили его в 1754 г. К двухсветному храму пристроили два придела: южный – в честь Стефана Пермского (1751) и северный – Никольский (1785). Основное здание и оба придела с западной стороны объединяла обширная трапезная. Позднее пристроили колокольню. Четыре главы с глухими восьмериковыми барабанами были поставлены по углам на четырехугольные башенки-постаменты, а пятая возвышалась на двух крупных восьмигранных барабанах. Внушительный вид кубическому храму придавали завершения стен в виде крупных полукружий с восьмиугольными окнами и зубчатые карнизы. Стены и своды храма расписывал лучший чердынский живописец XVIII в. Леонтий Протопопов. Среди композиций особенно выделялась роспись на северной стене, посвященная крещению жителей Перми Великой епископом Ионой в XV в. Интерьер храма украшал многоярусный иконостас, привезенный сюда в XVIII в. из закрытого Пыскорского монастыря⁸⁵.

Специалисты указывают на существование на Урале самобытной региональной школы барочного зодчества⁸⁶. Местная архитектура, следуя древнерусским традициям, как уже отмечалось, отставала в стилевом отношении от центра России. Так, Екатеринбургский кафедральный собор (1771-1795) воспроизводил архитектурные мотивы петровского времени, тогда как в Санкт-Петербурге и Москве утвердился классицизм.

В стиле классицизма были построены в Перми Всехсвятская (1832-1837) и единоверческая Троицкая (1834) церкви, а также пятиглавый Троицкий собор с пятиярусной колокольней в Златоусте, возведенный в 40-х годах XIX в.⁸⁷ В более старых городах Урала получил распространение так называемый провинциальный классицизм. Примером может служить церковь во имя Всех Святых, сооруженная в 1815-1817 гг. в северной части Чердыни, в районе кладбища. Она была выстроена на средства и стараниями чердынского купца Степана Углицких. Небольшой объем куба церкви был покрыт широким куполом и увенчан одной главой на круглом барабане; главой аналогичной формы строители выделили и апсиду. Своеобразие церкви придавала колокольня. Над ее четвериком был

выложен восьмигранный ярус звона, завершенный куполом и высоким шпилем на тонкой шейке⁸⁸.

Число церквей в уральских городах заметно росло. Преимущественно это были православные церкви и монастыри, но строились культовые сооружения и других конфессий. В отчете о состоянии Вятской губернии за 1858 г. отмечалось: "Лучшим проявлением народной преданности к религии в населении христианском служит значительное число церквей, отличающихся как изящностью постройки, так и благолепием внутренней отделки; сооружаются же они между тем без всякого пособия со стороны правительства, одними посильными пожертвованиями прихожан"⁸⁹. В 1897 г. в самой Вятке действовали два монастыря (мужской и женский), 23 православные каменные церкви, 2 часовни (каменная и деревянная); в Глазове - 4 православные каменные церкви и 2 часовни (каменная и деревянная); в Елабуге - женский монастырь, 11 православных церквей (10 каменных и деревянная), 2 каменные часовни; в Котельниче - 6 православных церквей (5 каменных и деревянная), каменная часовня; в Малмыже - 3 православные каменные церкви; в Нолинске - 3 православные каменные церкви и 4 каменные часовни; в Орлове - мужской монастырь, 6 православных церквей (5 каменных и деревянная), 2 часовни (каменная и деревянная); в Сарапуле - женский монастырь, 9 православных каменных церквей, 2 единоверческие церкви (каменная и деревянная), каменная часовня; в Слободском - мужской и женский монастыри, 9 православных каменных церквей, 5 часовен (4 каменные и деревянная); в Уржуме - 5 православных каменных церквей и 2 каменных часовни; в Яранске - 6 православных каменных церквей и 4 каменных часовни; в Царевосанчурске (Яранского уезда) - 4 православные каменные церкви и 3 каменные часовни. Всего в городах Вятской губернии насчитывалось 3 мужских и 2 женских монастыря, 89 православных церквей (86 каменных и 3 деревянных), 2 единоверческие церкви (каменная и деревянная) и 28 часовен (24 каменные и 4 деревянные)⁹⁰.

В. Кудрявцев в своем очерке "Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края" о городских церквях Елабуги писал: "По богатству утвари, ценности материалов и иконописи некоторые из елабужских церквей признаются лучшими по всему Прикамскому краю, хотя собственно в архитектурном отношении заставляют желать весьма многого. В Никольской, например, церкви царские врата и на престольная одежда сделаны из чистого серебра. На иконостасе Покровской церкви прекрасная итальянская живопись, исполненная лучшими художниками-академиками". Он отмечал, что лучшей из елабужских церквей считался Спасский собор. В очерке приводится его описание: "Высокая пятиглавая церковь эта не выдаетя снаружи ничем в архитектурном отношении; зато внутренняя сторона храма поражает гармонией частей и правильностью рисунка орнаментов. Колонны, антаблемент и пилястры сделаны в стиле коринфского и ионического орденов, иконостас в стиле рококо, алтарь овальной формы. Все вместе - богатство ризницы и утвари, чеканная серебряная одежда престола,

стройное сочетание линий в лепных и узорных работах придают изящество монументальному храму уездного городка"⁹¹.

В Перми к 1875 г. функционировали 11 православных церквей (в том числе 4 домовые), монастырь, единоверческая и лютеранская церкви, в Екатеринбурге - 10 православных церквей (в том числе 3 домовые и одна строящаяся) и лютеранская, а также 2 раскольнические часовни, в Ирбите - 4 православные церкви и мечеть, в Камышловое - православный храм, в Красноуфимске - православная церковь и две часовни, в Кунгуре - 9 православных храмов, в Осе - две православные церкви, в Оханске - одна православная церковь, в Соликамске - 7 православных церквей, монастырь, 9 часовен, в Чердыни - 7 православных церквей, в Шадринске - 3 православные церкви и одна единоверческая, в Алапаевске - две православные церкви, в Дедохино - православная церковь и две часовни, а в Далматово - 2 православные церкви и монастырь"⁹².

Религиозным центром являлся Челябинск. В городе действовал женский общежительный монастырь, в котором в начале XX в. насчитывалось 317 монахинь и послушниц. Кроме того, в Челябинске было 10 православных церквей, римско-католический костел, мечеть, еврейский молитвенный дом, 3 молитвенных дома старообрядцев (австрийского и поморского согласий)⁹³.

Картины повседневной жизни женского монастыря запечатлела А.М. Нечаева: "Самый монастырь - по размерам небольшой, но монахини его отличаются чисто мужской энергией и трудолюбием. С громадным успехом они ведут полевые работы по монастырским заимкам. Крайне оригинальна бывает картина работ монахинь в поле. Молодые и здоровые, они ловко управляют с крутящимися и стучащими машинами, то подсыпая в веялку зерно, то отгребая солому от молотилок и т.д. Монастырские поля считаются здесь лучшими по обработке, а огородные овощи и ягоды славятся далеко за городом. Монахини исполняют в монастыре и малярные, и плотничьи работы, и работы ломовых извозчиков, перевозки из заимок в монастырь хлеба и иные тяжести"⁹⁴.

Облик того или иного уральского города непосредственно зависел от особенностей состава его населения и занятий жителей. Собственно городскими сословиями считались купцы, мещане и ремесленники. С появлением и развитием городов на Урале шел процесс формирования и укрепления этих сословий. В Шадринске только с получением статуса уездного города появилась значительная группа граждан - купцов, мещан, цеховых, хотя и в конце XVIII в. в нем преобладали крестьяне. К началу следующего века число домов в Шадринске достигло 388, а население - 2027 человек, купцов с членами их семей было 60, мещан - 249, казенных крестьян - 436. В числе мещан значилось 7 цеховых. Кроме крестьян и граждан население города состояло из посадских (не записанных в пехи ремесленников), служащих и отставных чиновников, военных и гражданских "нижних чинов", духовенства, дворовых людей"⁹⁵.

К 1842 г. в городе проживали уже 339 душ, принадлежащих к купеческому сословию. Три купца имели звание "почетный гражданин". Это звание распространялось и на их жен с детьми, так что всего в Шадринске насчитывалось

9 почетных граждан. Мещан в это время было 1891 (937 мужского и 954 женского пола). Они проживали в 353 деревянных домах. 14 домов в городе принадлежали духовенству, 67 - отставным солдатам, 41 - дворянам и чиновникам, а также их вдовам, 17 - разночинцам. В 1861 г. в Шадринске уже проживали 5808 жителей (2485 мужского пола и

3053 женского), в том числе: потомственных дворян - 67 (25 мужского пола и 42 женского), личных дворян - 106 (52 мужского пола и 54 женского), духовенства - 98 (54 мужского пола и 44 женского), потомственных почетных граждан - 20 (11 мужского пола и 9 женского), купечества - 824 (439 мужского пола и 9 женского), мещан - 3409 (1541 мужского пола и 1868 женского), заводских мастеровых - 72 (32 мужского пола и 40 женского), бывших дворовых - 30 (16 мужского пола и 14 женского), военнотружущих - 135, бессрочноотпускных и отставных - 223, солдатских жен, вдов и дочерей - 356 и остальных - 113 (79 мужского пола и 34 женского, включая одного иностранного подданного). Шадринск превращался в торгово-промышленный центр, о чем свидетельствовали изменения в структуре его населения. Н.А. Миненко и С.В. Федоров отмечают, что в начале 1860-х годов никто из шадринцев хлебопашеством уже не занимался (если не считать того, что некоторые мещане нанимались на период страды к уездным крестьянам). Главным источником жизни города являлась торговля. "Город красиво отстроен, кипит торговою деятельностью, довольно зажиточен, оживлен и не без значительной доли цивилизации", - делился впечатлениями В.О. Португалов. Шадринск стал главным хлебным рынком обширного края. В 1871 г. в городе насчитывалось 606 торговых и промышленных заведений. В 1877 г. здесь было два каменных гостиных двора, в них общественных лавок - 61 каменная (под железной крышей) и 141 деревянная (84 - под железной крышей и 57 - под тесовой). Частных лавок было 99 (62 каменные под железной крышей и 37 деревянных под тесовой)⁹⁶.

Купечество задавало тон и экономической жизни Ирбита. В первой половине XIX в. в городе происходили большие изменения, связанные с развитием торговой инфраструктуры. Как и во многих других российских городах, в Ирбите был построен новый каменный гостинный двор, который со временем расширился. Новые торговые заведения по своему композиционному решению становились более открытыми для оптовой и розничной торговли, к тому же с 1863 г. горожане получили право открывать лавки в своих частных домах, что приближало продавца к покупателю⁹⁷. Количество лавок в Ирбите росло быстрыми темпами, по данным официальной статистики, увеличившись с 200 к 1825 г. до 597 в 1856 г. Если в 1825 г. одна лавка приходилась на 15,8 городских жителей (на 2,4 дома), то к 1856 г. - уже на 5,4 (на 1,3 обывательских дома). Население Ирбита за это время увеличилось незначительно - с 3174 до 3230 человек, число обывательских домов возросло в 1,6 раза, а вот торговых

лавок более заметно - почти в три раза. В 1841-1856 гг. расширилась площадь гостиного двора, в 1858 г. началось строительство каменного пассажа с проектом размещения в нем до 40 магазинов⁹⁸. В 1864 г. огромное по тем временам трехэтажное здание пассажа было построено. Первоначально предполагалось, что оно будет использоваться для театральных постановок, но реально оно было передано купечеству. В нем разместились фешенебельные магазины, ресторан, по вечерам на мостках второго этажа играл духовой оркестр. В нем торговали, наслаждались музыкой, выступлениями артистов, демонстрацией мод, проводились благотворительные акции⁹⁹.

По сведениям Х. Мозеля, к 1860 г. каменных общественных лавок в Ирбите было 594, частных 9, из них 5 каменных и 4 деревянных¹⁰⁰. Несмотря на некоторый разнобой в статистических данных о численности торговых заведений, обоснованным представляется принципиальное заключение М.Ф. Ершова: "Создание материального базиса, обеспечивающего деятельность ярмарки, в целом шло успешно. Как корпоративная общность город содействовал развитию торговой инфраструктуры, что было выгодно всем его жителям"¹⁰¹. Об этом свидетельствует также появление в Ирбите новых кредитно-финансовых учреждений: в 1840 г. построено здание первой торговой биржи, в 1846 г. открылась контора Государственного банка, а в 1849 г. - первый коммерческий банк¹⁰².

Жители Ирбита получали "немалые доходы" от постоев, лавок, амбаров, кабаков и харчевен. Плата за одну комнату в период ярмарки поднималась от 50 до 100 руб., тогда как в обычное время за эти деньги можно было снять на год целый дом из 7-8 комнат. Только в 1860 г. доходы жителей Ирбита от сдачи домов во время ярмарки достигли 50 тыс. руб.¹⁰³

Ярмарка резко меняла повседневную жизнь горожан. Метафоричное сравнение города с человеком, ожидающим своего часа, было дано современником: Ирбит - "это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода, это актер, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса". Период функционирования ярмарки и для местных жителей, и для приезжих торговцев и гостей был "чрезвычайным, внеобыденным временем". Привычные ритмы жизни резко менялись: "Для всех на земле четыре времени года, а для ирбитчан - еще ярмарка", период "исключительного напряжения умственных и физических сил"¹⁰⁴. Волнительным было открытие ярмарки. Е. Вердеревский делился впечатлениями о дне своего приезда на ярмарку: "1 февраля, после молебствия, подняты флаги на башне с северной стороны Гостиного двора, и на каланче

Биржевой залы, помещающейся против северных ворот Гостиного двора". Хотелось предугадать, какой окажется ярмарка: "Ход ярмарки связывался с поднятием флага: флаг запутался - ярмарка затяжная, развернулся сразу - крутая, в сторону Сибири - сулит для сибиряков всякие благополучия"¹⁰⁵.

Крупным торгово-промышленным центром в описании современников предстает Екатеринбург. П.М.-Д. Коллинз, в 1856 г. посетивший горнозаводскую

столицу Урала, отмечал: "Екатеринбург находится на расстоянии 1122 миль от Москвы, население составляет 25 000 жителей, город расположен на реке Исеть вблизи группы озер. В городе прекрасные здания, церкви, магазины, склады и базары, это крупный центр производства меди, железа, мрамора, стекла и драгоценных камней. Здесь мы увидели средоточие богатства. На базарах - обилие мяса, дичи, рыбы и овощей. Мы закупили себе в дорогу свежей рыбы, дичи, белого хлеба - все по умеренной цене. Мои друзья не забыли запастись также и некоторым количеством водки, или бренди". Сохранились записки о Екатеринбурге некоего миссионера, следовавшего в 1863 г. из Санкт-Петербурга в Пекин и проезжавшего через Урал. Они были впервые опубликованы на английском языке в двух номерах газеты "Северно-Китайского вестника", издававшейся в Шанхае. Из записок следует, что Екатеринбург гостю очень понравился. "В Екатеринбурге, - отмечал он, - есть весьма хороший гостинный двор и обширный рынок. Есть две или три гостиницы на площади; впрочем, остаться переночевать можно и в почтовом доме. К вновь приехавшему в этот город скоро являются комиссионеры от нескольких мастеров каменных вещей, предлагая купить свои ценные товары, из которых некоторые весьма красивы. Екатеринбург есть главное место продажи уральских камней..."¹⁰⁶

Еще один современник - С.А. Юркевич обратил внимание на особенности состава населения Перми в XIX в., в частности на присутствие польской диаспоры (ссыльных поляков), на "царство раскольников", которых старались обращать в единоверие, "но, кажется, с сомнительным успехом", на засилье чиновников. "О здешнем обществе говорить нечего: тут живут одни чиновники..." - писал он¹⁰⁷.

Демографический и социально-экономический облик городов Южного Урала имел свои особенности. О том, что представлял собой Челябинск накануне преобразований Екатерины II, можно видеть из "Записок путешествия академика Фалька". И.П. Фальк свидетельствовал (1771), что город успешно развивался, к этому времени заметно увеличилась численность его населения. В нем "был острог для преступников, деревянный мост через реку, 1 каменная и 1 деревянная церковь, 680 деревянных дворов и жителей, по церковным книгам 1771 года, 2394 души мужеского и 2381 душа женского пола греко-российского исповедания и 67 раскольников. По ревизии 1763 года, было между ее жителями 431 человек оренбургских казаков, 314 купцов и ремесленников, 94 инвалида, 28 казенных служителей и 13 церковнослужителей. Между ремесленниками было 2 юфтяных сырмятника. Главнейший промысел в городе состоит в земледелии и скотоводстве. Торговля самая худая, в лавках едва можно найти самонужнейшие вещи, но 2 ярмон-ки заменяют весь недостаток"¹⁰⁸.

В 1781-1917 гг. Челябинск развивался как уездный город: согласно указу от 27 февраля 1781 г. он получил статус города и вошел в состав Пермского наместничества, по указу от 23 декабря 1781 г. стал городом Уфимского наместничества. 8 июня 1782 г. Челябинск получил свой герб. В 1796 г. наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию, в составе

которой город являлся центром Челябинского уезда до 1917 г. С изменением статуса произошли перемены в структуре и составе населения Челябинска: сократилась численность казачества, шел процесс формирования купечества, мещан, ремесленников, обживались представители дворян. Со строительством храмов и учреждением Оренбургской епархии в городе складывается группа православного духовенства¹⁰⁹.

Во второй половине XIX в. в Челябинске постепенно развивалась торговля и промышленность, но резкий подъем экономической жизни произошел после проведения Сибирской железнодорожной магистрали. Путешественник, посетивший Челябинск в 1900 г., писал: "Последний этап более или менее культурной жизни - Челябинск. Этот когда-то захудалый городишко Оренбургской губернии, влачивший жалкое существование, как и большинство подобных заброшенных уголков нашего Отечества, с проведением великого Сибирского пути зажил новой жизнью. Помимо собственно старого Челябинска, около вокзала, где сходятся Сибирская, Самаро-Златоустовская и Екатеринбургская железные дороги, возник уже новый, быстро растущий город, который в недалеком будущем сольется со старым. И это за какие-нибудь пять-шесть лет! Рост города поражает как старожилов, так и случайных наблюдателей"¹¹⁰.

В начале XX в. в городе действовали многочисленные промышленные и торговые предприятия. Однако в издании "Россия: полное географическое описание нашего Отечества" отмечается, что по своему значению местная промышленность уступала торговле, прежде всего хлебом, особенно пшеницей. Это накладывало заметный отпечаток на городскую инфраструктуру: в городе имелись частные амбары для ссыпки и хранения зерна, мельницы (в пределах города и за городской чертой)¹¹¹. В.А. Весновский выделял паровые мельницы торгового дома бр. Кузнецовых, Петрова и Полякова, А.В. Кузнецова, арендуемую торговым домом "Кондаков и Дуневич", городскую, арендуемую И.П. Кузнецовым и торгового дома бр. Степановых¹¹². Поскольку Челябинск являлся центром земледельческого района, в нем было много складов земледельческих машин и орудий. Вблизи города находилось несколько винокуренных, пивоваренных, кожевенных и салотопенных заводов. Из них высокой производительностью выделялись винокурный завод Покровских (500 тыс. ведер спирта в год), скотобойни (с убоем скота, преимущественно баранов, до 80 тыс. голов в год) и кожевенные заводы (выделяющие до 50 тыс. кож ежегодно). В городе действовали три ярмарки: две Никольские - в мае и декабре, Ивановская - в сентябре. На них торговали бакалейными товарами, хлебом, скотом, птицей, шерстью, кожами, салом и вообще продуктами сельского хозяйства. Базары в городе устраивались ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней. В начале XX в. число торговых предприятий достигло 404, а промышленных 19. Развивалась кустарно-ремесленная промышленность, работали портные, сапожные, чулочные, белошвейные, мебельные, столярные, слесарные, кузнечные, бондарные, гармонные, красильные, перешлетные и другие заведения этого типа. «Курьезны своею претенциозностью в Челябинске вывески

торговцев и ремесленников, — отмечала А.М. Нечаева. - "Самый свежий кондитерский товар из Уфы"; "Готовое европейское платье парижского мастера Стерледева"... Сама вывеска красноречиво представляет бараний тулуп и кучерскую поддевку. Увидите и "Венский шик мадам Акулин", приютившийся в покосившемся флигелишке... это лишь устарелые приемы отживающих типов гоголевской провинции, а на место их идут товары, магазины и дельцы настоящей буржуазии с гордыми и просвещенными намерениями... Это не просто крупные купцы, хищнически эксплуатирующие и рабочего, и потребителя, но настоящие артисты от коммерции, мнящие себя "солью" прогресса и презирающие бездельных интеллигентов Чехова и Л. Андреева».

Для нужд торговли и промышленности в Челябинске имелись кредитные учреждения: отделения Государственного, Московского международного торгового, Русского торгово-промышленного банка, городской общественной банк и общество взаимного кредита, много торговых посреднических и агентских контор. В городе как передаточном пункте европейско-азиатской торговли действовала таможня 1-го класса¹¹³.

Об особенностях социального состава населения уездного города Челябинска писали еще современники. В отличие от губернских центров, по замечанию А.М. Нечаевой, "чиновничество в нем не являлось господствующим классом и не задавало тона, как это бывало обыкновенно в других мелких городах". По ее словам, чиновники, приезжавшие на службу в Челябинск, "смотрели на свое пребывание, как на переходную стадию. Они действительно быстро переводились в более отдаленные пункты Сибири или продвигались обратно к столице". Более постоянными слоями городского населения, по словам А.М. Нечаевой, являлись "крупное купечество, мелкие торговцы и железнодорожники разного калибра"¹¹⁴. Другой современник - В.Н. Гартевельд - писал: "Так как в Челябинске нет дворянства, а вся администрация состоит из 5-6 лиц, то выходит на деле удивительное равноправие между гражданами (имеются в виду состоятельные граждане. - *Авт.*). Полное так сказать Egalite. Fraternite et Liberte (Обед на именинах у буфетчика...служит тому подтверждением)"¹¹⁵.

Своеобразный, неповторимый облик придавал Оренбургу неоднородный этнический и социальный состав его населения. Оренбург был преимущественно городом военных, которые в середине 30-х годов XIX в. составляли 78% населения. К этой категории относились дворяне и чиновники - 17%, солдаты с семьями - 33,6, казаки - 27%. Оренбург занимал одно из первых мест на Урале по числу дворян и чиновников (около 1,5 тыс. человек). Местное же купечество долгое время было слабым и малочисленным (особенно по сравнению с иногородними). В 1830-х годах в Оренбурге насчитывалось около 400 купцов (купцов первых двух гильдий были единицы). В городе преобладали мелкие торговцы.

Здесь проживали русские (подавляющее большинство), башкиры, казахи, бухарцы, хивинцы, татары, поляки, французы, калмыки и представители других

народов. За первую половину XIX в. население Оренбурга возросло в 4 раза: в конце XVIII в. в городе насчитывалось 5241 человек, в 1811 г. - 6839, в 1813 г. - 8075, в 1839 г. - 12 231 и в 1861 г. - 24 078. В 1897 г. в нем проживали 61 486 человек, а после завершения строительства Ташкентской железной дороги (по данным 1907 г.) - 87 тыс.¹¹⁶

По словам современника, Оренбург "производил впечатление города военно-торгового, со всеми атрибутами азиатизма и весьма слабыми проблесками и зачатками европеизма, но города весьма оживленного и характерного: ежедневно движение войск и звуки труб и литавр, на каждом шагу мундиры всевозможных ведомств и халаты с чалмами туземцев, рыскающие на бешеных лошадях целый день в щегольских колясках юные адъютанты... постоянные собрания в клубах, балы, концерты... тянущиеся из степи караваны верблюдов и обозы к Гостиному двору, переполненные проезжими в Ташкент и приезжими за товарами гостиницы, снующие бесперечь извозчицы пролетки и душетряски, казаки с нагайками, - словом везде жизнь, бьющая через край, молодцеватость и беспшабашная удаля, не хотящие знать ни меры, ни границ"¹¹⁷.

Инфраструктура Оренбурга заметно менялась с развитием промышленности. В первой половине 30-х годов XIX в. в городе действовали кожевенный, мыловаренный, свечной и несколько кирпичных заводов. Вблизи Менового двора находились деревянные примитивные салотопни. Число кирпичных заводов возросло к 1843 г. до 15(13 казенных и 2 частных), салотопен тогда насчитывалось 12, свечных заводов - 4, мыловаренных и кожевенных по два, а также клейный и ватный заводы. Развивалась кустарно-ремесленная промышленность. К 1861 г. к ним добавились 2 кожевенных и 1 чугунолитейный заводы, но сократилась численность салотопен, кирпичных и изразцовых заводов¹¹⁸.

Развитию в Оренбурге промышленности с конца 70-х годов XIX в. способствовало строительство Самаро-Оренбургской железной дороги (торжественное открытие дороги состоялось 22 октября 1876 г.). В городе появились новые промышленные предприятия. В 1878 г. здесь была построена первая паровая мельница Юрова. В том же году разрешение на постройку мельниц получили Борисов, Деев, Валявин, Покровское товарищество, Степанов. В 1890-х годах появилось еще пять аналогичных предприятий. В начале XX в. в Оренбурге было 6 крупчатых мельниц и 10 просообдирок. Развивалась лесопильная и деревообрабатывающая промышленность, лес пользовался большим спросом в степном крае. Он сплавлялся из Башкирии по р. Сак-маре. Оренбург являлся центром торговли скотом, с 1894 г. здесь действовали городские скотобойни. В 1899 г. в городе насчитывалось 86 промышленных заведений¹¹⁹.

Во многом лицо Оренбурга определяла его торговая инфраструктура. Шла активная торговля с Казахстаном и Средней Азией. Так, в 1818 г. из Бухарского ханства в Оренбург и Троицк прибыли купеческие караваны в 7638 верблюдов, а в следующем году - в 8947. В первой половине XIX в. изменились постройки Ме-

нового и Гостиного дворов Оренбурга, служившие главным местом азиатской торговли в крае. Подняли каменную стену гостиного двора, разделили сам двор на три части. В Меновом дворе из лавок сделали квартиры для "азиатов". Во внутреннем азиатском дворе построили каменный пакауз вместо деревянного и навесы на каменных столбах с железной крышей. Деревянные потолки во всех лавках заменили каменными сводами.

Внутригородская торговля в Оренбурге сосредоточивалась на базарной площади. С западной стороны она примыкала к Гостиному двору и была окружена рядами каменных лавок, где продавали посуду, стекло, железо, кожи. В многочисленных деревянных лавках на рыночной площади располагались мелочные торговцы, продавцы овощей, табака, менялы, ветонщики и пр. Башкиры и казахи раскладывали свой товар - кошмы и кожи прямо на земле¹²⁰.

Торговля определяла характер экономической жизни города. Один из современников называл Оренбург "преимущественно городом торговли... Здесь можно сказать торгуют все, не исключая чиновников, писцов, учителей: кто на сотни тысяч и миллионы, кто по мелочам. Обозы на волах с кожами, шерстью и другим степным сырьем, караваны с хлопком беспрерывно тянутся по оренбургским улицам, направляясь частью к станции железной дороги, частью заворачивая в ворота купеческих домов". Ежегодно летом шел "азиатский торг" на Меновом дворе. По данным на начало 1860-х годов, в городе была обширная внутригородская торговля. В Оренбурге насчитывалось 9 магазинов, 277 лавок, 8 гостиниц, 97 постоялых дворов, 5 ренсковых погребов и харчевня. Ежедневно устраивался базар на рыночной площади, примыкавшей с запада к Гостиному двору. Зарисовки повседневной рыночной жизни оставил П.Н. Столянский: "Большинство мелочных торговцев с своими продуктами располагаются прямо на земле, подкладывая какие-то грязные тряпицы, и так торгуют хлебом и зеленью. Массы бродячих собак толпятся около мясных лавок и, если торговец зазевался, то делают покушения на висащие у дверей мясные туши... Человек, хоть слегка привыкший к культуре, побывав на оренбургском съестном базаре и посмотрев, как и кто торгует продуктами, на долгое время лишится аппетита... Положим, издаются различные постановления по санитарной части, существует фиктивный санитарный надзор, но все это больше на бумаге". В конце XIX в. был перестроен Гостиный двор, здание стало двухэтажным, в котором появились окна и витрины магазинов. На рыночной площади возникли новые каменные торговые ряды¹²¹.

В 1914 г. население Оренбурга достигло 100,1 тыс. человек, около 84% составляли мещане, крестьяне, представители нерусских народов. Они были заняты на промышленных предприятиях и в ремесленных мастерских, торговле, на транспорте и в коммунальном хозяйстве. Часть из них вели собственное хозяйство, держа скот, распахивая участки земли, имея огороды за чертой города. В 1910 г. у горожан было 16,2 тыс. лошадей и голов крупного рогатого скота. Военнослужащие и казаки составляли 11,7% населения, дворяне, духовенство и купцы - 4,3%¹²².

Если города Южного Урала в первую очередь славились своей торговлей, то на протяжении всей истории лицо Екатеринбурга определяла его промышленность, хотя роль торговли в экономике города была тоже велика. Отмечали современники значение уральских городов как культурных центров. В "Справочной книге по городу Екатеринбургу" (1887) краевед И.Г. Остроумов, сравнивая Екатеринбург 80-х годов XIX в. и предшествующего времени, констатировал: "Будучи главным пунктом уральской горнопромышленности и притом еще в период ее первого развития, город в прежнее время считал в среде своих обитателей немалое количество крупных представителей этого вида промышленности, а также в нем скопилось громадное количество возчиков, занимавшихся перевозкой товаров из Сибири в Европейскую Россию и обратно, доставкой съестных припасов на заводы, а отсюда возивших изделия к Каме и ее притокам, что само собой сильно способствовало благосостоянию города. Но мало-помалу горнозаводская промышленность, по многообразным обстоятельствам, начала падать, в силу чего представители ее или разъехались, или стали жить скромнее; с проведением же железных дорог извозный промысел почти прекратился, а, кроме того, город превратился из центрального пункта лишь в промежуточную железнодорожную станцию - все это, конечно, не могло не сказаться на нем упадком благосостояния и благоустройства. Множество домов остаются необитаемыми и разрушаются, не будучи ремонтируемы; мостовые начали приводить в удовлетворительное состояние только прошлым и нынешним летом, ранее же, находясь в пренебрежении, они скорее ухудшали состояние улиц, чем улучшали их; городской театр давно уже требует замены его новым, более обширным и удобным и т.п." «Впрочем, все эти недостатки в городском благоустройстве, - отмечал очевидец, - выделяются резко только по сравнению с прошлым исключительным процветанием Екатеринбурга; если же сравнить этот уездный город с прочими русскими уездными городами, то он весьма многие из них оставит позади себя во всех отношениях. Екатеринбург свободно можно сравнить даже со многими губернскими городами, тем более, что у него есть свое, особое от губернского, епархиальное начальство, окружной суд с тремя отделениями, дворянская опека, полицмейстер с двумя частными приставами; в нем находится управление горной частью на Урале; существует три печатных органа, один из которых - "Екатеринбургская неделя" - вступает уже в десятый год своей жизни, работает шесть типографий, две литографии и т.д. и т.п.»¹²³

Наличие в Екатеринбурге большого числа промышленных предприятий заставляло органы местного самоуправления уделять внимание вопросам экологии города. Рассматривая заявления отдельных предпринимателей о разрешении строительства в городе заводов и фабрик, дума и управа обычно формировали особые комиссии для выяснения того, насколько будет "безвредно для здоровья обывателей и безопасно в пожарном отношении устройство" того или иного предприятия. Прусскому подданному Э.Ф. Филит-цу в октябре 1883 г.,

например, было выдано разрешение управой на сооружение пивоваренного завода на приобретенном от екатеринбургского купца В.В. Кривцова "пустопорожном месте". Предварительно место обследовали член управы М.А. Желтовский и городской архитектор, которые удостоверились, что новое предприятие не окажется "вредным" для здоровья жителей города. 15 марта 1904 г. Екатеринбургская городская дума рассматривала заявление И.С. Соколова о разрешении постройки в Екатеринбурге химического завода и единогласно постановила: удовлетворить просьбу, "принимая во внимание, что производство указанных г-м Соколовым предметов на проектируемом заводе не влечет за собой порчи воздуха и воды", а также то, что участок, предназначенный под строительство завода, находится довольно далеко от домов горожан. Аналогичное решение было вынесено по ходатайству инженер-механика Большакова, задумавшего открыть фабрику для выделки холодным способом проволоки и приготовления из нее гвоздей и других изделий, поскольку по данным, собранным доверенными лицами, ее сооружение не могло повредить городской экологии и в то же время должно было способствовать "усилению промышленности Екатеринбурга"¹²⁴.

В начале XX в. не только Екатеринбург, но и Пермь представляла собой крупный населенный пункт с развитой сетью промышленных и торговых предприятий и многочисленными заведениями социально-бытового обслуживания. В 1913 г. в Перми действовали 140 фабрик, заводов и иных промышленных предприятий. К 1914 г. в Пермской губернии наибольшее число торговых заведений приходилось на Пермь (1065) и Екатеринбург (1013). В 1914 г. в Перми было четыре рыночных площади: Заводская с Ильинским рынком, Главная с гостиным двором, Торговая с Черным рынком, Ямская с Сенным рынком и толкучкой, где были лавки, лари и 794 магазина. Лучшими магазинами в Перми считались галантерейный магазин Агафурова "Пермский Мюр и Мерилиз", мануфактурный магазин Ижболдина и магазин "Проводник", специализировавшийся на продаже резиновых изделий. В октябре 1901 г. в Перми открылась биржа, на которой осуществлялись котировка товаров и маклерские сделки¹²⁵.

В конце XVIII - начале XX в. в Перми развивалось трактирное дело. После издания Сенатом указа от 4 января 1771 г. в уральских, как и в других российских городах, стали создаваться трактиры и герберги "для удовольствия всякого звания людей, кроме подлого и солдатства". Они были четырех видов или "номеров". Трактиры и герберги № 1 предоставляли посетителям ночлег и стол. В них продавались алкогольные напитки (вино-вая водка, виноградные вина, английское пиво, легкое полпиво), а также кофе, чай, шоколад, курительный табак. В трактирах и гербергах № 2 посетителям предлагался стол с таким же ассортиментом продуктов, но без ночлега. В трактирах и гербергах № 3 можно было получить ночлег без стола. В них продавались те же продукты, что и в аналогичных заведениях первых номеров, за исключением водки. Наконец,

заведениям этого рода под № 4 разрешалась только продажа напитков такого же ассортимента, как и трактирам и гербергам под № 3. В провинциальных и уездных городах России размер акциза с этих заведений, поступающего в казну, определялся губернатором дифференцированно, в зависимости от статуса (номера) трактира или герберга (но не менее трети размеров сборов, установленных с таких заведений в Санкт-Петербурге).

Владельцами первых гербергов в Перми были местные купцы 2-й гильдии: Григорий Иванов, с января 1791 г. содержавший герберг № 2 с акцизной платой в казну 50 руб., и Григорий Мальцов, с 1789 г. имевший герберг № 4 с акцизной платой в размере 27 руб. Пермская городская дума, понимая важное значение города как перевалочного пункта, расположенного по дороге из западной части России в Сибирь, на своем заседании 24 июля 1792 г. постановила учредить для проезжающих путников трактир или герберг № 2. На следующий год дума дала объявление местным купцам 3-й гильдии о начале торгов на содержание трактира № 2. Из 24 купцов 3-й гильдии, ознакомившихся с объявлением, взять на содержание трактир № 2 согласился Петр Копылов, с которым в 1793 г. и был заключен думой соответствующий контракт. Контракт, подписанный на срок с 8 октября 1793 по октябрь 1795 г. предполагал следующие обязательства со стороны купца: содержание трактира в собственном или арендуемом доме со всеми положенными согласно статусу этого заведения напитками и продуктами, а также бильярдом; содержание трактира в чистоте, для чего предписывалось иметь прислугу; уплату акцизного сбора в размер 60 руб. в год, который должен был поступать в местную городскую думу, а оттуда в уездное казначейство. В 1798 г. Пермская городская дума заключила контракт с местным купцом 3-й гильдии Д.И. Чечоровым на содержание в городе герберга № 2. В 1811г. торги на содержание трактира № 2 выиграл австрийский подданный Антон Иван Рекцигель. Впрочем, трактирное дело и в Перми, и в Екатеринбурге было непопулярным. Так, путешественник, этнограф и литератор П.И. Небольсин писал о Екатеринбурге 40-х годов XIX в.: «На площади, против Наземки, выдавался из деревянных построек каменный дом с желтой окраской - знаменитый в свое время питейный дом № 1. На восточной окраине по Главному проспекту было бойкое питейное заведение под кличкой "Разболокай". При существовавших тогда откупах, питейных заведений было немного. Кличку их удержали до сих пор некоторые улицы, например, "Разгуляй", "Отрясиха"»¹²⁶.

В начале XX в. в Перми увеличилось количество заведений трактирного промысла. По данным на 1914 г., их насчитывалось несколько десятков. В частности, таких заведений с правом продажи крепких напитков (буфетов в клубах, при железных дорогах, а также ресторанов) было 25, а заведений, где такие напитки не продавались (столовых, номеров для проезжающих, постоянных дворов) - 34. Устанавливая с этих заведений трактирные сборы, местная городская управа привычно делила их на четыре категории: заведения с правом продажи крепких напитков, заведения без права продажи крепких напитков, буфеты на пароходах, а также "пивные лавки с распивочной торговлей"¹²⁷.

В.А. Весновский обратил внимание на громадное количество потребляемых в Челябинске водки и вина. В 1908 г. из городских казенных лавок было продано вина 49 376 ведер на сумму 402 576 руб. 91 коп.; из винных лавок Никольского поселка (около вокзала) - 39 720 ведер на сумму 322 575 руб. 43 коп. Количество потребляемого в городе пива и других спиртных напитков также было значительным. В городе и слободах имелось 6 пивных складов и около 70 пивных заведений. Кроме того, здесь было 2 клуба, 4 ресторана (ресторан "Россия" П.М. Ожимкова на острове р. Миасс, "Рига" по Азиатской ул., "Эрмитаж" Новиковой на соборной площади и "На распутье" на углу Екатеринбургской и Береговой улиц) и несколько трактиров (популярностью пользовался трактир "На перепутье" на углу Екатеринбургской и Береговой улиц). А.М. Нечаева рассказывала: «Как знамение развития в Челябинске "цивилизации с изнанки, является кафешантан, расположенный на хорошеньком островке на реке Мия-се. Для характеристики этого эдема можно указать на отличившихся здесь неоднократно солидных представителей коммерческого мира, опивших до смерти шампанским юных "рабынь веселья". Справедливости ради надо сказать, что в городе были заведения и другого типа: кофейни со звучными названиями "Варшавская" (Уфимская ул., 30) или "Ville de Paris" (на Сибирской улице), чайные-столовые (например, "Казань" на Торговой площади, 6 или "Центральная" на углу Уфимской и Скобелевской улиц)»¹²⁸.

Со временем в городах увеличивалось число заведений социально-бытового обслуживания. В 1817 г. пермский губернатор Антон Кренедер рекомендовал Пермской городской думе рассмотреть вопрос о постройке в Перми торговой бани "для недостаточных жителей и временно приходящих и приезжающих сюда людей" (на основании ст. 38 Городового положения). Заняться строительством торговой бани вызвался местный купец Д.Е. Смышляев, представивший в городскую думу свои "кондиции". 2 января 1818 г. дума одобрила предложение Д.Е. Смышляева построить в городе торговую деревянную баню из одного корпуса с двумя отделениями (мужским и женским) "собственным капиталом и рабочими людьми". Смышляев поставил условием освобождение его от поземельного и акцизного сборов, а также от квартирного постоя на 9 лет. По узаконенному плану размер бани был ограничен - не более 9 сажен в длину и 5 сажен в поперечнике¹²⁹.

Вообще в рассматриваемое время торговые бани в уральских городах были еще редкостью. Приезжающие гости пользовались частными банями. Об этом писал, например, норвежский ученый Кристофер Ханстеен, побывавший в Екатеринбурге в 1828 г. Он отмечал: "В каждом русском доме есть две абсолютно необходимые вещи: баня и ледник. Баня мне так понравилась, что я задумал построить нечто подобное в обсерватории, которую намеревались в то время возвести в Христиании. Ледник тоже получил мое одобрение". "Баня, - продолжал норвежец, - этот небольшой деревянный домик, ставится обычно в углу двора или в саду. Она состоит из предбанника со скамьей, на которой раздеваются, и из

банного помещения, где стоит большая печь. На железной решетке выложено множество крупных камней. Внизу поджигают дрова и жгут их до тех пор, пока камни не раскалятся почти докрасна". Иностранец описал и процесс мытья в русской бане: "Моющийся раздевается и заходит внутрь. Слуга, тоже голый, плещет водой на покрасневшие камни, и горячий пар тут же заполняет помещение. Пар этот особенно жгуч под потолком, а он очень низок. Терраса с лестницей в четыре-пять ступеней, длиною в человеческий рост, пристроена к одной стене, и у моющегося есть выбор: растянуться наверху или внизу в зависимости от того, какого жара ему хотелось бы. Если от пара ему трудно дышать, он ставит перед собой таз с холодной водой, споласкивает лицо, и окружающий воздух переносится легче и кажется не столь удушливым для его рта. Слуга, вооружившись волосяной щеткой, хорошо намыливает и трет все тело моющегося". Затем, по словам Ханстеена, слуга "берет веник из березовых веток с листьями и, подержав его среди самого жгучего пара, хлопает им по спине и по бокам сверху донизу. Вас словно колот огненные искры. Это раздражение кожи вместе с горячим паром вызывает такое потение, что пот струится ручьями. Тут моющийся становится на пол и с головой обливается потоком почти холодной воды, которая течет из специальной емкости, освежается, испытывая при этом очень приятное ощущение. Душ повторяется много раз, а для стока воды в дощатом полу пробиты небольшие отверстия. Простолодин выбегает наружу, катается в снегу и возвращается обратно в самый пар. После обливания вы обсыхаете, укутываетесь в шубу и идете домой, но потение продолжается еще очень долго, выходить на улицу нельзя раньше, чем через два-три часа, иначе можно серьезно заболеть. По этой причине в баню обычно ходят вечером, чтобы иметь возможность сразу после нее лечь спать: таким образом избегают простуд"¹³⁰.

По данным В.А. Весновского, в 1899 г. в Екатеринбурге насчитывалось свыше 5500 домов, около 43 тыс. жителей обоего пола. Строения распределялись следующим образом: жилых -44,8%, специальных - 5,3, надворных построек - 26,2, домашних бань - 23,7%. По его мнению, сравнительно большой процент бань свидетельствовал о том, что обыватели "привыкли к относительному гигиеническому комфорту и, в то же время, об отсутствии в городе торговых бань"¹³¹.

В Перми в 1904 г. действовали 5 торговых бань. В них были мужские и женские отделения для общего пользования и отдельные номера разной степени комфорта. Так, торговая баня пермской мещанки Е.П. Капиной включала одно мужское отделение и 7 отдельных номеров. В торговой бане другой пермской мещанки - М.В. Борисовой были только два общих отделения (мужское и женское) без отдельных номеров. Баня местного мещанина А.Д. Сесюнина состояла из мужского и женского общих отделений и 5 отдельных номеров. Торговая баня купца Н.А. Колыба-лова выделялась большим количеством номеров (11), действовавших наряду с двумя общими отделениями (мужским и женским). Баня пермского купца Д.С. Лоскутова предоставляла к услугам посетителей два общих отделения (мужское и женское) и 7 отдельных номеров. В

пермских торговых банях плата за отдельный номер доходила от 30 коп. до 1 руб. в час. В общих отделениях плата была существенно меньше - от 7 до 10 коп. Торговыми банями регулярно пользовались нижние воинские чины, которые выпускались для мытья ежедневно, за исключением суббот, с установленной для них более низкой платой - по 2 коп. с человека. В банях продавали безалкогольные и легкие алкогольные напитки: фруктовую воду, лимонад, сельтерскую и квас, а также пиво и медовуху. Однако лицензию на продажу пива имели владельцы только трех бань¹³².

Гостиничный сервис был на должном уровне далеко не во всех уральских городах, хотя содержание гостиницы и по тем временам оказывалось весьма прибыльным делом. Современники, например, жаловались на отсутствие удобных и доступных гостиниц в Кунгуре и Ирбите. В частности, в заметке, опубликованной в 1881 г. в газете "Екатеринбургская неделя", "новожил" Ирбита утверждал, что в городе "номеров же для приезжих нет вовсе и все существующие здесь гостиницы и даже бани имеют чисто характер заведений увеселительных, с неизбежными музыкантами и арфистками". Приезжим торговцам (исключая богатых купцов, которые успели завести в городе собственные дома), по его словам, приходилось снимать жилье у местных жителей. При этом за свои "каморки" и "конурки" владельцы требовали "чуть ли не по 10 руб. за каждый квадратный аршин пола с плохой мебелью, при низеньких потолках, без вентиляций", но, правда, зато, по свидетельству автора заметки, съемщик получал вдобавок "самовар и квас", а главное - "ту задумчивость, какой нигде, кроме Ирбита, не встретить"¹³³. Один из гостей Ирбитской ярмарки замечал: "Не пройдет железная дорога через Ирбит - падет ярмарка; падет ярмарка - запустеют дома, которыми живут, питаются жители г. Ирбита. И в самом деле, задняя мысль непривлекательна и очень невкусна для ирбитчан. Извольте-ка после падения ярмарки придумать какое-либо занятие, извольте-ка привыкать к труду, о котором мало имеют понятия многие жители Ирбита. А теперь то ли не житье: лежи себе на боку, сибаритничай, собрав деньги за дома"¹³⁴. После пожара в 1879 г. в Ирбите появились гостиницы "Коммерческая" и "Эрмитаж"¹³⁵.

Иначе обстояло дело с гостиничным сервисом в таких городах, как Пермь и Екатеринбург, где имелись приличные отели. По общему мнению, лучшей "в отношении чистоты и обстановки" в Екатеринбурге являлась гостиница "Американская", удобными считались также меблированные комнаты Плотникова¹³⁶. К 1910 г. в Перми насчитывалось 14 гостиниц, в Екатеринбурге - 16. Появились к этому времени приличные гостиницы и в Кунгуре. Спросом пользовались, в частности, "Пермские номера", номера купца Щербакова и гостиница В.А. Костарева¹³⁷. В Челябинске был выбор, в каком месте лучше остановиться. По данным на 1909 г., в городе были меблированные комнаты и номера для приезжающих: "Дядина", "Эрмитаж", "Приуралье", "Столичные", "Биржевые", "Купеческие", "Центральные" (на Торговой и на Мясной площадях), "Варшавские", "Сибирские", Кутузова. Отдельные номера стоили от 1 до 3 руб. в

сутки. Почти во всех номерах были телефоны, предоставлялись обеды. Лучшими меблированными комнатами считались "Дядина", "Столичные" и "Эрмитаж"¹³⁸.

Необходимость в увеличении числа заведений для бедных и нищих объяснялась значительным ростом нуждающихся в помощи. Один из жителей Перми, например, писал в 1881 г.: "По причине небывалого возвышения цен на все жизненные продукты и за наем помещений число нищенствующих страшно увеличилось". По его словам, на папертях и уличных перекрестках было много малолетних нищих, которых родители не могли прокормить. Открывшийся в это время в Перми комитет "по разбору и призрению нищих" способствовал устройству в городе дешевой столовой, в которой ежедневно отпускалось от 50 до 60 бесплатных обедов, а также определенное количество обедов (оно со временем увеличивалось) по очень низкой цене. Столовая отличалась скромной обстановкой, но содержалась "чрезвычайно опрятно", и обеды были сытные, "из свежей провизии". Существовала она на пожертвования и средства городского бюджета. Такие столовые имелись и во многих других городах Урала.

Правда, количество мест в заведениях для бедных и нищих нередко не соответствовало реальным потребностям. Так, к 80-м годам XIX в. в Перми имелось всего 2-3 частных ночлежных дома, причем плата в них за ночлег бралась относительно высокая ("без подстилки соломы 3 коп., а с подстилкой 5 коп."). Автор одной из газетных публикаций рассказал о несчастной нищеземке, имевшей малолетнюю дочь, но не способной оплатить пребывание в ночлежном доме. Женщина и ее дочь вынуждены были зимой ночевать в будках для собак¹³⁹.

Долгое время благоустройство улиц в уральских городах оставляло желать лучшего. В конце 1830-х - первой половине 1840-х годов городское начальство Вятки распорядились покрыть вятские улицы речной галькой. Галька, заготавливаемая за счет городского общества, продавалась домохозяевам для устройства каждым из них участка дороги напротив собственного дома¹⁴⁰.

В 40-х годах XIX в. началось благоустройство улиц в Уфе. Сами уфимцы говорили о родном городе: "Кто в Уфе не бывал, тот и грязи не видал". Городская власть установила особый сбор с горожан - средства шли на устройство мостовых. К 1861 г. длина вымощенных улиц в Уфе составляла 14 верст. Одновременно велась работа по их озеленению¹⁴¹.

От благоустройства улиц непосредственно зависела санитарная обстановка в городах. В 1882 г. врач Оренбурга так писал о санитарном состоянии города: "Мне привелось видеть много городов, как русских, так и болгарских и турецких, но такого грязного города, как Оренбург, я не встречал... Нередкое явление, когда ретиряды и помойные ямы отсутствуют, а все нечистоты прямо выливаются на улицу перед домом или на дворе... Все это, мало того что делает улицы и дворы совершенно непроходимыми от вони, еще заключает в себе источник разнообразных зараз". Город тогда не имел канализации. Берега Урала и овраги были завалены навозом и мусором. Антисанитарной являлась обстановка на базарной площади. Даже в 1910 г. мощеных улиц в Оренбурге имелось менее

10%; их протяженность составляла 28% площади, а территория, покрытая камнем и асфальтом, - 7%¹⁴².

В "Сообщении в обществе врачей г. Вятки в заседании 14 ноября 1894 г.", опубликованном в местной газете, говорилось о высокой смертности в городе, что во многом связывалось с уличной антисанитарией. Автор сообщения отмечал, что "немощенные улицы г. Вятки сделались в высшей степени грязными", "через гниение органических веществ в грязи на улицах в сырую и теплую погоду портится не только воздух, но и вода, в сухую погоду с тех же улиц поднимается ветром пыль, производящая болезни глаз и дыхательных органов, особенно вредна пыль известковая, образующаяся от выбрасывания на улицы, для исправления якобы дороги, старой штукатурки и разного мусора, остающегося от ремонта домов". Местами, по его утверждению, полотно улиц возвысилось на 1,5-2 аршина "вследствие выбрасывания на улицу из домов, лавок и дворов разного сора, мусора, щеп и особенно земли (б.ч. глины) из канав, вырываемых для фундамента при постройке новых домов, а также и из канав под тротуарами... Через это искусственное возвышение полотна дороги многие дома теперь кажутся в ямах, окна нижних этажей, бывшие прежде выше тротуаров, ныне уже гораздо ниже, местами даже арш. на 1,5 ниже полотна дороги. Вследствие этого в нижних этажах таких домов сделалось темно и сыро, обитатели их чаще стали заболеть лихорадками, ревматизмами и разными инфекционными болезнями (тиф, дизентерия)". Даже в горнозаводской столице Урала - Екатеринбурге, судя по публикациям в газете "Уральская жизнь", ситуация с санитарной обстановкой оставляла желать лучшего. Крупные городские центры не имели канализации. Проблему строительства канализации пермское городское самоуправление поставило на повестку дня в начале 1900 г. Реальный план работ строительства канализационной сети протяженностью 16 км. Трасса главного канализационного коллектора укладывалась из бетонных нормированных труб диаметром от 500 до 800 мм. Ее прокладка была закончена только в 1917 г., протяженность канализационного коллектора составила 7,7 км¹⁴³.

Органы самоуправления уральских городов старались уделять внимание санитарии. При них образовывались специальные санитарные комиссии. Например, активно действовала такая комиссия в Кунгуре. Она заботилась о поддержании в чистоте площадей, улиц, дворов, помещений, в которых велась торговля съестными припасами и напитками, городских боен. Члены комиссии следили за состоянием городских свалок, водообеспечением горожан, занимались устройством общественных уборных, скверов и парков. В городе устраивались публичные чтения специальной литературы (о мерах защиты от холеры, туберкулеза, детских заболеваний и пр.), работали курсы по обучению уходу за больными холерой¹⁴⁴.

В конце XIX - начале XX в. заметно активизировалась работа по мощению улиц и площадей. Еще в 1873 г. в Перми было произведено шоссирование всей

Сибирской улицы на пространстве 580 саж., от улицы Торговой до Ямской. На Сибирской улице размещались все правительственно-административные и общественно-хозяйственные учреждения города. Тогда же началось мощение Торговой улицы. Вскоре шоссирована была также частично Красноуфимская улица. По мнению М.И. Черныша, "такое усиленное благоустройство Торговой и Красноуфимской улиц - основных торговых артерий города - было обусловлено прежде всего интересами купцов и промышленников"¹⁴⁵. Работа по благоустройству улиц Перми продолжалась и в 1880-1890-е годы. Лучше в итоге оказался благоустроенный центр. Объем работы, производимой в отдельные годы, был неодинаков, что во многом зависело от возможностей бюджета. Например, в 1898 г. произвели замощение 5714 кв. саж., в 1899 г. - 8570, в 1900 г. - 9622, в 1901 г. - 11 367, в 1902 г. - 8751 кв. саж. К сооружению тротуаров и благоустройству участков улиц, примыкающих к частным усадьбам, привлекались домовладельцы. В июльском номере "Екатеринбургской недели" за 1881 г. рассказывалось о том, что еще в конце 1870-х годов некоторые "домовладельцы-капиталисты города Перми стали заменять деревянные тротуары у своих домов, по улицам, панелями, выстланными пластовым камнем - сланцем". Таких каменных "панелей" в городе появилось немало. Другие домовладельцы вместо "пластового камня" употребляли в подобных случаях песок. Не все домовладельцы относились к этому делу добросовестно. Автор статьи, в частности, с возмущением писал: "А против дома С, на углу Вознесенской улицы и Оханского проулка, через квартал от главной улицы города Перми, панель устроена крайне своеобразно: сначала навозили от вновь построенного флигеля мелких щеп и покрыли все это перегорелым навозом из двора и частью, впрочем, небольшой, красной глиной, добытой при копке канавы для фундамента под новый флигель. Вот и панель, ходить по которой и в сухое время не решаются, а во время ненастья совершенно будет невозможно"¹⁴⁶.

Энергично в последние десятилетия XIX в. приводился в порядок и Екатеринбург. В 1880-е годы были приведены в приличный вид Верхотурская, Колобовская, Фетисовская улицы. Многое в сфере городского благоустройства было сделано по инициативе городского головы И.И. Симанова: устроены мостовые, сооружен на Александровском проспекте прекрасный каменный Царский мост через р. Исеть, служивший, по словам очевидцев, украшением города. К 1898 г. протяженность городских улиц в Екатеринбурге составляла около 100 верст, из них пятая часть была замощена. В том же году по распоряжению управы было дополнительно замощено 705 кв. саж., перемощено 1831 кв. саж. Тогда же был произведен ремонт славяного моста, отремонтирована плотника на р. Исети. В 1901 г. в Екатеринбурге вымостили за счет города еще 2363 кв. саж. и отремонтировали старые мостовые на 648 кв. саж. Был перестроен Кривцовский мост, произведены другие ремонтные работы¹⁴⁷.

В Уфе технология мощения городских улиц неоднократно менялась. Первоначально здесь строились примитивные мостовые путем насыпки и утрамбовки песка и гальки. С 1875 г. стали использовать главным образом

дробленный камень, а с 1890 г. начали делать булыжные мостовые. Городское самоуправление Ирбита занималось лишь благоустройством площадей, а приведение в порядок улиц возлагало на домовладельцев. В Шадринске благоустраивался только центр, окраины и в начале XX в. представляли собой "печальное зрелище". В распутицу по окраинным улицам было невозможно ходить. О Екатеринбургской улице, например, в апреле 1916 г. один из современников писал: "...Два квартала превратились в одно сплошное озеро". Чтобы "не затонуть окончательно", местные жители боролись своими средствами: валили песок, навоз, но это плохо помогало. Не лучшим образом обстояло в это время дело и "на низменных местах Московской и других улиц, на арендуемых у города местах, занятых по преимуществу беднотой". Наблюдатель критиковал городскую власть, не принимающую, по его утверждению, "никаких мер к осушению арендных участков"¹⁴⁸.

В Кунгуре еще в начале XIX в. некоторые улицы были "выстланы деревянными мостовыми, затем насыпанным на них хрящом". Камня близ города было предостаточно, но улицы им не мостили. Во время дождей в городе было грязно. Решительные перемены начались в конце 1870-х годов, когда граждане Кунгу-ра пожертвовали на устройство мостовых более 2 тыс. руб. Жена купца А.С. Ковалева тогда же организовала посадку деревьев по берегу р. Ирени, у Иренинской набережной. Городская дума выделила необходимую сумму на укрепление берегов рек плиткой. В 1888 г. Кунгурская городская управа хозяйственным способом наладила изготовление "жетонов" (жестяных табличек) с названиями городских улиц и переулков, распорядившись развесить их по городу¹⁴⁹.

Впечатлениями от челябинских улиц, полученными в начале XX в., делилась А.М. Нечаева: "Улицы большей частью не мощеные, а если замощены, то непременно так, чтобы камешки, самой различной величины и формы, острыми углами располагались наружу..."¹⁵⁰. Известно, что в то время (данные на 1909 г.) полностью мощеными были: Уфимская, Ивановская и Сибирская улицы, мощеными не на всем их протяжении, а местами: Большая, Азиатская, Исетская и Михайловская¹⁵¹. Перемещение по неблагоустроенным улицам в дождливую погоду было затруднительным: "Лошади вязнут, колеса экипажей утопают даже и на мощеных улицах". "Красноречивым украшением городских мостовых, - отмечала А.М. Нечаева, - являются застрявшие там и здесь калоши неопытных и вновь прибывших в город пассажиров. В мелких калошах ходьба по городу буквально невозможна. По ним обыкновенно узнаются приезжие. Местные же обыватели, от торговца до изящной дамы, если хотят идти пешком, запасаются даже летом так называемыми полуботиками". В сухую погоду были свои недостатки, когда "малейший ветерок поднимал по всему городу целые вихри ужасной всесъедающей пыли"¹⁵².

Еще одним показателем городского благоустройства является освещение. В 1821 г. органы городского самоуправления Вятки обратили внимание на

проблему городского освещения. Были заказаны новые фонари, в которых загорались шестеричные свечи по столичному образцу, увеличилось число фонарей. В дальнейшем было введено масляное освещение. В 1850 г. появились фонари, в которых использовалась спирто-скипидарная жидкость, а в 1860-х годах их сменили керосиновые лампы¹⁵³. В 1837 г. в Уфе появились первые 50 фонарей, а к 1852 г. их уже было 437¹⁵⁴.

Усовершенствовалось освещение в городских зданиях. В 1889 г. в Ирбите был расширен гостинный двор, в нем появились теплые ряды. Раньше других торговых заведений получил отопление Пассаж, выполнявший наряду с торговой культурнопросветительскую функцию. Его здание было отремонтировано, а свечи заменены электрическими лампочками. На рождество 1895 г. Пассаж озарился небывало ярким светом. По договоренности с владельцами фирма "Братья Гантерт" электрифицировала также ряд гостиниц и частных магазинов¹⁵⁵.

В "горнозаводской столице Урала" уже во второй половине 80-х годов XIX в. местный люд "познакомился с электрическим освещением, существующим в театре, на дачах для гулянья, на симановской мельнице и в некоторых частных домах"¹⁵⁶.

Улицы Екатеринбурга в конце 1880-х годов еще освещались 355 обыкновенными керосиновыми фонарями. Период освещения длился с 15 августа по 1 мая. В 1875-1888 гг. стоимость содержания каждого фонаря колебалась в пределах 9-11 руб. В конце XIX в. в Екатеринбурге стало применяться электрическое освещение, керосиновые лампы оставались лишь на городских окраинах. В начале XX в. в Екатеринбурге электрическое освещение получило дальнейшее распространение. В первой половине 1901 г. город освещался 86 дуговыми фонарями, во второй половине к ним прибавилось еще 8 фонарей. Однако в это время бывали случаи перебоев с подачей электроэнергии, поэтому городская управа предусмотрительно занялась ремонтом керосиновых фонарей и ламп, чтобы "иметь возможность освещать улицы при неисправном действии электричества". Часовое освещение дугового фонаря в 1901 г. стоило 6,5 коп.¹⁵⁷ В начале XX лишь в 13 городах европейской части страны электричество совершенно вытеснило уличные керосиновые лампы - среди этих городов была и "горная столица" Урала - Екатеринбург.

Во второй половине XIX - начале XX в. эволюционировала технология уличного освещения и в Уфе. Если в 1861 г. ее улицы освещали спиртовые фонари, то со временем их сменили керосиновые, а в феврале 1898 г. в городе заработала электрическая станция, и зажглись первые электрические дуговые фонари. 50 таких фонарей освещали центральные улицы города¹⁵⁸.

В 1899 г. начала действовать электростанция в Оренбурге. В 1910 г. число ее абонентов достигало 524. Электрическое освещение получили наиболее важные общественные здания, расположенные в южной части города: церкви, учебные заведения, магазины, банки, почтамт, больницы, театры, гостиницы и 300 частных квартир. Другие районы освещались по-прежнему: "обыкновенными, нередко

тусклыми керосиновыми лампами, причем фонарные столбы находились один от другого на значительном расстоянии". Город освещался до двух часов ночи¹⁵⁹.

Вопрос об устройстве электрического освещения Перми обсуждался городским управлением на протяжении нескольких лет начиная с 1896 г., но только в 1901 г. было решено начать строительные работы. Многочисленные предложения частных предпринимателей о концессионном способе устройства освещения, рассмотренные при участии специалистов, были отвергнуты местной городской властью. Решили начать устройство освещения за счет городского бюджета. По плану предполагалось построить электрическую станцию так, чтобы она могла обслуживать потребности города (по освещению городских улиц, площадей и городских зданий) и снабжать электроэнергией частных лиц. Доход от частных абонентов предполагалось использовать в будущем для расширения уличной сети освещения. 27 июля 1901 г. была совершена закладка здания городской центральной электрической станции. К концу года работы по ее устройству были почти закончены. Произошла заминка с доставкой динамомашин. Она была получена только 5 января 1902 г., поэтому открытие станции состоялось лишь в начале февраля 1902 г. На устройство станции потребовалось 107 403 руб. 93 коп. К концу февраля 1902 г. к станции подключилось 50 абонентов, а к концу года их число увеличилось до 182 (с общим количеством лампочек - 4432). В среднем на каждого абонента приходилось по 24 лампочки. Первоначально для уличного освещения были установлены 9 дуговых фонарей обыкновенных по 10 ампер, 10 дуговых фонарей продолжительного горения вольтовой дугой по 5 ампер, 26 ламп Нернста на 135 свечей и 29 ламп Нернста на 65 свечей. Однако впоследствии фонари продолжительного горения было решено заменить обыкновенными дуговыми фонарями. Кроме того, городская власть распорядилась об установке еще одного парового котла. К началу осветительного сезона осенью было прибавлено 72 лампы Нернста на 65 свечей, и дуговые фонари с закрытой вольтовой дугой были заменены обыкновенными дуговыми фонарями по 10 ампер, добавился еще один такой фонарь. К концу 1902 г. сеть уличного освещения включала 20 дуговых фонарей по 10 ампер, 26 ламп Нернста на 135 свечей и 101 на 65 свечей¹⁶⁰.

В 1910 г. результаты эксплуатации Пермской электростанции были признаны "самыми благоприятными за время существования этих предприятий". С 1 января 1909 г. тариф на электроэнергию поднялся с 27 коп. до 30 коп. за кВт (правда, использование электричества в технических целях продолжало обходиться потребителям в 12 коп. за кВт. Действовала система скидок: например, по контракту с почтово-телеграфной конторой в 1910 г. предусматривались скидки в размере 30%, а в 1911 г. - 20%; сохранялась 25-процентная скидка церквям, школам и некоторым губернским и общественным учреждениям (дому и канцелярии губернатора, губернскому правлению, губернской типографии, аптеке губернского земства, Общественному и Благородному собраниям). Несмотря на повышение тарифа, число абонентов несколько увеличилось: к 1 января 1909 г. их

было 834, к 1 января 1910 г. - 854, а к концу 1910 г. - уже 976. В 1910 г. при 181 047 руб. валового дохода прибыль электростанции составила 73 341 руб. 57 коп. Кроме того, благодаря успешной эксплуатации удалось произвести расширение электростанции¹⁶¹.

Конец 1902 г. ознаменовался прогрессивными переменами и в жизни губернского центра Северного Урала. На страницах местной периодики сообщалось о решении Вятской городской думы устроить в городе электрическую центральную станцию для освещения частных и общественных домов, главных улиц и площадей. Сторонником этого проекта являлся городской голова Я.И. Поскребышев. Предполагалось, что проектируемая электрическая станция будет устроена по примеру станции в Перми. Местная электростанция должна была "обнимать собою около 2500 лампочек накаливания по 10-16 свечей для частных потребителей, 1500 лампочек для земских зданий, 1000 для освещения зданий епархиального ведомства, 400 для городских домов и 150 ламп Нернста по 65 свечей для освещения улиц: Московской, Спасской, Преображенской и части Николаевской и Владимирской". Кроме того, проектировалась установка двигателей мощностью в 15 л. с. Это дало возможность современнику утверждать, что "прогресс и культура" не чужды городу. "И вот спустя сорок лет, - рассказывал он, - после того, когда город не имел средств даже на самое скромное освещение, прибегая к воззванию о пожертвовании, мы будем иметь удовольствие гулять в ночное время при электрическом освещении городских улиц, устроенном на счет города"¹⁶².

В следующем году местная газета констатировала: "Постройка электрической станции и устройство электрических проводов подвигается быстро и к октябрю будет, вероятно, закончена, если не встретится каких-либо препятствий. Таким образом, можно полагать, что с октября жители в городе будут иметь удовольствие гулять по улицам при электрическом освещении"¹⁶³.

В 1913-1914 гг. была построена электростанция и на берегу р. Колвы. Свет появился в общественных учреждениях, учебных заведениях, купеческих домах Чердыни. В Успенской церкви, содержавшейся купцами Алиными Большими, было установлено 600 электрических лампочек¹⁶⁴.

В начале XX в. о необходимости замены керосинового уличного освещения электрическим заговорили даже в уездных городах. Так, из отчета Шадринской городской управы за 1913 г. следует, что в это время город освещался керосинно-капильными фонарями в количестве 28 штук. Зажигание фонарей, наблюдение за ними и их ремонт при поломке лежали на обязанности "нанятого заведующего освещением", в помощь которому управой был дан рабочий. Однако, по мнению членов управы, керосинно-капильное освещение не являлось идеальным типом освещения, так как такие фонари давали хороший свет лишь вначале, а затем скоро снижали силу света, требуя то чистки, то замены отдельных частей новыми. Капильные сетки по причине ветров часто лопались. Из-за этого, а также в силу порядочного количества расходуемого на освещение керосина значительно повышалась его стоимость. Приблизительный годовой расход на фонарь достигал

125 руб. Помимо керосинно-калильных по окраинам Шадринска зажигались и простые фонари, которых насчитывалось около 20 штук. В лунные ночи фонари не зажигались. Шадринцы понимали, что лучшим, удобным и более практичным уличным освещением являлось электрическое. В отчете управы за 1913 г. отмечалось, что к его устройству городом "направлены все меры". В 1917 г. вступила в строй городская электростанция, в Шадринске зажглись первые электрические фонари. Вопрос об устройстве электрического освещения обсуждался в это время и на заседаниях городской думы и управы г. Осы. В июльском номере газеты "Уральская жизнь" за 1914 г. сообщалось, что электрическая станция в Осе должна заработать к осени 1915 г.¹⁶⁵

Проблема обеспечения жителей водой в уральских городах обычно решалась самым простым способом. Так, в Шадринске в некоторых дворах имелись колодцы и было сооружено несколько общественных колодцев. В основном питьевой водой город снабжался из р. Исеть. Местная городская дума принимала некоторые меры по улучшению качества питьевой воды. Так, в 1879 г. она постановила построить на Исети, напротив Церковного переулка, а также в районе слободки Тарабаевой и на Мещерской протоке, вниз по течению, по паре плотов (один для черпанья воды, а другой для полоскания белья). В июле 1880 г. они были сооружены. Теперь горожане могли брать воду дальше от берега, где она была намного чище. Работа по сооружению плотов велась и в дальнейшем. В отчете городской управы за 1899 г. говорилось: "Вновь устроены плота: водочерпательный близ казарм, у дер. Ершевой, на русле р. Исети, на озерке по Московской улице и платьемойный против пивоваренного завода Ушкова"¹⁶⁶. Путешественник, посетивший Челябинск в 1900 г., писал о недостатках водоснабжения: "Обыватели получают питьевую воду из р. Миасса, отдающую гнилостным запахом"¹⁶⁷.

Водопроводы даже в начале XX столетия имели далеко не все губернские города, не говоря уже об уездных. Устройство городского водопровода являлось весьма дорогостоящим предприятием. Однако уральские города постепенно обзаводились ими. Довольно рано по сравнению с другими уральскими и даже российскими городами был проложен водопровод в Оренбурге. К концу 1864 г. здесь завершилось строительство постоянного водопровода, протяженность которого составляла более 4 км. Это было значительным достижением. Однако дальнейшее расширение водопроводной линии шло медленно, сказывались финансовые затруднения. В Старую слободку, например, водопроводную магистраль провели только в 1903 г.¹⁶⁸

От идеи сооружения в городе водопровода до ее реализации проходили годы, а иногда и десятилетия. Так, долгое время жители Уфы брали воду из колодцев, фонтана и р. Белой, однако доброкачественной воды горожанам не хватало. В начале 1870-х годов появилась идея строительства водопровода с подъемом воды из р. Белой, начался сбор средств. В конце 80-х годов XIX в. действовала постоянная водопроводная комиссия. Думцы вынуждены были прибегнуть к

облигационному займу на 300 тыс. руб. В 1901 г. уфимский водопровод начал работать¹⁶⁹.

В деле сооружения водопровода добились успеха и вятчане. С 1894 г. местная городская власть занялась рассмотрением вопроса об устройстве в г. Вятке водопровода. Проект устройства водоснабжения города было предложено составить фирме "Нептун". Одобрив проект, городское управление решило осуществлять его частями (по причине недостатка средств). Однако смета на оборудование, представленная фирмой "Нептун", оказалась слишком дорогой. Городская власть обратилась с просьбой составить аналогичную смету к доверенному фирмы "Добровых и Наболиц" И.А. Вибке. В марте 1899 г. эта смета была представлена местной городской власти. Дума утвердила ее, поручив управе заключить с фирмой договор на осуществление строительных работ. В июле этого же года работы начались, и через 6,5 месяцев водопровод вступил в строй. Успехи в деле сооружения водопровода связывались с деятельностью городского головы Я.И. Поскребышева¹⁷⁰. В отчете губернатора Вятской губернии за 1900 г. отмечалось, что этот год ознаменовался сооружением общественного водопровода не только в Вятке, но и в уездной Елабуге, причем елабужский водопровод был построен на срѣд-ства местных купцов-благотворителей Стахеевых¹⁷¹.

И.Я. Кривошеков, автор "Словаря географическо-статистического Чердынского уезда Пермской губернии", обратил внимание на то, что и в дореволюционной Чердыни имелся водопровод, снабжавший город здоровой питьевой водой¹⁷². Он строился в 1889-1899 гг. по проекту инженера А.Г. Гансберга. Трубы привозили с Каменского завода. Каменная водонапорная башня украсила город. Она была восьмигранной, трехэтажной, с окнами и межэтажными карнизами, украшенными лекальным кирпичом¹⁷³.

В Перми основные работы по сооружению водопровода были закончены только в 1906 г. Наблюдение за строительными работами, производившимися уполномоченным фирмы "Нептун" Елисеевым, было возложено на городского инженера Б.Ю. Геце-на. Местная городская власть с трудом нашла средства для покрытия расходов на сооружение водопровода, обратившись с ходатайством к губернскому земству о выдаче необходимой суммы из страхового капитала, что и было сделано "в виде разрешения ссуды государственной рентой на сумму 200 000 руб." Общие затраты на водопроводные сооружения к концу 1906 г. составили 379 627 руб. 78 коп. (при длине сети в 21,45 версты)¹⁷⁴. Если за первые годы существования водопровода был получен дефицит в сумме 21 343 руб. 18 коп., то в 1910 г. при 45 037 руб. валового дохода прибыль составила 452 руб. 28 коп. В 1907 г. в среднем отпускалось 43 826 ведер в день, в 1910 г. - 51 240. Постепенно росло число "частных домовых ответвлений": в 1907 г. их было 29, в 1908 г. - 46, в 1909 г. - 55, а в 1910 г. - 61. Их медленное увеличение объяснялось отсутствием в городе канализации. Если бочка чистой воды жителю города

стоила 10 коп., то вывозка загрязненной воды в количестве одной бочки стоила 60 коп.¹⁷⁵

Долгое время проблема обеспечения жителей качественной водой стояла перед властями Кунгура. Город располагался по берегам рек Сылвы и Ирени, из которых жители брали воду на бытовые нужды. Но для питья эта вода не годилась. Хотя в городе имелось 15 колодцев, хорошая вода была только в глубоком колодце купца Хлебникова. Позднее владельцем этого колодца стал местный житель Вахитов. В остальных колодцах вода оказывалась сильно насыщенной известью, и использовалась она по большей части для нужд кожевенного производства. Речная вода всегда была мутной из-за размытых песчаных берегов. К тому же городские кожевники вымачивали в реках оскобленные кожи и шерсть, сливали в реки отходы производства, загрязняя воду. Кунгурская дума неоднократно ставила вопрос о запрете мыть кожи в реках и заведении для этого специальных чанов. Согласно ее постановлению, кожевенные заводы разрешалось сооружать по речным берегам вниз по течению рек от города. Однако кардинальным выходом из сложившейся ситуации могло стать только сооружение водопровода. В 1877 г. купец 1-й гильдии

М.И. Грибушин пожертвовал на строительство водопровода 1500 руб. серебром. Но прошло еще немало лет, прежде чем начались строительные работы. Сооружение водопровода в Кунгу-ре велось в 1906-1909 гг., когда городским головой был потомственный дворянин А.А. Малиев. Именно ему удалось получить разрешение Санкт-Петербурга на заведение в Кунгуре водопровода. Проектированием этого водопровода занималось товарищество "Добровых и Набголец"; подрядчиком выступил Н.А. Го-рустович. Протяженность водопровода составляла 4 км. Были построены 4 водопроводные будки. В сутки расходовалось по 150 куб. м. воды. Плата за подключение к водопроводу достигала 50 руб. Жители, пожертвовавшие на строительство водопровода не менее 50 руб., от платы освобождались. В качестве пожертвований удалось собрать 6 тыс. руб., а всего на его сооружение пришлось израсходовать более 74 тыс.

На содержание водопровода из городской казны ежегодно отпускалось 3200 руб. Регулировались норма и время отпуска воды из водоразборных будок: летом воду давали с 5 час. до 12 и с 14 до 21 час, зимой - с 6 час. до 12 и с 14 до 19 час. За 100 ведер воды брали 25 коп. Вода подавалась при помощи паровой водокачки, при этом суточная норма составляла 40 тыс. ведер¹⁷⁶.

Что касается большинства уездных и заштатных городов, то они, как правило, и в конце XIX - начале XX в. обходились естественными водоемами, колодцами. Так, екатеринбуржцы пользовались водой из городского пруда и р. Исети для хозяйственных надобностей. Поскольку вода из пруда и реки была сильно загрязненной и малопригодной для питья, для кухни брали воду из колодцев. Всего в городе насчитывалось 11 общественных колодцев, расположенных в разных частях города, в том числе Малаховский ключ с паровой водокачкой и ежедневным расходом воды от 400 до 500 бочек, а в редких случаях

и до 800 бочек. Водопровод и канализация в Екатеринбурге появились только после революции¹⁷⁷.

Органы городского самоуправления во второй половине XIX - начале XX в. более активно, чем прежде, разрабатывали меры предосторожности против пожаров. Так, в обязательных постановлениях Слободской городской думы содержались правила, в соответствии с которыми разрешалось "строить печи исключительно из кирпича и с тем условием, чтобы они отделялись от деревянных стен слоем кирпича". Признавалось безопасным проведение дымовых труб. Регламентировалась очистка труб от 4 до 12 раз в год (в зависимости от назначения печей и труб). Запрещалось делать деревянные пристройки к каменным зданиям. И все же, несмотря на меры предосторожности, в 1874 г. в самом городе было 3 пожара (сторепо 3 частных здания и одно было повреждено) и 1 лесной - на принадлежащем городу выгоне (количество сторевшего леса не установили, так как он, хотя и считался городским, был отдан на вырубку частным лицам). В 1875 г. (данные на 15 октября) горожан постигли еще два таких бедствия, "уничтоживших 2 и повредивших 1 здание"¹⁷⁸.

Борьбой с пожарами в городах занимались пожарные команды. В 1901 г., например, в Екатеринбурге пожарная команда состояла "из одного брандмейстера, 4 старших и 46 младших пожарных служителей, при обозе в 53 лошади". Имелось необходимое для тушения пожаров оборудование: "В обозе 7 запряжных огнегасительных машин, 33 бочки и достаточное количество багров, топоров, крючьев, щитов, лестниц и т.п. инструментов и принадлежностей". Существовало в это время в Екатеринбурге и Вольное пожарное общество (в составе 280 человек). Оно содержало "при городском пожарном обозе 9 огнегасительных машин, из которых одна паровая и одна с тремя заливными рукавами". Как следует из отчета Екатеринбургской городской управы за 1901 г., эти машины, наряду с другими, использовались во время пожаров, "а почтенные члены пожарного общества, с примерной скоростью являясь на пожары, самоотверженно, рискуя своим здоровьем и жизнью, работали на пользу ближнего и, направляемые опытными начальниками, достигали своими действиями блестящих результатов". Кроме того, в Екатеринбурге функционировало также Общество взаимного страхования имущества от огня¹⁷⁹.

Первые линии электросвязи на Урале стали строиться в начале 60-х годов XIX в. В августе 1861 г. начала работать телеграфная станция в Перми, а в декабре - в Екатеринбурге и Камышло-ве. В 1870 г. была проведена линия связи Екатеринбург-Невьянск-Тагил. В последующие годы стали действовать региональные линии: Екатеринбург-Ирбит, Шадринск-Курган, Кыш-тым-Верхнеуральск, Тагил-Екатеринбург-Златоуст. Легом 1881 г. началось строительство линии Кушва-Верхотурье. В сентябре 1881 г. с телеграфной станции Верхотурья была отправлена первая депеша в Тагил¹⁸⁰.

Екатеринбуржцы быстро осознали преимущества новых средств связи. В декабре 1861 г. телеграфная линия (через Пермь) соединила Екатеринбург с

Санкт-Петербургом. В 1886 г. через город проходило уже 6 общероссийских транзитных телеграфных линий и 13 уральских, региональных. Екатеринбургская телеграфная контора за этот год отправила свыше 52 тыс. депеш - телеграф прочно вошел в жизнь горожан. В 1884 г. благодаря городскому голове И.И. Симанову в городе появился первый телефон - телефонная линия соединила городскую управу и полицейскую часть¹⁸¹.

А.В. Дмитриев, автор книги об Ирбите, заключает: "Стремясь быть на высоте положения, ярмарка отслеживала и все более разносторонне воплощала достижения научно-технического прогресса". Так, мобильности информационного обмена, необходимой для переговоров и сделок, наряду с привычным телеграфом содействовал внутригородской телефон¹⁸².

В 1902 г. на страницах августовского номера приложения к "Вятским губернским ведомостям" подробно рассказывалось о таком "полезном нововведении", как устройство телефона в Вятке, сообщалось, что оно будет завершено в первых числах сентября этого же года. Создание телефонной сети в Вятке осуществлялось местным городским управлением с разрешения Главного управления почт и телеграфов. На заседании 1 апреля 1902 г. городская дума установила ежегодную абонентную плату в возмещение расходов городского управления по содержанию центральной станции и телефонной сети в размере 30 руб. за год¹⁸³.

Согласно установленным городскими властями условиям, устройство центральной станции и установка в городской "сели-дебной" черте (за исключением городских земель на правом берегу р. Вятки) столбов для проведения магистральных линий и кронштейнов на них осуществлялось за счет городского бюджета. Расходы по присоединению к центральной станции аппаратов частных лиц и учреждений и по установке столбов для ответвлений относились на счет абонентов. Сами эти работы, а по желанию абонентов, и приобретение всех необходимых телефонных принадлежностей и материалов выполнялись городской управой. Плата за последние взималась сразу при подаче будущим абонентом соответствующего заявления, а деньги за работы по устройству линии вносились по их завершении. Согласно утвержденным условиям, выбирались обязательно "хромисто-бронзо-вые" провода "диаметром не менее 1,2 мм; железные оцинкованные провода допускались только для загородных линий, к которым причислялись и линии, идущие по местам, отведенным под заводы"¹⁸⁴.

Содержание телефонной сети в исправности являлось заботой органов городского самоуправления. Ежегодную абонентную плату за пользование центральной станцией полагалось вносить по полугодиям вперед: в январе и июле, не позднее 15 числа каждого месяца, в ином случае по распоряжению городской управы телефон отключался до внесения оплаты. На момент открытия городской центральной телефонной станции насчитывалось 86 абонентов. Это

были различные административные и иные учреждения, владельцы магазинов и частные лица, желавшие иметь дома телефон¹⁸⁵.

Автор публикации "Мечты и действительность сарапульцев", опубликованной в "Приложении к Вятским губернским ведомостям" 6 июля 1899 г., писал, что городская дума Сарапула "не спит и бредит, чтобы сделать Сарапул настоящим европейским городом. У нас начинают мостить... третью улицу; в скором времени будет телефон, и мы будем разговаривать друг с другом и отдавать приказания подчиненным утром и после обеда, не вставая с постели; наконец, лет двадцать спустя, мы будем гулять в городском Пушкинском сквере"¹⁸⁶.

Более привычным видом связи была почтовая. Еще в 1877 г. в Оренбурге была учреждена городская почта, на следующий год на улицах появились почтовые ящики. В Караван-Сарае, городской управе, квартире губернского прокурора, в судебной палате, полицейских и пожарных частях в начале 1890-х годов впервые были установлены телефоны. С 1897 г. в городе действовала телефонная станция. В 1914 г. ее услугами пользовались 550 абонентов, что было недостаточно для нужд большого города¹⁸⁷.

В газете "Уральская жизнь" в одном из номеров за 1904 г. отмечалось, что в Кунгуре, городе с шестнадцатитысячным населением, занимавшемся торговлей и промышленностью, со временем увеличивалась численность почтовых операций. В это время была налажена ежедневная доставка почты между Пермью и Кунгуром, тогда как раньше она практиковалась 5 раз в неделю. Однако местная почто-телеграфная контора имела и свои недостатки в работе, отчасти связанные с малочисленностью штата служащих. На весь город было всего два "письмоносца", а город в одну сторону тянулся "версты на четыре, если не больше, да в другую версты на две". "...Если прибавить к этому, что у нас в Кунгуре о мостовых и понятия никто не имеет, а тротуары существуют только в центральных местностях, - писал современник, - то можно представить, какой труд приходится нести письмоносцам, принужденным месить весной и осенью грязь, да еще с значительным грузом газет и журналов". Неудивительно, что горожане не всегда рано получали корреспонденцию, а те, кто проявлял недостаток терпения ждать почтальона и имел возможность кого-то послать, получали корреспонденцию в почтово-телеграфной конторе. Однако и здесь горожане сталкивались с некоторыми неудобствами: "контора помещалась в наемном доме, где для почтовых операций имелась одна сравнительно небольшая комната, где производилась разделка и заделка почты, прием и выдача всякой корреспонденции, прием телеграмм и проч." Почта из Перми в Кунгур доставлялась в 8 час. 30 мин., к 10 часам контора уже наполнялась публикой, которой приходилось долго ждать своей очереди, так как приемом и выдачей корреспонденции (и простой, и заказной) заведовал один человек, продававший еще и марки. Ситуация усложнялась по вторникам и пятницам, когда по утрам почта отправлялась в Уфу и Кын¹⁸⁸.

В ноябрьском номере "Уральской жизни" за 1907 г. критиковалась работа почтовой службы Екатеринбурга. Отмечалось, в частности, что, несмотря на точность (вплоть до минут) указания на городских почтовых ящиках времени выемки писем, на деле она осуществлялась "сплошь и рядом на 15-20 минут раньше", что вводило "в обман отправителей корреспонденции" и нарушало "их прямые интересы". Критику вызывало и само размещение почтовых ящиков, которые, по словам автора статьи, были "разбросаны по городу без особенного, по-видимому, плана и принятия в соображение практических требований". Отдаленные кварталы в результате вообще "не обслуживались" почтовыми ящиками, и жителям приходилось отправляться с письмами далеко от домов. Недостаточным, по мнению критика, являлся и "штат писмоносцев" - каждому почтальону приходилось обслуживать большой район, что негативно сказывалось на скорости доставки корреспонденции. "Мы были свидетелями не один раз, - писал он, - когда опущенная, например, в пятницу около 6 час. вечера городская корреспонденция была доставлена только в воскресенье вечером"¹⁸⁹.

На протяжении всего рассматриваемого периода в городах расширялась сеть различных культурных учреждений, в том числе различных учебных заведений, библиотек (как частных, так и общественных). Особенно ярким в этом отношении стал период после Великих реформ в России. Например, в пореформенные годы заметно увеличилось количество учебных заведений в Оренбурге, преобразовывались старые. Так, расширился Неплю-евский кадетский корпус, для которого в 1872 г. было построено большое здание недалеко от Караван-Сарая. В 1868 г. в городе открылось юнкерское училище для подготовки офицеров для Оренбургского казачьего войска. Училище имело приличную библиотеку в несколько тысяч томов, коллекцию холодного и огнестрельного оружия. К концу XIX в. увеличилось количество начальных училищ, их стало 15-9 мужских и 6 женских. В 1878 г. в Оренбурге открылся учительский институт, просуществовавший до 1894 г. и преобразованный затем в реальное училище. Крупными учебными заведениями в городе являлись мужская гимназия, женские гимназия и прогимназия¹⁹⁰.

Заметную роль в культурной жизни Оренбурга играла и местная духовная семинария. В 1888 г. приняла своих первых посетителей городская библиотека. За одно посещение библиотеки читатели платили по 3 коп. (от платы освобождались учителя и служащие).

В начале XX в. в Оренбурге работали 11 типографий и 1 литография. Оренбург вышел на первое место среди городов Урала по числу периодических изданий¹⁹¹.

Несколько отставал от Оренбурга Челябинск, однако и здесь в начале XX в. были достигнуты заметные успехи. В издании "Россия: Полное географическое описание нашего Отечества" перечисляются культурные учреждения Челябинска, существовавшие в это время: "Учебные заведения: реальное училище, мужское духовное училище, женская прогимназия, городское трехклассное училище и

четыре начальных. Бесплатная народная библиотека-читальня, народный дом и театр, городская больница, городской детский приют, попечительное общество о доме трудолюбия, общество попечения о народном образовании, общественный клуб, вольное пожарное общество"¹⁹².

В 1910 г. в Перми насчитывалось 13 библиотек и читален, а в Екатеринбурге - 2. Увеличивалось число книжных, музыкальных и нотных магазинов и киосков. Так, в Перми в 1910 г. их было 14, а Екатеринбурге - 11¹⁹³.

Местом культурного отдыха горожан становятся общественные сады, заметно украсившие социопространственную структуру уральских городов. В конце XIX - начале XX в. в одном городе могло быть несколько общественных садов, которые становились главным местом коллективных культурных развлечений горожан. В газете "Екатеринбургская неделя" от 8 июля 1881 г. сообщалось об Ирбите: «Летом единственным местом для удовольствий и развлечений жителей нашего мирного городка служит скромненько и прилично устроенный садик, раскинутый по склону набережной р. Ирбита к SW от местного собора. Сад был устроен "стараниями" бывшего земского исправника И.М. Пейкера. Частью за свой счет, частью на пожертвования лиц, проявивших интерес к делу, он организовал очистку набережной и ходатайствовал перед местным городским начальством об отводе места под сад. В свободное время Пейкер лично руководил работами. Были посажены деревья, проложены дорожки, сад обнесен "приличным барьером"». За счет городского бюджета пригласили опытного садовника. На средства городского общественного клуба в саду были построены беседки и помещение для танцев (зал, буфет, дамская уборная и комната для карточных столов).

Правда, помещение оказалось маловатым, поэтому "от скопления в нем публики была ужасная жара", воздух отравляли "табачный дым и испарения напитков буфета". Два раза в неделю (с 19 до 22 часов) в саду играл оркестр, содержащийся на средства города и клуба. Оркестр состоял из 8 человек и вполне отвечал своей игрой вкусам местной публики. К услугам посетителей в саду имелись гимнастические снаряды, кегли, бильярд и пр. По словам одного из местных жителей, общественный сад сплотил ирбит-ское городское "общество в одно целое из прежних отдельных кружков".

Путешествовавший по Уралу в начале XX в. С. Виноградов после знакомства с Шадринском отметил: "Изредка заглядывающие бродячие трупы... да общественный сад, в котором четыре раза в неделю играет музыка, - единственное, если не считать двух плохоньких кинематографов, развлечение Шадринцев"¹⁹⁴.

В Перми в начале XX в. было уже несколько садов, посещавшихся местными жителями, не имевшими возможности на лето уезжать на дачи. Теплыми вечерами пермская публика любила гулять в саду общественного собрания на юго-восточной окраине города. Особенно многолюдными были гуляния в праздничные дни. Здесь устраивались лотереи-аллегри. С 1882 г. в саду

ежедневно, кроме суббот и понедельников, играл оркестр. Украшением сада стал круглый павильон-ротонда, в которой жители Перми встречали императора Александра I в 1824 г. В саду находилось большое деревянное здание, где размещались театр, буфет, бильярд, комнаты для игры в карты, кегельбан, синематограф. К саду примыкал велодром. Собственно сад занимал большую площадь. Кроме сада общественного собрания, в центре города имелся театральный сад с хорошим фонтаном и цветочными клумбами. По праздникам в нем играл духовой оркестр. В саду отдыхало много детей. Публика собиралась в театральном саду весной, до открытия сада Общественного собрания, принимавшего посетителей с середины мая. Наконец, на берегу Камы располагался Набережный сад с прекрасным видом на Каму. В нем побывали известные люди, посетившие Пермь: будущий император Александр II (в 1837 г. еще наследник престола), П.И. Мельников-Печерский, опальный М.М. Сперанский. В 1860-х годах саду присвоили имя Багратиона, генерала, который привез в Пермь весть об освобождении крестьян. Но название не прилипло. В начале XX в. в саду появилось изящное деревянное здание биржи, были устроены большой фонтан, разбиты цветочные клумбы. Тогда сад и получил название "Набережный". Весной жители города приходили в сад полюбоваться отсюда вскрытием Камы, началом ледохода.

Наступление навигации на Каме было еще одним событием, которого с нетерпением ждали горожане, являвшиеся в сад, чтобы стать его свидетелями¹⁹⁵.

В Кунгуре был Мининский парк, где размещался и летний театр. В 1911 г. по ходатайству Кунгурского общественного собрания сад был передан на срок с 1 мая по 1 сентября в распоряжение арендатора театра Наумцева. В обязанности Наумцева входили: очистка и охрана сада, его освещение. 10% с чистой прибыли он должен был вносить в городскую кассу. 6 раз в неделю в саду играл духовой оркестр. Одно время арендатором сада являлся И.В. Черномор-Задерновский. В саду устраивались гуляния с участием театральной труппы и оркестра (входная плата составляла 15 коп.). Благодаря летнему театру горожане имели возможность трижды в неделю знакомиться с драматическими постановками или легкими оперетками. Один спектакль давался в пользу общества, и 50% выручки с него шло на благотворительные нужды. В 1911 г. в Кунгуре около реального училища был устроен летний сад с площадкой для игр. Содержался он на средства из городского бюджета. Все расходы города, предназначавшиеся на содержание садов и бульваров, в 1911 г. составили 165 руб. В 1913 г. в Кунгуре появились электротeatры "Олимп" и "Люкс".

В конце XIX - начале XX в. в повседневность горожан вошел спорт, со временем получавший все большее распространение. Появилась соответствующая инфраструктура. Так, жители Кунгура любили катание на коньках. На р. Сыльве, напротив городского начального училища, открылся каток. Его окружили молодыми елками, поставили бревенчатую избушку с железной печью внутри. В этой избушке можно было переобуться в "коньки-снегурки" и согреться. В ней

имелось два отделения: мужское и женское. Торжественное открытие катка происходило в ноябре. Катались парами, цепочкой, в креслах катали детей. Каток работал по субботам и воскресеньям, иногда здесь играл духовой оркестр¹⁹⁶.

В начале XX в. заметно преобразились даже малые города Урала. Так, современник с неудивительным для газетного жанра преувеличением и иронией описывал Оханск: "...Какой маленький, какой ничтожный городок Оханск! Проезжаешь мимо него на пароходе и так, кажется, захватил бы его в кулак. Любое хорошее село имеет больше домов и душ обоего пола, особенно прекрасной половины прекраснейших, больше фонарей, больше пивных лавок и т.д. ...у нас их только две: пивная да клуб". Вместе с тем, как отмечал он, Оханску, "как городу, приросло, как наросты на дереве, все то, что и надлежит иметь порядочному городу: есть и клуб, в котором, как известно, пьют, да не напиваются;

есть и общественный сад, в котором просто гуляют да подчас, от нечего делать, упражняются на всем, что попадается под руку, в известной российской логографии; есть в нем и каток". В предыдущем году каток устраивался для учеников городского училища, на котором катались также прогимназистки и иные любители кататься на коньках. Каток пользовался популярностью и был весьма оживленным местом. В 1904 г. готовился уже второй каток в городе специально для прогимназисток¹⁹⁷.

Из культурных развлечений в конце XIX - начале XX в. весьма популярным стал бильярд. Например, в Челябинске было несколько бильярдных: в кофейнях "Ville de Paris" и "Высоцкий и Поляков" (на Большой улице), в ресторанах "Эрмитаж", "На распутье", "Рига" и в помещении Общественного собрания¹⁹⁸.

Вплоть до начала XX в. извозный промысел был традиционным способом решения транспортных проблем в уральских городах. Извозчики делились на легких и ломовых. Ломовые извозчики запрягали самых сильных и высоких тяжеловесов, занимаясь перевозкой грузов. В 1886 г., по данным Пермской городской управы, в городе насчитывалось 415 легковых и 286 ломовых извозчиков. К 1900 г. количество всех извозчиков в Перми возросло до 1200. Извозный промысел являлся мужским делом. Краевед В.Н. Трапезников отметил в "Летописи города Перми" интересный факт - 24 ноября 1916 г. в городе появились первые женщины-извозчики¹⁹⁹.

В конце XIX в. Екатеринбургская городская дума задумалась об открытии трамвайного движения в городе, однако революционные и военные события отодвинули решение этого вопроса на долгие годы. А вот автомобильное движение в "горнозаводской столице Урала" развивалось весьма успешно. Число автомобилей в городе быстро росло. В июле 1910 г. местная городская управа распорядилась выдать всем их владельцам "особые номера, которые должны были прикрепляться на видном месте машины". С 1912 г. в Екатеринбурге автомобильное движение приобрело регулярный характер - после заключения договора между городской управой и дворянином В.Г. Ярутиным сроком на 10

лет, согласно которому Ярутин получал право на эксплуатацию в городе автомобилей, автобусов, омнибусов, платформ, карет и ландо при условии, чтобы "автомобили все были бесшумные бензиновые или электрические". Были составлены маршруты, расписания следования автобусов и омнибусов, установлена такса за проезд, разработаны автомобильные туристические маршруты, в том числе в Верхотурье и Ирбит²⁰⁰.

На оренбургских улицах также появились автомобили и велосипеды. В 1913 г. у состоятельных горожан было 1186 велосипедов и 46 автомобилей. В 1910-1914 гг. органы городского самоуправления рассматривали вопрос о введении в городе автобусного сообщения и трамвая²⁰¹.

С 1911 г. органы городского самоуправления Перми занялись вопросом сооружения трамвая в городе, однако до революции удалось построить лишь трамвайный парк в Разгуляе. Революции, тяготы военного времени и становление советской власти пришлось пережить пермякам до того, как состоялось открытие первой очереди трамвая 7 ноября 1929 г. К чести пермяков следует отнести развитие пароходного дела, что обеспечило местное сообщение, например, между Пермью и Осой, между Пермью, У сольем и Чердынью. В 1911 г. пароходство И. Любимова выпустило первый пассажирский теплоход "Урал". В навигацию 1911 г. на Каме было уже 50 пассажирских пароходов²⁰².

Немало времени городским властям приходилось уделять наведению порядка в содержании жителями домашних животных, в частности собак. Впрочем, так было не во всех городах. Например, путешественник г. Быстренин, посетивший Челябинск в 1900 г., обратил внимание на "курьзную черту" жизни города: "...Едва ли в каком-нибудь другом городе можно встретить такое обилие бродящих по улицам собак. Псы безвозбранно бегают парами, десятками, целыми стаями по улицам, и никого такое безобразие не смущает как нечто присущее, неотделимое от обихода городской жизни"²⁰³.

Негативную сторону городской повседневности составляла преступность. В частности, В.А. Весновский писал, что в начале XX в. в Челябинске всякого рода мошенничества, грабежи, кражи и другие преступления, вплоть до убийств, составляли обычное явление. Впрочем, статистика показывала несколько иную картину. Так, за весь 1907 г. в этом городе произошло 21 убийство и 4 самоубийства, 25 человек "скоропостижно" умерли от "пьянства"²⁰⁴. При этом Челябинск в отношении преступности считался наиболее неблагоприятным на Урале городом. В.Н. Гартевельд свидетельствовал: «Мне пришлось побывать почти во всех городах Европейской и Азиатской России, был я и на Кавказе, но, смело ручаюсь, что ни один город не носит такой поразительной и исключительной физиономии, как Челябинск. Если вы читали гениальные рассказы Брет-Гарта из жизни и нравов дальнего запада Америки, то вы получите представление о нравах в Челябинске. Это какой-то "вольный город", для которого закон не писан... Нравы Челябинска много зависят от того, что он является каким-то распределительным пунктом для ссыльных (больше всего уголовных) и

что последних собирается в городе до 2000 человек. Они получают от казны что-то около

15-20 коп. в сутки и до своего отправления дальше могут жить, как хотят. Оживляющий, и я бы сказал "аристократический", элемент города составляет огромное число евреев (торговцев и комиссионеров по хлебным делам). Тут даже имеются отделение крупной фирмы "Дрейфус" и биржа. В городе стоит батальон войска, есть острог и все прочее. А нравы между тем тождественны с далеким западом Америки. Закон каждый носит с собой в кармане в виде браунинга, так как с наступлением темноты без такого "аргумента" никто на улицу не выходит». В.Н. Гартевельд приводит случай, имевший место в начале XX в., "когда 5-6 предприимчивых, вооруженных граждан ворвались в клуб и отняли у игроков все деньги и опустошили клубную кассу". "Зато теперь, - продолжал он, - (что я сам видел) в передней клуба и в игральной стоит вооруженная стража. Да и сами клубмены вместе с бумажниками приносят с собой в клуб и револьверы". На память об общественных порядках в Челябинске иностранец хранил афишу концерта, где напечатано, что "для безопасности публики по возвращении ее домой из концерта будет выставлена воинская охрана"²⁰⁵.

Особенно худой славой пользовались расположенные около станции поселки, знаменитый "Порт-Артур", возникший в печальную годовщину падения крепости Порт-Артур на Дальнем Востоке. Он представлял собой "обширную площадь, застроенную в высшей степени бессистемно самыми разнообразными постройками, начиная от тесовых изб с палисадниками и кончая лачугами, сложенными из гнилых железнодорожных шпал". Нередкими были здесь и землянки, вырытые прямо в земле и обложенные хворостом. В этих местах скрывалось немало "преступных людей, пьяных забулдыг и даже беглых каторжан". А.М. Нечаева отмечала увеличение криминальных элементов с ростом города. «Вообще, - писала она, - с общим развитием и обогащением города отбросы общества из "Потр-Артура" беззастенчиво орудуют на городском шоссе и на окраинах, как только спускаются над городом сумерки. Воровство и убийства здесь вещь заурядная, в особенности с тех пор, как Челябинск стал местом уголовной административной ссылки. В газетах постоянно писали о том, что в городе не проходит дня без преступления. Кражи, грабежи и разбойничьи нападения дошли до чудовищных размеров. Совершив разбой, преступники почти всегда скрываются. Даже днем. А ночью невозможно появиться на улице, не рискуя быть ограбленным или убитым». Местная городская дума постановила ходатайствовать перед губернатором и премьер-министром о прекращении высылки уголовников в Челябинск и о продлении положения об усиленной охране²⁰⁶.

В целом же в уральских городах развитие культуры приносило свои плоды. Горожане заботились о сохранении традиций и культурного наследия. Об этом свидетельствует развитие музейного дела. В конце XIX в. в городах Урала появились также различные по специализации и статусу музеи. Например,

существовавший при Вятском реальном училище музей включал несколько отделов: естественно-исторический, промышленный, антропологический и научно-художественный. После Нижегородской выставки 1897 г. музею были переданы коллекции хлебных семян, волокна льна и модели сельскохозяйственных орудий. Позднее музей приобрел собрание различных атласов с рисунками лошадей, рогатого скота, птиц, растений, насекомых. Императорская Археологическая комиссия регулярно высылала в дар музею различного рода собрания монет из кладов, найденных в Вятской губернии. Музей был открыт для посетителей по воскресеньям. В 1897 г., например, в нем побывали 4475 человек²⁰⁷. При Обществе археологии, истории и этнографии, созданном в Чердыни, имелся музей, коллекции которого хранились совместно с экспонатами общеобразовательного Музея имени А.С. Пушкина²⁰⁸.

В Кунгуре с появлением в 1895 г. Общества пчеловодов открылся пчеловодный музей, здание для которого было построено в 1909 г. В начале XX в. в музее организовали выставку товаров, производимых кунгурскими мастерами и предприятиями. Ежегодно в здании музея проводились различные выставки, маскарады. В 1911 г. в Кунгуре открылся городской музей²⁰⁹.

Говоря о развитии городского социокультурного пространства, нельзя не упомянуть и о сооружении в городах памятников. В Кунгуре, например, имелись памятники, установленные в честь избавления города от нашествия пугачевских войск в 1774 г.: деревянная башня на Мининской площади, каменная часовня, построенная на средства купеческой вдовы А.П. Хлебниковой, и мраморный монумент на Соборной площади, напротив здания городской управы. Этот монумент был открыт в 1893 г. Идея увековечения памяти о событии 1774 г. постановкой монумента возникла в 1873 г., и тогда же решено было отпраздновать 23 января 1874 г. - день столетия избавления города от пугачевских войск. После получения соответствующего разрешения от императора была открыта подписка на сбор средств, необходимых для строительства памятника. Первое пожертвование в сумме 600 руб. внес 20 апреля 1874 г. купец Я.А. Колпаков, впоследствии от него поступило еще 1300 руб. и от купцов: И.К. Носкова - 100 руб., П.В. Васильева - 50 руб. и от других лиц - 458 руб. Из городского бюджета власти выделили дополнительно 1135 руб. Монумент соорудил екатеринбургский мецанин К.И. Трапезников. Торжественное открытие памятника состоялось 26 июня 1893 г. Городское общественное управление отправило две телеграммы губернатору с сообщением об открытии памятника, в одной из них говорилось "о повергнутой к стопам его императорского величества выражения верноподданнических чувств представителей духовенства, администрации и городского общества"²¹⁰.

В Чердыни возле церкви в честь Успения Божией Матери находилась древняя часовня-памятник, воздвигнутая на могиле воинов, убитых в 1546 г. в битве с ногайскими татарами при Кондратьевской слободе Чердынского уезда. В часовне сохранилась железная доска с именами 85 воинов²¹¹.

В уральских городах возводились памятники представителям царствовавшего тогда дома Романовых. Например, в Екатеринбурге, в сквере на плотнике, в 1886 г. открылся памятник Петру I. На постаменте, сделанном из серого уральского мрамора в форме четырехгранной пирамиды, был установлен бюст великого русского реформатора. Благодарные потомки возложили бронзовый венок на голову императора. Надпись, сделанная на памятнике, гласила: "Императору Петру I-му, основателю горного дела на Урале". Неподалеку находился памятник Екатерине I с надписью: "Императрице Екатерине I, основательнице города Екатеринбург"²¹².

Имелся в Екатеринбурге и памятник Александру II - "Царю-Освободителю" на Главном проспекте около Кафедрального собора и Горного управления. Постамент памятника был сделан из серого уральского мрамора, а сама статуя царя вылита из чугуна на казенном Кусинском заводе Златоустовского уезда по модели профессора Попова. Император был изображен во весь рост в генеральской форме, с непокрытой головой, держащим в правой руке свиток со словами "19 февраля 1861 года". Торжественное открытие этого монумента состоялось 5 октября 1906 г. По свидетельству очевидцев, украшением города Дедюхина служил памятник императору Александру II, сооруженный на средства рабочих²¹³.

Показательна история строительства в Вятке величественного Александро-Невского собора по проекту известного архитектора А.Л. Витберга и под его личным наблюдением - "во исполнение народного желания всех жителей Вятской губернии увековечить на память всем грядущим поколениям незабвенные посещения края - в 1824 г. государем императором Александром I Благословенным и в 1837 г. - государем императором Александром II в бытность наследником цесаревичем". Строительство храма было закончено в 1864 г., а в 1896 г. в ограде собора поставили памятник императору Александру III. В начале XX в. проводились работы по реконструкции Александро-Невского собора²¹⁴.

В целом, рассматривая развитие социопространственной структуры уральского города, можно заметить контрастные различия между центром и городскими окраинами. Ф.П. Доброхотов подчеркивал, что реалии повседневной жизни оренбургских центра и окраин в начале XX в. выглядели различно: "Центр города с улицами Николаевской, Гостинодворской и Неплюевской представляется почти европейским. Здесь все залито асфальтом и электрическим светом, построены громадные каменные дома с магазинами, кинематографами, ресторанами, гостиницами и проч. Но чем ближе к окраинам, тем больше признаков самой неприкрашенной азиатчины: улицы не замощены, домишки на них маленькие, глинобитные, площади утопают в грязи, почти на каждом шагу встречаешь ревущих верблюдов с погонщиками-киргизами"²¹⁵. О неодинаковом благоустройстве различных частей Челябинска в 1909 г. писала А.М. Нечаева: "В иных местах городские постройки придают городу тип чисто провинциальных улиц с маленькими домиками-особнячками (Семеновская гора, Оренбургская улица т.д.). В других местах города постройка сообщает городу вид более

сложной архитектуры домов, со многими квартирами, церквями и соборами на площадях и т.д. (Большая улица, Уфимская и др.)"²¹⁶.

При этом на протяжении XVIII - начала XX в. в социопространственной структуре уральских городов происходили качественные изменения. В некоторых отношениях города Урала даже опережали в этой сфере города Центральной России. Перемены носили прогрессивный характер и обуславливались как активной деятельностью органов городского самоуправления, так и развитием экономики, уровня культуры населения. Города росли, ускорялись темпы городского строительства, модернизировался архитектурный облик городов, развивалась их социальная инфраструктура. Более быстрыми темпами изменения происходили в губернских городах и крупных торгово-промышленных центрах.

Традиции и новации в городской медицине

Суть изучаемого периода развития медицины состояла в становлении здравоохранения. "Охрана народного здоровья" была признана делом государственной важности. До этого состояние собственного здоровья было прерогативой каждого и источником существования так называемых народных медиков-професи-оналов. Естественное самоорганизующееся начало сменилось специально создаваемой организацией. Понадобились стационары, амбулатории, поликлиники, диспансеры, профилактории, возникли аптеки и прочая медицинская инфраструктура (например, оспенные телятники, производство медицинской техники), были созданы обученные в специализированных учебных заведениях дипломированные кадры, написаны книги по медицине и стала издаваться периодика, появилась соответствующая строка в государственной бюджете и управленческий аппарат.

Создание сравнительно доступной широким слоям населения, относительно массовой системы здравоохранения в социокультурном плане можно рассматривать как процесс перехода официальной медицины из феномена культуры "просвещенного общества" в факт народной жизни, в результате чего происходит ее "оповседневнивание": возникнув, новое укореняется - старается найти себе место в уже существующей системе, адаптируется к ней и изменяет ее, в ходе подобных метаморфоз становясь обыденным делом. Рассмотреть оказание лечебной помощи как явление повседневной жизни уральского города XVIII - начала XX в. и есть наша задача.

Как и положено, зарождение официальной медицины произошло на форпостах нового Урала - в "бургах": Екатеринбурге и Оренбурге. Первым врачом Екатеринбурга может считаться лекарь Тобольского полка саксонец Иоганн Йозеф Спринцель, прибывший сюда с солдатами-первопостроителями. Вскоре появилось длинное рубленое здание госпиталя, с пивной поварней. (По требованиям медицинской науки того времени лекарства запивали подогретым

пивом.) В 1732 г. здесь лечили самого Акинфия Демидова. В 1736 г. Спринцель умер. К тому времени в городе уже работали двое англичан: доктор медицины Британской академии Джекоб Грив и лекарь Лаврентий Сименс. Последний в качестве наглядного пособия для русских лекарских учеников соорудил на каркасе из медной проволоки скелет.

В 1738 г. екатеринбургский госпиталь возглавил прибывший сюда год назад уроженец герцогства Брауншвейгского лекарь Иоганн Христофор Шнезе. Сам госпиталь переместился на левый берег пруда за крепостью. Рядом с его лечебным корпусом располагались подлекарская изба, пивная поварня с выстроенной в 1742 г. солодовней, госпитальная баня, где в больших кадях парили больных, погреб под медикаменты, анатомичная камора ("потропишня"), караулка на огороде, несколько амбаров, конюшни и прочие службы. Отдельно стояли камора для больных "французской болезнью" (лечили их сулемой), стряпчая изба и отопляемые нужники. Хозяйственные и санитарные обязанности выполняли двое колодников и сторож с женой. Со времен Спринцеля имелись и госпитальные работницы, своего рода медицинские сестры, из расчета: "к трудным поносным" - одна на 20 больных, "к средним поносным" - одна на 30, "к трудным кроме поноса" - одна на 40, "к средним прочим и к легким" - одна на 50. Обыкновенно управлялись трое - четверо. "Дело же их следующее: 1) ходить во всех службах около больных; 2) топить и чистить палаты больных; 3) помогать бабам к приноске и грелке воды". При госпитале постоянно находилось трое-пятеро лекарских учеников. Больные лежали на вязанных тюфяках, набитых камышом, и волосяных круглых подушках. За деньги здесь могли купить медикаменты и даже лечиться амбулаторно горожане, не принадлежавшие к "заводской команде": в особой "заливации" лекарские ученики накладывали повязки с мазями и выдавали лекарства для внутреннего употребления. С 1758 г. штаб-лекарь Шнезе дергал всем желающим больные зубы, а в 1766 г. заказал себе новые зубные инструменты по собственному чертежу. На штаб-лекаря возлагались также обязанности судебного и трудового медэксперта, а также паталогоанатома.

С 1734 г. в Екатеринбурге ненадолго появился аптекарь, гол-штинец Генрих Тамм (был выслан за спекуляцию казенным спиртом). В 1737 г. аптекарем стал гейзель (подлекарь) из саксонцев Людвиг Христиан Мейндерс. При нем постоянно состояло два-три аптекарских ученика. Провизор производил сбор лекарственных растений, осуществил объезд ближних рудников для приискания лечебных минеральных веществ (камень кровавик, магнитная руда, белая слюда, белая и синяя глина и другие). Часть собранного отсылалась для апробации в Академию наук и Московскую медицинскую канцелярию. По запросам екатеринбургского аптекаря в пермских лесах собирали вересковые и можжевельные ягоды. С 1739 г. он вел "травник" - гербарий уральской флоры. В 1740 г. учредил "аггечный огород" при госпитале, посеяв семена присланных из Москвы и местных трав и кустарников. Там соорудили беседку для госпитальных больных и запруду на "малой ключевой речке Черемшанке" для полива.

Специальное здание аптеки построено в 1737 г., через два года она пополнилась собственной лабораторией с деревянным "станком" для выжимки экстрактов и масел. В 1741 г. была сделана надстройка - камора для хранения трав, к 1755 г. возведено несколько новых (каменных) аптечных зданий: самой аптеки с "верхними покоем" типа мансарды и лаборатории при ней с узкими окнами-щелями под самым потолком. В конце 1760-х годов появилась отапливаемая "анжирея" ("оранжерея" или теплица). Вместо умершего в 1753 г. Мейндерса аптечным гейзелем был назначен его зять саксонец Якоб Тешнер.

С февраля 1758 г. после отъезда Тешнера ответственность за аптеку была возложена на главу госпиталя лекаря Шнезе. В 1774 г. после 37-летней службы он умер и заведовать медициной города был назначен штаб-лекарь Иван Дейкен. В 1778 г. из Петербурга также прибыли доктор медицины Карл Бицов - для работы в госпитале и провизор Яков Меркер - возглавить аптеку²¹⁷.

Вскоре деятельность екатеринбургских врачей была подчинена расположенной в Перми губернской управе.

После своего "окончательного" основания - в 1747 г. Оренбург обзавелся аптекой, позже - в 1750 г. здесь появился госпиталь, медицинский персонал которого составляли доктор, аптекарь, лекарь, подлекарь и лекарские ученики²¹⁸.

Сеть учреждений официальной медицины возникла в российской провинции в ходе проведения административной реформы 1780-х годов. Сделав Пермь центром наместничества, а затем губернии, власти снабдили ее врачебной управой и приказом общественного призрения, которым поручалось "общественное здравие".

В феврале 1783 г. штаб-лекарь Михаил Леонтьевич Гамалея был назначен пермским городским и губернским доктором. В 1784 г. в уездные города назначение получили еще 7 врачей. В 1787 г. Гамалея "обслуживал" Пермь и Соликамск, в Обвинске работали доктор Крок и лекарь Барг, в Чердыни - лекарь Андрей Ровнев, в Оханске и Осе - доктор Карл Пренсер и лекарь Цильман, в Кунгуре и Красноуфимске - доктор Иоганн Шерер, штаб-лекарь Целинский, подлекарь Петр Барулин, в Екатеринбурге, Камышловое - доктор Фелькнер, лекарь Павел Орловский, в Ирбите - Карл Керстен, в Верхотурье - Поступальский, в Шадринске и Далматове - штаб-лекарь Зейдель. 8 февраля 1786 г. в Перми появился аптекарь Дрейер с окладом 400 руб. в год. В 1796 г. его сменил также иностранец, купеческий сын, Иван Егоров Кнут²¹⁹.

"Первоначальный состав медицинских чинов, - сообщал историк XIX в., - далеко не удовлетворял своему назначению. Местные власти жаловались на врачей, те - на подлекарей и учеников. Нельзя сказать, чтоб и положение последних было удовлетворительно. Некоторые врачи употребляли их вместо домашней прислуги, а врач Поступальский держал даже ученика Митрофанова в цепях, который, освободившись от них, бежал к доктору Кроку, взявшего его под свое покровительство". "Не видно жалоб только на врача Гамалею", - дополнял

он. Михаил Леонтьевич Гамалея не только бесплатно оказывал помощь многим больным, но и за свой счет обеспечивал их лекарствами.

Подстать первому руководителю губернской медицины оказался заменивший его Федор Христофорович Граль. В 1790 г. он защитил в Иене диссертацию "О русских домашних лекарственных средствах" и получил звание доктора медицины и хирургии. В июне 1791 г. с жалованием 600 руб. в год был направлен на работу в города Ирбит и Алапаевск Пермского наместничества. В 1797 г. назначен губернским доктором в Пермь. В июне 1800 г. становится оператором врачебной управы, а с 1801 г. и до самой смерти ее инспектором.

Немало усилий пришлось приложить Гралю, приучая население обращаться за медицинской помощью к врачу. "Он не падал ни трудами, ни деньгами своими, сам носил безденежно лекарства больным в дома, и старанием его, а также М.Л. Гамалея, из восьми тысяч здешних жителей можно полагать половину уже и привыкших к врачебному вспомоществованию в немощах своих", - писал инспектор Г. Бер.

Рабочий день Федора Христофоровича начинался в пять часов утра с приема больных у себя дома. В 7 часов он уезжал обслуживать учебные заведения Перми, духовную семинарию, все учреждения Приказа общественного призрения, также посещал многочисленных больных на дому. С 7-9 часов вечера и нередко до 12 часов ночи происходили заседания врачебной управы. Затем его ждал журнал, в который вносились сведения о течении болезни у всех наблюдаемых им больных. Часто случались ночные вызовы. В помощи никому не отказывал и делал это безвозмездно. О привычном ритме жизни Граля губернатор Модерах писал в 1811 г.: "Уже два года он остается один и, заведовав всеми казенными лазаретами... занимается еще и вольной в городе практикой, не только без всякого интереса, но еще и с потерей жалования..." В 1823 г. Федор Христофорович сказал о себе так: "Я ежедневно обязан около ста, а иногда и гораздо более, больных осмотреть и случается операции делать - сверх сего заведуя я четыре больницы; как то городской госпиталь, горный лазарет, больницей при сиротовоспитательном доме и при семинарии и никакой, кроме двух учеников, другой помощи. Принужден часто производить самые простые хирургические пособия, как-то: открывать кровь, выдергивать зубы и прочее. При этом занимаюсь письменными делами в Приказе общественного призрения... ближайшим присмотром и отчетами в аптеке".

44 года своей врачебной деятельности Граль посвятил Пермскому краю, завоевав всеобщее народное признание. Уже после смерти в 1835 г. его стали называть Пермским Гаазом или "святым доктором". Когда стало известно, что Федор Христофорович умирает, около его дома начали собираться люди. "Редкую впечатлительную картину, - пишет современник, - представляло похоронное шествие с Сенной площади до Кафедрального собора; за хором певчих и духовенства тянулись длинные ряды воспитанников разных заведений; за ним - лиц, в них служащих, далее на алых бархатных подушках несли ордена... но эти

знаки как-то шли в разлад с тем почетом, какое воздавало Гралло Пермское общество во всех его слоях, безразлично". Похоронили его во дворе Кафедрального собора и поставили памятник - высокую чугунную колонну с простой надписью: "Доктор Граль"²²⁰.

Период конца XVIII - первой половины XIX в. характеризовался также появлением лечебных учреждений; Многие из них возникали и существовали благодаря крупным денежным и материальным вложениям частных лиц или пожертвованиям, собранным среди населения. Своим открытием в 1786 г. пермская больница во многом была обязана помещику Лазареву. Приказ общественного призрения обеспечил ее помещением, тюфяками и дровами для топки печей. "Пища же и одяние не дается, и больные едят свою пищу, отчего и в лечении великое бывает препятствие", - констатировал протокол врачебной управы 1797 г. Здание к тому же оказалось ветхим. В 1798 г., по распоряжению губернатора, в отремонтированном старом корпусе рабочего дома была оборудована больница на 25 коек.

В уездном городе Осе в деревянном доме, построенном на средства купца Щепетилникова, разместилась больница на 10 кроватей. Деревянный дом оханской больнице на 25 коек предоставил местный крестьянин. Верхотурская больница на 5 кроватей открылась в 1820 г. в специально выстроенном для нее местным купцом первой гильдии, коммерции советником Андреем Яковлевичем Поповым каменном доме. Для екатеринбургской больницы в 1827 г. купец Крылов отдал купленное им здание старой тюрьмы²²¹.

Первая больница в Шадринске появилась в 1819 г. Заведена она была "для призрения одержимых болезнями нижних воинских чинов" местной инвалидной команды. Все расходы возлагались на "общество" шадринских граждан. Для лечебного учреждения приобрели дом, необходимое оборудование, постельные принадлежности. В приеме не отказывали и гражданскому населению Шадринска. В 1830 г. городская больница разместилась в просторном каменном здании, пожертвованном купцом Ф.И. Фетисовым. Медицинская помощь оказывалась и уездным жителям, и государство взяло содержание этого учреждения на себя²²².

В 1832 г. каменный дом под железной крышей получила лечебница, принимавшая "все сословия" г. Кунгура. Помещение было рассчитано на 10 кроватей. Заведовать им стал старший уездный врач, которому помогали два штатных лекарьских ученика - старший и младший. В год здесь поправляли здоровье до 15 человек - мещане, крестьяне и солдатские жены²²³.

Дополнительным стимулом больничного строительства стало посещение Урала императором Александром I. В Екатеринбургском госпитале "государь обошел все палаты, осматривал больных, на них платье и постели, удостоил отведывать приготовленную для них пищу". В Перми сделал замечание губернатору К.Я. Тюфяеву: "Не мешало бы позаботиться о приведении заведений Приказа в лучший вид, а то они у вас настоящие руины, хотя и содержатся в примерном порядке". Тот признал, что действительно "больница в Перми

неудобна и тесна, так что иногда размещаются больные в особых частных домах и даже вместе с умалишенными". Ее перевели в долгое время пустовавший генерал-губернаторский дом. А на благотворительные средства началось строительство доступной для бедных больницы, названной в честь августейшего гостя Александровской.

16 мая 1827 г. на Большой ямской улице в Перми был заложен первый камень ее будущего здания. В ноябре 1833 г. она начала свою работу. У входа посетителей встречали чугунные львы, которые служили украшением фасада и выполняли функцию своеобразных денежных копилочек, куда горожане могли опустить пожертвования. Здесь же располагались церковь и здание для умалишенных.

Приказ общественного призрения содержал больницы в Перми, Осе, Оханске и Камышлове. Прочие лечебные учреждения находились в ведении городского самоуправления. В 1848 г. из общественных средств финансировалось 9 больниц (в Кунгуре, Соликамске, Краснофимске, Екатеринбургe, Чердыни, Камышлове, Верхотурье, Шадринске и Ирбите). Многие из них в 40-50-х годах содержались в порядке, имели необходимый хирургический инструментарий, медицинские библиотеки. К 1856 г. в ка-мышловской больнице насчитывалось ПО томов различных медицинских книг, примерно столько же их было в шадринской, пермской - было собрано 275 книг и медицинских журналов.

Посетив в 1845 г. Екатеринбург, Максимилиан Лихтенберг-ский также писал о чистоте в госпиталях, "состоящих под управлением искусных врачей, где рабочий, одержимый недугом или сделавшийся жертвой какого-либо несчастного случая, уверен найти прибежище и пользование, исполненное в духе кротости и человеколюбия"²²⁴.

В ведении попечительных комитетов о тюрьмах находилось еще 11 тюремных больниц. Они не отличались благоустройством и были переполнены больными арестантами. Бесприютных и безденежных в городских больницах принимали бесплатно. Но таких больных было мало. Значительную группу пациентов в зимнее и весеннее время составляли страдающие цингой. Их лечили пивом с хреном и чесноком или пивом из ячменного солода с горчичными семенами, использовали также сырой картофель.

В 1857 г. все городские больницы были переданы в ведение Приказа общественного призрения, а от него в 1870 г. перешли к земствам²²⁵.

По данным 1858 г., все города Вятской губернии были обеспечены уездными врачами. Всего их насчитывалось 16, из них семь находились в Вятке. Слободской и Елабуга дополнительно имели городских врачей. В Вятке, Слободском, Сарапуле, Ела-буге были "вольные" аптеки. Собственной аптекой располагало также больничное заведение Вятского приказа общественного призрения.

"Учрежденная на 100 кроватей" больница в Вятке помещалась в специально устроенном для нее каменном здании, больницы в Малмыже (на 30 коек), Нолинске и Елабуге (на 10 коек) - в особых общественных домах, орловская,

сарапульская, яранская (на 15 коек), глазовская, Котельническая, уржумская (на 10 коек) больницы - в частных наемных домах, слободская (то же на 10 коек) - в помещении, построенном Анфилатовским банком в г. Слободском.

Лечебные учреждения уездных городов существовали на плату за лечение больных. В Слободском и Малмыже они получали дополнительное пособие от города²²⁶.

В целом к концу дореформенного периода здравоохранение в городах Урала мало отличалось от общероссийского. Городовые врачи были далеко не везде, уездные - по одному на уезд, в каждом уездном городе существовала больница приказа общественного призрения. Но благодаря развитию ведомственной - горнозаводской - медицины жители были несколько лучше обеспечены врачебной помощью. "Инвентарем, инструментарием и прочим" заводские лечебницы снабжались "несравненно лучше". "Главный горный госпиталь в Екатеринбурге, - писал в 1869 г. В.П. Безобразов, - хотя и без всякой лишней роскоши, содержится весьма хорошо". Данный автор отметил выходящее далеко за рамки города значение этого учреждения: "... особенно в зимнее время, [он] наполняется больными из зауральского края Пермской губернии и необходим для всего этого края"²²⁷.

Аналогичную роль в становлении городского здравоохранения сыграли лечебные учреждения Уральского казачьего войска. Открытая в начале 1860-х годов больница в Уральске была рассчитана на 40 кроватей. В 1879 г. число мест в ней было увеличено до 100. В штате состояли трое врачей и семь фельдшеров. Из общего количества кроватей 20 предоставлялись женщинам и 10 - душевнобольным. Те и другие размещались отдельно. В 1880-е годы помещение больницы "за негодностью" было расширено, и ее стали считать "вполне удобной во всех отношениях".

Образованная в 1879 г. из лазарета Гурьевская больница была запланирована на 25 кроватей, но первоначально имела 15, а к началу 1890-х годов, "за недостатком помещения" могла принять не более 9 больных. Обслуживали ее врач и два фельдшера. Старое деревянное здание, по свидетельствам очевидцев, "не удовлетворяло гигиеническим требованиям не только больницы, но и просто-го жилья". Из отчета за 1885 г. видно, что она не имела ни одной вполне изолированной комнаты, в ней не было отдельного помещения для заразных больных, ванной, комнаты для приема больных и операционной. Амбулаторный прием проводился в аптеке, а ванны и операции "делались у кроватей больных в присутствии всех остальных". Температура лечебных помещений зимой падала до 9 градусов по Реомюру. Такое состояние врачи оценивали как "очень плохое". При появлении в Гурьеве холеры или дифтерита больница, по их мнению, грозила "сделаться очагом явившейся заразы, ибо от одного больного вскоре заразятся и другие больные, а прислуга, по отсутствию отдельного помещения для нее, спит частью в кухне, частью в палатах вместе с больными". Была очевидна "вопиющая необходимость в постройке нового здания больницы, более удобного и

обширного". Размещение калмыковского приемного покоя в наемной квартире также представляло "большое неудобство". Разрешение открыть приемный покой в г. Иле-ке поступило еще в 1879 г. Однако "за отсутствием годного помещения" и, как писал Н. Бородин, "за неимением, по мнению медицинского начальства, в нем пока настоятельной надобности", в 1880-е годы его открытие затягивалось.

Среднее число пациентов за 1884-1886 гг. в больнице г. Уральска составило 385 человек в год, г. Гурьева - 131, в калмыковском приемном покое - всего 21 человек. На содержание больницы в Уральске отпускалось ежегодно от 18 до 23 тыс. руб., на гурьевскую - от 7 до 10, на калмыковский покой до 2 тыс. Казачье население пользовалось ими бесплатно, с остальных взимали плату посуточно. Лица невойскового сословия принимались только на свободные места, которые "обычно" составляли половину "и более". Высокая плата за лечение (45-59 коп.) делала возможным доступ сюда лицам "более или менее состоятельным". "Добровольно поступающих для пользования" было немного - большинство присылалось по распоряжению полиции ("труднобольные рабочие, проститутки и прочие"). В среднем в

1884-1886 гг. в двух городских больницах и одном приемном покое лечились 537 представителей войскового и 410 невойскового сословия²²⁸.

В Перми к земству перешла Александровская больница на 300 коек, дом умалишенных на 60 коек и аптека. В 1873 г. пермская больница обзавелась летним баракком для терапевтических больных. Через год она подверглась капитальной перестройке. В 1887 г. на ее территории появились тифозный, рожистый и дифтерийный бараки, в 1889 - оспенный, в 1890-е годы - скарлатинозный. В 1896-1898 гг. была выстроена бактериологическая станция, которая в 1904-1905 гг. пополнилась лабораторией, а вскоре здесь стали строить бактериологический институт.

Центральная пермская больница постепенно превращалась в одно из наиболее благоустроенных лечебных учреждений России. В 1888 г. здесь провели водопровод, в 1894-1896 гг. появилась паровая прачечная с дезинфекционной камерой, в 1895-1897 гг. - новая усыпальница с церковью при ней. В 1898 г. были переделаны здания амбулатории и мужского сифилитического отделения, в 1907 г. отстроен корпус для хирургического и родильного отделений с водяным отоплением и вентиляцией, в 1908-1909 гг. в главном корпусе провели водяное отопление и вентиляцию и приступили к устройству канализации, продолжая обходиться ассенизационным обозом²²⁹.

Уже в 1870-е годы здесь оказывалась хирургическая и акушерско-гинекологическая помощь, с 1885 г. - окулистическая. Больница имела шесть операционных. Антисептика по Листеру была введена в 1875 г. П.Б. Гензелем. Первая струмэктомия была сделана в 1881 г., первая лапаротомия по поводу кисты яичника и первая экстирпация матки по поводу рака - в 1882 г., удаление кисты сальника - в 1886 г., операция по поводу кишечной непроходимости - в 1888 г., резекция участка толстого кишечника - в 1899 г. С 1890 по 1913 г. врачи

хирургического отделения провели 12 328 операций, из них 723 чревосечения. С 1902 по 1913 г. они сделали 2750 гинекологических операций, в том числе 577 чревосечений. Глазных операций с 1893 по 1913 г. проведено 10 759, из них удалений катаракты 3263. Летальность в 1886 г. составляла здесь 3,8%. С каждым годом она снижалась, с 7,3% в 1891 г. до 5,1% в 1901 г. Заживление послеоперационных ран, как правило, происходило первичным натяжением. За этими цифрами стоят спасенные жизни многих горожан.

В 1885 г. амбулатория начала прием офтальмологических больных, в 1886 г. открылось глазное отделение, которое возглавила Е.П. Серебренникова. Оно стало первым в земских больницах России. За 11 лет работы Е.П. Серебренникова провела бо-

7 Миненко А. Н. и др

97

лее 7 тыс. оперативных вмешательств на глазах. Среди них немало сложных: пластические операции при завороте верхнего века и на мышцах глазного яблока, операции на роговице, сосудистой оболочке, хрусталике, операции по вытяжению зрительного нерва. Отделение за эти годы приняло более 30 тыс. амбулаторных больных. Опыт его работы освещали отечественные и зарубежные медицинские журналы.

В сентябре 1886 г. при Александровской больнице открылась фельдшерская школа, в которой безвозмездно вели занятия В.М. Земблинов, И.И. Молессон, М.Я. Бруштейн, Е.П. Серебренникова. Специалисты Перми готовили также кадры для других городских больниц. С 1893 по 1906 г. только в хирургическом отделении специализировались 9 экстернов и более 25 врачей и студентов-медиков.

Имея шесть отделений - терапевтическое, хирургическое, глазное, мужское венерическое, общее женское, для заразных больных и родильный покой, пермская больница считалась многопрофильным лечебным учреждением. В 1896 г. здесь появилось нервное отделение, к 1900 г. насчитывалось уже 10 отделений. Медицинский персонал: старший врач, хирург, два терапевта (один из которых заведовал родильным покоем), сифилидолог и окулист, в 1894 г. пополнился вторым хирургом, через год - невропатологом, в 1900 г. появился заведующий тифозными и заразными бараками. В 1907 г. для амбулаторного приема специально были приглашены терапевт, хирург-гинеколог и окулист-терапевт. Большой известностью среди населения пользовались хирурги больницы Александр Николаевич Попов (с 1909 г. стал старшим врачом больницы), Ни-кандр Матвеевич Назаровский, Дмитрий Афанасьевич Эскин, окулист Владимир Павлович Иванов, акушер-гинеколог Константин Петрович Звягин.

В среднем на шесть больных здесь приходилось по няне, а на восемнадцать - по служителю. С 1885 г. пациенты питались "по карточной системе, а не порциями". Переход на "трактирную систему питания" медики также считали своим успехом, поскольку при этом "достигалась большая возможность разнообразить стол, подбирая пищу сообразно вкусу и состоянию больного"²³⁰.

В 1870 г. открывается земская больница в Шадринске. В 1883 г. для нее возводится хирургический корпус на 25 коек. Его заведующий В.А. Дунаев привлекал к работе в отделении почти всех участковых врачей. В 1914 г. здесь открывается больница для неизлечимых и хронических больных имени А.П. Ночвина, местного купца, который завещал городу для этой стройки значительную сумму.

Старая, плохо оборудованная больница в Красноуфимске по Проекту земского врача Матвея Ивановича Мизерова и его стараниями в 1886 г. была перестроена и вскоре стала одной из лучших в губернии. При ней появился телятник для получения про-тивооспенной вакцины. Возле больницы был разбит сад²³¹.

В пореформенное время здравоохранение продолжало получать благотворительную помощь. На пожертвование Грибуши-ных в 1896 г. обзавелся собственной больницей сиротопитатель-ный дом Кунгура. В 1899 г. ими же был построен родильный покой и прачечная при кунгурской больнице. Широкой известностью пользовались сарапульские лечебница и родовспомогательное заведение, основанные крупным предпринимателем У.С. Курбатовым и поэтому носившие его имя.

Созданием лечебных учреждений стал активно заниматься Красный Крест. На средства его Пермского управления при поддержке города и земства в центре губернии были открыты больница и родильный покой. Екатеринбургский комитет при содействии Н.А. Русских устроил детскую больницу, которая начала работу 28 марта 1910 г. Она насчитывала 20 коек и амбулаторию. На должность врача был приглашен бывший ординатор Московской Софийской больницы Н.П. Аносов. Лечебницей широкого профиля обзавелось Вятское управление Красного Креста.

Дамским отделением Уфимского попечительного комитета о бедных Императорского человеколюбивого общества содержались бесплатные лечебница (амбулатория) с аптекой, родильный приют, гинекологическая лечебница с приемным покоем, фельдшерско-акушерская школа.

Глазную лечебницу организовало Уфимское отделение попечительства о слепых. Возникшее в 1889 по инициативе Е.П. Серебрянниковой Пермское отделение попечительства императрицы Марии Александровны о слепых создало детский приют, а 30 августа 1890 г. открылось училище для слепых детей и приют для престарелых слепых. Количество подобных учреждений было явно недостаточным: почти мгновенно они оказывались переполненными²³².

По подписке Уральского мединского общества были собраны средства на строительство в Екатеринбурге глазной лечебницы имени А.А. Миславского. Ее открытие произошло 9 апреля 1906 г., и вскоре больница стала одной из лучших в России. Только в 1907 г. пациенты посетили ее 50 тыс. раз. К концу XIX в. Екатеринбург имел солидную врачебную базу: городскую больницу, земский приемный покой для бедных больных, родильный дом, лечебницу доктора

Онуфриева. Подобная оснащенность медицинскими учреждениями позволяла успешно осуществлять серьезные операции. Так, первая резекция желудка на Урале была произведена здесь в октябре 1907 г. М.П. Соколовым²³³.

В 1895 г. в Вятской губернии имелось 10 городских врачей. Однако ими не исчерпывался персонал городской медицины. По данным следующего года, в Вятке насчитывалось 16 врачей, в Слободском - шесть, в Сарапуле и Елабуге - по пять, в Котельниче, Орле, Малмыже и Нолинске - по четыре, в Яранске, Уржуме и Глазове - по три. В губернском городе находилось и самое большое число повитух (16 человек). Котельнич, Нолинск, Мал-мыж, Сарапул, Орел, Глазов располагали двумя повивальными бабками, жители остальных городов имели по одной. 18 городских больниц губернии были рассчитаны на 1116 кроватей. Например, в Глазове и Сарапуле имелись земские больницы, в последнем - на 100 коек²³⁴. В Вятке были три вольные аптеки, например, провизора Бок и Жилиховского и аптека губернского земства, В городах Орле, Котельниче, Яранске, Нолинске, Уржуме и Малмыже имелись земские уездные, в Елабуге, Сарапуле и Слободском - вольные аптеки²³⁵.

В начале XX в. Пермь кроме Александровской больницы имела земскую аптеку, приют для душевнобольных и бактериологическую станцию, в Кунгуре были больница и несколько приемных покоев. В Ирбите числились две больницы, в Осе - больница на 20 кроватей. Уфа располагала земской больницей на 70 коек, домом для душевнобольных, гинекологической лечебницей с приемным покоем, родильным приютом, глазной лечебницей и фельдшерско-акушерской школой. В Бирске функционировала больница на 70 кроватей, в Мензелинске - на 60. Оренбург обладал земской больницей на 30 кроватей и заводским госпиталем. Жители Орска лечились в больнице, рассчитанной на 24 кровати, Верхне-Уральска - на 30 кроватей. В Челябинске и Илецке было по больнице, в последнем находился также ветеринарно-врачебный пункт²³⁶.

Заглянем внутрь лечебных учреждений и посмотрим, как они функционировали. Например, здание приемного покоя в Ирбите было деревянным. Его помещение состояло из прихожей и "двух ожидательных комнат - одной для чистой публики и другой для простонародья, из которых имелись отдельные входы в довольно просторную приемную комнату врача". Посетителей принимали ежедневно с 10 час. утра, "вплоть до отъезда всех обращающихся больных, затягиваясь иногда часов до двух или трех дня". Красноуфимский городской врач с 9 до 11-12 час. вел прием в своей квартире, затем посещал горожан "на домах", "к труднобольным выезжал во всякое время". Плата за помощь не бралась. Еще в 1876 г. должность городского общественного врача, в обязанности которого входило оказание бесплатной помощи всем, кто в ней нуждался, была введена в Кунгуре. В том же году из бюджета г. Шадринска стали отпускаться средства на покупку лекарств для бесплатной раздачи "жителям бедного состояния".

Как правило, учебные заведения медики обслуживали также бесплатно. Кроме этого, Матвей Иванович Мизеров проводил ежегодный осенний медицинский осмотр учащихся Красноуфимского реального училища.

Восьмой съезд врачей Пермской губернии в 1902 г. признавал, что "по обеспеченности медицинской помощью население городов... стоит в гораздо более благоприятных условиях, чем сельское".¹³ значительную роль здесь продолжало играть общест- V венное самоуправление. Только Оханск и Верхотурье совершенно не занимались оказанием медицинской помощи.

В XX в. больницы уездных уральских городов, особенно по уровню оказания хирургической помощи, стали приближаться к губернским. Хирургическое отделение камышловской больницы было рассчитано на 56 коек. В стационарных условиях с 1906 по 1912 г. здесь прооперировали 5675 человек, в амбулаторных с 1910 по 1912 г. - 2033. Послеоперационная летальность составляла 1,34%, септических заболеваний почти не было. Заведующий отделением Николай Михайлович Мультиановский с мая 1906 по 1908 г. в провинциальном Камышлове выполнил 115 чревосечений всего с тремя случаями нагноения при заживлении ран и 225 грыжесечений - с нагноением в семи случаях. В 1910 г. он внедрил смазывание операционного поля йодной настойкой, морфий и хлороформ при обезболивании заменил на сочетание хлороформа с гедоналом. Он успешно выполнял парафинопластику для исправления конфигурации седлообразного носа (25 случаев). В Соликамской больнице эксперименты с обезболиванием проводил хирург В.П. Шипицын. В качестве наркоза он применял морфий и этиловый эфир²³⁷.

В годы Первой мировой войны в городах Урала появились лазареты. В Екатеринбурге инициаторами их создания выступили местный комитет Красного Креста и Уральское горное управление. Кроме того, большая группа местных предпринимателей учредила общественный лазарет, который и содержала всю войну. Плодом индивидуальной инициативы стал лазарет екатеринбургского купца Н.И. Макарова²³⁸.

Гуманной стороной городской медицины стало создание акушерско-гинекологической службы. Укоренение этого новшества проходило с большим трудом. Практика "городовой бабки" (акушерки) Чердыни в середине XX в. ограничивалась семьями чиновников, остальные отзывались о ней "обыкновенно" таким образом: "что может знать молодая девка, к чему нам ее". К концу века положение здесь изменилось мало: 50-60 случаев родовспоможения за год. Хотя по сравнению с сельской местностью, куда акушерки выезжали максимум по десять раз в год, наблюдался некоторый прогресс.

Аналогичная ситуация имела место в городах Уральского казачьего войска. За 1884-1886 г. в Уральске войсковой повитухой было принято в среднем 21% всех родов, в Илеке - 13,7, в Катмыкове - 6,4, в Гурьеве - 3,8%, в близлежащих станицах - ни одного. Современник справедливо полагал, что "уже по самому числу" повивальных бабок "можно сказать, что деятельность их по отношению к массе населения более чем скромна"²³⁹.

Намного быстрее родовспомогательные учреждения завоевали популярность у жителей крупных и губернских городов. Уже в 1871 г. для оказания медицинской помощи роженицам был открыт земский роддом в Перми. Здесь же "имелось в виду обучать повивальному искусству простых повитух"²⁴⁰.

Екатеринбургский родильный дом возник по инициативе врача Алексея Федоровича Петрова. В 1876 г. на квартире акушерки В.В. Загоранской он устроил небольшой родильный приют, число рожениц в котором постоянно увеличивалось. А.Ф. Петров стал искать средства для строительства родильного дома, собираясь работать в нем бесплатно. Открытый в апреле 1877 г. роддом содержался на средства города и уездного земства. В 1879 г. его возглавил В.М. Онуфриев и заведовал им в течении 26 лет (с 1879 по 1905 г.). С именем этого врача связано развитие акушерства и гинекологии на всем Урале.

В первые годы роддом воспринимался в качестве учреждения социального призрения, для жителей он продолжал оставаться приютом социально неблагополучных женщин. Только угроза жизни и здоровью заставляла "порядочных" горожанок появляться в его стенах. В 1877-1878 гг. из 106 пациенток 67 - больше половины - были не замужем. Чтобы изменить ситуацию, потребовалось десятилетие работы. "За последние два года замечено, - писал в начале 1890-х годов В.М. Онуфриев, - что призыв акушерок и врачей к себе на дом сделался гораздо меньше и что также женщины, которые прежде гнушались поступить в роддом, в настоящее время... весьма охотно идут". В 1890 г. здесь лечились екатеринбургская купчиха Е.П. 58 лет (полное имя пациенток не называлось) и кунгурская купчиха Е.Е. 47 лет, в 1891 г. - дворянка из Челябинска М.А. 33 лет и екатеринбургская дворянка А.Т. 44 лет. Хотя среди "ищущих помощи в роддоме", по наблюдениям его заведующего, в это время еще "преобладал элемент" "живущих в самом городе, но притом из более неимущего класса крестьянок". Социальные предубеждения удалось сломить к началу XX в. В 1904 г. пациентками в основном были замужние женщины из всех слоев общества²⁴¹.

В 1890-е годы родильные дома Перми и Екатеринбурга стали очевидным достоянием городских жителей. До этого они больше обслуживали ближнюю округу. Екатеринбургский роддом в 1894 г. принял 657 рожениц, 564 из них были горожанками, пермский - 350, в том числе 309 из самой Перми. По замечанию современников, роддома стали "работать не на уезд, а на город"²⁴².

Сопоставимы с пермскими и екатеринбургскими были масштабы деятельности родовспомогательного отделения губернской земской больницы в Вятке. В 1899 г. там находились 664 беременных, рожениц и родильниц, семеро из них выписались "не-разрепившимися", одна умерла, остальные родили 345 младенцев мужского и 310 женского пола. Здесь наблюдался довольно значительный рост количества пациенток, за три года их число возросло с 446 до 664, т.е. в среднем за год прибавлялось по 72 женщины²⁴³.

Требовалось также побороть страх беременных перед меди-кализацией самого процесса родов, доказать необходимость врачебного вмешательства при гинекологических заболеваниях. "С приездом акушерки Карцевой, - сообщал в 1881 г. красноуфим-ский доктор М.И. Мизеров, - женские болезни, это самое больное место земской медицины, начинают подвергаться более правильному лечению; больные женщины начинают мало-помалу отвыкать от ложного стыда, который не позволял им ранее подвергаться исследованию. Количество больных, ищущих гинекологической помощи, заметно растет, и теперь я почти не встречаю протеста при исследовании для постановки диагноза, при скарификации и так далее". По воспоминаниям заведующего екатеринбургским роддомом, сопротивление пациенток могло стоить им жизни. Как всегда ограничиваясь инициалами, он рассказывал о случае с А.М. (36 лет, замужем, мещанка г. Екатеринбург), который произошел в 1889 г. Разрешилась от беременности она дома, в срок - 9 марта, однако послед у нее не вышел, став причиной сильного кровотечения. Через месяц - 10 апреля ее муж пришел в роддом просить "порошков". Ему отказали, тотчас послав к больной акушерку. Та ее выгнала. Поехал сам Онуфриев и обнаружил, что домашняя обстановка, в которой находилась женщина, оказалась "ниже всякой критики". Однако и он получил "репительный отпор". Два последующих дня муж А.М. осаждал лечебное учреждение просьбами дать его жене лекарство, на третий насильно, против ее воли привез супругу в роддом, но "она подняла в приемной такой крик" и "заявила настолько энергичный протест", что "принять ее оказалось немьслимым". Муж отправился с ней в полицию, там дали направление в городскую больницу, из городской больницы - опять в роддом, "куда муж и доставил несчастную вторично". Женщина находилась в крайне тяжелом состоянии, уже не протестовала и не имела сил бороться за жизнь²⁴⁴.

Однако подобные "протестантки" встречались редко. Осознание несомненной пользы привлекало в роддом все большее число женщин. В 1877-1878 гг. здесь находилось 106 рожениц, через пятилетие (1882-1883) - уже 205: 136 родильниц, 49 пациенток с женскими болезнями и 20 беременных, в 1904 г. их число достигло 1074. За 25 лет через родильный дом прошли 14 626 рожениц и родильниц, через его гинекологическое отделение 3659 больных. Амбулатория приняла 71 238 пациентов.

В крупных городах стал даже ощущаться недостаток акушерских учреждений. В 1902 г. из Перми сообщали, что "родильный дом губернского земства часто бывает переполнен... и оставлен в настоящее время только потому, что в нем учатся акушерству". В начале XX в. устройство собственного родильного дома для Перми стало настоятельной необходимостью. Врачи настаивали, чтобы пребывание в нем было бесплатным. Пока же несостоятельные горожанки могли найти приют только в родильном доме губернского земства и на одной бесплатной кровати недавно открытого местной общиной Красного Креста родильного приюта²⁴⁵.

В 1882-1883 гг. в екатеринбургском роддоме была проведена 61 акушерская операция: наложение щипцов (6 раз), извлечение за ягодицы (2), поворот на ножку (2), извлечение последа рукой, зашивание промежности, насечки на промежности, разрыв оболочек (34) и 8 гинекологических операций: овариотомия, ампутация шейки матки, зашивание разрыва промежности и трех ма-точно-пузырчатых фистул.

Данные по пермскому роддому за 1884-1890 гг. свидетельствуют о предоставлении аналогичной помощи: при разрыве околоплодного пузыря (117 раз), извлечении и отделении последа (69), наложении щипцов (46), этициотомии (38), извлечении младенца (27), повороте на ножки и извлечении (26), зашивании промежности (10), извлечении плодового яйца (7), выскабливании части яйца (6), вправлении пуповины (4), разрыве пуповины (3), перфорации, искусственных родах.

Рост числа случаев оперативного вмешательства и повторяющийся из года в год их определенный набор свидетельствовали о повседневном применении операций в акушерстве и гинекологии и влиянии их на жизнь значительного числа женщин. В екатеринбургском роддоме за 1894 г. произвели уже 91 акушерскую операцию: искусственные преждевременные роды (2 случая), извлечение плодного яйца и оболочек при выкидыше (30), разрыв плодного пузыря (3), внутреннее отделение приросшего последа (5), извлечение туловища и головки младенца (2), поворот на ножки и извлечение (2), наложение щипцов (3), зашивание промежности (44)²⁴⁶.

До 1887 г. В.М. Онуфриев был единственным врачом роддома. На операциях ему ассистировали екатеринбургские хирурги. Позднее была введена должность второго врача. Все истории болезни в родильном доме вел сам заведующий. В 1890-х годах здесь в диагностических целях стали использовать микроскоп. Для определения внематочной беременности доктор Б.О. Котелянский осуществлял гистологический анализ содержимого матки.

В 1897-1898 гг. В.М. Онуфриев разработал собственную систему асептики и антисептики и метод ухода за раной. Карболовая кислота, сулема, йодоформ были заменены спиртом и ксероформом (последний вскоре был исключен).

Все участвовавшие в операции мылись в бане, находящейся в родильном доме, затем мужчины надевали холщовые блузы и резиновые фартуки, а женщины - ситцевые платья и фартуки. На всех этапах оперативного вмешательства соблюдалась строжайшая асептика. В результате резко улучшились показатели операционной работы. В 1908 г. было сделано 53 чревосечения, без единого случая смерти от заражения.

За 25 лет существования екатеринбургского роддома здесь было сделано 5056 операций. С 1887 по 1910 г. В.М. Онуфриев осуществил тысячу чревосечений и 239 влагалищных операций. По показателям работы екатеринбургский родильный дом был признан одним из лучших в России. При нем было организовано две школы: для повивальных бабок (с полным курсом повивального искусства) и для

сельских бабок. Последняя носила чисто практический характер: ее ученицы шесть месяцев дежурили у постелей рожениц и родильниц. Принимали всех желающих. В среднем каждый год учились по 16 человек²⁴⁷.

Родовспомогательные отделения появлялись при больницах уездных городов. Рассчитанное на 10 кроватей родильное отделение г. Камышлова в 1894 г. приняло 142 роженицы. Здесь ток-же проводили обучение повитух. А к началу XX в. увеличили число кроватей до 15. В родильном отделении Ирбитской больницы в 1894 г. побывали 39 пациентки. Им оказывали помощь при неправильных родах: "повороте на ножки с последующим выжиманием последа и предлагаемом последе"²⁴⁸.

В начале XX в. для жителей крупных городов Урала, как и всей России, стал жизненно важным вопрос о праве женщин на аборт не только по медицинским показаниям. Дважды в ноябре 1911 г. он обсуждался на заседаниях Уральского медицинского общества в Екатеринбурге. И дважды обширный зал местного музея не мог вместить всех желающих послушать доклады акушеров-гинекологов и юриста²⁴⁹.

Актуальной для уральских городов была проблема охраны не только материнства, но и младенчества. Городскому, как и сельскому населению края был знаком летний максимум детской смертности, уносивший жизни половины новорожденных. В приходе Кунгурского собора ежегодно в июле-августе 1886-1887 гг. хоронили до 180 малышей, хотя уже в это время началось снижение числа детских смертей. По данным М.М. Чапницкого, в захолустной Чердыни детей умирало меньше, чем в ее сельской округе. Горожане стали строже соблюдать гигиену вскармливания. В Екатеринбургском уезде употребление коровьего рожка и коровьей соски в начале 1890-х годов чаще встречалось среди сельского, а не городского населения: 104 случая против 24 и соответственно 93 против 10. В Екатеринбурге предпочтение уже отдавали резиновым соскам (38 против 32) и стеклянным рожкам (20 против 6)²⁵⁰.

В 1905 г. здесь под руководством Н.А. Русских было открыто отделение по борьбе с детской смертностью. Оно активно стало заниматься стерилизацией молока и его раздачей кормящим матерям. Такие акции назывались в России "капля молока". В 1907 г. было выдано 6528 порций таких "капель". В 1908-1909 гг. для пропаганды правильного вскармливания детей отделение привлекло священников. В Екатеринбурге было отпечатано и роздано служителям церкви восемь тысяч листовок. При крещении детей они вручались матерям в виде памяток.

Члены отдела также давали бесплатные консультации по детским болезням и по уходу за грудными детьми. Они организовали постоянные ясли для детей, взяли на себя заботу о подкидышах - контролировали семьи, в которые их брали на воспитание. Средства собирали при помощи церкви, организовывали лотереи, принимали пожертвования. Ежегодно в апреле проводили праздники

Подснежника. В 1913 г. во время такого праздника было распространено 10 тыс. экземпляров газеты "Для детей"²⁵¹.

Наиболее ярко гуманность городского здравоохранения проявилась в оказании психиатрической помощи населению. Пермский приют душевнобольных в пореформенное время получил новый каменный корпус, в котором располагалось отделение спокойных. Оно состояло из четырех спален, отдельной комнаты на двоих больных, общего зала для дневного пребывания, общей столовой, двух комнат для прислуги, расположенных между спальнями больных, и одного светлого, широкого коридора. В отделении находились столы и скамьи для общей трапезы, столы для игры в карты и пашки; для больных существовала библиотека, в которой имелись журналы, "дешевенькие книги" и иллюстрации. По стенам были развешены картины. В отделении для беспокойных также имелся широкий светлый коридор для дневного пребывания больных, столовая, четыре отдельные спальни. Кроме того, в нем располагалась буфетная комната для всех мужских отделений. Находившаяся здесь мебель была прочной и прикрепленной к полу. Отделение неопрятных состояло из одной комнаты, соединенной "прямым ходом" с ванной. Светлый, широкий коридор в отделении для буйных также использовался для дневного пребывания, здесь же больные обедали. Имелись три "изоляционные" комнаты, стены одной из них были обиты мягкими матрацами. В нижнем этаже размещались женщины. Их помещение состояло из широкого полутемного центрального коридора, трех общих спален, перемежающихся с двумя "изоляционными" комнатами. Общая столовая вместе с коридором служила местом дневного пребывания больных. Здесь же располагались отхожее место и ванна. При женском и мужском отделениях для прогулки больных имелось по одному небольшому саду.

"Дело шло удовлетворительно", "пока количество больных было невелико". Когда их число стало превышать предельные нормы, обстановка изменилась к худшему. "Удушливый, поражающий своей специфичностью спертый воздух, - отмечали земские медки, - одурающе действовал на приходящих свежих людей". Под помещения для душевнобольных на скорую руку приспособляли телятник, каретник, погреб, амбар.

По данным 1913 г., психиатрическая лечебница на окраине Перми состояла уже из 12 павильонов и располагала филиалом в семи верстах от города в колонии "Липовая гора". В городских павильонах имелось электрическое освещение, в двух - даже паровое отопление, в остальных - голландские печи. Для стирки белья пользовались собственной паровой прачечной. При лечебнице были устроены столярная, слесарная, сапожная, портняжная, переплетная, картонажная и матрацная мастерские. Женщины занимались шитьем. Белье, обувь, "платье", мебель и "прочие необходимые для больницы предметы" изготавливали сами больные. К основным работам мужчин относились уборка усадьбы, заготовка дров, посадка деревьев, а в колонии также полевые работы. Для развлечения душевнобольных устраивали елки, вечера с музыкой и танцами, концерты, а

зимой горы для катания. Сюда даже приезжал кинематограф. На одного надзирателя приходилось по 29, а на одного служителя по 5,5 обитателя лечебницы²⁵².

Особые помещения для душевнобольных имелись при земских больницах в городах Вятской губернии: самой Вятке, Ко-тельниче, Яранске, Сарапуле, Елабуге, Малмыже, Орлове и Слободском. В остальных страждущих размещали в специально приспособленных для них палатах больничных зданий. Способные к труду мужчины летом также занимались сельскохозяйственными работами на ферме земской губернской больницы, а зимой уборкой и очисткой дворов от снега, исправлением дорог и уходом на ферме за домашним скотом. Женщины шили белье и "платье", вязали чулки, некоторые "выполняли обязанности больничной прислуги", работали в прачечной, а летом на огородах губернской земской больницы²⁵³.

Оборотной стороной создания закрытых учреждений психиатрической помощи стала изоляция их пациентов от общества. «В общем жизнь душевнобольных, - сообщалось в 1899 г. в "Памятной книжке" Вятской губернии, - однообразна и скучна, что на некоторых больных действует угнетающим образом». Трудотерапия и организация досуга обитателей психиатрических лечебниц способствовали исправлению положения, а ухудшало его отношение к ним как к существам инаковым. Светская рациональность церковному восприятию душевных страдальцев как убогих, т.е. находящихся у Бога на особом счету, могла противопоставить только признание их лишенными рассудка. Отношение горожан к подобным людям строилось на принципах притяжения-отталкивания. "Тормозом к правильному ведению призрения и успешного хода лечения" душевнобольных, по мнению врачей пермского земства, "помимо переполнения отделений" служило "самое устройство и размещение зданий психиатрического отделения". «Чрезмерная раскиданность и отсутствие правильно устроенных заборов, - писали они, - допускало всем и каждому иметь доступ к оным и можно было в щели заборов "поглядеть на сумашедших", поговорить с ними, передать деньги, табак, спички, бывали случаи передачи вина, морфия, швыряния через забор тяжеловесных предметов (железного окола аршина дверного пшингалета, поленья дров и тому подобное). Между простоплюдинами находились и такие, которым дразнить больных доставляло удовольствие»²⁵⁴.

Условия жизни в городах наряду с оказанием медицинской помощи требовали от врачей проведения санитарно-гигиенических мероприятий. Достаточно рано, например, была осознана проблема качества питьевой воды, особенно в городах с развитым кожевенным производством. Еще в 1857 г. "Пермские губернские ведомости" сообщали, что из 150 городских колодцев в Кунгуре только один имеет "хорошую" воду, в прочих она известковая. Песчаные берега омывающих город рек превращали их воду в мутный поток, в который попадали также отходы многочисленных кунгурских кожевен. В борьбе за "чистую воду" медики старались использовать последние достижения науки.

Вениамин Осипович Португалов уже в 1866 г. показывал чердынским горожанам под микроскопом микробов в пробах воды, взятой из зловонного озера, расположенного в центре города²⁵⁵.

В 1879 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр "о принятии мер к охранению народного здравия", в котором шла речь о необходимости оздоровления санитарной обстановки в российских городах. Шадринский городской врач призвал жителей заняться устройством дренажной системы²⁵⁶.

Постепенно в городах Урала появились специальные учреждения - санитарные комиссии (о которых уже шла речь выше) и была введена должность санитарного врача. Причиной создания этих служб часто становилась угроза распространения повальных болезней. "Обыватель наш, господа, - говорил один из членов Общества врачей Пермской губернии на его заседании в холерные 1890-е годы, - еще верует, что земля стоит на четырех китах, что если ходить по субботам в баню, да пить водку перед обедом и ужином, то никакая зараза тогда не будет страшна. Нужно что-нибудь необыкновенное, вроде страшного призрака холеры, чтобы вывести обывателя из этого его спокойного мирозерцания". По его наблюдениям, пермская комиссия "сперва принялась за дело горячо, члены ее обошли отведенные им участки города и заставили домохозяев поочистить их усадьбы; это было до тех пор, пока страхи прихода холеры еще не улеглись". В благополучное время "энергия... санитаров мало-помалу исчезла, и обыватели по-прежнему стали опакашивать свои усадьбы"²⁵⁷.

В конце XIX в. губернская Пермь обзавелась собственным городским санитарным врачом. В санитарную комиссию города, как докладывал врачебному съезду А.М. Плотников, входили гласные городской управы, состоящие на службе города врачи, ветеринар и полицмейстер. В случае надобности в нее приглашали "посторонних сведущих лиц". В остальных городах губернии до XX в. постоянных органов санитарной организации не было. В городах Вятской губернии к 1896 г. уже существовало двенадцать санитарно-исполнительных комиссий.

В начале XX в. постоянная санитарная комиссия была создана в Шадринске. Она решала вопросы обеспечения горожан качественной питьевой водой, контролировала состояние городских свалок, городской бойни, торговых лавок. Производилась расчистка ручьев и протоков р. Исети. На ней сооружались "водочерпательные" плоты. В разных местах города строились общественные колодцы. Готовился проект городского водопровода²⁵⁸.

Медики старались следить за санитарным состоянием предприятий, расположенных в черте города. Особенное внимание обращалось на пищевую промышленность. В 1895 г. в Кунгуре были осмотрены все крендельные и пекарни, заведение искусственных минеральных вод и паточное заведение. Осинским городовым врачом обследовались бойни и тюрьма. На съезде врачей Пермской губернии 1902 г. приводились следующие данные. Только за один год было составлено 207 протоколов и городскими судьями рассмотрено 116 дел по

санитарным нарушениям. Для осмотра рыбы открывалась каждая тара, а в кулях, боченках, коробках и ящиках рыба осматривалась "на выдержку". За тот же год было уничтожено признанных негодными к употреблению "дичи, головок телячих, лимонов, апельсинов, арбузов, огурцов и так далее" 67 077 штук, "массовых" продуктов: "мяса, рыбы, масла, хлеба, пряников, конфет и так далее" 97 пудов 12,5 фунта²⁵⁹.

Санитарно-гигиеническая работа врачей была тесно связана с эпидемиологической. Скудность людей в антисанитарных условиях города превращала его в постоянно действующий рассадник заразы. Так, по данным 1858 г., в г. Слободском Вятской губернии были случаи тифозной горячки, кровавого поноса, натуральной оспы и кори, в г. Нолинске свирепствовал круп²⁶⁰.

Первым эффективным средством борьбы стала оспенная вакцина. Присланную в 1804 г. вакцину екатеринбургский доктор Воскобойников в первую очередь испытал на своем сыне. При переходе к массовой вакцинации понадобились специальные оспопрививатели. Они избирались из числа мещан. Обучали "ос-пенников" уездные врачи. С 1811 г. в городах начали создавать оспенные комитеты, которые осуществляли контроль за ходом прививок. В 1820-х годах врачебная управа Перми для учеников духовной семинарии каждую среду устраивала показательные оспопрививания. Эти меры были призваны сломить сопротивление горожан. "Оспу прививают здесь, - сообщил в 1847 г. Н. Корнаухов о жителях Чердыни, - почти насильно, ее называют антихристовой печатью". Чтобы "истребить привитую оспу", население научилось "вскоре по привитии высасывать материю или смывать ее в бане". В результате подобных действий от натуральной оспы умирало "много младенцев"²⁶¹.

В пореформенное время привитие оспы стало личным делом каждого, и налаженная система практически распалась. Земскому врачу Ирбита А.А. Рудольскому удалось сохранить дореформенный аппарат прививателей, ввести четкий учет родившихся и привитых и установить контроль за качеством прививок. Причину своих неудач в вакцинации начала 1880-х годов красноуфимские медики видели не в убеждении родителей против прививки, а в их "беспечности". «Очень многие из городских родителей, - пояснял М.И. Мизеров, - спрашивали про оспенную лимфу тогда, когда она не была еще развита, и тогда, когда была прекращена, причем общий ответ на причины неявки в объявленное время был "недосуг; не время"». "Даже состоятельные, торгующие личности - личности, живущие с прислугой, - возмущался он, - не сочли нужным уделить для блага своих детей 10-20 минут". В Осе к началу XX в. оспопрививание было организовано примерно таким же образом. Городская управа в конце года расклеивала печатные объявления с приглашением привить предохранительную оспу детям, указывая время и место, где это можно будет сделать. В это время о жителях уральских городов сообщали: население Красноуфимска "вообще охотно прививает оспу", оспенная эпидемия в Ирбите "отошла в область преданий". Постепенно ситуация изменялась даже в захолустном городке Оренбургской губернии Илецкой Защите. "В разное время низшее сословие, - писал в начале XX

в. П. Чижев, - много лишилось малюток от заболевания оспой, не предупреждая эту болезнь прививкой, что почитают за величайший грех и называют печатью антихриста. С распространением грамотности это поверие мало-помалу слабеет и уменьшается процент умирающих от оспы"²⁶².

В 1830 г. впервые посетила уральские города холера. В начале августа вспышка этого заболевания была зарегистрирована в Перми. В октябре из 18 заболевших арестантов Пермского острога умерли 15. Благодаря энергичной работе врачей под руководством Ф.Х. Граля эпидемию удалось остановить.

В 1848-1849 гг. по краю вновь прокатилась эпидемия холеры с большим количеством жертв. "Холера, - говорилось в письме одного из екатеринбуржцев, - перешагнув через Урал, посетила и нас; многих знакомых проводили мы в последний приют - могилу; в числе их ветеран времен суворовских... сложил свою головушку". "В октябре, - пояснял он, - опасность прошла, и все приняло прежний вид".

Пермь и Екатеринбург в холерное время были разбиты на участки, которые курировали постоянные врачи. В других городах вместо них ограничились попечителями. В ряде мест создавались специальные лечебные учреждения, в том числе за счет благотворительных средств. Так, кунгурский купец СИ. Фоминых пожертвовал 35 тыс. руб., которых хватило для основания больницы на 10 коек. Однако на пребывание в них соглашались лишь нижние воинские чины и самые бедные бесприютные люди.

В Шадринске им бесплатно выдавали лекарства из аптеки. Крас-ноуфимский врач лечил заболевших каломелью с ипенакуаной и опиумом. Жителям Кунгура в специальном наставлении рекомендовалось иметь наготове истопленные бани. При первых признаках холеры горожане отправлялись в баню, потели в ней, а затем пили горячий чай"²⁶³.

Холера посещала Урал в 1870 и в 1892 гг. По данным 1893 г., в городах Оренбургской губернии заболели 3308 человек умерли 2040, или 61%. В уездах и число больных - 8642 человека и летальность - 50,4% были меньше. В г. Илецкая Защита эпидемия свирепствовала в конце июля - начале августа 1892 г., ежедневно унося в могилу по 15 человек. Для лечения инфекционных больных был устроен специальный барак, в котором работали доктор, три фельдшера и четыре "прислуги". Однако городской люд, по словам очевидцев, "неохотно шел в больницу, и даже иные грубо отвергали медицинскую помощь, боясь отравления", поскольку среди жителей "распространился нелепый слух, вероятно, навеянный из привольских городов, что простой народ будут морить, что холера от докторов, которые, желая выморить народ, заразили воду вредными насекомыми, чем и вызвали холеру"²⁶⁴.

Единственным городом, где эпидемия не получила распространения, стал Екатеринбург. "В борьбе с холерой, - отмечает современный исследователь медицины Урала В.Т. Селезнева, - врачи Екатеринбурга не придумали ничего нового. Они просто сумели четко организовать всем известные

противоэпидемические мероприятия". Ведущую роль в деятельности санитарно-исполнительной комиссии здесь сыграли Н.А. Русских и А.И. Смо-родинцев. Вопреки запрещению обсервировать прибывающих в город пассажиров, им с помощью интеллигенции удалось наладить четкую систему наблюдения, результатом действия которой стали единичные случаи завоза холеры. На столь же высоком уровне была организована очистка города и санитарно-просветительная работа среди населения.

Достижением холерных лет стало также появление почти при всех земских больницах в городах Пермской губернии отдельных барачков "для соглашающихся" лечиться стационарно заразных больных²⁶⁵.

С 1870-х годов доктора Урала стали ставить диагноз "дифтерия". Эта была одна из самых опасных детских инфекций с высокой степенью летальности: заболевшие умирали, среди остальных нередко начиналась паника. В 1883 г. Э. Клебе открыл дифтерийную палочку, и началась разработка мер борьбы с возбудителем болезни. Противодифтерийная сыворотка получила распространение намного позднее, а пока приходилось прибегать к экстраординарным действиям. Чердынский врач М.М. Чапницкий предложил городскому управлению собрать сход всем мещанам, на котором можно было бы разьяснить серьезность болезни и опасность заражения. Пришлось один за другим проводить два схода. После первого на принимаемые меры жители смотрели еще довольно недоверчиво, но после второго, "когда была ясно указана заразительность дифтерита и указано как переходит болезнь от одного больного к другому", они сами "с охотой" стали заявлять о появившихся больных, старались помещать детей в специально устроенную на это время больницу и соглашались на дезинфекцию домов, где были случаи дифтерита. В домах жгли серу, затем на сутки их запирали, на другие сутки открывали все окна и двери, после этого "все внутри вымывалось водой", стены дополнительно смазывались раствором сулемы²⁶⁶.

Особняком среди инфекционных заболеваний горожан стояли сифилис и туберкулез. Они не вызывали эпидемических вспышек, но были широко распространены. Сифилис нередко получали половым путем. Развитие его в городах, говорилось в "Памятной книжке" Вятской губернии, происходило "от тайной проституции". Однако бытовой сифилис также имел место. Врач В.Б. Загорский приводит несколько случаев заражения им в мещанских семьях Челябинска. "Бабушка Е-ва, имевшая своего грудного ребенка, приехав из деревни в город, покормила грудью сначала своего внука, страдавшего сифилисом (о чем она, по ее словам, не знала), а затем собственного ребенка. Она получила первичную язву на соске, а ее ребенок на языке. У обоих развился общий сифилис". "Семейство Б-вых взяло к 5-месячному ребенку няню. Вскоре у дитяти на нижней губе появилась упорная язва с твердым дном. Вслед за тем подобная язва появилась и у его молодой матери на правом соске. И у ребенка и у матери развился общий сифилис, которым заразилась 12-летняя сестра и муж. Освидетельствовав няню, я нашел у нее кондиломатозный сифилис, plaques и

трепины в углах рта". Кучер, страдавший кон-диломатозным сифилисом, заразил, целую, хозяйских детей четырех и шести лет в семье М-на²⁶⁷.

После создания в 1909 г. Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом деятельность врачей, направленная на борьбу с этим бедствием, приобрела более организованный характер. 14 ноября 1911 г. оформилось Пермское отделение Всероссийской лиги. Возглавил его директор бактериологического института В.М. Здрравосмыслов. Отделы лиги появились во всех уездных городах. В Екатеринбургe им стал руководить В. М. Онуфриев.

Ежегодно в мае Пермское отделение лиги организовывало праздники Белого цветка, во время которых проводился сбор средств на борьбу с туберкулезом. В Екатеринбургe первый такой праздник состоялся в 1911 г. и принес 6352 руб. 96 коп. дохода. Для продажи цветков город разбивали на сорок участков. С музыкой, плакатами, цветами устраивали торжественное шествие от Соборной площади к Театральной. Здесь располагались киоски, в которых также продавали белые цветки. Начиная с 1913 г. к праздничным дням приурочивали издание специальной газеты-журнала "Белый цветок", где печатались статьи выдающихся ученых и екатеринбургских врачей, посвященные борьбе с туберкулезом. Тираж газеты доходил до 5 тыс. экземпляров.

В Перми и Екатеринбургe на полученные от праздников и более прозаическими способами благотворительные средства создали бесплатные амбулатории-диспансеры. Екатеринбургскую амбулаторию посещали примерно 55 больных в день. В ней имелся аппарат для наложения искусственного пневмоторакса. Здесь была также лаборатория для проведения анализов. Общества "Белого цветка" (как их иногда называли) выдавали суды для лечения, а также направляли заболевших в летние кумысолечебницы. Только в Перми и ее пригороде Мотовилихе за 1912 г. врачи прочитали 29 лекций о туберкулезе, на которых в общей сложности побывали до 7 тыс. слушателей. На устроенной здесь педагогической выставке отделение Лиги оформило специальный раздел о борьбе с туберкулезом²⁶⁸.

В начале XX в. испытанным и эффективным средством городской медицины стало использование общественного мнения, которое формировалось посредством создания различных общественных организаций и широкой просветительской, пропагандистской работы. В городах Урала появились филиалы общероссийских организаций, оказывающих помощь слепым и глухонемым: Вятское попечительство о слепых, Елабужское убежище для слепых детей, Ирбитский комитет попечительного общества о слепых, Пермское общество попечения о глухонемых, совет Уфимского отделения попечительства о слепых, Уфимский отдел попечительного совета императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

Еще в 1897 г. Уральское медицинское общество организовало в Екатеринбургe самаритские курсы, на которых обучало население само- и взаимопомощи при несчастных случаях. В городе они пользовались большой популярностью. В первый наб'р туда записалось свыше 300 человек. Им

преподавали основы анатомии, физиологии, гигиены, оказания первой помощи при несчастных случаях. Срок обучения составлял шесть недель.

В 1907 г. по просьбе семейно-педагогического кружка в Екатеринбурге врачи стали читать для педагогов лекции по вопросам физического воспитания детей и школьников. Систематический курс публичных лекций о воспитании здорового ребенка в 1909 г. организовал здесь А.М. Спасский.

В Перми на базе научно-промышленного музея П.Н. Серебренников и Я.С. Давыдов организовали лекции по гигиене. В 1908 г. в Пермском краеведческом музее открывается гигиенический отдел, в котором были собраны диаграммы и картины, характеризующие заболеваемость и смертность населения. При чтении лекций врачи широко использовали их, а также другие музейные экспонаты.

В 1910 г. возглавляемое П.Н. Серебрянниковым Общество пермских врачей организовало особую комиссию народных чтений по медицине и гигиене. Тематика лекций, которые проводились в двух аудиториях Перми, включала самые насущные проблемы здравоохранения: Как устроено человеческое тело и как идет в нем жизнь; Паразиты, живущие в теле человека; Невидимые друзья и враги людей; О так называемой дурной болезни; О болезни глаз, называемой трахомой; Воздух и климат и их значение для здоровья человека; Загрязнение почвы и воды как причина болезней; Жилище, и как сделать его здоровым; Пища и ее значение для здоровья; Полезны ли спиртные напитки; Первая помощь в несчастных случаях; О туберкулезе; От чего болеют и мрут наши дети?

С 1911 г. екатеринбургскими врачами читался цикл лекций по вопросам физического, умственного и нравственного воспитания детей, включая гигиену и охрану жизни матери и ребенка. Конспекты этих лекций были изданы в особом сборнике. Туда вошли выступления А.М. Новикова "Охрана материнства. Акушерская помощь", Д.В. Хирин "Анатомия и физиология взрослого и ребенка", Б.М. Левинсона "Естественное кормление ребенка", П.П. Кибардина "Школьная болезнь (искривление позвоночника)", А.М. Спасского "Туберкулез и общественная борьба с ним", П.П. Мегорского "Психология дошкольного возраста", В.П. Мегорского "Способный ученик", Н.А. Русских "Особенности физического воспитания детей в Англии".

В качестве каналов распространения медицинских знаний широко использовались школы и библиотеки. Врачи преподавали курс гигиены в женских гимназиях Екатеринбурга, Кунгура и Шадринска. В Екатеринбургской гимназии Н.А. Русских читал его по обширной программе. Он водил гимназисток в ясли, показывал им, как надо взвешивать детей, стерилизовать молоко.

К 1907 г. в библиотеке пермской губернской больницы насчитывалось более 5 тыс. книг. Книжное собрание Уральского медицинского общества к 1911 г. составляло 8389 экземпляров. Этой литературой широко пользовались екатеринбургские врачи.

Общественной трибуной медиков стали общероссийские и международные выставки. В 1911 г. Уральское отделение Союза борьбы с детской смертностью за отчеты и печатные издания получило почетные дипломы Дрезденской

международной гигиенической выставки. В 1913 г. отделение было награждено почетным дипломом Всероссийской гигиенической выставки в Петербурге за программу идей борьбы с детской смертностью, за публичные лекции, издание картин, плакатов и бронзовой медалью за реализацию этих идей. Почетного диплома за выдающуюся деятельность в борьбе с детской смертностью в России был удостоен и Н.А. Русских²⁶⁹.

Официальной медицине удалось оттеснить на периферию своего народного аналога. В начале XX в. городской люд продолжал "придавать" большее значение "простым домашним средствам и заговорам", при заболеваниях "первым долгом считал обратиться к знахарям и ворожейкам" и лишь, оказавшись в безвыходном положении, прибегал к помощи дипломированных врачей. С официальной точки зрения целительские знания и опыт горожан являлись "скрытой системой здравоохранения". Однако они были скорее не тенью, а фоном существования "организованной" медицины и имели отношение не к здравоохранительным, а самосохранительным системам. Восприятие природы болезненного начала, недугов, больного и лечащего, средств к достижению выздоровления в народной и официальной медицине различное.

Популярной в среде городского населения оставалась фигура ведуна, знахаря, являвшегося специалистом "широкого профиля". "В понятии народа, - писал в середине XIX в. врач "горного города Дедюхина" Д. Петухов, - знахарство от колдовства отличается нисколько. Кто знахарь, тот и колдун, которая баба знахарка, та и волхитка".

Согласно поверию жителей Соли Илецкой, подобное "всеведение" имело своим источником "змеиную" мудрость. Став "случайным узником" этих пресмыкающихся и затем, возвратившись к людям (фактически умерев как человек, воплотившийся в змею и снова возродившийся в человеческом облике), испытуемый оказался наделен недожинными способностями. Он не только научился понимать язык змей, но «узнал средство излечивать пущенные по ветру болезни, отписывать лихорадку и много других средств, трав, камней, предохраняющих от порчи волхво-ваниями, предупреждающих от несчастных случаев, пожаров, скотского падежа, неурожая, заклинаний, усмиряющих злобных духов, приручающих "хозяина" и т.п.» Целительство было одной из ипостасей "знающего". В Дедюхине тайное знание иногда "приобреталось сильной личностью случайно". А чаще всего передавалось из рода в род наследственно, причем противоположенному полу - от матери к сыну, от дочери к отцу, "иначе тайны колдовства, по мнению дошлецов и дошлиц, не действуют"²⁷⁰. В Чердыни врачевательством занимались "старики и старухи". Опытные знахари "никому своих секретов" не объявляли и предупреждали об этом больных. «Баба знахарка, вылечившая ее, - рассказывал о своей квартирной хозяйке пермяк Е.П. Мухачев, - строго наказала: "Если ты кому скажешь об этом, то, конечно, этот человек выздоровеет, но зубная боль перейдет к тебе"». Из сострадания к мучениям по-

стояльца "старуха-хозяйка" все-таки решилась открыть ему свое "испытанное средство"²⁷¹.

Амбивалентность образа "знающего" определялось его возможностями как избавить человека от страданий, так и наделить ими. Жители Дедюхина в середине XIX в. столь сильно верили в сверхъестественные способности колдунов, что даже их неудачи расценивали не иначе, как "злобу", которая могла стать также причиной порчи. Именно этот недуг, по словам Н. Корнаухова, породил молву о чердынских колдунах, "которые могут по ненависти или по привычке поргить людей, то есть, сажать в них порчу, привешивать килы мужчинам, а женщинам зобы", "во множестве" встречавшиеся у горожанок. "Большая половина замужних женщин" в Чердыни страдала "особого рода истерикой". Посаженные в них порча и дьявол либо "кричали самыми дикими и необъкновенными голосами", "подражая всякого рода животным", либо "визжали, как будто бы их кто-нибудь бьет или режет"²⁷².

Медицина "просвещенной" эпохи представляла себя как сумму практических навыков и теорий, она стремилась не к распоряжению жизнью, а к поддержанию здоровья и борьбе за жизнь. Поэтому претензии знахарей казались докторам по меньшей мере шарлатанством. "Известно, как простой народ наш смотрит на свое здорье, - писал по этому поводу в 1872 г. врач земской больницы г. Осы Падарин, - кому он не веряет его, когда случится ему прихворнуть. Его лечит старая, выжившая из ума баба, его лечит знахарь, коновал, медвежий вожака, его лечит странница, дьячок, сиделец, подвальный. Его может лечить всякий, кому не лень, и от всех он будет пить все и даже не будет спрашивать, чем, мол, ты это меня поишь?" Однако по отношению к врачам подобная всеядность исчезала, уступая место стойкому неприятию. "Все вообще жители города, - писал в 1847 г. о чердынцах Н. Корнаухов, - имеют отвращение от городских медиков, почитают за грех пользоваться их лекарствами и называют их погаными или нечистыми". В других городах Урала самоотверженная работа врачей на благо своих пациентов привела к тому, что обращаться к ним за помощью уже "привыкли" и "лечились у них охотно", а некоторых, таких, как Федор Христофорович Граль, даже боготворили, называя "святым доктором".

"Чтобы привлечь к себе народ кроме кротости и разговорчивости с ним, - наставлял Д. Петухов, - врачи должны уважать его вековые привычки, которыми он дорожит больше жизни". "Могущественное значение креста", по его мнению, "не должно быть пренебрегаемо врачами". Доктор "не худо сделает, если, войдя в палату, осенит себя крестом", поскольку больные, "видя знамение креста, поймут, что врач приступает к своему делу не просто, а благословясь, оживут духом и с верой в помощь Божью" станут принимать прописанное²⁷³.

Постоянно возникавшим на благодатной почве недоверия слухам о "врачах-отравителях" можно было противостоять только личным самопожертвованием, преданностью делу и бескорытием. Жизненным принципом красноуфимского врача Матвея Ивановича Мизерова было никогда не брать с больных денег ни в больнице, ни при обслуживании на дому, независимо от того, днем его вызывали

или ночью. Отступив от него под натиском жизненных обстоятельств, он был очень расстроен, передал деньги жене и сказал: "На возьми, - сегодня я продал душу дьяволу". Мария Ивановна Торопова, прослужившая 15 лет городским врачом в Соликамске, категорически отказывалась от каких-либо подношений. Павла Николаевича Серебрянникова пермяки называли вторым Пермским Гаазом. Его знала вся беднота Перми, поскольку он бесплатно лечил неимущих как в амбулатории, так и на дому, безвозмездно работал во многих учебных заведениях. С 1882 г. в Екатеринбурге лечил бедных Николай Александрович Русских.

В 1900 г. благодарные краснофимцы избрали М.И. Мизерова почетным гражданином города. Однако вскоре (в связи с событиями первой русской революции) он был выслан оттуда, а в 1913 г. скоропостижно умер. Жители Красноуфимска настояли на погребении его праха в своем городе. Провожать в последний путь любимого доктора пришло много народа. На могилу было возложено более 50 венков. Одну из улиц города назвали его именем²⁷⁴.

Народная медицина давала иное, нежели официальная, толкование причин различных недугов. Ее, по определению медиков, "находчивые" служители полагали, что зоб можно получить, выпив "воды из посуды после курицы", а мужское бессилие - "из поданного через порог ковшика", резачку - помочившись "на ветер". Заушницу (или килу) "привешивали недобрые люди". Трудно было "разуверить" жителей Чердыни в том, что порченные -это "обманщики" и "притворщики". "А если станешь смеяться над их глупостью, - отмечал наблюдатель, - то они сочтут изувером и безбожником".

Представление о болезни как о духе, который может быть кем-то послан (порча, сглаз), распространялось на лихорадки. От "худого глаза, злого языка, нечистой силы" происходили такие страдания, как худобка, уроки и призоры. «По замечаниям здешних, - писал о чердынских жителях Н. Корнаухов, - большая часть болезней, в особенности у детей, зарождается от уроков. Уроки же эти происходят будто бы оттого, когда кто-либо, войдя с улицы в комнату, похвалит ребенка или взрослого и скажет: "ах! какой миленькой ребенок!" Или взрослому: "ах, как хорошо ты вышиваешь, тонко прядешь и пр."; и если вскоре после этих слов тот, которого похвалили, захворает, то обыкновенно говорят: "его изурочили", "обяхали", "озевали"».

Испорчен или околдован, по мнению его сестер, оказался соли-камец Ефим Прокосьевич Клементьев (по прозвищу Оловников), нижнюю часть тела которого разбил паралич. "Лукавый соблазнил его осматривать чужие морды", а они поставлены были "неспроста", но "со словами" или с наговором, "к чему рыбаковы некоторые способны по своему знакомству с водяным". Дедюхинские знахари "расстройство брюшных органов" также объясняли "порчей от такого-то колдуна либо волхитки". "Похвально подавать помощь страждущим, - поучал доктор этого города Д. Петухов, - но нельзя одобрить знахарей за бестолковые объяснения".

В отношении горожан к больным прилепывалась доля суеверия. Жители Чердыни использовали порченных для предсказания будущего, иногда они "угадывали потерянные вещи". "Паралитика Ефимушку" соликамцы признавали за святого или пророка, хотя сам он такую честь благодарно отвергал. Особенно посетители досаждали убогому в девятую пятницу после Пасхи, когда "по древнему обыкновению" в город стекалось множество богомольцев.

Разница наблюдалась и в путях избавления от недугов, которые страждущему человечеству предлагали официальная и народная медицина. Дипломированные медики, например, не лечили лихорадку, "отписывая" ее, и не вызывали искусственный выкидыш, собирая воедино частички корня волшебной разрыв-травы²⁷⁵.

Панацей и первым средством от многих болезней русский человек считал баню. Хотя бани простых горожан были не очень благоустроенными, однако ими охотно пользовались. В Чердыни маленьких детей, "чем бы они ни были нездоровы", несли в баню и парили там в жару. Здесь же знахари производили магические манипуляции с больными. По уверению дедохиных "дошле-цов", "волшебная сила в бане действует только от бабы на мужика и от мужика на бабу", поэтому "в баню ходит с женщинами колдун, с мужчинами - колдунья".

Главная сила чердынских знахарей, по мнению современников, состояла "в напештывании". Силе слова поддавались уроки, зубная боль, змеиные укусы, судороги и обмороки, различные детские болезни. Жители Илецкой Защиты, которые заговорами исцеляли даже от сибирской язвы, верили, что они "действительно бывают только тогда, когда получены при научении младшим от старшего по возрасту".

Во время чтения заговора могли применяться дополнительные магические приемы, такие, как очерчивание (при лечении чирья или "вереда"), вспрыскивание или окатывание водой (по принципу: с "гоголя", гуся, лебедя вода, с качиваемого "вся худоба"). Слова, избавляющие от зубной боли, шептали над палочкой, которую затем держали между зубами.

В Чердыни наговаривали "на воду". Жители Дедохина при болезни "подчелюстица" наговаривали на ворвань, при болезни "хомулец" - на масло. Однако "лучшим проводником заговорной силы" при внутренних болезнях, по их мнению, оставалось вино, за ним следовали квас и вода.

Делом знахаря было также "править" больному пуп, когда тот насадил себя, подымая что-либо тяжелое. В бане, "в сильном жару кладут его на полок и правят, намывая живот и напештывая разные наговоры", или просто на печи, смочив живот теплой водой и натирая его мылом. После чего, положив "на самый пуп" небольшой клочок кудели и "зажегши его", тотчас же прикрывали горшком. Жар от горящей под горшком кудели втягивал кожу на животе в горшок, и человек, скорчившись, пребывал в этом мучительном положении до тех пор, пока горшок не остынет и не отвалится от живота. В Дедохине подобную процедуру практиковали при "женских болезнях". По наблюдениям доктора Д. Петухова,

"горшок, поставленный на брюхо", нередко приводил к расслаблению брюшной стенки и выпадению матки²⁷⁶.

Чувствуя недомогание, сходить в баню или прочитать заговор человек мог самостоятельно. Однако болезненное состояние делало людей пассивными. Слово сочетание "оказание медицинской помощи" само по себе предполагает получающего, принимающего объекта и некоего помощника, который не обязательно являлся профессиональным врачом. Так, жителям

Илецкой Защиты было известно несколько способов борьбы с змеиными укусами. Спуститься в воду прежде укусившей его змеи мог только сам пострадавший, поскорее обвести укушенное место кончиком копачьего хвоста ему могли помочь окружающие, а о том, что к месту укуса следует приложить "внутренней стороной только что разрубленный пополам еще теплый труп голубя", был осведомлен, скорее, знахарь.

Никто не мог за лихорадочного больного глядеть на живую щуку, мочиться на пол или столб за мужчину, страдавшего импотенцией. В других случаях на помощь заболевшему приходили окружающие. Мать облегчала страдания своего ребенка. Например, в Чердыне детям, одержимым "падучей болезнью", матери во время припадков закрывали голову подолом своего платья. При головной боли здесь драли "чемер": положив голову больного на колени, врачующий обвивал около указательного пальца несколько волосков и "близь самой кожи" прикусывал их зубами. Кожа пощелкивала, и пациенту "будто бы от этого делалось лучше". Положить на зуб завернутых в узелок "паука или другое какое-либо отвратительное насекомое (животное)" должна была тоже посторонняя рука, поскольку больному не следовало знать о том, что лежит в узелке. При зубной боли чер-дынцы также помогали страдальцу налить в бурак квасной гущи, спустить туда раскаленные кирпичи, и тогда он, "закрывшись покрепче", дышал этим паром. Вместе с "товарищем" посещал баню "маявший зубы" житель Перми. Пока он прел на полке, помощник успевал распарить на каменке новый березовый веник, выжать из него в чашку зеленовато-мутный сок и предложить его больному. Тот держал жидкость во рту, а в заключение прополаскивал его красным уксусом.

Процедура лечения "огника" предполагала уже двух участников. "Один человек, - сообщал очевидец, - держит ребенка против шестка топящейся печи, а другой, держа три горящие лучины перед лицом малютки, водой из своего рта spryskivaet сквозь горящие лучины лицо больного дитяти, находящегося между двух огней - печного и ручного"²⁷⁷.

Как "добрые христиане" обращение за помощью в восстановлении собственного здоровья к матери-церкви (ее обрядам, таинствам и предметам культа) горожане считали самоочевидным. Чердынцам и соликамцам бывало "прошение и цельба" от явленного образа Николая Чудотворца, "список" с которого приносили из с. Нырб. В конце XIX в. также соблюдался древний обычай совершать крестные ходы с явленной иконой Преображения Господня из с.

Верховского в Вятку к девятой пятнице после Пасхи, в Орлов к 8 июля, в Котельнич Великим постом к 17 марта.

По преданию городские жители "возьмели" особенное благоговение к этому образу по случаю часто происходивших чудес и исцелений от болезней во времена моровых поветрий. В запятном городе Обвинске Соликамского уезда исцеления искали у древней иконы Успенья Пресвятой Богородицы. На юге Урала их совершала икона Табынской божьей матери.

Первооткрывателями целительной силы мощей Симеона Верхотурского стали жители Верхотурья. Впоследствии горожане не раз обращались к нему за помощью и, как показывают документально оформленные свидетельства исцелений, находили у этого святого ответный отклик. Кроме того, чудеса совершались на могиле "Косьмы Верхотурского Христа ради юродивого", с которой брали землю, а из ближайшего к ней источника воду преимущественно для лечения детских болезней.

Облегчения от недугов горожане искали также у непризнанных официальной церковью народных святых и праведников. Проживая при усыпальнице кладбищенской церкви Оренбурга, хлыстовский "избранник Господа" Петр Филипов Лосев занимался лечением "бесноватых, так называемых кликуш". Кроме молитвы и "повеления именем Божиим выйти бесу из одержимого им" он бил страдальцев проволочными прутьями. "Это было, - негодовал церковный автор, - чуть не на наших глазах в губернском городе. Что должны были терпеть несчастные?"

В Предтеченском монастыре г. Котельнича долгое время хранились черепа предводителей устюжан. Жители обертывали кости полотенцами "или чем-нибудь другим", потом накладывали ткань "на свои болящие головы", "отчего и получали будто бы в скором времени исцеление". По мнению ортодоксов, горожане совершали нечто близкое к святотатству и поступали суеверно, а то просто использовали "святость" останков в лечебных целях.

В крайнем случае чердынские лекари, по словам Н. Корнау-хова, прибегали к следующему: "Если больной, какой бы ни страдал он болезнью, находится в самом опасном положении, и не находят уже никакого средства помочь ему, или, лучше сказать, умирить поскорее простыми лекарствами, то употребляют последнее, которое, впрочем, не делает вреда больному - поновляют (т.е. обмывают) чистой водой образ семи отроков и поят и спрыскивают этой водой больного"²⁷⁸.

Более прозаическим для народной и основным для научной медицины было изготовление лекарств на основе различных веществ. В Чердыни больных "пользовали" "разными травами, кореньями". "Все эти снадобья, - рассказывал о привычках знахарей Илецкой Защиты в начале XX в. П. Чижев, - бабушки варят, парят, толкут, настаивают, мешают по несколько сортов вместе

m

без всякого веса и меры, потом дают больному пить, нюхать, растирают, прикладывают, перевязывают, причем обязательно шепчут и наговаривают".

"Замечательным", по его мнению, было то, что "лекарка, взявшись эскулапить, при недостатке какой-либо травы или корня, никогда в тупик не станет: вместо той травы, которая требуется (но у нее теперь вся вышла), она положит другой, в полной уверенности, что трава тут вовсе ни при чем, а что Бог даст, то и будет". Дедохиинские знахари, по словам доктора Д. Петухова, любили "потчевать больных штофами, полуштофами и стаканчиками", поэтому и ему приходилось выписывать "сигнатурные назначения" "в виде питья, довольно редко и стаканчиками 2-3 раза в день", поскольку переход "от знахарского штофа к докторской ложке", происходивший в сознании народа, был "очень крут". Чтобы облегчить его, врач предлагал сопровождать прием лекарств "знамением креста".

Городские медики не раз отмечали, что народ требовал от них "не лекарства, а зелья, т.е. сильнодействующего средства противу злой немочи". «Что вы ему ни говорите, как ни убеждайте, - писал о своей врачебной практике среди жителей г. Осы земский врач Падарин, - он твердит свое: "никто, как Бог, у Бога не узнаешь, а ты дай мне какого-нибудь зелья домой"». Заметив некоторое улучшение, пациенты снова начинали проситься домой: "Теперь, говорит, слава Богу получше, теперь уж можно, говорит, и дома воспользоваться, ты дай мне зельев". С такими, по словам доктора Падарина, было "еще труднее сговориться". "Что такое зелья, по понятию народа, - продолжал он, - известно каждому. Они входят в их суеверный культ и во многих случаях чуть-чуть не приравниваются той волшебной живой воде, вера в которую выразилась в народных сказках"²⁷⁹.

Поскольку народное врачевание обходилось без специальных медицинских учреждений, горожане с трудом привыкали к больничным стенам. Больницы были известны им как прибежище хроников, а не место лечения. «Еще до сих пор приходится слышать мнение простого люда, что "в больнице только мрут"», - писал о подобном восприятии М.И. Мизеров. Он боролся с прошлым этих учреждений, которое "по ограниченности врачебного состава и крайней бедности в средствах лечения" не могло поднять их авторитета на должную высоту. Красноуфимские мещане избегали ложиться в стационар, и в 1881 г. доля горожан составляла там всего 10,6%. Об упорстве жителей сообщил и Н. Бородин: "Замечательно, что как в уральской, так и гурьевской больницах, при весьма порядочном населении городов Уральска и Гурьева (в Уральске двадцать с лишком, а в Гурьеве около шести тысяч человек), редко бывает занято все штатное число мест, хотя других лечебных заведений здесь и нет". "Казаки, - отмечал он, - прямо сказать, сильно боятся попасть в больницу; отчасти боязнь эта объясняется тем, что пища в больнице для всех больных (русских и татар) готовится в общих котлах, и посуда как кухонная, так и аптечная - общая; наконец страшную антипатию внушает и практикующиеся иногда в больницах секции трупов".

По наблюдениям доктора Д. Петухова, "пугливое воображение" жителей Дедохиина также было вызвано боязнью "залежаться да умереть в больнице", где, "пожалуй, распотрошат". Доктор г. Осы Падарин предлагал устроить при больнице "род часовни", поскольку его пациенты высказывали такое же опасение:

"Умрепшь-то, так снесут тебя в какой-нибудь амбар, а не то в заводню". С решением этических проблем (церковь, к примеру, существовала при Александровской больницы в Перми) пребывание в стационаре для горожан стало более приемлемым, но не предпочтительным. "Больные, - сообщал о чердынцах в 1890 г. врач М. Кроткое, - обыкновенно весьма охотно ложатся в больницу, но у них не хватает терпения долечиваться. Лишь только поступит больной на излечение, как он начинает проситься домой, ссылаясь на домашние обстоятельства, на скуку, на безуспешность лечения"²⁸⁰.

Функционирование различных "систем", с точки зрения повседневности, означает, что уральский горожанин пребывал в сфере действия так называемого медицинского плюрализма, потенциально имея возможность выбора - обратиться к доктору, знахарю или заняться самолечением. Избирательность самосохранительного поведения конкретного человека зафиксирована источниками личного происхождения. Описание своих болезненных состояний, способов выхода из них, визитов врачей, названия лекарств оставил в дневниковых записях рубежа XVIII-XIX вв. екатеринбургский протоиерей Федор Львович Карпинский.

Похоже, этого сорокалетнего мужчину одолевали две напасти, при которых даже современный человек оттягивает визит к врачу: желудочно-кишечные расстройства и зубная боль. Отец Федор также пытался справиться с ними самостоятельно. 9 марта 1798 г. он записал в своем дневнике: "...Поутру принимал Cremos Tartari столовую ложку, и слабило разов до шести сильно". В июле того же года он принимал слабительное Sal. Sibiricum. 3 июля 1807 г. он также "весь день был дома, ибо принимал слабительное". Однако чаще его удерживал дома обыкновенный понос. Обычно случалось это летом. Вот записи за 1798 г.: 24 июля

"поутру был понос разов до 7-ми", 17 августа "много поужинал и от того ночью в брюхе великое было урчанье", 18 августа "обедал в 5-м часу по полудни, чтоб унять понос, однако его не пособило, не ужинал, и его не пособило. Это не ловко"; 19 августа "перед обедом выпил рюмку водки с померанцами, днем понос унялся"; 25 августа "весь день был дома по причине поноса"; на следующий день "поутру принимал Sal. Sibiricum"; 17 ноября "весь день был дома за продолжающимся с самого понедельника поносом"; 18 ноября "от поноса севодня, Слава Богу! было легче". 1 декабря "поутру был понос".

Кроме пощения и померанцевой водки Федор Львович в такие дни обращал внимание на диету: "Накануне ничего не ел, только ложась спать съел маленький ломтик булки с белым иш-панским вином". Так же он поступил 12 сентября 1798 г.: "... Накануне в вечеру ужинал, и от того поутру в голове была тяжесть, видно, по причине немногого желудок не сварил пищу, для того должно в период съест только один ломть хлеба и выпить стакан воды"²⁸¹.

Приступы зубной боли становились для отца Федора тяжелым и длительным испытанием. В 1798 г. они мучили его три раза: в марте, апреле и июле. В

дневнике от 13 марта появилась следующая запись: "... По вечеру болели зубы", и далее: "... Всю ночь спать не дали зубы". 14 числа "за болезнью зубной" он весь день был дома и записал: "... По вечеру зубы приняли меня весьма сильно, чтоб унять боль, выпил три стакана пуншу, окутался двумя шубами, несколько спотел, и боль перестала, и ночь спал спокойно". На следующий день только "в вечеру после чаю зубы утихли, и после того не было боли", и ночь он опять спал спокойно. 17 марта он писал: "... В вечеру после ужина, легши спать, начал читать Colloguia Erasmi и тем видно насадил зубы, от чего сильно болели, и стрельба в голове учинилась и не дали спать до 2-го часа". Через день "и в вечеру и почти всю ночь" у него опять сильно болели зубы. 21 марта во 2-м часу дня его посетил доктор Август Федорович Фелкнер, "прописал от зубов гвоздишные и сонные капли, за кои заплачено 52 копейки, велел к ночи поставить ноги в теплую воду на 15 минут, поутру принять Cremor Tartari, также прикладывать к щеке теплые отруби". "Севодня, - отметил в дневнике довольный Карпинский, - зубы не болели".

Тревожная запись вновь появилась 20 апреля: "весь день болели зубы сильно", "ночь почти всю не спал, зубы покою не дали". Но в этот раз приступ кончился довольно быстро. Оставшись "за зубной болезнью" весь следующий день дома, "в вечеру" он выпил 2 стакана пуншу, "после того зубам стало легче". А 22 апреля записал: "... Севодня, Слава Богу! Зубы не болели".

4 июля отец Федор "простудил зубы", выпив стакан холодного меда в гостях у своей знакомой "Исачихи", "от чего всю ночь спать не мог за превеликой болью и ломотой". Весь следующий день он лечил зубы дома, "в вечеру выпил стакан пуншу, рюмку красной водки, перед ужином рюмку вина". "Хотел, - как он пишет, - тем унять боль зубную, но не помогло, до 1-го часа ночи ни мало не дали покою". По этой же причине и на другой день Карпинский оставался дома, приняв "поутру" Cremor Tartari. 8 июля он с удовлетворением записал: "Слава Богу! стало зубам полегче".

Летом 1807 г. у него, видимо, обнаружился глисты, поскольку в понедельник, вторник и среду первой недели июля он принимал специальные "порошки"²⁸².

Хорошо Федору Львовичу были знакомы неприятные ощущения, связанные с преодолением похмельного синдрома. Частенько его "сильно ломало с похмелья". Нередко в это время он страдал головными болями: "в голове чувствовал слабость", "голова сильно болела". Однажды Карпинский заметил, что, воздержавшись от спиртных напитков, "ужинал с лучшим вкусом, нежели как выпьешь". Остальные недуги обходили его стороной. Лишь раз он обмолвился, что "за слабостью здоровья" не смог отправиться в гости, не пояснив причину "слабости".

Отец Федор безусловно относился к "просвещенной публике", был знаком с медицинской литературой, например, читал "Физиологию или естественную науку о человеке", написанную доктором Нестором Максимовичем Амбодиком.

Был восприимчив к санитарно-гигиеническим новшествам, в частности "спосылал" к своему знакомому князю "за одушиной, коя вставляет-ся в окно для впускания свежего воздуха".

В его записях отсутствует описание "суеверий" (хотя этнографических данных они не лишены). Но и к врачам он обращался не часто. Кроме Фелкнера его лишь однажды в январе 1804 г. посетил "г[осподин] лекарь" Ворвинский. Вероятно, чтобы не забыть предписаний врача, он поверил их своему дневнику. В основном разговор между доктором и его пациентом касался правильного питания. Карпинскому запретили есть свинину и велели пить французское белое вино, "также столовое с водой, а без воды только венде-граф" и "удаляться как можно, где курят табак"²⁸³. Скорее, дневник протоиерея свидетельствует о рациональности медицинских представлений горожанина рубежа XVIII-XIX вв.

Повседневность оживает в присутствии человека. При ее изучении актуально его отношение к событиям, вещам, другим людям. Медицинский аспект повседневности охватывает сферу жизнедеятельности, связанную с поддержанием физического и психического здоровья. Существуют общие ориентации сознания людей на приписывание ответственности за состояние своего здоровья либо внутренним (личным), либо внешним (лежащим вне человека) факторам. Идеологией здравоохранения как системы государственных и общественных мероприятий по охране здоровья, предупреждения и лечения болезней и продлении жизни человека является медицинский патернализм. Его основой - активная роль врача, который принимает решение за своего пациента. От последнего требуется лишь почтительное преклонение. Доктор должен решать что и когда сообщать о заболевании и какой метод лечения избрать. Гражданам отводится роль пассивного потребителя обеспечиваемых органами здравоохранения медицинских услуг²⁸⁴. До этого человек должен был делить ответственность за собственную жизнь между собой и Богом. Примат божественной воли не исключал активной роли больного в поисках пути исцеления и спасения, поскольку, кроме него, этого делать было некому.

Появление здравоохранения примета Нового времени. Его создание было одним из проявлений модернизации. "Прогрессив-ные" ценности во многом навязывались извне, осознавались с трудом. Институционализация здравоохранения в то же время означала его "оповседневнивание". Превращение происходило постепенно и имело разные проявления. Официальная медицина становилась "фактором массового сознания", "компонентом образа жизни", превращалась в "потребность, в "самоценность", в "сферу и средство самореализации личности", в "форму ее жизнедеятельности". В здравоохранении изначально заложено стремление охватить собой как можно большее число людей. Огромные достижения бесплатного и доступного медицинского обслуживания парадоксальным образом сработали против активности человека, явились фактором, негативно влиявшим на формирование индивидуальной ответственности за здоровье²⁸⁵. В изучаемый период механизм системы здравоохранения начинал разворачиваться и набирать

обороты. Исходя из гуманных соображений, заботы горожан о поддержании здоровья перекладывала на свои плечи официальная медицина. Обращение к истории этого процесса помогает осознать одну повседневную истину, на которой собираются создать новую идеологию охраны здоровья - ответственность за него должен нести сам человек, а государство создавать для этого условия.

Материальный быт горожан

Преобразования первой четверти XVIII в. коснулись и материального быта горожан. Правительство Петра I взяло, в частности, курс на упорядочение, регламентированность городской застройки. Эти тенденции нашли продолжение при преемниках царя-реформатора. "В XVIII в., - заключает В.В. Кириллов, автор раздела "Архитектура и градостроительство" в коллективном труде "Очерки русской культуры XVIII века" - происходит четкое социально-типологическое разделение всей сферы строительства. Определяются прежде всего все типы архитектуры государственной и церковной, а также жилой, по условиям. Регламентируются не только сами архитектурные формы зданий, но и материально-техническая сторона строительства. XVIII век прошел для российских городов под знаком внедрения "образцовых" проектов и перехода от деревянных построек к каменным"²⁸⁶.

Однако на Урале в XVIII столетии, как уже отмечалось выше, города оставались по преимуществу деревянными. Даже в Екатеринбурге - столице горнозаводского края - до 1780-х годов каменного жилого строительства не велось. "Строение в городе все деревянное, выключая фабрики и канцелярию; церквей четыре, две каменные и две деревянные", - свидетельствовал адъютант Академии наук И.И. Лепехин, побывавший здесь в 1770 г.²⁸⁷ Лишь в последние два десятилетия XVIII в. в Екатеринбурге было построено 13 каменных частных домов. Самым дорогим из них являлся двухэтажный особняк, принадлежащий купцам братьям Казанцевым - он оценивался в 14 тыс. руб. Два других купца - П. Зырянов и И. Грушевцов имели каменные трехэтажные дома. При доме Зырянова был построен каменный же двухэтажный флигель, при доме Грушевцова - одноэтажный. На купеческих усадьбах располагались и различные "службы": конюшни, хлевы, амбары, каретники и пр.²⁸⁸ В 1803 г., по сведениям Н.С. Попова, в городе существовало 18 частных каменных домов и 1837 деревянных. "Некоторые из них, особливо каменные, построены о 2 жильях; немногие по вновь прожектированному плану, все ж прочие по старинному расположению", - писал Попов²⁸⁹.

Автор "Хозяйственного описания Пермской губернии" имел в виду проект генерального плана, составленный для Екатеринбурга в связи с присвоением ему в 1781 г. официального статуса города (к реализации проекта, как следует со слов Попова, приступили еще до его окончательного утверждения в 1804 г.²⁹⁰). Начиная с 1760-х годов перепланировке в духе "регулярности" подверглись все губернские и уездные города России. Новые градостроительные проекты

предусматривали ансамблевое единство их застройки, основанное на принципах классицизма с соблюдением прямызны планировки, повторности элементов симметрии и равновесности композиций²⁹¹.

По вновь "проектированным" планам в конце XVIII в. на Урале стали перестраиваться и старые, и новые города. Всего к этому времени здесь насчитывалось 42 "официальных" города, большинство которых до 1780-х годов были или заводскими поселками (их называли просто "заводами"), или слободами и селами, или военными крепостями²⁹².

Самым молодым губернским городом на Урале являлась Пермь, возникшая в 1781 г. на базе поселка Егошихинского медешлавильного завода. К 1787 г. в городе имелся 631 дом, и почти все постройки были деревянными²⁹³. Дома небогатых горожан, как правило, имели две жилые комнаты - избу и горницу, соединенных между собой длинными сенями из стоячих досок. В сенях устраивались чуланы (кладовые), где хранился разный домашний скарб. Зажиточные хозяева строили двухэтажные дома. Нижний этаж отводился под кухню, жилые для прислуги и помещения для хозяйственных надобностей. Второй этаж занимала семья домовладельца. Попасть на второй этаж можно было прямо со двора, для чего к дому пристраивалось высокое крыльцо. Уже с конца XVIII столетия в губернской Перми новые дома стали возводиться по "образцовым" проектам. Такие дома ставились на бутовом фундаменте и располагались строго вдоль улиц, занимая 6-8 сажен в длину и от 4 до 8 сажен в ширину. В дом вело крыльцо. С крыльца дверь вела в прихожую, а из прихожей - в зал. В передней части дома находилась также столовая. Далее шел коридор, по обеим сторонам которого располагались кабинет хозяина, спальня, детская. Кухня и кладовые размещались на первом этаже, а если этаж был один - то в самом конце дома. Некоторые дома имели сверху антресоли (мезонин). Рядом с жилым строением располагались амбары, погреба, конюшни, каретники, бани, иногда также прачечные и сушильни для белья, флигели (предназначенные для квартирантов). Как правило, на усадьбах разбивались небольшие садики из местных деревьев и кустарников, с беседками (нередко вместо беседки сооружались просто стол со скамьями).

В доме на подоконниках размещались горшки с комнатными растениями: геранями, кактусами, олеандрами, гортензиями, розанами, фикусами, кипарисами. Стены зала украшались картинами; в простенке между окнами размещались тяжелые зеркала, большей частью в рамках из красного дерева. Здесь или в гостиной стоял длинный широкий мягкий диван и кресла с деревянными спинками и мягкими подушками. Столы покрывались вязаными скатертями (чаще домашнего изготовления). В столовой находился обычно буфет со стеклянными дверцами, в нем хранилась стеклянная и фарфоровая посуда. Полы в комнатах покрывались коврами или кошмами, а в коридоре - холстяной дорожкой. Во всех жилых помещениях в переднем углу находилась божница с одной или несколькими иконами. Здесь же хранились венчальные свечи, освященные в церкви веточки

вербы, пасхальные яйца, просфоры, артос - квашеный, кислый хлеб, освящаемый в первый день Пасхи. Для освещения комнат использовали сальные свечи (впоследствии замененные стеариновыми)²⁹⁴.

Археологические раскопки показали, что на окраинах города градостроительные перемены были менее заметными, чем в центре губернской столицы²⁹⁵. Здесь планировка жилых построек в конце XVIII - начале XIX в. оказывалась достаточно разнообразной. В частности, археологам удалось обнаружить остатки нескольких традиционных деревянных русских жилищ, в том числе "избы со связью" (пятистенка), "избы-двойни" (из двух срубов), шестистенка²⁹⁶.

С конца XVIII в. в Перми стали возводиться и каменные жилые строения. Ф.Ф. Вигель (служивший в ведомстве Министерства внутренних дел), которому довелось в начале XIX в. побывать здесь, вспоминал: "Ночью, часу во втором, приехали мы в губернский город Пермь и достучались у городничего до указания нам квартиры. Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почитали мы себя в поле: не было тогда города, где бы улицы были шире и дома ниже. Это не было царство, как Казань и Астрахань, не княжеский удельный город, даже не слобода, которая, распространяясь, заставила посадить в себя сперва воеводу; это было пустое место, которому лег за двадцать перед тем велено быть губернским городом, и оно послушалось, но только медленно. Торговля есть первое условие существования новых городов; и здесь хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десяток каменных двухэтажных купеческих домов красовались уже в стороне на берегу Камы, тогда как главный въезд и главные улицы находились в том виде, в котором ночью не столько узрели мы, как угадали их. Утром мы еще более изумились пустоте города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наезжена; все остальное обратилось в тучные луга, на которых паслись сотни гусей"²⁹⁷.

Среди купеческих особняков в это время выделялся двухэтажный каменный дом одного из самых богатых горожан -И.Р. Жмаева (в 1802-1805 гг. он был в Перми городским головой; одна из его дочерей вышла замуж за потомственного дворянина Д.В. Дягилева - родоначальника известной пермской фамилии Дягилевых). Стоимость этого дома с каменными флигелями, оранжереей, погребями и другими крытыми железом хозяйственными постройками, включая 10 лавок, по оценке 1805 г., составляла 86 600 руб. - огромную по тем временам сумму. В оранжерее выращивались абрикосы, персики и виноград. К услугам посетителей оранжереи была круглая двухэтажная беседка в виде башни с куполом. Потолок и стены беседки украшала роспись - на стенах были изображены ландшафты, а на потолке резвящиеся нимфы и амурь²⁹⁸. Купец 1-й гильдии П.А. Попов, перебравшийся в Пермь из Кунгура, построил два каменных особняка, один из которых имел три этажа (по улице Набережной, стоимостью в 25 тыс. руб.)²⁹⁹. Однако даже к концу второго десятилетия XIX в. в Перми имелось всего 28 каменных домов (912 деревянных)³⁰⁰.

Более интенсивно велось "каменное" строительство в Екатеринбурге. Уже отмечалось, что Екатеринбург со времени своего основания отличался "правильностью" расположения строений, регулярностью планировки (его "отцы" В.И. Геннин и В.Н. Татищев позаботились, чтобы "все строения были линейны и порядочны" и уличные линии располагались симметрично) и однотипностью жилой застройки. Значительная часть этой застройки принадлежала казне. Стандартный казенный дом екатеринбургского мастерового, солдата, служащего середины 30-х годов XVIII в. - это небольшая "изба с сеньми". "Командирские" хоромы отличались и размерами, и планировкой. Н.С. Корепанов, автор книги "В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.)", приводит описание таких хором с хозяйственными строениями при них (1734): "две горницы с сеньми и в сенях чулан, забранный тесом, да при них черная изба, позади ее малая горенка с сеньми ж в одной связи, и в тех горницах с окончины слодяными; да строение над погребом, клеть, конюшня, над нею сenniца, да в огороде баня"³⁰¹. Особенностью уличного устройства Екатеринбурга в это время являлось то, что дома были обращены на улицу не фасадами, а огородами.

Если в 1742 г. в горнозаводской столице Урала было 460 жилых домов, то уже в 1770 г. - 1426, причем за 28 лет, по замечанию академика П.С. Палласа, "различные частных людей изрядные дома прибавились"³⁰².

На рубеже XVIII-XIX вв. в Екатеринбурге, по данным Н.С. Попова, уже было двухкамерных домов (изба-сени): "Старинное же строение составляют обыкновенные дома, состоящие из избы и горницы, соединенных сенями; иногда о двух жильях, в каком случае нижнее занимают кухню, подвалом, кладовою, а иногда мастерскою"³⁰³. Таким образом, господствовал в городе к рассматриваемому времени трехкамерный дом (история которого уходила еще в XII—XIII вв.) в усовершенствованном варианте. Двухэтажных "обыкновенных" (традиционных для русских горожан) домов было сравнительно немного. Разнообразие в архитектурный облик жилой части горнозаводской столицы вносили новые усадьбы, принадлежащие городской аристократии. "Вновь построенные каменные и деревянные дома по нынешнему вкусу, об одном или двух жильях, убирают лучшими ме-белями, кои искусно вырабатывают как здешние, так и Верх-Исетского заводу мастера", - свидетельствовал Н.С. Попов. Богатые купцы, как правило, одновременно владели несколькими домами. Так, купеческому семейству Рязановых в начале XIX в. принадлежали два каменных дома и два деревянных. Само семейство проживало в одном из каменных особняков, в котором было 7 горниц и 3 избы. Второй каменный дом находился в залоге. Один из деревянных домов Рязановы сдавали квартирантам. В нем имелось 11 "покоев" и кухня. "Из здешних граждан такового для постоя особого и с таким количеством покоев ни у кого не имеется", - сообщалось в документе³⁰⁴. В первой екатеринбургской усадьбе купца Л.И. Расторгуева находились каменный дом (оцениваемый в 13 тыс. руб.) и деревянный. В деревянном доме было 10 "покоев". При домах имелись три деревянных флигеля

на каменных фундаментах, две каменные кладовые, также амбары, конюшни, завозни и другие хозяйственные постройки³⁰⁵.

Со временем число богатых городских усадеб в Екатеринбурге значительно увеличилось. Одним из уникальных архитектурных сооружений стала вторая усадьба Л.И. Расторгуева (позднее перешедшая к П.Я. Харитонову), расположенная в "3-й части города по течению реки Исети на левой стороне в приходе Вознесения Господня, близ самой Вознесенской каменной церкви". Ансамбль усадьбы включал главный хозяйский дом с парадным двором, бельведер, три флигеля, хозяйственные службы с двумя дворами, сад с прудом, беседками и гротами и другие сооружения³⁰⁶. В этой усадьбе останавливался в 1824 г. император Александр I. О расторгуевском "огромнейшем каменном трехэтажном доме прекрасной архитектуры" Д. Сигов, автор "Описания Екатеринбурга и его окрестностей", в 1834 г. сообщал читателям "Заволжского Муравья": "Смотря из этого дома (дом был построен на горе. - *Авт.*), видишь восхитительную картину всего города и его окрестностей. К задней части сего дома примыкает огромный сад, расположенный по скату горы, в английском вкусе, с прекрасными цветниками, оранжереями, беседками и прудком... Сад всегда открыт для публики и в хорошие летние дни, особенно в праздничные, посещается лучшим обществом и приносит много удовольствий. Этот сад мог бы быть украшением и столицы..."³⁰⁷

В 1814 г. было завершено строительство новых двухэтажных каменных "палат" купца Я.М. Рязанова. На первом этаже размещались контора, кухня и две "лодские" комнаты, на втором - 17 комнат, в том числе две спальни, три детских, две диванных, "гостиное зало", столовая. Дом смотрел на окружающий мир 78-ю окнами, "с оконницами лучшего немецкого стекла", медными "шалнерами" и шпингалетами. В нижнем этаже снаружи окна были забраны железными "выгибными решетками". Окна второго этажа имели двойные рамы "из курioзного дерева" и были снабжены "как внутри комнат, так и на внешнюю сторону" мраморными досками. Четыре венецианских окна верхнего этажа вели на два чугунных, "петербургского последнего манира", "с позолоченными червонным золотом на оных шарами" балкона. "Онный дом, - говорилось в "свидетельстве", - снаружи фасад имеет самой лучшей архитектуры: с дву сторон колонны, а прочие гладкие; оштукатурен, покрыт лучшим листовым железом, выкрашенным снизу красною вохренною, а сверху зеленою ма-лахитовою краскою". С одной стороны дома "до служб" шла высокая каменная стена (с воротами), с другой - каменный "по-лисид и ворота с железными балюстрадами". Службы включали конюшню, баню, птичник и пр.³⁰⁸ Две другие усадьбы Рязановых, расположенные по Сибирскому проспекту, славились, подобно расторгуевской, своими великолепными садами и оранжереями. Об особняке, который в 1815-1818 гг. начал строить Т.М. Рязанов, а закончил в 1850-е годы его наследник А.Т. Рязанов (пристроил второй этаж), архитектор К.Т. Бабыкин писал, что он был "построен в характере раннего классицизма" и "очень выдержан... в

смысле внутренней отделки..."³⁰⁹ Побывавшего в 1828 г. в Екатеринбурге немца Г. Эрмана поразило богатство местных купеческих "палат". "Наружность города очень красива и приятна, и, несмотря на некоторые странности, - делился путешественник своими впечатлениями, - напоминает богатые мануфактурные города европейского запада. Великолепные палаты многих здешних купцов не испортили бы иной европейской столицы, и внешняя красота жилищ соответствует их внутренности и образу жизни хозяев"³¹⁰.

Пристрастие екатеринбургской аристократии (включая "сливки" купечества) к домашнему комфорту отметил и другой путешественник - геофизик А.И. Купфер (1828). По его словам, Екатеринбург значительно превосходил губернскую Пермь "величиной и благосостоянием". "В Екатеринбурге, - писал ученый, - много прекрасных каменных домов... Вся высшая администрация, владельцы заводов и самые богатые купцы живут в каменных домах, в которых имеются все удобства, а иногда и значительная роскошь..."³¹¹ Богатая каменная усадьба являлась свидетельством преуспевания купеческой семьи и внешним показателем ее кредитоспособности: "каменное строение", лучше защищенное от частых тогда пожаров, было, по словам историка В.И. Байдина, "чуть ли не единственным средством залога при подрядных и других операциях, а для их контрагентов - определенной гарантией на случай банкротства купца"³¹². Впрочем, некоторые местные "тузы" заводили "раззолоченные дома" исключительно из чувства тщеславия, поскольку сами несравненно уютнее чувствовали себя в более скромных апартаментах. Литератор Е.А. Вердеревский, оказавшийся в Екатеринбурге в середине XIX в., рассказывал, что хозяин гостиницы, в которой он остановился, рекомендовал ему побывать в доме "купца Н.". "А что ж там особенно замечательного?" - спросил гость. "Убранство богатое-с", - отвечал собеседник. "Но ведь надобно познакомиться с хозяином дома", - заметил Вердеревский. "Зачем-с? -удивился собеседник. - Приезжающие и так ходят посмотреть; в доме хозяин сам не живет-с, и показывают дом всякому-с". Об одном из екатеринбургских миллионеров рассказывали, что он даже "просил у государя позволения вызолотить крышу своего дома" (царь разрешил, но с условием, чтобы миллионер сначала вызолотил на свой счет крыши городских церквей)³¹³.

Каменные дома в первой половине XIX в. строили и представители "среднего класса": чиновники, купцы 3-й гильдии, зажиточные мастеровые и пр. Однако эти дома не походили на дворцы. Так, сохранился рисунок фасада каменного дома, который в 1839 г. начал возводить на месте старого деревянного строения купец-третьегильдеец Ф.К. Карнаухов. Это был характерный по-луторазгажный дом провинциального классицизма, с рустованным цокольным этажом, мезонином на три окна, балконом (он шел во всю ширину мезонина); фронтон над балконом поддерживали четыре колонны дорического ордера; между колоннами размещалась балюстрада³¹⁴.

У некоторых домов каменным делали только низ, а верхний этаж возводили из дерева. В таком доме (с мезонином) жил в середине 60-х годов XIX в. будущий писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, когда учился в Екатеринбургском духовном училище. "Ученическую квартиру", в которой он обитал вместе с 15-ю другими "бурсаками" и которая занимала часть второго этажа, "держали две старые мещанские девицы Татьяна Ивановна и Фаина Ивановна" - хозяйки дома. "Собственно, наша квартира, - вспоминал Мамин-Сибиряк, - состояла всего из одной комнаты, выходящей на улицу тремя окнами и во двор - двумя; а другая маленькая комната была только дополнением". Кроме того, на втором этаже имелись еще две небольшие комнаты, где жили сами старуш-ки-"девицы"³¹⁵.

Основная масса населения Екатеринбурга продолжала обитать в небольших деревянных домах. К 1834 г. в городе насчитывалось около двух тысяч домов, из них не более 100 каменных³¹⁶. "Скромные деревянные домики екатеринбургских мастеровых отличаются большой опрятностью. Эти люди все почти вольные и, несмотря на избыток, строго соблюдают старинную простоту в одежде и в образе жизни", - отмечал Г. Эрман³¹⁷. Старые дома не ремонтировали, поскольку, согласно генеральным планам города 1829 и 1845 гг., предусматривавшим его разбивку на правильные кварталы с широкими прямыми улицами, они подлежали сносу. При этом начальство, не желая "причинить жителям преждевременного расстройство", постановило, что перестройка должна вестись постепенно, "по мере обветшания зданий, следующих...к сломке"³¹⁸.

Екатеринбург занимал особое место среди уральских городов, и к середине XIX в. он успел далеко "уйти" от деревни, в том числе в сфере материального быта населения. Что касается большинства других городов той же Пермской губернии, то именно их имел в виду Х. Мозель, констатируя (1864), что "дома мещан в городах более похожи на деревенские избы"³¹⁹. Правда, губернская Пермь успела к 1840-м годам обзавестись немалым числом красивых крупных каменных и деревянных зданий. Даже после опустошительного пожара 1842 г. город не производил жалкого зрелища. Побывавший в нем в 1845 г. финский ученый М.А. Кастрен заметил: "Здесь, как и в других городах, есть большие и малые дома, широкие и узкие улицы, рынки, церкви и кабаки, канцелярии, казармы и т.д.". Хотя прежняя "лучшая часть" губернской столицы, по его свидетельству, продолжала представлять собой "огромное пепелище после пожара", а "предместья" большей частью состояли "из низеньких жалких лачуг"³²⁰. К 1852 г. в Перми имелось 1048 деревянных домов и 65 каменных³²¹.

Немало красивых каменных жилых особняков появилось в первой половине XIX столетия в Вятке - бывшем Хлынове, сменившем свое имя в 1780 г. (в связи с учреждением Вятского наместничества). Так, в городской усадьбе купца Степана Яковлевича Мапковцева (годы жизни: около 1747-1811) был построен большой дом из кирпича, спланированный губернским архитектором Ф. Росляковым. Рядом с домом возвышался каменный корпус для служб. Здесь же разместились сад с беседками и оранжереями, водремы, парк. В 1816 г., когда хозяином усадьбы

был уже сын С.Я. Машковцева Иван, ее посетил доктор медицины И.Ф. Эрдман - он и его спутники "были приведены в изумление богатой обстановкой, по которой можно было судить о состоянии и вкусах домохозяина, слышущего за богатейшего человека во всей Вятке"³²². В октябре 1824 г. Вятка встречала путешествовавшего по России императора Александра I. На второй день царского визита вятское купечество устроило бал в доме И. С. Машковцева, являвшегося в то время местным городским головой. "У подъезда дома, - рассказывается об этом событии в книге "Столетие Вятской губернии", - августейший гость встречен был головою с почетнейшим купечеством. Бал его величество изволил открыть польским. Первый тур с супругой вице-губернатора Ермолаева, второй, за болезнью хозяйки дома, с старшей дамой Марьей Матвеевной Машковцевой (вдовой дяди Ивана Степановича Федора Яковлевича Машковцева. - *Авт.*), уже почти дряхлой старушкой, третий с ее молодой невесткой Марьей Алексеевной Машковцевой..."³²³

Многодетная семья сына И. С. Машковцева Аркадия Ивановича жила в другом доме - тоже каменном двухэтажном, с флигелем, купленном в 1843 г. Если в 1813 г. в Вятке каменных домов было 30 из 855, то к 1836 г. их число увеличилось до 94 (из 865), а к 1856 г. - до 167³²⁴. Однако в основном жилая застройка и к середине XIX в. оставалась деревянной (всего в это время в Вятке имелось ИЗО домов). Местный патриот, старший советник губернского правления Я.Н. Алфеевский в 1848 г. писал:

"Город Вятка, расположенный по хребтам и падам левого берега реки Вятки, среди своих амфитеатральных окрестностей, представляет картину редкую, достойную кисти гениального живописца. Не знаешь, чем более любоваться, окрестностями ли города или городом из окрестностей? Город стоит как бы в обширном блюде, куда ни поглядишь из него, всюду представляется кайма гор, то покрытых перелесками, пажитями и селениями, то увенчанных белеющими Божьими храмами... Внутренность города чиста и опрятна. Хотя нити улиц проложены по неровной почве, по скатистым холмам и углублениям среди них, но разрыв улиц и тем глубоким оврагом, который рассекает город пополам, не мешает их прямизне и стройности. По обеим сторонам улиц то спускается, то вверх подымается широкая лента дощатого тротуара... Сверх казенных громадных каменных зданий, могущих с честью стоять в ряду первоклассных столичных улиц, как-то: зданий присутственных мест, удельной конторы, гимназии, духовного и канцелярского училищ, а также зданий, занимаемых начальником губернии и кафедральным духовенством, немало есть и частных каменных домов, которые украсили бы собой любой губернский город... Здесь вовсе нет сжатых, сомкнутых домов, дом от дома на значительном пространстве, занятом или садиком, или палисадником, или же огородною зеленью"³²⁵.

Впрочем, и на П.Л. Яковлева, который постоянно жил в Москве (служил в Московской межевой канцелярии), а в Вятку приезжал в начале 1830-х годов в двухлетнюю командировку (ревизовать Вятскую межевую контору), этот город произвел хорошее впечатление: "Вятка выстроена правильно - улицы прямы и широки, собор и церкви (числом 19) великолепны, одних каменных домов 83... Местоположение города очень красиво..."³²⁶. М.Е. Салтыкова-Щедрина, которого

в 1848 г. сослали в Вятку за то, что он "в противность существующих узаконений, без дозволения и ведома начальства, помещал в периодических изданиях литературные свои произведения, обнаруживающие его вредный образ мыслей", древний русский город встретил весенним цветением своих многочисленных садов. Картина, которая открылась взору петербургского "изгнанника", навсегда запечатлелась в его памяти. В "Губернских очерках", написанных позднее Салтыковым-Щедриным, он признавался (имея в виду Вятку, где ему пришлось провести более семи лет):

"В одном из далеких углов России есть город, который как-то особенно говорит моему сердцу. Не то чтобы он отличался великолепными зданиями, нет в нем садов семирамидных, ни одного даже трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряду улиц, да и улицы-то все немощеные; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успокаивающее душу... когда вы подъезжаете к нему летним вечером, со стороны реки, и глазам вашим издалека откроется брошенный на крутом берегу городской сад, присутственные места и эта прекрасная группа церквей, которая господствует над всею окрестностью, - вы не оторвете глаз от этой картины. Темнеет. Огни зажигаются и в присутственных местах, и в остроге, стоящих на обрыве, и в тех лачужках, которые лепятся тесно внизу, подле самой воды, весь берег кажется усыянным огнями... и вы ощущаете в душе вашей такую ясность, такую кротость и мягкость..."³²⁷.

Принятый на службу в губернское правление Салтыков-Щедрин поселился в небольшом деревянном доме, каких с конца XVIII в. немало было построено в Вятке по типовым проектам. Дом имел каменный фундамент, три окна, выходивших на улицу, и снаружи был обшит тесом. Принадлежал он выходцу из Баварии И.Х. Рапу, переехавшему в Вятку в 1831 г. В обширной усадьбе был еще один такой же дом и два флигеля со службами, а также небольшая лавочка-киоск³²⁸. Обстановка в доме первое время была довольно аскетичной. "...Дюжина стульев базарной работы да диван, на котором жутко сидеть, - вот и все, - сетовал Салтыков-Щедрин во время одного из приступов осенней скуки. - Как хотите, а комфорт славная вещь! Вот теперь бы мягкое кресло да камин, да хорошую сигару - забыл бы и грязь и дождь". Впрочем, со временем быт налачился: появилась приличная мебель. Рассказывая об утреннем визите к нему одного из героев "Губернских очерков", уже обжившийся в Вятке писатель постарался в деталях воссоздать происходящее:

"Горехвастов был как-то особенно разговорчив. Он разлегся на диване, закурил одну из прекрасных сигар, которые я выписывал для себя из Петербурга, и ораторствовал. Перед диваном на круглом столе стояла закуска, херес и водка, и, надо отдать справедливость Горехвастову, он не оставлял без внимания ни того, ни другого, ни третьего и хотя хвалил преимущественно херес, но в действительности оказывал предпочтение зорной горькой водке...

- А скажите, пожалуйста... - сказал мне Горехвастов, - откуда у вас берутся все эти милые вещи: копченые стерляди, индеечка ветчина, оленьи языки, я вам доложу, даже слеза прошибает! ..

Я сообщил ему, как умел, требуемые сведения.

- А что ни говорите, - продолжал он, - жизнь - отличная вещь..."³²⁹

Современники отмечали, что в домах горожан царили чистота, уют. "Пол был чисто натерт, много цветов, рояль, красивые вязаные салфетки, словом, будничный ординарный комфорт интеллигентного труженика...", сообщалось, например, о домашней обстановке у одного из вятских учителей³³⁰. Впрочем, образцовый порядок поддерживался не только в домах губернской столицы, но и в уездных городах, особенно у хозяев-старообрядцев. М.Е. Салтыкову-Щедрину довелось по делам службы побывать в г. Сарапуле (в "Губернских очерках" он назван городом С***). В середине XIX в. здесь имелись уже и каменные купеческие особняки, однако господствовала деревянная застройка. При этом усадебные участки поражали своими размерами. «Например, дом мещанина Карпущенкова занимает всего-навсего двадцать пять квадратных сажен, - делился своими наблюдениями автор "Губернских очерков", - но зато под дворовым участком, принадлежащим тому же мещанину, наверное, отщется сажен тысячу. Спросите у Карпущенкова, зачем ему такое пространство земли, из которой он не извлекает никакой для себя выгоды, он, во-первых, не поймет вашего вопроса, а, во-вторых, пораздумавши маленько, ответит вам: "Что ж, Христос с ней! Разве она кому в горле встала, земля-то!"».

Вдова-старообрядка Мавра Кузьмовна, у которой побывал Салтыков-Щедрин, обитала в деревянном недавно построенном доме, выглядевшем "чистенько и уютно". Дверь из сеней вела в длинный коридор, разделявший дом на две половины. С ней проживали племянница и несколько посторонних. По обеим сторонам коридора, ближе к сеням, располагались помещения хозяйственного назначения (стряпушная, кладовые и пр.), а далее - жилые комнаты. В самом конце коридора, "там, куда свет совершенно почти не досягал, было нагрождено множество мелких чуланчиков". Таких домов в Сарапуле было немало.

Хозяйка пригласила гостя в одну из горниц, "чистую и светлую". Стены помещения были гладко выструганы; на полу постлан белый холст. За перегородкой виднелась кровать с целой горкой перин и подушек. Мавра Кузьмовна предложила гостю присесть на диван, перед которым на столе находилась закуска: балык, колбаса и мелко нарезанные куски икры; здесь же стояли графин с белой водкой и бутылка тенерафа³³¹.

В большинстве городов Южного Урала каменное жилое строительство развивалось более медленными темпами. Так, в Уфе, которая в 1781 г. стала административным центром Уфимского наместничества, в конце XVIII столетия частных каменных жилых строений еще не было. Академик Н.Я. Озерецковский, совершавший в 1782-1783 гг. путешествие по России, побывал и в Уфе. Город ему не понравился. "Хотя довольно велик, но строением дурен, так что и наилушшие в оном дома еще очень посредственны", - записал он в дневнике³³². В 1824 г. здесь имелось 5 частных каменных домов. К 1861 г. Уфа по количеству "обывательских" домов заметно опережала ту же Вятку - к этому времени их насчитывалось 1991, но лишь около 60 из них были каменными³³³.

Первые строители Оренбурга жили в землянках. Сам губернатор И.И. Неплюев, заложивший нынешний Оренбург 19 апреля 1743 г., до ноября обитал "в обыкновенной землянке, какая была у последнего рабочего, и в построенный для него дом не ранее переселился, как обыватели и гарнизон могли перейти в дома"³³⁴. Вся жилищная застройка была деревянной (не считая губернаторского дома). Однако скоро Оренбург стал испытывать острую нужду в строевом лесу. В связи с этим за городом вновь появились землянки. П.И. Рычков, автор "Лексикона, или Словаря топографического Оренбургской губернии" (1777), констатировал: "Домов всякого звания людей, а по большей части служивых воинских, из татарских чинов, внутри и вне города построенных, по переписи по нынешней 1777 года (кроме имеющихся за городом землянок) более 2000". "В рассуждении Оренбурга не можно и сего оставить без примечания, - писал Рычков, - что для толь великого города, который год от году жителями и строениями умножается, в получении не только строевых лесов, но и дров оказываются трудности, ибо уже и ныне от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей сажень трехполенная, а иногда и свыше покупается... и для того, кажется, самая необходимость требует, чтоб в Оренбурге деревянное строение вовсе запретить благовременно. И, по меньшей мере, хотя б сие определить, чтоб каждый житель не свыше своего чина деревянное строение производил, ибо многие малочинные и бесчинные люди, ни мало не рассуждая о недостатке лесов, не по состоянию своему, но гораздо немалые дома строят". Автор "Лексикона" предлагал, во-первых, заняться лесоразведением, а, во-вторых, использовать в качестве строительного материала также камень и глину. "...Имеется в самом городе к вырубке весьма мягкое каменье (кое на воздухе крепнет), и всем жителям в строениях своих оным исправляться можно", - утверждал он. Богатые же запасы белой глины (которая "весьма вязкая и клейкая"), по его словам, имелись в окрестностях Орской крепости³³⁵.

В 1786 г. в городе случился страшный пожар - сгорело около $\frac{2}{3}$ всех домов. Отстраивался Оренбург трудно. Многие постройки возводились наспех; не хватало качественного строительного материала. Даже через десять лет после пожара в городе оставалось много пустых мест, имелись целые незастроенные кварталы. Не все удалось застроить даже к 1833 г., когда в Оренбург приехал А.С. Пушкин - собирать материалы для своей "Истории Пугачева". В основном он увидел здесь деревянные одноэтажные дома. В таком деревянном доме жил в Оренбурге В.И. Даль. Сзади дома Даля имелся большой сад. А.С. Пушкин гостил в этом доме. Жена Даля потом рассказывала, что "две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал, но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные"³³⁶. В.И. Даль был умелым слесарем, столяром и печником и сам занимался обустройством

купленного им дома. Он, например, проложил под полом и вывел в печную трубу керамические трубы и "этим достиг такой тяги и очистки воздуха, какой желать можно"³³⁷.

В 1841 г. в Оренбург приехал на службу военный инженер, генерал-лейтенант И.Ф. Бларамберг. Для него командованием был снят дом из 6 комнат, кухни, конюшни и кладовой. "В доме, к сожалению, - вспоминал позднее Бларамберг, - совсем не было мебели, и я потом приобретал ее постепенно, не без труда, так что первое время я был вынужден жить как на биваке". Со временем он переехал в больший дом с маленьким садом при нем. В то время город, по его словам, оставался "большей частью" деревянным и одноэтажным³³⁸.

Типичным жилищем для Челябинска XVIII в. был трехкамер-ный дом-связка (изба-сени-клеть или изба-сени-горница). В 1795 г. здесь было 442 дома, из них 290 трехкамерных, 100 двухкамерных (изба-сени), 10 изб-одинарок, 36 домов с большим числом комнат (от 4 до 8), 7 землянок. Большие многокомнатные дома принадлежали купцам и чиновникам. В землянках жили семьи мещан (3), солдат (2) и казаков (2). Дома были срубными, под высокими двускатными крышами. Крыли дома дранкой, тесом, берестой³³⁹. Традиционное срубное жилище продолжало бытовать в Челябинске и в первой половине XIX в. Сохранилось, например, описание дома челябинского мещанина Г.В. Елисеева (1855): "Дом, состоящий в городе Челябине в 3-м квартале, в Троишквой улице, на каменном фундаменте, соснового лесу, о трех жилых покоях, с сеньми и глухим крыльцом, крыт тесом, о десяти окнах, двери на железных крюках и петлях. В горнице печь, складенная из кирпичей, в избе - сбитая из глины, вьюшки чугунные и заслонки железные, полы, потолки, полаты, полки и лавки сосновые"³⁴⁰.

В маленьких городках, каким был, например, запятный Далматов, выведенный в повести Д.Н. Мамина-Сибиряка "На рубеже Азии" под названием "Гавриловск", почти все жили в домах с крестьянским "обличьем": "Этот город был просто деревня с несколькими церквями..." Герой повести Кир Обонполов поступил учиться в духовное училище "при знаменитом Гавриловском монастыре", и отец - заводской священник, провожая сына в Гавриловск, посоветовал ему встать на квартиру к бывшему учителю этого училища (который тогда уже "жил на покое, получая двенадцать рублей пенсии в месяц") "Ивану Андреичу". "Памятуя наставления отца, - рассказывал Кир, - я отыскал в Гавриловсе небольшой домишко Ивана Андреевича. Это был совсем маленький домик, походивший на крестьянскую избу, с передней и задней половиной"³⁴¹.

Одноэтажными срубными деревянными избами было застроено к середине XIX в. старинное Верхотурье. Город переживал упадок, и немногие местные жители могли завести каменные особняки³⁴². В Осе в конце XVIII в. было всего 152 дома, "все деревянные и ветхие"³⁴³.

Вместе с тем в молодых городах - недавних слободах, где преимущественное развитие получила торговля, жилище горожан заметно изменялось. Так, в Шадринске к началу XIX в. имелся уже один каменный жилой дом,

принадлежащий купцу И.Г. Фетисову и находившийся в центре города. Он был двухэтажным, имел 14 "покоев" и железную крышу. Во двор вели двое ворот; здесь стояли также пять амбаров (один - крытый железом, под ним помещался погреб), просторный деревянный флигель ("изба с сеньми и две горницы"), завозня, конюшня, два сарая, баня ("с горницей и сеньми") и 15 лавок-кладовых, построенных в одной связи. У Фетисова имелся и другой дом - деревянный. В его нижнем этаже были две избы, горница, двое сеней, одна кладовка; в верхнем - пять горниц "с сеньми"; на усадьбе располагались пять амбаров, завозня, конюшня, скотская изба, флигель ("в нем - изба с сеньми и горницей"), каменная салотопня.

У всех остальных жителей города дома в это время оставались одноэтажными; часть их (из построенных "вновь по плану", который Шадринск получил после приобретения статуса города) помещалась на кирпичных фундаментах. В домах имелось от двух до шести комнат - в зависимости от размеров семьи и ее состоятельности. Только у городских крестьян, живших в старых, беспорядочно расположенных домах, печи были глинобитными (правда, с кирпичными выводными трубами); в домах других сословий стояли добротные печи из кирпича³⁴⁴.

"Ветхие дома бедных людей, - констатировал Н.С. Попов, - умазываются со внешней стороны для теплоты глиною вместо конопати и подкрепляются стойками; почему и представляют снаружи вид мазанки; покрыты драицами на два ската". У бедняков ограда делалась из тынника и плетней, у остальных усадеб находились за тесовыми заборами³⁴⁵.

У шадринских мещан и крестьян до середины XIX в. дома по большей части оставались трехкамерными: изба, сени, горница. Однако часть мещан переселяется в более комфортные жилища. Например, мещанин И.Г. Бронников уже в 1809 г. имел дом из пяти жилых помещений (изба и четыре горницы) и сеней. Занимался он "живописным мастерством". Три горницы, кроме избы и сеней, имелись и в доме мещанина И.В. Бритвина. Четырехкамерные дома (изба, сени, две горницы) были у братьев Хльзовых, занимавшихся торговлей.

Со временем количество таких многокомнатных деревянных особняков в Шадринске увеличивалось. Местному купеческому сословию в 1842 г. принадлежало 9 каменных домов и 46 деревянных (усложненной планировки)³⁴⁶.

В торговых уральских городах в первой половине XIX в. появляется новый тип домов - так называемых доходных, специально приспособленных для сдачи квартир. Такие дома имелись, например, в Ирбите, где проходила знаменитая Ирбитская ярмарка. Каждая комната в доходных домах имела отдельный выход наружу и внутренние двери в соседние помещения. При каждом доме имелись амбары и завозни для товаров. Эти дома сдавались в наем приезжавшим на ярмарку торговцам³⁴⁷.

Богатые купцы не только в Екатеринбурге, Шадринске и Ирбите, но и в других уральских городах строили многокомнатные дома в один-два-три этажа,

хотя, конечно, они не могли сравниться с екатеринбургскими дворцами. Выделялись также особняки высшего чиновничества и дворян-землевладельцев. С.Т. Аксаков, родившийся в 1791 г., вспоминал, что одно время (он был еще ребенком) их семья жила в Уфе в доме бывшего "товарища" (помощника) уфимского наместника Н.Ф. Зубина, деда писателя по матери. Отец Аксакова купил этот огромный деревянный дворец с аукциона. Вот как он описал его:

"Дом был обит тесом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, - вспоминал писатель, - и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землей; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил с сестрой, выкрашенные поштукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальни, выходили окошками в сад... в доме была огромная зала, из которой две двери вели в две небольшие горницы довольно темные, потому что окна из них выходили в длинные сени, служившие коридором; в одной из них помещался буфет, а другая была заперта; она некогда служила рабочим кабинетом покойному отцу моей матери; там были собраны все его вещи: письменный стол, кресло, шкаф с книгами и проч."³⁴⁸.

Отмеченные тенденции в жилище уральских горожан нашли свое развитие во второй половине XIX - начале XX в. Заметно увеличилось в это время число каменных жилых строений, хотя даже в Екатеринбурге массовая застройка оставались по большей части деревянной. Так, по данным краеведа В.А. Весновско-го, в 1899 г. в горнозаводской столице Урала около 80% всех жилых строений были одноэтажными. Только 44 дома имели два этажа, а доля трех- и четырехэтажных составляла всего 0,98%. "Большая часть строений деревянные, - писал Весновский, - и, если центральная часть города не обнаруживает дерева, то потому, что оно много скрыто под железными крышами и оппукатурено. Зато окраины почти сплошь деревянные с тесовыми крышами"³⁴⁹.

В начале XX в., как уже отмечалось, каменное жилое строительство в городе заметно активизировалось - особенно в городском центре. "Типовой застройкой на центральных улицах, - заключают авторы книги "Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998)", - стал двухэтажный каменный дом с магазином на первом этаже и жилыми помещениями на втором"³⁵⁰. Помпезных особняков, подобных тем, которые строились местными толстосумами в первой половине XIX столетия, теперь не возводили. Хотя новые богатые особняки продолжали заселять городские улицы. В их архитектуре преобладала эклектика. По воспоминаниям Н.П. Нестеровой-Анфиногеновой, внутренняя планировка богатого ("аристократического") екатеринбургского дома выглядела следующим образом: "Из большой передней одна дверь (направо или налево) вела в кабинет, а вторая - прямо в зал и из зала - в гостиную и коридор, который обычно доходил до кухни. Из гостиной - дверь в будуар (если таковой имелся) или в столовую. В коридоре рядом с кабинетом была спальня, дальше - комната для старшей дочери, еще дальше - для старших мальчиков и, наконец, комнаты для маленьких детей, бонны, гувернантки и няни". Печи в парадных комнатах и в столовой часто

покрывались изразцовыми плитками, иногда украшались полочкой и большим зеркалом.

Стены оклеивались обоями. Для передней подбирались светлые, чаще светло-серые или светло-песочные (здесь, кроме вешалки и стульев, стоял небольшой круглый стол и висело большое зеркало; в некоторых ставилось еще чучело волка или медведя). Кабинет предпочтительно оклеивали темно-коричневыми или зелеными обоями, причем часто снизу, метра на полтора, обои были темнее, а выше - светлее. Для зала обычно приобретались белые или кремовые обои, иногда с серебристым или золотистым легким рисунком. Потолок зала в очень богатых домах расписывался (небо, облака, амурь), но чаще он украшался лепкой вдоль стен и там, где висели люстры. В зале обычно стоял рояль, вдоль стен - 12 или больше венских стульев, два трюмо, два или четыре ломберных столика, на которых стояли подсвечники и пепельницы. Для гостиной всегда подбирались обои темных тонов - бордо, коричневые, зеленые, синие. Освещалась гостиная нарядной высокой лампой и несколькими бра. Пол в ней покрывался большим ковром. «В угол или посередине, в зависимости от величины комнаты, - вспоминала Нестерова-Анфино-генова, - ставился круглый стол, покрытый нарядной плюшевой скатертью в тон мягкой мебели. Диван стоял позади стола, ближе к стене, два мягких кресла - ближе к дивану, а дальше, окружая стол, - мягкие стулья без подлокотников. На столе кроме лампы лежал альбом с фотографиями, нарядная фарфоровая или металлическая тарелка и изящная пепельница. На стенах - картины небольшого размера, портреты в красивых деревянных резных или плюшевых рамках, портреты обычно уже ушедших из жизни людей - бабушек и дедушек. Иногда на стенах в большой гостиной висели так называемые маккартовские букеты - плоские, из засушенных листьев, цветов, плодов и колосьев экзотических растений. Эти букеты выписывались из Берлина магазином фирмы "Мюр и Мерилиз"».

Будуар был очень маленьким. Оклеивался он светло-зелеными или блекло-розовыми обоями и освещался фонарем из фарфора или стекла. На полу расстилался мягкий пушистый ковер; в углу стояла кровать, отгороженная плюшевой или бархатной занавеской с оборками и бахромой, ее цвет подбирался в тон обоев. Здесь же ставились круглый или продолговатый столик, покрытый плюшевой или шелковой нарядной скатертью, два маленьких мягких кресла и у окна - небольшой столик для рукоделия. Стены будуара украшали небольшие картинки в нарядных рамках и фарфоровые медальоны с нарисованными или выпуклыми изображениями.

Столовая бывала светло-желтой, чаще - светло-песочной. Вдоль комнаты стоял длинный обеденный стол, покрытый белой или цветной скатертью. На белую скатерть клали нарядную вышитую дорожку - посередине стола, во всю его длину, и маленькие салфеточки. Вдоль стен стояли венские стулья и "иногда два столика, типа ломберных, на которых располагались красивые невысокие вазы или лоточки с цветами из материи". К задней стене прикреплялась длинная и

широкая полка, на которой стояли "русские жбаны, деревянные расписные солонки и другие предметы столовых принадлежностей". Освещалась столовая большой висячей круглой лампой с белым абажуром, которая спускалась к середине обеденного стола.

Спальню и детскую оклеивали белыми обоями. Освещались эти комнаты фонарем зеленого цвета или лампой с зеленым абажуром. Обычно в спальне ставились две кровати, иногда (преимущественно в купеческих домах) - одна большая, двуспальная. Здесь же находились туалетный столик, мраморный умывальник, комод для белья, гардероб и два-три стула. Старая екатеринбургенка старательно воспроизвела "ушедшую жизнь":

"Когда старшей дочери исполнялось 17 лет, ей обычно выделялась маленькая комната, оклеенная бледно-розовыми и бледно-голубыми обоями, в зависимости от того, брюнеткой или блондинкой была эта девушка. Стояла кровать, покрытая белым покрывалом, на подушке - нарядная накладка. Недалеко от кровати - маленький туалетный столик, покрытый прозрачной белой материей на фоне розовой или голубой подкладки. Эта же материя, но уже без подкладки, свешивалась по обеим сторонам столика, прикрепленная к особому крючку на стене, выше столика сантиметров на 70. На середине столика стояло зеркало, большей частью трельяж, два нарядных флакончика для духов, пудреница и несколько красивых фарфоровых безделушек. Гардероб - небольшой, иногда маленький письменный столик, несколько стульев. Освещалась комната розовым или голубым фонарем".

Свою комнату имели старшие мальчики; обоим для нее подбирались белые. Освещалась комната настольными лампами с зеленым абажуром. Кроме кроватей здесь имелись большой квадратный стол (стоял посередине) и стулья, гардероб (у стены), часто также книжный шкаф и классная доска. На стенах висели "большая географическая карта, таблица умножения и таблица слов с буквой "ять"».

В детской стояли кровати, накрытые белым покрывалом, маленькие столики и стульчики, невысокий гардероб и шкаф для игрушек. Здесь же помещались стол и стул для бонны или няни.

"Зал, гостиная и часто столовая, - завершала свой рассказ о внутреннем облике богатого дома Н.П. Нестерова-Анфиногенова, - были обычно расположены со стороны улицы, а спальни и детские комнаты - со стороны двора или сада"³⁵¹.

По словам мемуаристки, одним из красивейших домов в городе был особняк "знаменитого по тем временам" юриста Собе-щанского, который перед революцией уехал с семьей за границу. Въезд во двор дома ограждала литая резная решетка. В ограде стояли два флигеля, в которых жила прислуга. Половину дома занимал хозяин - здесь находилась его контора, а другая половина была жилой. У входа на верхнем и нижнем этажах размещались кухни, под нижним этажом - огромный погреб. Комнаты обогревались изразцовыми печами³⁵².

Воспоминания Н.П. Нестеровой-Анфиногеновой в известной степени позволяют судить о внутреннем устройстве и обстановке богатых домов и в

других уральских городах, в том числе в уездном торговом Шадринске, в котором к 1877 г. имелось 46 каменных домов и 1222 деревянных. Медленный рост числа каменных строений объяснялся во многом тем, что местные жители предпочитали деревянные дома. В каменных домах было неуютно; в них сохранялась постоянная сырость, плесневели стены. Город на семиверстном расстоянии окружал старый сосновый лес, о сохранности которого неустанно пеклись городские власти. С одной стороны, это украшало пейзаж, но, с другой, хвойное кольцо поддерживало в теплое время года влагу и сырость. Некоторые хозяева выход находили в том, что строили комбинированные дома: низ - каменный, верх - деревянный. На первом этаже, как правило, находились лавки, мастерские и пр., а второй этаж был жилым.

Во второй половине XIX - начале XX в. в Шадринске появляется немало красивых купеческих ансамблей с жилыми строениями, складами, магазинами. Черты оригинальности имел, например, ансамбль П.В. Ночвина, выполненный из красного кирпича: двухэтажный дом с кованым балконом, флигель, большой склад с аттиком, глухая стена которого была выложена рельефом декоративных окон. Привлекал внимание и каменный особняк купца А. Галсжова. Дом соединялся со складами сплошной стеной. Во двор вели каменные трехпролетные ворота с полуциркульными коваными декоративными вставками. Угловые части здания, имитирующие пилястры, покрывал декор, в который вошли цветные смальты. Были и деревянные ансамбли.

Большая часть жителей Шадринска в конце XIX - начале XX в. имела добротные просторные дома, в основном деревянные. Например, помещанам Журавлевым принадлежал деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте с подвалом, крытый тесом, тесовыми были также полы и потолки. В верхнем этаже находились три комнаты, кухня и прихожая, в верхнем - три комнаты и кухня. Из 28 окон 8 выходили на улицу, 12 - во двор, 8 - в сад. На зиму в окна вставлялись вторые рамы. В дом поднимались по тесовому крыльцу. Имелись мезонин и два чулана.

Лишь на городской окраине, в слободках, бедняки ютились с семьями в маленьких неустроенных жилищах³⁵³, что было характерно для уральских городов - их окраины нередко застраивались убогими деревянными лачугами или мазанками (в городах Южного Урала). "Россыпь особняков, которые могли бы сделать честь многим европейским городам, резко контрастировала с неблагоустроенностью и грязью городских окраин"³⁵⁴. Стоит добавить, что окраинная застройка контрастировала не только с особняками богачей, но и с домами основной массы горожан.

"Пермь ныне далеко не та, что представляла собой десятка три лет тому назад", - отмечается в справочнике "Урал Северный, Средний, Южный". Действительно, в городе (с ближайшими пригородами) к этому времени проживали до 120 тыс. жителей, было свыше 3 тыс. домов, из них до 1000 каменных³⁵⁵. В Уфе с 1864 по 1904 г. заселенная площадь выросла в 1,7 раза. К

концу XIX в. город был застроен преимущественно небольшими деревянными одноэтажными домами, но в центре имелись двухэтажные и трехэтажные здания. Деревянные жилые дома составляли еще более 90% от общего количества (остальные были каменными или смешанными). Типичный уфимский дом этого времени - деревянный особняк с тремя окнами на улицу, с удлиненным дворовым фасадом в средней части и с мезонином. На выступах мезонина имелись крытые террасы с фронтоном. В начале XX столетия наблюдалось увеличение этажности зданий, прежде всего в центре. К 1915 г. в Уфе насчитывалось более полутора тысяч каменных зданий (свыше 20% всей застройки), более 400 двухэтажных и около 40 трехэтажных домов. "В городе масса зелени, которая придает ему красивый, нарядный вид, - писал современник. - Особенно живописна Уфа весною, когда цветут деревья"³⁵⁶.

Оренбург во второй половине XIX в. неоднократно страдал от сильных пожаров. Так, в 1864 г. сгорело 600 домов, в 1879 - более 1350 домов, в 1888 г. - свыше 2 тыс. домов. Однако каждый раз город поднимался из руин. В 1901 г. здесь было около 8 тыс. домов, в том числе немало каменных. Лучшие постройки к 1915 г. находились в южной части города - здесь возвышались не только одно-, двух- и трехэтажные каменные дома, но и дома в четыре этажа. Путника, подъезжающего к Оренбургу с азиатской стороны, поражала картина, которая представляла перед его глазами: прибрежный лес, окаймляющий р. Урал, высокий речной берег с его садами, красивые церкви, большие каменные дома с красными и зелеными кровлями³⁵⁷.

В целом городское жилище на протяжении XVIII - начала XX в. на Урале претерпевает заметную эволюцию, хотя массовое домостроительство в местных городах и в конце периода, как и в Европейской России³⁵⁸, имело много общего с русским традиционным жилищем в его крестьянском варианте. При этом внутренний облик жилищ состоятельных горожан, средних слоев и бедняков был заметно дифференцирован. Состоятельная часть населения в организации домашнего быта к концу XIX - началу XX в., как правило, уже не руководствовалась требованиями традиции.

Уральские горожане, как и крестьяне, в массе своей бережно относились к одежде. "Хозяина нет - все подворники", - говорили в середине XIX в. жители г. Дедюхина (Пермская губерния) о вконец изношенном, многократно латанном платье³⁵⁹. В горном Екатеринбурге в первой половине XVIII в. одежда служителей, мастеровых и работных людей, солдат, ссыльных регламентировалась сверху. Например, ссыльные получали на год по несколько аршин сермяжного сукна и холста на портки и рубаху, по паре голиц и ва-рег, по три пары упаков (сапоги из сыромятной кожи), а также на три года шубу. Немногим, по заключению Н.С. Корепанова, отличалась одежда мастеровых и особенно работных людей. Раскольникам полагалось в это время носить зипун со стоячим клееным козырем красного сукна (или красным кушаком), ферязь и однорядку с лежачим ожерельем. Своим женам старообрядцы, которых в

Екатеринбурге было немало, запрещали носить юбки и рубахи с манжетами, разрешая только сарафаны³⁶⁰.

Различие в одежде старообрядцев и православных сохранялось и к началу XIX столетия. "Все здешние купцы, мещане и мастеровые (немногие из сих последних носят сюртуки), - писал о жителях Екатеринбурга Н.С. Попов, - одеваются: а) в русское платье, хотя небогатое...но чистое и опрятное; но как купцы и мещане, по большей части, старообрядцы, то жены их носят кокошники, сарафаны и душегреи разных шелковых материй, а богатые, по большей части, парчевые и штофные, как и девицы... Женский же пол прочих купцов и мещан, не придерживающихся старообрядства, как и мастеровых, употребляют платки, кофты, юбки и другое купеческое платье... и вообще любит одеваться щеголевато, так что жены и дочери самых мастеровых почти не отличаются в праздничные дни своими нарядами от купеческих, употребляя также больше шелковую одежду и украшая, подобно им, уши, руки и шею лучшими серьгами, перстнями и склаважа-ми..."³⁶¹

Таким образом, старинная русская женская одежда в горнозаводской столице Урала рассматривалась уже как анахронизм -ее носили лишь в семьях "ревнителей старины" - раскольников. При этом и старообрядки старались "модернизировать" традиционный наряд: шили сарафаны и душегреи из новых материй, изменяли покрой (например, по сведениям того же Попова, ситцевые сарафаны стали шить "в подражание немецкому платью очень щегольские и длинные"), рукава шелковых рубашек вышивали золотом и серебром и пр.

В других городах Пермской губернии в начале XIX в. "весьма редкие из купеческих жен и девиц" носили длинное платье; большая часть предпочитала, по свидетельству Попова, "короткое, из кофты и юбки состоящее, шелковое, иногда парчовое, бархатное и всякое бумажное платье, с мантилиею или салопом, и с некоторого времени с платком или шалью на плечах, также шелковыми или бумажными". Голову покрывали обычно парчовыми и шелковыми (в том числе шитыми серебром и золотом) платками. Зимой ходили в "обыкновенных" епанчах или пубах "на разных мехах", крытых парчой, шелком, редко китайкой. Шею украшали "богатейшие или старинных домов жены" жемчужными нитками, склаважами, состоящими из аметистов и аквамаринов или янтаря, а "нередко - из одних бус"; в уши вдевали серги с цветными камешками, редко жемчугами; на руках носили "в немалом числе" перстни.

Часть купцов Пермской губернии в рассматриваемое время носила "немецкое" платье, а некоторые и прически предпочитали европейские, одевали мундиры и фраки, "особливо служащие" ("каковых, однако, - замечал Попов, - весьма мало"). Большинство же даже тех, кто перенял "немецкое" платье, подстригались в кружок. "Немецкое" платье состояло из сюртука с камзолом или жилетом, исподницы (суконной или "разных других материй") и панталон. Летом поверх носился плащ или шинель, а на голове - круглая, редко треугольная шляпа. Зимой верхней одеждой служили бекеши, славянки, теплые сюртуки и крытые

сукном тулупы, подбитые лисьими, енотовыми, песцовыми, беличьими или по большей части "мерлушечьими киргизскими мехами". Зимним головным убором являлась круглая шапка, у которой "бархагное, плюсовое или суконное верховище и широкий околыш из камчатского, редко сибирского, бобра, из выдры, из соболей и куниц, но больше из крымских мерлушек". На ногах чаще носили сапоги, но находились и такие, кто щеголял в башмаках с шелковыми чулками и серебряными пряжками.

Однако большинство купцов и мещан предпочитали русское платье. Оно состояло из русского кафтана из хорошего цветного сукна, спитого "по пропорции тела", с частыми сзади сборами (кафтаны, застегивающиеся на пуговицы, носили с опоясками, другие, у которых вместо пуговиц были гарусные или шелковые поперек пришитые "с кистями плетешки, при соединении которых приделаны серебряные или простые для застегивания схват-цы", - без опоясок), камзола, суконной исподницы, рубашки-косоворотки из красной пестряди, шелка или холста и холстяных или пестрядиных порток. Ворот обкладывался шелковым или золотым шнурком, иногда узким позументом. Старообрядцы вместо камзола и исподницы носили полукафтанье³⁶².

Среди тех горожан, которые предпочитали русский наряд, далеко не все были раскольниками. Приверженность многих, по утверждению Н.С. Попова, к традиционной одежде объяснялась тем, что они "исстари к тому привыкли". Некоторые дополняли свой русский костюм новыми элементами, например, вместо косоворотки надевали рубашку с прямым или "немецким" воротником (как это делали в Кунгуре), также повязывали на шею галстуки из платка (сбривая предварительно бороду)³⁶³.

В сообщениях корреспондентов Русского географического общества середины XIX в. подтверждалось, что даже в небольших городах Урала женщины и девушки в большинстве своем (кроме старообрядок) носили парочки - юбки и кофты или платья из кисеи, ситца и других фабричных материй. Так, в Дедохи-не только пожилые горожанки надевали еще с юбкой не кофту, а старинный пугай и накидку. В г. Ирбите такой костюм носили только крестьянки из пригородных деревень, а купчихи и мещанские жены и их дочери красовались в ситцевых и шерстяных платьях, на головах повязывали косынки, на плечи набрасывали шаль; на улицу летом выходили в шелковых или шерстяных салопках, а зимой - в пубках, крытых материей. В южном Мензе-линске (Уфимское ведомство) к середине XIX в. тоже были известны и юбки с кофтами, и длинные платья, хотя здесь еще встречались и сарафаны. Мужчины оказывались более консервативными, хотя и их костюм менялся³⁶⁴.

Старообрядцы, однако, продолжали держаться старых правил. "Кержаки, - заметил А.Я. Купфер, делаясь своими впечатлениями от Екатеринбурга, - никогда не бреют бороды; они одеваются в кафтаны или длинные сюртуки, и употребление фрака...им строго запрещено. Молодые девицы носят волосы заплетенными в длинные косы, их одежда не подчиняется изменениям моды..." Между тем в городе путешественнику то и дело встречались "элегантные современные

наряды", выписываемые местными жителями из столицы империи³⁶⁵. Приехавший в 1848 г. из Оренбурга И.Ф. Бларамберг тоже поражаился тому, что в Екатеринбурге, "на сибирской границе", он увидел "такие же богатые и элегантные туалеты, как за шесть месяцев до этого на берегах Невы"³⁶⁶. Даже критически настроенный в отношении екатеринбургского "общества" Е.А. Вердеревский не мог не признать: "Что касается до внешности, то вы здесь встретите ее в самом цивилизованном виде. Женские костюмы выписаны из Петербурга. Юноши ходят по последней лондонской моде, которую сами они привезли со всемирной выставки..."³⁶⁷ Гостей Екатеринбурга особенно поражило то, что "блестящие и ценные уборы" были не только на женах и дочерях купцов-богатеев, удачных золотопромышленников, заводчиков, но и штабс-капитанов, поручиков, рядовых чиновников. "Все эти счастливицы и счастливицы, - с завистью констатировал писатель СИ. Турбин, - имеют счастье состоять в горном ведомстве"³⁶⁸.

Правда, А.Я. Купфер ошибался, заключая, что старообрядки в этом царстве моды оставались равнодушными к ее веяниям. Они не только продолжали модернизировать свои русские наряды, но и стали появляться на балах. Д. Сигов, сотрудник "Заволжского муравья", увидев во время своего пребывания в Екатеринбурге на одном из светских собраний молодых дам в "национальных русских платьях": бархатных разных цветов сарафанах, обшитых золотыми позументами, кокошниках и "с живописными шелковыми лентами в косах", принял даже их наряды за маскарадные костюмы³⁶⁹. То же самое наблюдал В.И. Даль в Уральске, посетив бал, который давался здесь по случаю назначения нового наказного атамана Уральского казачьего войска. На бал, по словам Даля, "съехались и уралки в цветных сарафанах своих, в шелковых широких рукавах, в богатых саженых сороках да в девичьих драгоценных поднизьях, не в бронзовых модных цепочках, а в чистом золоте, не в чужих кудрях и не в райских птичках, а в косе своей да в скатных жемчугах". По утверждению Даля, все казачки в Уральском войске, "всех чинов и состояний", одевались "богато и даже роскошно"³⁷⁰.

Однако в старинных городках Северного Приуралья традиционная одежда в середине XIX в. еще занимала прочные позиции. Так, в Чердыни, по свидетельству современника, в конце 1840-х годов старики и "пожилые" носили "кафтаны суконные, нанковые, канифасовые и проч., смотря по состоянию". Молодежь только начинала одеваться в "сюртуки". Быстрее и здесь менялись женские наряды: молодые женщины и девушки из зажиточных семей уже носили платья ("из пожилых ни одну не увидишь в этом наряде"). Вместе с тем обычной одеждой пожилых чердынков в середине XIX в. были кофта, юбка и телогрейка. Телогрейки шились "без рукавов, с белою кисейною или ситцевою рубашкою". "На головах молодые женщины и девушки надевают наколки, т.е. шелковые платки и косынки, наколотые на картонную бумагу с особенным искусством, края обшивают узеньким рюшем и кружевами, а по бокам убирают цветами с множеством блестящих булавок. Женщины и девушки не любят ничего темного, а

одеваются всегда в пестрое и, в особенности, желтое, розовое и красное. Башмаки тоже по большей части надевают цветные". По большим праздникам местные купчихи являлись к обедне в дорогих штюфных, парчевых и глазетовых кофтах и юбках; на головах у них были платки "парчовые кованые, т.е. тканые серебром и золотом". Старушки и пожилые "дамы" повязывали на голову "платки в виде кокошника кормилиц, но только пониже". Старшее поколение чердынских женщин еще не отказалось к тому времени от пугаев. "В зимнее время носят пшубы обыкновенные, а большая часть торговых среднего сословия - савики и талицы из молодых оленьих шкур. Талицу шьют шерстью вверх и прошивают сверху род шапки и рукавицы, а савики вниз шерстью". Одежда из оленьих шкур была перенята русскими у коми-зырян³⁷¹.

Однако к концу XIX - началу XX в. и в Чердыни обычным становится европейский костюм. М.Т. Грибанова рассказывала, что ее отец, служивший до революции писарем в Чердынской уездной земской управе, до женитьбы на дочери местного зажиточного мещанина ходил в "простеньком пиджачке" (в нем и венчался), но затем ему пришлось позаботиться о покупке более "приличной" одежды. «Заведено было играть за ломберным столиком в преферанс, бб, лото, - вспоминала чердынская старожилка. - На игры родные по маме приходили во фраках, с кольцами. Отец пошел к купцу Боголобову и стал просить материал на сюртук в долг. У него взял "польский костел" - тончайшее черное сукно. К сюртку приобрел крахмальную рубашку с запонками, галстук. В таком наряде он уже мог играть преферанс, а то только играл в бб со старушками»³⁷². Между тем семья матери и тот круг, в котором пришлось вращаться молодому писарю, вовсе не принадлежал к чердынской "аристократии". Воспоминания родившегося в 1862 г. в семье уфимского купца художника М.В. Нестерова свидетельствуют, что и на Южном Урале в городах в рассматриваемое время и в будни, и в праздники носили, как правило, европейское платье. "Помню ее в атласном салопе с собольим воротником с хвостом и в "индейской" дорогой шали", - писал, например, художник о своей матери³⁷³. Старожил Челябинска В.А. Протасов, сын соборного протоиерея, рассказывал, что, когда он достиг ученического возраста, мать "принарядила" его "в пиджак", и отец отвел его к частному учителю. «Мой "первый пиджак", - признавался Протасов, - скорее подходил к форме женских кофтов того времени в виде колокола, но "Афонька", дочь запатного пономаря Петушко-ва, не смущаясь, продолжала соперничать с мужскими портнями, она же шила нам и белье, по несколько раз - после примерки - перекраиваемое, перешиваемое»³⁷⁴.

Не знали недостатка в покупателях (начало XX в.) "модно-галантерейные" магазины купца М.И. Коробова. "Имеются в выборе: золотые и серебряные вещи, карманные часы, мельхиоровые и бронзовые изделия, образа в серебряных и аплиновых ризах, кюты и свадебные шкатулки, перья, ленты, кружева, толь, веера, альбомы, нессесоры, ридикюли, портвояжи, рамки, зонтики солнечные и дождевые, шляпы дамские, мужские, детские летние и зимние, мужское и дамское белье, галстуки, перчатки лайковые и шведские, запонки рукавные и шемизетные,

гребни, гребенки и щетки головные, шерсть, шелк, бумага и фельдикос разных цветов", - приглашала реклама этих магазинов³⁷⁵. Всегда по последней европейской моде был одет один из самых богатых купцов Вятки П.П. Клобуков³⁷⁶.

Вообще к концу XIX - началу XX в. традиционную одежду в значительной части уральских городов носили почти исключи- тельно старообрядцы. Закрепление в быту местных горожан общеевропейских городских форм в этой сфере происходило быстрее, чем в других регионах страны. Постепенно исчезали различия в костюме разных слоев городского населения. С одной стороны, это было связано с отказом от традиции средних и низших категорий горожан, а с другой, "мода, некогда доступная и понятная избранным, спустилась со ступенек дворца на улицу, к обычным людям"³⁷⁷. Вместе с тем на рубеже столетий наметилась тенденция к упрощению костюма городских "верхов". Связано это было с новым рациональным взглядом на человека, его здоровье и внешний вид, с новой эстетикой. Главным требованием к одежде становились удобство и практичность. Костюм, состоящий из блузки и длинной юбки средней ширины, становится обычным для горожанок всех сословий и родов занятий³⁷⁸. Знаковая социальная нагрузка перемещается с самого костюма на аксессуары - их качество, да и вообще их наличие или отсутствие теперь свидетельствовало о месте, занимаемом человеком в социальной иерархии. При этом уральская провинция несколько отставала от центра. "Вчера послал тебе посылку, самое что ни есть модное боа и перчатки, послал бы больше перчаток, но они страшно дороги. Боа носят на улицы и, делая визиты, не снимают и даже, видел, на вечерах в них сидят...", - писал, например, своей жене в Пермь из Санкт-Петербурга П.П. Дягилев, отец Сергея Дягилева, ставшего впоследствии знаменитым импресарио, и шутливо добавлял: "...Вы, провинциалы, новых мод не понимаете"³⁷⁹.

Основная дифференциация в одежде стала проходить по линии "коренные горожане и недавние выходцы из сельской местности". В одежде последних наблюдалось смешение городского и традиционного деревенского платья. "Ткань могла быть фабричной, но в покрое сохранялись традиции крестьянского шитья. Встречалось и обратное: из домотканого материала шились современные модели одежды". Для праздничных нарядов переселенцы из деревни использовали более яркие цвета; женская одежда оказывалась перегруженной отделкой: вышивкой, тесьмой, кружевами и пр.³⁸⁰

Сохранялись и возрастные особенности в одежде - старики, пожилые люди труднее расставались с прошлым; в их гардеробе и в конце рассматриваемого периода имелись старинные наряды.

Дошедшие до нашего времени фотографии жителей Перми, Екатеринбурга, Вятки начала XX столетия свидетельствуют о появлении в это время на Урале спортивной одежды, а также костюма для пеших прогулок, путешествий.

Важные изменения с последней четверти XIX в. происходили в детской одежде. Если прежде детей одевали как маленьких взрослых, то теперь получает распространение специальное детское платье. Популярностью пользовалась

одежда, стилизованная под матросский костюм. Именно в таком матросском костюмчике был запечатлен на фотографии 3-летний "пермяк" С. Дягилев. О.Н. Яхно связывает эту перемену с новым отношением к детству - "оно начинает рассматриваться как особая самоценная фаза жизни человека"³⁸¹. Однако подобный взгляд на детство был присущ и русской народной традиции. Об этом свидетельствуют, например, результаты специального исследования В.А. Зверева "Дети - отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861-1917)" (Новосибирск, 1993). Правильнее в данном случае говорить об окончательном изживании прежнего, идущего еще из времен язычества представления об особых свойствах родительской ("взрослой") одежды как оберега - известно, что в Древней Руси детскую одежду шили не только по образцу взрослой, но и из старого платья родителей.

Вообще изменения, которые происходили в XVIII - начале XX в. в одежде населения городов Урала, вполне вписывались в общую картину эволюции городской повседневности. Материальный быт горожан, в начале XVIII в. еще сохранявший (исключая верхушку городского общества) полную преемственность с народной традицией, постепенно все более отходил от нее. Этот процесс приобрел заметное ускорение во второй половине XIX в. К началу же XX столетия новации не только доминировали в городском "мире вещей", но и по существу стали новыми традициями.

Чагин Г.Н. Города Перми Великой. Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004.

С. 13.

² Там же. С. 13-45.

³ Там же. С. 163-198.

⁴ *Кривошецов И.Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 325-327.

⁵ *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 5-22.

⁶ Там же. С. 22-31.

⁷ *Весновский В.А.* Весь Челябинск и его окрестности (1909 г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников: Собрание текстов / Сост. В.С. Божье. Челябинск, 1997. С. 4-44; Россия. Полное географическое описание нашего отечества (1914 г.) // Там же. С. 195.

⁸ *Гмелин И.* Путешествие по Сибири (1752 г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 201.

⁹ *Дегтярев И.В.* Челябинская старина. Челябинск, 1996. С. 13-15.

¹⁰ *Гмелин И.* Указ. соч. С. 201.

¹¹ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении // Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 190.

¹² *Мордовцев Д.П.* Из летних скитаний (1894 г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 205.

¹³ *Весновский В.А.* Указ. соч. С. 54.

¹⁴ *Миненко Н.А., Федоров С.В.* Город на Исети: страницы шадринской летописи. Шадринск, 1997. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 26-27.

- ¹⁸ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 13-14.
- ¹⁹ Там же. С. 38.
- ²⁰ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 13-45.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 163-198, 202.
- ²³ Там же. С. 59-64, 71-73, 91.
- ²⁴ Там же. С. 73-77.
- ²⁵ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 18-19.
- ²⁶ Очерки истории Свердловска 1723-1973. Свердловск, 1973. С. 17-23.
- ²⁷ Дорофеев В.В. Указ. соч. С. 31-32.
- ²⁸ Там же. С. 31-33.
- ²⁹ Там же. С. 33⁵.
- ³⁰ Десярев И.В. Указ. соч. С. 15.
- ³¹ Там же. С. 26-28.
- ³² Оренбург. Челябинск, 1993. С. 37⁴.
- ³³ Там же. С. 76-77.
- ³⁴ История Уфы: Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 63-66.
- ³⁵ Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII - начале XX века. М., 2003. С. 228-229.
- ³⁶ Резун Д.Я. Город Ирбит в XVIII - первой половине XIX века // Ирбит - ский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 69, 71.
- ³⁷ Дмитриев А.В. Ирбитская ярмарка (1801-1917 гг.). Екатеринбург, 2004.
- ³⁸ Ирбитская ярмарка. Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка В XVII-XVIII веках. Екатеринбург, 2003. С. 71-80.
- ³⁹ Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 53-56.
- ⁴⁰ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 74-75.
- ⁴¹ Очерки истории Свердловска. 1723-1973. С. 17-23; Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 53, 74-75, 85-91, 150-151.
- ⁴² Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 53-66.
- ⁴³ Там же. С. 55-56.
- ⁴⁴ Там же. С. 56.
- ⁴⁵ Ершов М.Ф. Ирбит и Ирбитская ярмарка в конце XVIII - начале 60-х годов XIX века // Ирбитский край в истории России. С. 82.
- ⁴⁶ Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 7-8.
- ⁴⁷ Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч. С. 228-229.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 229-230.
- ⁵⁰ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 188; Очерки истории Свердловска. 1723-1973. С. 17-23.
- ⁵¹ Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 16-17; Андреев Н.В. История пермского городского самоуправления (последняя четверть XVIII - первая четверть XIX в.). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 145-148, 151.
- ⁵² Верхованцев В.С. Указ. соч. С. 16-17; Андреев Н.В. Указ. соч. С. 145-148, 151.
- ⁵³ Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 133-135, 157.

⁵⁴ Кудымов А. Б. Отражение некоторых черт исторического облика Перми периода второй трети XIX в. в описаниях русских офицеров // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3 / Сост. Т.И. Быстрых, А.Ф. Старовойтов. Пермь, 2001. С. 102-103.

⁵⁵ Там же. С.103.

⁵⁶ ГАПО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 1. Л. 107-108 об.

⁵⁷ Отчий край. Исторические очерки об Осе и Осинском районе Пермской области. Пермь, 1991. С. 96.

⁵⁸ Там же. С. 96-97, 117-118.

⁵⁹ Очерки истории Свердловска (1723-1973). С. 79-81.

⁶⁰ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 235-238.

⁶¹ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 303, 306, 364-365, 345.

⁶² Россия: Полное географическое описание нашего отечества (1914 г.). С. 196.

⁶³ Гартевельд ВТ. Каторга и бродяги Сибири (1909 г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 236.

⁶⁴ Нечаева А.М. Челябинские впечатления (1909 г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 224.

⁶⁵ Гартевельд В.Н. Указ. соч. С. 236.

⁶⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь: Путевые очерки. Чердынь, 1994. С. 10.

⁶⁷ История Урала в период капитализма. С. 236, 238.

⁶⁸ Кудрявцев В. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898. С. 185-186.

⁶⁹ Оренбург. С. 47.

⁷⁰ ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 130. Л. 5об.; Ф. 65. Оп. 1. Д. 101. Л. 31-32; ГАСО. Ф. 658. Оп. 1. Д. 273. Л. 185; Камышлов // Энциклопедический словарь /Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XIV. С. 232; Верхотурье // Там же. СПб.. 1892. Т. VI. С. 87; Оса // Там же. СПб., 1897. Т. XXII. С. 235; Шадринск // Там же. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 96; Отчет о деятельности Кунгурского городского самоуправления за 1893 г. Кунгур, 1894. С. 10-12; Кунгур в старых фотографиях и документах. Кунгур, 1999. С. 46-47; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1911 г. Пермь, 1910. С. 161-164; Екатеринбургская неделя. 1881. 4 февр. № 5. С. 84-85.

⁷¹ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 63. Л. 6-20об.; Д. 76. Л. 1-12; Д. 155. Л. 8-10; Д. 195. Л. 9, 14-15; Д. 197. Л. 5-6.

⁷² Весновский В.А. Указ. соч. С. 54.

⁷³ Оренбург. С. 77,105.

⁷⁴ Трапезников В.Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 165.

⁷⁵ Звагельская В.Е. Архитектура модерна на Урале // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1988. С. 63-64.

⁷⁶ Там же. С. 64-69.

⁷⁷ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 492-493.

⁷⁸ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 770.

⁷⁹ Ершов М.Ф. Указ. соч. С. 86.

⁸⁰ Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. Пермь, 2002. С. 99-101.

- ⁸¹ Манькова ИЛ. Храм в сердце и памяти: Очерки истории Екатеринбургского собора. Екатеринбург, 2000. С. 7-25, 27, 43^44, 58; Храмы Екатеринбург-Свердловска. Свердловск, б.г. С. 5.
- ⁸² Екатеринбург: Исторические очерки (1723-1998). Екатеринбург, 1998. С. 60-61.
- ⁸³ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 494-495.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Памятники архитектуры, истории, искусства Чердыни и Чердынского района. Чердынь, 1997. Т. 2. С. 21-22.
- ⁸⁶ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 494-495.
- ⁸⁷ Там же. С. 501-502.
- ⁸⁸ Памятники архитектуры... Т. 2. С. 13.
- ⁸⁹ Состояние Вятской губернии в 1858 году // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. С. 184-185.
- ⁹⁰ Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898. С. 30.
- ⁹¹ Там же. С. 185.
- ⁹² Списки населенных мест Российской империи. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1875. С. 1-5.
- ⁹³ Весновский В.А. Указ. соч. С. 50.
- ⁹⁴ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 55-56.
- ⁹⁵ Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С.44-45.
- ⁹⁶ Там же. С. 68-69, 74.
- ⁹⁷ Резун Д.Я. Указ. соч. С. 69.
- ⁹⁸ Там же. С. 71.
- ⁹⁹ Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁰⁰ Ершов М.Ф. Указ. соч. С. 83
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Резун Д.Я. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁰³ Там же. С. 72; Ершов М.Ф. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁰⁴ Ершов М.Ф. Указ. соч. С. 85.
- 05 Там же. С. 85-86
- ¹⁰⁶ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 256-257, 278-279.
- ¹⁰⁷ Кудымов А.Б. Указ. соч. С. 102-103.
- ¹⁰⁸ Записки путешествия академика Фалька (1824 г.) // Дореволюционный! Челябинск в слове современников. С. 203.
- ¹⁰⁹ Алеврас Н.Н. Челябинск в 1781-1917 годах // Челябинск: Энциклопедия / Сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 984.
- ¹¹⁰ Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 47-48.
- ¹¹¹ Россия: Полное географическое описание нашего отечества (1914 г.). С. 196-197.
- ¹¹² Весновский В.А. Указ. соч. С. 53.
- ¹¹³ Там же; Россия: Полное географическое описание нашего отечества (1914 г.). С. 197; Нечаева А.М. Указ. соч. С. 217.
- ¹¹⁴ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 214-215.
- ¹¹⁵ Гартевельд В.Н. Указ. соч.
- ¹¹⁶ Оренбург. С. 47-48, 76-77.
- ¹¹⁷ Там же. С. 99.
- ¹¹⁸ Там же. С. 37-44.
- ¹¹⁹ Там же. С. 71-75.

- ¹²⁰ Там же. С. 44-46.
- ¹²¹ Там же. С. 71-75.
- ¹²² Там же. С. 104.
- ¹²³ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 390.
- ¹²⁴ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 309. Л. 5об.; Д. 66. Л. 7-9об.; Д. 309. Л. 12об.; Протоколы Екатеринбургской городской думы за 1-е полугодие 1884 г. Екатеринбург, 1884. С. 174-175.
- ¹²⁵ Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. С. 114—115.
- ¹²⁶ *Андреев Н.В.* Указ. соч. С. 119-125, 153-154; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 234, 240.
- ¹²⁷ Журналы Пермской городской думы за 1914 год. Пермь, 1915. С. 429.
- ¹²⁸ *Весновский В.А.* Указ. соч. С. 56-57, 67-69; *Нечаева А.М.* Указ. соч. С. 224.
- ¹²⁹ *Андреев Н.В.* Указ. соч. С. 145-148, 151.
- ¹³⁰ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 158, 166.
- ¹³¹ Там же. С. 500.
- ¹³² *Белавин А.М., Нечаев М.Г.* Губернская Пермь. Пермь, 1996. С. 51-52.
- ¹³³ ГАСО. Ф. 658. Оп. 1. Д. 287. Л. 320-339об.; *Немирович-Данченко В.* Кама и Урал: (Очерки и впечатления). СПб., 1890. С. 511-515; Екатеринбургская неделя. 1881. 4 февр. № 5. С. 84-85.
- ¹³⁴ Екатеринбургская неделя. 1881. 4 марта. № 9. С. 139-140.
- ¹³⁵ *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 51.
- ¹³⁶ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 392, 475, 500, 502.
- ¹³⁷ Кунгур в старых фотографиях... С. 46-47; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1911 г. С. 161-164.
- ¹³⁸ *Весновский В.А.* Указ. соч. С. 66.
- ¹³⁹ Екатеринбургская неделя. 1881. 4 марта. № 9. С. 139.
- ¹⁴⁰ *Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Указ. соч. С. 229-230.
- ¹⁴¹ История Уфы: Краткий очерк. С. 66-67.
- ¹⁴² Оренбург. С. 78, 98, 105.
- ¹⁴³ ВГВ. 1895. 11 февр. № 12. С. 2; *Белавин А.М., Нечаев М.Г.* Указ. соч. С. 51.
- ¹⁴⁴ Очерки истории Свердловска. 1723-1973. С. 81; Кунгур в старых фотографиях... С. 40-41.
- ¹⁴⁵ *Черныш М.М.* Проведение городской реформы 1870 г. в Перми. Классовая сущность новых органов городского управления (К истории г. Перми 1870-1881 гг.) // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1961. Т. 17. Вып. 4. Исторические науки. С. 181-182.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 183; Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1902 год. Б.м., б.г. С. 5; Екатеринбургская неделя. 1881. 8 июля. № 26. С. 312.
- ¹⁴⁷ Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1881 года. Екатеринбург, 1881. С. 10-18; Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 926-927; Екатеринбургская неделя. 1894. 27 марта. С. 284; Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1901 год. Екатеринбург, 1903. С. 295-297; ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д. 157. Л. 122.
- ¹⁴⁸ Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 202-204; *Герштейн Я.Л., Смирных А.И.* Ирбит. Свердловск, 1981. С. 35; Мо-

кеев В.М. Шадринск. Челябинск, 1975. С. 20; Уральская жизнь. 1916. 1 апр. С. 3.

- ¹⁴⁹ Кунгур в старых фотографиях... С. 45-46.
- ¹⁵⁰ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 213.
- ¹⁵¹ Весновский В.А. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁵² Нечаева А.М. Указ. соч. С. 213-214.
- ¹⁵³ Ангаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч. С. 229-230.
- 154 История Уфы: Краткий очерк. С. 66-67.
- ¹⁵⁵ Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁵⁶ Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998). С. 85-86.
- 157 Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм... С. 297.
- 158 Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 209-210.
- ¹⁵⁹ Оренбург. С. 106.
- ¹⁶⁰ ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 130. Л. Моб. - 15об.; Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1902 год. С. 5-7.
- 161 Отчет по эксплуатации электрической станции // Отчет Пермской городской управы за 1910 год. Пермь, 1911. С. 7-9.
- ¹⁶² Приложение к "Вятским губернским ведомостям". 1902. 19 нояб. № 138.
- С. 1.
- ¹⁶³ Там же. 1903. 24 июня. № 73. С. 4; Там же. 12 авг. № 94. С. 2.
- ¹⁶⁴ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁶⁵ Освещение города (из отчета городской управы за 1913 г.) // Шадринская старина. 1995: Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. С. 143; Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁶⁶ Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁶⁷ Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 47-48.
- ¹⁶⁸ Оренбург. С. 77.
- ¹⁶⁹ Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 206-209.
- ¹⁷⁰ Приложение к "Вятским губернским ведомостям". 1900. 22 янв. № 10.
- С. 2-3.
- ¹⁷¹ Кудрявцев В. Указ. соч. С. 186.
- ¹⁷² Кривошеиков И.Я. Указ. соч. С. 772-773.
- ¹⁷³ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 84, 105.
- 174 Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1906 год. Б.м., б.г. С. 5-6.
- 175 Отчет по эксплуатации электрической станции. С. 7-9.
- ¹⁷⁶ Кунгур в старых фотографиях... С. 19-20.
- ¹⁷⁷ Город Екатеринбург... С. 210; Очерки истории Свердловска. 1723-1973.
- С. 81.
- ¹⁷⁸ Обзор деятельности Слободского городского общественного управления за первое трехлетие (16 ноября 1871 - 15 октября 1875 г.). Вятка, 1875. С. 29, 32.
- ¹⁷⁹ Екатеринбургская неделя. 1881. 8 июня. С. 363.
- ¹⁸⁰ Шапошников Г.Н. Телеграф в г. Верхотурье (первая телеграмма в городе) // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья: Тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции. 26-28 мая 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 95-97.
- ¹⁸¹ Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998). С. 85-86.
- ¹⁸² Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁸³ Приложение к "Вятским губернским ведомостям". 1902. 24 авг. № 101. С. 3.
- ¹⁸⁴ Там же.

- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Приложение к "Вятским губернским ведомостям". 1899. 6 июля. № 78.
- С. 3.
- ¹⁸⁷ Оренбург. С. 98,106.
- ¹⁸⁸ Уральская жизнь. 1904. 11 янв. № 11. С. 3.
- ¹⁸⁹ Уральская жизнь. 1907. 21 нояб. № 219. С. 3.
- ¹⁹⁰ Оренбург. С. 91-93.
- ¹⁹¹ Там же. С. 94-95, 98.
- ¹⁹² Россия: Полное географическое описание нашего отечества (1914 г.). С. 196-197.
- ¹⁹³ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1911 г. Пермь, 1910. С. 159-164.
- ¹⁹⁴ *Виноградов С.* От Перми до Шадринска. Путевые наброски // Шадринская старина. 1994. Шадринск, 1994. С. 121.
- ¹⁹⁵ Верхоланцев В.С. Указ. соч. С. 186-189.
- ¹⁹⁶ Кунгур в старых фотографиях... С. 47-49.
- ¹⁹⁷ Уральская жизнь. 1904. 11 янв. № 11. С. 3.
- ¹⁹⁸ *Весновский В.А.* Указ. соч. С. 69.
- ¹⁹⁹ *Белавин А.М., Нечаев М.Г.* Указ. соч. С. 52-53; Пермь от основания до наших дней; Исторические очерки. 116-117.
- ²⁰⁰ *Попов Н.Н.* Из истории социально-экономического развития г. Екатеринбурга в конце XIX - начале XX в. // Вторые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28-29 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 131-132.
- ²⁰¹ Оренбург. С. 106.
- ²⁰² *Белавин А.М., Нечаев М.Г.* Указ. соч. С. 52-53; *Трапезников В.Н.* Указ. соч. С. 180; Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. С. 116-117.
- ²⁰³ Дореволюционный Челябинск в слове современников. С. 47-48.
- ²⁰⁴ *Весновский В.А.* Указ. соч. С. 56-57.
- ²⁰⁵ *Гартевельд В.Н.* Указ. соч. С. 236-237.
- ²⁰⁶ *Нечаева А.М.* Указ. соч. С. 215.
- 207 Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898. С. 127.
- ²⁰⁸ *Кривошеиков И.Я.* Указ. соч. С. 772.
- ²⁰⁹ Кунгур в старых фотографиях... С. 28-29, 49.
- 210 Отчет о деятельности Кунгурского городского самоуправления и о состоянии городского хозяйства за 1893 год. С. 21-22.
- ²¹¹ Урал Северный, Средний, Южный. Пг., 1917. С. 341.
- ²¹² Там же. С. 408.
- ²¹³ Там же. С. 358, 407-408.
- ²¹⁴ Библиотека РГИА. Колл. губернаторских отчетов. Оп. 1. Д. 20. С. 7-8.
- ²¹⁵ Оренбург. С. 106-107.
- ²¹⁶ *Нечаева А.М.* Указ. соч. С. 213.
- ²¹⁷ *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 14, 26, 29, 36, 44-45, 57, 75, 77.
- ²¹⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. V. С. 498.
- ²¹⁹ *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 13-14; С. Из материалов к истории города Перми // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. Отд. 2. С. 154-156.

- ²²⁰ Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 33; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 18-23.
- ²²¹ Благотворительность на Урале. С. 28-30; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 14, 19.
- ²²² *Миненко Н.А.* Черты общественного быта города Щадринска (конец XVIII - начало XX в.) // Уральский город XVIII - начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001. С. 82.
- ²²³ Материалы для статистики г. Кунгура // ПГВ. 1857. № 12. С. 44; № 14. С. 56.
- ²²⁴ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 133-134; Благотворительность на Урале. С. 29.
- ²²⁵ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 14-15; Благотворительность на Урале. С. 30; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 224.
- ²²⁶ Материалы для географии и статистики Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка 1860. Отд. 4. С. 212, 214-215.
- ²²⁷ Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства. Всероссийская выставка гигиены. СПб., 1913. С. 19-20; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 293.
- ²²⁸ *Бородин Н.* Уральское казачье войско: Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. Т. 1. С. 168-169, 177-178, 180-183.
- ²²⁹ Благотворительность на Урале. С. 30; Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства... С. 75-76.
- ²³⁰ Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства... С. 78; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 57-64, 108; Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Пермь, 1899. С. 99.
- ²³¹ *Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 83; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 110-111.
- ²³² *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 65, 108; Благотворительность на Урале. С. 75-76, 107-108, 116.
- ²³³ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 506; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 59, 63.
- ²³⁴ Краткий статистико-экономический обзор Вятской губернии // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1897. Отд. 2. С. 132; Географические и статистические сведения // Календарь Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1898. С. 109, 114, 120; Россия. Полное географическое описание... С. 524, 549.
- ²³⁵ Там же. С. 366, 416, 434, 460, 469, 481, 489, 491, 498, 505, 513, 519, 532.
- ²³⁶ *Плотников А.М.* Организация и настоящее положение медицинской помощи и санитарии в городах Пермской губернии // Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. Ч. II. Доклады съезду. Пермь, 1902. С. 62, 64-65; *Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 83; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 62-63, 111; Благотворительность на Урале. С. 76.
- ²³⁷ Там же. С. 119.
- ²³⁸ *Корнухов Н.* Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. LVII. Отд. VIII. С. 51; *Бородин И.* Указ. соч. С. 184-185. Очерк состояния санитарного и медицинского дела... С. 145.
- ²³⁹ Там же. С. 98.
- ²⁴⁰ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 60-61; *Онуфриев В.М.* Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 сентября 1887 по 1 сентября 1891 г. // Приложение к Запискам Уральского медицинского общества. Вып. 2. Екатеринбург, 1893. С. VIII-IX, 106, 109-110, 146.
- ²⁴¹ Очерк о состоянии санитарного и медицинского дела... С. 210.

²⁴² Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1899 год // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. Вятка, 1901. Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии. С. 122.

²⁴³ Приложение к журналам XII очередного Красноуфимского уездного земского собрания: Доклады и статьи по медицинской части за 1881 год. Кунгур, 1882. С. 60; *Онуфриев В.М.* Указ. соч. С. 176.

²⁴⁴ *Никольский Д.П.* Земская медицина в Екатеринбургском уезде Пермской губернии за 1882-83 г. // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1886. Т. II. Отд. IV. С. 15; *Плотников А.М.* Указ. соч. С. 60; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 60-61.

²⁴⁵ *Никольский Д.П.* Указ. соч. С. 15; Очерк о состоянии санитарного и медицинского дела... С. 211.

²⁴⁶ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 61-62.

²⁴⁷ Там же. С. 63; Очерк о состоянии санитарного и медицинского дела... С. 211.

²⁴⁸ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 56.

²⁴⁹ *Золотое Е.* По поводу смертности крестьянских детей // ЕЕВ. 1888. № 25. С. 591; *Чащиницкий М.М.* Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883. С. 35; *Русских Н.А.* К вопросу о кормлении детей до года // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. Пермь, 1891. Вып. 1. С. 79-82.

²⁵⁰ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 52, 65; Благотворительность на Урале. С. 117.

²⁵¹ Очерк о состоянии санитарного и медицинского дела... С. 120, 129; Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства... С. 79-80.

²⁵² Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1894 год // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 371.

²⁵³ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1899 год. С. 121; Очерк о состоянии санитарного и медицинского дела... С. 131.

²⁵⁴ Материалы для статистики г. Кунгура. С. 44; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 51.

²⁵⁵ *Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 73-74.

²⁵⁶ Общество врачей Пермской губернии. Протоколы и приложения 1885-1886 академического года. Пермь, 1886. № 8-12. С. 85, 96.

²⁵⁷ Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь, 1896. С. 22; *Плотников А.М.* Указ. соч. С. 68; Краткий статистический обзор Вятской губернии за 1896 год // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1898. Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии. С. 73; *Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 74.

²⁵⁸ Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. С. 22; *Плотников А.М.* Указ. соч. С. 69.

²⁵⁹ Материалы для географии и статистики Вятской губернии. С. 212.

²⁶⁰ *Корноухое Н.* Указ. соч. С. 49; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 44-45.

²⁶¹ Там же; Приложение к журналам XII очередного Красноуфимского уездного земского собрания... С. 23; *Плотников А.М.* Указ. соч. *Чижев П.* Город Илецкая защита // ОЕВ. 1903. № 15. С. 534.

²⁶² *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 47-48; *Злоказов Л.Д., Семенов В.В.* Указ. соч. С. 238; Благотворительность на Урале. С. 72.

²⁶³ Постановление Особого совещания Оренбургского губернского комитета общественного здравия // ОЕВ. 1893. № 9. С. 321. *Чижев П.* Указ. соч. С. 533-534.

- ²⁶⁴ *Плотников А.М.* Указ. соч. С. 68; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 48-49.
- ²⁶⁵ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 49; *Чаиницкий М.М.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁶⁶ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1894 год. С. 372; *Загорский В.Б.* Несколько слов об уходе за детьми в Челябинском уезде // Записки Уральского медицинского общества. Екатеринбург, 1893. Вып. 2. С. 13.
- ²⁶⁷ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 67; *Благотворительность на Урале.* С. 118.
- ²⁶⁸ *Благотворительность на Урале.* С. 108; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 52-54, 65-66.
- ²⁶⁹ *Голикова С.В.* Традиционное врачевание в повседневной жизни уральского города XIX - начала XX в. // Уральский город XVIII - начала XX в.: история повседневности. С. 96.
- ²⁷⁰ Там же; *Мухачев Е.П.* Из дневника пермского горожанина // ПГВ. 1861. № 32. С. 443.
- ²⁷¹ *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 97-98.
- ²⁷² Там же. С. 94-95, 103.
- ²⁷³ *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 39, 108-109, 111.
- ²⁷⁴ *Спасский С.* Необыкновенные больные в г. Соликамске // ПГВ. 1865. № 34. С. 137; *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 96-99, 101.
- ²⁷⁵ *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 99-100; *Злоказов Л. Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 166.
- ²⁷⁶ *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 99-101.
- ²⁷⁷ Там же. С. 98-102; *Мухачев Е.П.* Указ. соч. С. 443.
- ²⁷⁸ *Порфирьев И.* Древняя икона Успенья Пресвятой Богородицы в селе Верх-Язьвинском // ПГВ. 1866. № 48. С. 173; № 49. С. 178; *Географические и статистические сведения // Календарь Вятской губернии на 1898 год.* С. 181; *Вештомов А.* История вятчан. Казань, 1907. С. 232; *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 102-105.
- ²⁷⁹ *Голикова С.В.* Указ. соч. С. 97, 103.
- ²⁸⁰ Там же. С. 103; *Селезнева В.Т.* Указ. соч. С. 56-58; *Бородин Н.* Указ. соч. С. 182-183; *Кроткое М.* Санитарно-медицинский отчет врача городского участка за 1889/90 год // Отчет ХХI Очередному Чердынскому уездному земскому собранию земских врачей по медицинской и ветеринарной части за 1889/90 г. Пермь, 1891. С. 8.
- ²⁸¹ *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Дневник священника // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 118, 122-127, 139.
- ²⁸² Там же. С. 119-120, 122, 139.
- ²⁸³ Там же. С. 118, 129, 131.
- ²⁸⁴ *Браун Д.В., Русинова Н.Л.* Социокультурные ориентации сознания и отношения к индивидуальной ответственности за здоровье, автономности пациента и медицинскому патернализму // Качество населения Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 133, 140-141.
- ²⁸⁵ *Шилова Л. С.* Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социс. 2000. № П. С. 134.
- ²⁸⁶ Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. 4. С. 11.
- ²⁸⁷ *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 2. С. 194.

- ²⁸⁸ Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998). С. 44; *Корепанов Н.С.* Очерки истории Екатеринбурга 1781-1831 гг. Екатеринбург, 2004. С. 29.
- ²⁸⁹ *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 2. С. 316.
- ²⁹⁰ *Алферов Н.С., Белякин Г.И., Козлов А.Г., Коротковский А.Э.* Свердловск (строительство и архитектура). М., 1980. С. 24; Очерки истории Свердловска. 1723-1973. С. 21-22.
- ²⁹¹ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. С. 50-51.
- ²⁹² История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 286-289.
- ²⁹³ *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 14.
- ²⁹⁴ Там же. С. 167-168.
- ²⁹⁵ *Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е.* Опыт археологического исследования уральского исторического города XVIII - первой половины XIX века // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С. 31-10.
- ²⁹⁶ Там же. С. 33-36.
- ²⁹⁷ *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 348.
- ²⁹⁸ Городские головы города Перми. Пермь, 2003. С. 18—4-9.
- ²⁹⁹ Там же. С. 12-13.
- ³⁰⁰ *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 15.
- ³⁰¹ *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге... С. 32; *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 74-81.
- ³⁰² *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 206.
- ³⁰³ *Попов Н.С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 319.
- ³⁰⁴ *Корепанов Н.С.* Очерки истории Екатеринбурга... С. 51; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 83. Л. 186.
- ³⁰⁵ *Корепанов Н.С.* Очерки истории Екатеринбурга... С. 51.
- ³⁰⁶ *Лотарева Р.М.* Города-заводы России. XVIII - первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 90.
- ³⁰⁷ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 192.
- ³⁰⁸ *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Рязановы - купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 52-53.
- ³⁰⁹ *Бабькин К.Т.* Архитектурная старина Екатеринбурга // Екатеринбург за двести лет (1723-1923). Екатеринбург, 1923. С. 162, 167.
- ³¹⁰ Живописное путешествие по Азии. М., 1859. С. 3-4.
- ³¹¹ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 151.
- ³¹² *Байдин В.И.* Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII - начале XIX в. (На примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Урал - территория жизни: Материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1996. С. 186.
- ³¹³ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 297.
- ³¹⁴ *Подгорбунская С.Е.* История одного знаменитого дома (Документально-краеведческое расследование) // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. С. 230-231.
- ³¹⁵ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Из далекого прошлого// Он же. Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 48, 50.
- ³¹⁶ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 192.
- ³¹⁷ Там же. С. 171.
- ³¹⁸ Екатеринбург. Очерки истории (1723-1998). С. 72.

- ³¹⁹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 529.
- ³²⁰ Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845-1849) // *Он же*. Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. С. 25-26.
- ³²¹ Верхоланцев В.С. Указ. соч. С. 15.
- ³²² Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 369.
- ³²³ Столетие Вятской губернии. 1780-1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881. Т. 2. С. 829.
- ³²⁴ Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч. С. 228-229.
- ³²⁵ Цит по: Тюнькин К. Салтыков-Щедрин. М., 1989. С. 97.
- ³²⁶ Цит по: Петряев Е.Д. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 8.
- ³²⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Губернские очерки. Устинов, 1985. С. 5-6.
- ³²⁸ Петряев Е.Д. Вятские книголобы. Киров, 1986. С. 51.
- ³²⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 233, 334.
- ³³⁰ Грин А. Собр. соч. М., 1965. Т. 6. С. 323.
- ³³¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 422, 425^126, 428.
- ³³² Озерецковский Н.Я. Путешествие по России. 1782-1783. СПб., 1996. С. 97.
- ³³³ История Уфы. Краткий очерк. С. 63-66.
- ³³⁴ Райский П.Д. Путеводитель по гор. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915. С. 4.
- ³³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. Воронцова. Д. 521/442. Л. 351 об., 354об.-355об.
- ³³⁶ Цит по: Савельзон В.Л. Пушкин и Оренбуржье. Оренбург, 1998. С. 79.
- ³³⁷ Там же. С. 113.
- ³³⁸ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 218.
- ТМ Дегтярев И.В. Указ. соч. С. 20-21.
- ³⁴⁰ Челябинск. История моего города. Челябинск, 1999. С. 88.
- ³⁴¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. На рубеже Азии. Очерки захолустного быта // *Он же*. Поли. собр. соч. Екатеринбург, 2002. Т. 1. С. 667.
- ³⁴² Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С. 190-191.
- ³⁴³ Отчий край... С. 96.
- ³⁴⁴ щф ГАКО. Ф. 473, Оп. 1. Д. 183. Л. 48-66; Миненко Н.А., Федоре С.В. Указ. соч. С. 54.
- ³⁴⁵ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 2. С. 412.
- ³⁴⁶ Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 66, 68.
- ³⁴⁷ Архив РГО. Разр. 29. Оп. 1. Д. 23. Л. 2об.
- ³⁴⁸ Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1987. С. 241-243.
- ³⁴⁹ Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899. С. 161.
- ³⁵⁰ Екатеринбург. Очерки истории (1723—1998). С. 103-104.
- ³⁵¹ Нестерова-Анфиногорова Н.П. Воспоминания // Уральская старина. Вып. 4. С. 190-193.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 92-98, 160-164.
- ³⁵⁴ История Урала в период капитализма. С. 238.
- ³⁵⁵ Урал Северный, Средний, Южный. С. 304.
- ³⁵⁶ Там же. С. 525-527.
- ³⁵⁷ Путеводитель по городу Оренбургу... С. 34.

- ³⁵⁸ См.: Русские. М., 1997. С. 296-315.
- ³⁵⁹ Архив РГО. Разр. 29. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
- ³⁶⁰ *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге... С. 63.
- ³⁶¹ *Попов Н.С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 323.
- ³⁶² Там же.
- ³⁶³ Там же.
- ³⁶⁴ Архив РГО. Разр. 29. Д. 29. Л. 15-16; Разр. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
- ³⁶⁵ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 152.
- ³⁶⁵ *Бларамберг М.Ф.* Указ. соч. С. 292.
- ³⁶⁷ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 250.
- 368 Страна изгнания и исчезнувшие люди: Сибирские очерки С. Турбина и Старожила. СПб., 1872. С. 26.
- ³⁶⁹ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 183.
- ³⁷⁰ Письма В.И. Даля из Оренбурга к Гречу // Родина. 1992. № 4. С. 103-105; *Даль В.И.* Уральский казак // Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып. 14. С. 159, 173.
- ³⁷¹ *Карнаухов Н.* Указ. соч. С. 53-54.
- ³⁷² Как жили в Чердыни (из воспоминаний М.Т. Грибановой) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 283-285.
- ³⁷³ *Нестеров М.В.* Давние дни (Воспоминания, очерки, письма). Уфа, 1986. С. 36 и др.
- ³⁷⁴ *Протасов В.* Записки челябинского старожила // Челябинск неизвестный. Челябинск, 1996. Вып. 7. С. 199-200.
- ³⁷⁵ Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров-Вятка, 1999. С. 117.
- ³⁷⁶ Там же. С. 133.
- ³⁷⁷ *Яхно О.Н.* Новое в быту горожан Пермской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 378.
- ³⁷⁸ *Яхно О.Н.* Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX-начале XX в. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- ³⁷⁹ *Ласкин А.С.* Долгое путешествие с Дягилевыми: Документальный роман. Екатеринбург, 2003. С. 34.
- ³⁸⁰ *Яхно О.Н.* Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX - начале XX в. С. 23.
- ³⁸¹ Там же.

Глава 2

Конфессиональная жизнь горожан

Православие в жизни городского населения

Несмотря на многообразное проявление повседневных реалий религиозной жизни, ее организационным началом у православных несомненно был приход, а средоточием приходской жизни - культовое сооружение. Возведения, перестройки, "украшения" церквей и часовен продолжались на всем протяжении изучаемого периода. Его начало - XVIII в. - стал значимой вехой в развитии каменного церковного зодчества Соликамска, Верхотурья, Чердыни, Вятки.

Возникающие в это время городские поселения не имели на первых порах средств и необходимости (по малочисленности жителей) для каменного строительства, возводились небольшие постройки. 27 февраля 1726 г. был освящен первый екатеринбургский храм - произведено три залпа из одиннадцати пушек, также "для многолетнего здравия ее величества всем мастеровым людям и солдатам екатеринбургским" выдали "по чарочке и чаю".

К 1738 г. церковь и колокольня "весьма обветшали" и пребывание в них стало "опасным". Митрополит Тобольский и Сибирский Антоний требовал, чтобы власти "понуждали здешних обывателей" к строительству церквей. В послании духовному заказчику протопопу Ф. Кочневу 1746 г. он велел публично объявить екатеринбургским жителям его немалую обиду за их нерачительность в заведении церквей, а тем самым за нерадение о спасении души. Согласно требованиям указа 1722 г., в Екатеринбурге должно было быть как минимум 7 приходских церквей, поскольку на одну церковь полагалось 100-150 дворов.

После пожара 1747 г., уничтожившего первый Екатерининский храм, пришлось освящать полностью достроенную, но без внутреннего убранства и наружной отделки церковь Явления

Господня. Это небольшое деревянное сооружение приходилось практически на шеститысячное население. В праздничные и торжественные дни храм не мог вместить и половины прихожан. Во время службы многие вынуждены были стоять у церкви. В Великий Пост на исповедь и причастие многие ходили за 7 верст от города в церковь Уктусского завода или откладывали отправление треб¹.

После учреждения специальных кладбищ появились кладбищенские церкви и часовни. По данным А. Вештомова, в Хлыно-ве (Вятке) их было построено две ("обе деревянные"), в Слободском - "одна прекрасно выстроенная каменная". Богатейший солепромышленник М. Суворцев в 1780 г. построил на кладбище г. Соликамска церковь во имя Жен Мироносиц. Новое православное кладбище в Екатеринбурге обзавелось сначала деревянной, а в 1782 г. каменной Успенской церковью. В 1817 г. на средства купцов Г. и Ф. Ижболдиных в 1817 г. была устроена церковь на кладбище г. Сарапула².

Возникновение Пермской губернии и епархии обусловило значительное церковное строительство в г. Перми. "Дабы иметь возможность устроить Пермский кафедральный собор и архиерейский дом", губернатор А. Волков заложил утварь бывшего Пыскорского монастыря ("две митры и панагию, украшенные бриллиантами и другими ценными камнями", которые "почитались весьма ценными")³.

Свои впечатления о городских церквях Урала в 1830-е годы оставил П.И. Мельников-Печерский. Он еще застал заметное "на каждом шагу... былое великолепие" Соликамска: "большие церкви, большие каменные дома стоят на берегах Усолки и, видимо, разрушаются", и насчитал десяток каменных старинных храмов: два соборных, шесть приходских, монастырский, кладбищенский и одиннадцать православных часовен (6 каменных и 5 деревянных). На 443 дома, в которых проживали около трех тысяч человек, культовых сооружений было более чем достаточно.

О старинной церкви в запатном г. Дедохино он сообщал, что в ней "живопись стенная и иконостасная греческого письма была очень хороша". Портила ее только сырость, "которая бывает... весной по случаю разлива воды, приливающей иногда в самую церковь". "Впрочем, - сообщал П.И. Мельников, - предприняты уже меры к отвращению таких разлитий".

В уездном г. Оханске имелись каменная и упраздненная деревянная церкви. В губернской Перми насчитывалось к этому времени 9 культовых сооружений: три каменные и одна деревянная церкви, два "домовых" и два монастырских храма и старообрядческая (видимо, единоверческая) деревянная церковь. Располагались они в больнице, в тюремном замке. Незадолго до посещения Оханска Мельниковым-Печерским в нем была устроена церковь в доме епархиальных архиереев. В приходском храме во имя Пресвятой Богородицы путешественник встретил несколько устюжского стиля образов, по его оценке, "довольно высокой работы". "Малочисленность церквей в Перми, - повествует он о неудачной попытке горожан, - заставила... позаботиться о распространении этой церкви: выломали в ней стены, построили другие, оставя прежний купол, и увидели, что здание должно скоро развалиться".

Жители Перми в эти годы были также озабочены постройкой колокольни при кафедральном соборе. Средств как всегда не доставало, и духовенство обратилось с возванием ко всем гражданам Пермской губернии о пожертвовании денег. До 1832 г. наряду с денежными взносами поступали кирпич, лес и прочие материалы⁴.

В городах, например, таких, как Верхотурье, продолжалось монастырское строительство. Учрежденный в 1809 г. женский Ново-Тихвинский монастырь в Екатеринбурге почти на протяжении всего XIX в. также обустроивал свою территорию⁵.

С середины XIX в. основными строителями церквей становятся православные купцы. В этот период деревянные кладбищенские церкви

заменялись на более основательные каменные. Собственными церквями стали обзаводиться пенитенциарные учреждения. С 1850 г. ведет свое существование церковь при тюремном замке г. Сарапула. М.Е. Клопов в 1856 г. выстроил Михайловский храм при первой екатеринбургской тюрьме⁶. Братья Ф.К. и Г.К. Каменские в 1861 г. приобрели для Пермского кафедрального собора икону Иверской Богоматери, в 1871 г. взяли на себя строительство каменного храма во имя св. Николая Чудотворца при Пермском пересыльном замке, в 1873 г. построили в Перми деревянную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. 12 августа 1875 г. они получили разрешение на открытие в Перми Успенской женской общины и приступили к постройке жилых и служебных помещений обители. Все строительные работы финансировались Каменскими, причем они пожертвовали общине первичный капитал в размере 50 тыс. руб. На последовавшую в 1874 г. кончину строителя одного из оренбургских соборов купца СМ. Деева церковные власти откликнулись следующими словами: "Почивший раб Божий в течение жизни являл многократные опыты веры и ревности о благолепии святых Божьих церквей; об этом свидетельствует боголепный храм сей, созданный им, вместе с его родителем и братом. Сколько богатых даров принесено почившим сему месту селения Божия?"

Соборный храм града нашего сохранит на века память о почившем, как своем благоукрасителе"⁷.

В восприятии В.И. Немировича-Данченко, посетившего в начале 1870-х годов Екатеринбург, остались "красивые и богатые церкви" города, "точно на белых мраморных пьедесталах", поднимающиеся "между массаами каменных домов". "Богатые соборы и вновь еще и еще расширяются и украшаются", - писал в это же время о екатеринбургских храмах бывший здесь проездом епископ Никодим. "И стены расписаны, - делился он своими впечатлениями о кафедральном соборе. - Иконостасы новые, под золотом. Много хрусталей горных и топазов. Есть крест из цельного желтоватого топаза. Иконы писаны самою степенною и безукоризненною живописью".

В 1870-е годы на капиталы купцов В.В. Кривцова и С.Г. Новикова при детском городском приюте возводилась Крестовоз-движенская церковь. По воспоминаниям старожилов, кладку делали "степенные рабочие", одновременно обучая этому делу приютских мальчиков. Во дворе будущего храма из струганых бревен были сделаны прясла, на которых подвешивались колокола, предназначенные для этой церкви. Рядом был врыт в землю столбик, на котором висела опечатанная и никем не охраняемая церковная кружка для пожертвований на строительство храма -желающий ударить в колокол опускал туда копейку и получал разрешение рабочих.

В 1877 г. на средства М.А. Нурова появились Никольская церковь в детском Нуровском приюте и Покровская - при мужской гимназии. На пожертвования Е.М. Обиняковой в 1880 г. для Горного училища была построена Афанасьевская церковь. При женской гимназии А.Н. Казанцев в 1893 г. устроил Магдалин -скую

церковь, при Алексеевском реальном училище И.И. Сима-нов в 1901 г. - Александро-Невскую церковь. В 1901 г. небольшой Никольский храм появился при Александровской богадельне⁸.

В "старых" уездных центрах церковное строительство происходило крайне медленно. Перипетии появления приходских церквей в это время хорошо видны из истории постройки храма на Старцевой горе в г. Сарапуле. С приближением столетнего юбилея города заговорили об ознаменовании такого события "добрым" делом. Протоиерей П.П. Анисимов в письме к городскому голове предложил: "В благодарение Господу Богу за благополучное существование города Сарапула и в процветании оного в продолжении ста лет нужно построить храм". От себя лично он пожертвовал тысячу рублей с тем, "чтоб проценты с сего капитала шли на содержание священно-церковнослужителей нового храма", и обещал дать, сколько возможно, "и на постройку его". Из городских сумм на возведение церкви также отчислили тысячу рублей. Примеру думцев последовало мешанское общество, пожертвовав из запасного капитала 300 руб. Жители "смежной с городом" слободы в общественном приговоре 1880 г. писали, что они, "хотя разные званием (с городскими сословиями), но общие духом - в духе православных христиан, желая ознаменовать столетнюю годовщину города Сарапула, единогласно постановили: уполномочить купца Никона Лукича Мошкина испросить у Высокопреосвященнейшего Аполлоса разрешения и благословения на постройку каменного храма во имя святого славного Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна на месте ранее сего предназначенном нами Слободинским обществом по трактовой улице над рекой Камой, что на Старцевой горе".

14 января 1881 г. купеческое общество образовало строительный комитет, уполномоченный открыть добровольную подписку на постройку храма и "употреблять по назначению" собранные средства. Периодически два сборщика обходили с книжкой по добровольным дателям. Как правило, они встречали благожелательный прием. Освящение храма состоялось 31 декабря 1894 г. Однако духовные власти не пошли навстречу нуждам города. Причт сюда не был назначен, а вскоре церковь обратили в мужской монастырь, приписав окрестных жителей к кладбищенскому храму. Более чем за версту по логам и буеракам в зимние метели приходилось им носить новорожденных младенцев для крещения. Острая необходимость в сооружении приходской церкви оставалась⁹.

В начале XX в. главной достопримечательностью г. Елабуги, по мнению Д.К. Зеленина, оставались ее храмы: "...Богатейшие церкви - все это не так-то обычно в наших уездных городах". Своим благоустройством они были обязаны щедрости местного коммерсанта Стахеева и его наследников. В Никольской церкви царские врата и на престольная одежда были сделаны из чистого серебра. Иконостас Покровской церкви был прекрасной итальянской живописи, исполненной лучшими художниками-академиками¹⁰.

В первые десятилетия XX в. активное церковное строительство продолжалось. Осуществлялись крупные проекты. Наиболее значительный - возведение вмещающего до 4 тыс. человек Крестовоздвиженского храма в Верхотурье, продолжавшееся с 1905 по 1916 г. Семиглавый собор обошелся здешнему мужскому монастырю более чем в 300 тыс. руб. и был торжественно освящен в 1913 г. Появились новые организационные формы. В 1913-1916 гг. для православного просвещения населения в Екатеринбурге предназначалось здание Епархиального дома с библиотекой, музеем, помещениями для епархиальных и православных общественных организаций, со зрительным залом на 900 мест. На средства Екатеринбургского братства Симеона Верхотурского в 1911 г. была выстроена Симеоновская церковь-школа. При казармах Оровайского пехотного полка в 1912 г. освящена полковая Никольская деревянная церковь¹¹.

Увенчанные крестами культовые сооружения были неотъемлемой чертой повседневной среды православных городских жителей Урала. Сакрализуя пространство, превращая его для православного человека в "свое", они задавали как бы пространственную структуру религиозной повседневности. В XVIII - начале XX в. происходит специализация функций городского пространства: выделяются самостоятельные кладбища, школы, пенитенциарные и военные учреждения, и сакрализация идет "вслед за ними" - приходские церкви и центральные соборы соседствуют с кладбищенскими и "домовыми" храмами и часовнями, освящая "расползающееся" пространство города.

Другим атрибутом повседневности для православного человека была икона. Чердынец в середине XIX в., "входя в комнату, становился посередине, молился Богу и кланялся, сначала в передний угол образом", потому что, по словам местных жителей, "первый поклон должно отдать Богу, как главному хозяину всякого дома". Следить за содержанием икон в домах в чистоте и благообразии полагалось священникам. Заботились духовные власти также об иконописании и контролировали продажу икон. Как исполнение этих обязанностей можно рассматривать указ Тобольской духовной консистории об иконописце Я. Бушкове. Написанный этим магистратским бургомистром Ирбита в 1800 г. образ высоко оценили, назначив мастера смотрителем над всеми работавшими по подрядам иконописцами Ирбита, Шадринска, Туринска, Камышлова, "дабы от них нелепых изображений в иконописстве быть не могло". А среди сгоревшего имущества в ирбитском пожаре 1790 г. упоминаются и 10 церковных лавок духовного правления.

Когда в церкви поднимали "образа" и обходили с ними жилища прихожан, домашние иконы "встречались" с храмовыми. В XVIII в. духовные власти пересмотрели свое отношение к этому приходскому обычаю, увидев в обходах домов со святой водой и для славления следы языческих обрядов, либо способ своеобразного вымогательства даров причтом. Синод в 1722 г. разрешил такие "хождения" только на Рождество и по просьбам прихожан, что было подтверждено в 1724 г. именным указом. В 1744 г. Синод позволил носить иконы в любое время по просьбам мирян¹².

Особо чтимые иконы, "явившись", как правило, "избранному", различными способами "внушали" ему "объявить" о себе православному сообществу, которое определяло им достойное место в храме, а иногда специально его для них отводило, чтобы "озарять" верующих силой своей сакральности. В первой половине XVIII в. на одном и том же месте на камне близ источника, известного под названием "соляных ключей", в 12 верстах от Табынска, Стерлита-макского уезда, Уфимской губернии, являлся и творил чудеса образ Богоматери (в дальнейшем именуемой "Табынской").

Другие подобные иконы достались изучаемому периоду от предыдущего времени. Чудотворная икона святителя Николая из с. Великорецкого находилась "в сооруженном по этому поводу храме его имени", впоследствии ставшем главным Хлыновским (Вятским) собором. В монастырской обители г. Орлова пребывал чтимый образ Нерукотворного Всемилоственного Спаса, перед которым народ совершал "молитвенное поклонение".

Согласно сообщению 1849 г., при Елабужской Покровской церкви имелась древняя икона Трех Святителей греческого писания, пожертвованная Иваном Грозным. По полям она была украшена серебряным позолоченным окладом, и на святителях были такие же венцы, которые "по ветхости" в 1847 г. "усердием некоторых благочестивых граждан были заменены серебряной позлащенной ризой лучшей отделки". "Предание осмеливается утверждать, - писал священник М. Ардашев, - что великий царь послал этот священный дар за спасение его во время плаванья по бурным волнам нашей соседки Камы", и перекликается с легендой об основании Елабуги. В легенде об основании Елабуги утверждалось, что по пути в Соликамск царь заболел и по выздоровлении на месте своей остановки построил монастырь, заложил в нем церковь и подарил икону Трех Святителей.

По наиболее распространенной версии, икона Спасителя в Спасском соборе г. Елабуги была написана неизвестным живописцем из с. Красного (что около г. Вятки). Ему будто бы заказано было "в сонном видении" написать икону Спасителя для того, кто приедет за ней издалека. Иконописец писал Спасителя на большой доске и как только положил кисть, к нему вошел приезжий и спросил, готова ли икона Спасителя. Это был Остальцев из с. Трехсвятского (г. Елабуга), которому также было приказано "в сонном видении" ехать в с. Красное и привести оттуда икону. Древней и чтимой иконой св. Николая Чудотворца располагал также Воскресенский собор г. Чердыни¹³.

Почитание икон проявлялось в крестных ходах, связанных с ними. Обилием "установленных по религиозным побуждениям, вследствие исторических событий или особых чудесных знамений", массовых шествий и торжественных процессий отличалась Вятка. Первый и "самый стариннейший" крестный ход туда совершался из с. Никулищна. По поводу спасения погоста Волков-ского из с. Волково был назначен крестный ход великомученику, страстотерпцу и победоносцу Георгию: "... По вся лета по дважды из села Волкова приносить образ его святой в град Хлынов и встречать со священным собором и со всем

народом", и праздновать. "При возвращении в с. Волкове, - писал очевидец, - составляется движущая река с огненными воинами, среди которых проходит в церковь образ".

С водной стихией был связан "самый многолюдный... самый замечательный и глубоко почитаемый вятскими жителями" Великорецкий крестный ход, который, по отзывам наблюдателей, "выражал собой идеальную сторону вятских жителей, отличающихся своей набожностью". Поводом к его установлению послужило обнаружение в роще над источником вблизи р. Великой чудотворной иконы св. Николая. О чудесах иконы св. Николая, творимых ею над больными и увечными со времени "явления" до 1711 г., рассказывалось в рукописи, хранимой в Вятском кафедральном соборе. В рукописи воспроизводилось предание об истории установления крестного хода. Согласно этому преданию, первоначально обретенный образ хранился в церкви села Великорецкого, вблизи места его явления, но затем вятчане решили перенести его в город, "как место более безопасное". Два раза образ возвращался обратно. "Тогда хлыновцы постановили за себя и потомков своих обет угоднику божию св. Николаю, по соизволению его на перенесение в Хлынов Великорецкой явленной иконы, ежегодно "совершать с ней хождение на место ее явления и праздновать там первое воскресенье после 9 мая... на обратном же пути святой иконы в Хлынов встречать ее за 7 верст от города там, где ныне с. Филейское. После этого обещания чудотворный образ св. Николая доставлен был в Хлынов уже беспрепятственно".

Во "всенародном торжестве", по данным начала XIX в., иногда принимали участие более 15 тыс. человек. По словам Н.З. Хитрово, это было "великолепное зрелище на воде". "Все духовенство, - делился он впечатлениями об увиденном, - шествует в процессии до реки в богатых облачениях; шлюпка о 12 веслах, хорошо и богато украшенная, ожидает принятие образа и духовенства. Все пространство реки в минуту отплытия оно покрывается лодками, полными людей, следующими за процессией на расстоянии 25 верст. Стечение народа в разных одеждах, звон колоколов во время шествия составляет зрелище пленительное".

В конце XIX в. на проводы иконы собиралось уже 50-60 тыс. человек.

"Во время семидневного ношения" все сопровождающие икону лица "на стругах" кормились "на общий счет". Для них резались бараны, "приносимые живьем", и подносилось пиво. К отплытию иконы 21 мая выборные старосты заготавливали судовые и съестные припасы, "равно" производили "и варение пива" еще с ноября. В 1730-е годы расходы уже составляли 500 руб., и епископ Лаврентий запретил разорительный обычай. После его смерти хлыновские посадские жители подали в провинциальную канцелярию прошение, в котором выражали "глубокое сожаление о прекращении столь древнего учреждения", и оно было возобновлено.

Только в 1830-1840-х годах "стало пробуждаться и в Вятке общественное сознание": в столичных газетах появились корреспонденции "с мест", осуждающие "неуместные обычаи" при крестном ходе, такие, как, "приношения

якобы в жертву св. Николаю баранов живьем, заклание их вблизи Великоорецкой церкви, похожее или напоминающее языческое жертвоприношение, посыпались и упреки вятскому духовенству, допускающему, ради корыстолюбия, подобное суеверие". "Ввиду возбужденных толков интеллигенции" в 1839 г. губернатор И.П. Хомутов "сочел уже нужным" сообщить в своем годовом отчете о бывающих непорядках при Великоорецком крестном ходе, последовал запрос вятскому преосвященному Неофиту, и после данного последним объяснения дело было доложено Синодом императору¹⁴.

В четвертое воскресенье Великого Поста вокруг старых границ города в память об избавлении от моровой язвы с иконами всех приходских церквей бывал крестный ход на р. Вятку. В прочих городах губернии он устраивался на пятой неделе того же поста. В Вознесение Господне и 23 сентября совершался крестный ход с иконами всех городских церквей вокруг г. Елабуги. Главный Котельнический праздник в первое воскресенье после Петрова дня носил название "Все святые", причем "как бы для наглядности" из соседних сел сносили в город иконы. С ними и с образами из всех городских церквей вокруг города совершался крестный ход. В г. Слободском крестные ходы проводили: 11 мая по ближайшим к монастырям улицам, в 10 воскресенье после Пасхи - вокруг города, в первое воскресенье после Воздвиженья - вокруг части города. Образ Нерукотворного Всемилостивого Спаса на убрусе жители г. Орлова перенесли из Спасо-Болотной часовни в свой город, чтобы он находился здесь "вечно", по примеру вятчан пообещав ему совершать к месту явления ежегодно два крестных хода, первый - на пятой неделе после Пасхи, второй - 16 августа. Вокруг Орлова крестный ход обходил еще 26 июня и 1 августа. По центральным улицам г. Яранска и вокруг него совершались крестные ходы с иконами всех городских церквей 1 августа. Образ Казанской Божьей Матери с 7 июля носили по домам г. Сарапула.

С иконами Вятского кафедрального собора через г. Орлов 1-16 июля ходили в с. Курино. "Низовый" крестный ход с ними совершали с 1 сентября по 4 декабря через города Орлов, Котельнич, Яранск, Царевосанчурск, Уржум, Нолинск и "Верховый" - с 18 июля по 31 октября через города Слободской, Глазов, Сарапул. Образ Спаса Колотого посещал г. Вятку и г. Орлов 8 июля. Икону Спасителя в Спасском соборе г. Елабуги "почитали" и соседние города, жители которых совершали с ней ходы в г. Мензелинск (Уфимской) и Малмыж (Вятской губерний). Духовенство с. Верховского (известного в народе более под названием Верховина) по древнему обычаю направлялось с явленным чудотворным образом Преображения Господня в Вятку (в девятую после Пасхи пятницу), в Орлов (к 8 июля), в Котельнич (к 17 марта)¹⁵.

Кроме икон к святяням храма относились, например, "одетое в пышные ризы и платья" деревянное изображение Спасителя в Петропавловской церкви Перми, "чрезвычайно почитаемое в простонародье", а также мощи святых. В вятском монастыре "под спудом" лежали нетленные мощи святого Трифона. В 1704 г. мо-

пци праведного Симеона, переложенные в массивную раку из кипарисового дерева, были торжественно доставлены из Мерку-шино в Верхотурье. В 1738 г. для этой святыни был специально построен каменный Николаевский монастырский храм. Деревянная рака в 1798 г. была заменена на медную, а в 1846 г. - на серебряную. В 1913 г. ее водрузили на мраморный помост в новом Крестовоздвиженском соборе, обнесли бронзовой решеткой и поставили под вызолоченную сень (подобие патра), подаренную монастырю царской семьей. Проявлением божьего милосердия стали случаи исцеления и другие (всего с 1692 по 1904 г. их записано 214) чудеса Симеона. Наводнившие Верхотурье паломники заказывали молебны, охотно жертвовали на монастырь, который к 1870-м годам превратился в богатейшую обитель Восточного Урала¹⁶.

Частица мощей Симеона считалась главной святыней Екатеринбургского собора Екатеринбург. В 1893 г. купец И.Ф. Чистяков пожертвовал ему серебряную с позолотой раку, установленную в среднем храме около иконы Симеона.

Необходимый ритуал освящения новых храмов - возложение на престол антиминса с зашитыми в нем частицами мощей - наделял каждую церковь подобной святыней. Потеря этого "средоточия сакрального начала" была равносильна символическому уничтожению храма. В связи с пожаром 1747 г. неприятная история произошла с антиминсом Екатеринбургской церкви в Екатеринбурге. Официально он был признан сгоревшим, однако в 1753 г. неожиданно был найден на дороге в с. Уктуское, но уже без мощей¹⁷.

Важнейшим средством общения православного человека с Богом признавалось богослужение. В 1732 г. Геннину для жителей Екатеринбург пришлось издать указ, гласивший: "Всем управителям своей команды подьячих и мастеровых людей, сбирав во время службы [церковной], приводить в церковь к молению, не взирая ни на какие их отговорки". В 1870-е годы заезжий иерарх отмечал, что в Богоявленском и Екатеринбургском соборах города было "много народа", а екатеринбургские гранильщики Хомутовы в начале XX в. "все святые праздники соблюдали, и семья ходила в Вознесенскую церковь"¹⁸.

Протоиерей Екатеринбургского екатеринбургского собора Ф.Л. Карпинский в конце XVIII - начале XIX в. записывал отправляемые им молебны, литургии, обедни, заутрени, всенощные. В его дневнике от 3 июля 1798 г. читаем: "В вечеру отправлял всенощную", 11 июля "служил обедню", 18 июля "служил литургию", 22 июля еще раз "служил литургию". Именно ему довелось проводить торжественные богослужения во время посещения города Александром I. Сначала совершали "соборне о здравии и долгоденствии государя императора и всего августейшего дома благодарственное молебствие", затем литургию.

Декабристу В.И. Штейнгелю было памятно посещение уфимской церкви по дороге в сибирскую ссылку: "...На другой день мы пошли к обедне. По окончании литургии я попросил отслужить попутный молебен. Во время молитвы с коленопреклонением общее рыдание почти заглушило слова священника... Когда служба кончилась, священник не только не соглашался принять деньги, но с

большими затруднениями позволил мне опустить их в церковную кружку". Затем священник сам навесил осужденных острожников, принес каждому по просфоре и благословил их.

Примеры исполнения пастырского долга встречаются и в записях протоиерея Карпинского. "В вечеру" 7 апреля 1798 г. он был у своего знакомого Голенищева, "коего исповедовал и причастил". 14 августа того же года "поутру исповедал г[оспо]жу Грамотчикову". 22 сентября 1803 г. в его дневнике появляется запись: "В вечеру был у меня Як. Фед. г[осподин] Грамотчиков на краткое время, подал бумагу о крещении калмыка", 25 сентября лаконично отмечено: "Крещен"¹⁹.

Участие священника и клира в семейных обрядах горожан не ограничивалось отправлением ими таинств. В провинциальной Чердыни середины XIX в. в день венчания в домах жениха и невесты священник занимал первое место, читал молитву перед тем, как поезжане отправлялись за невестой. Сваха с невестой подходили к нему за благословением, затем духовное лицо читало молитву, и все садились за стол. Девушки здесь "припевали". После подачи последнего кушанья невеста "дарила" гостей, начиная со священника, за ним получал подарок жених. По пути в церковь священник возглавлял свадебный поезд, он же после ужина провожал в спальню молодых. Во время венчания родители невесты перед всеми образами зажигали свечи и усердно молились Богу. Самую дорогую свою ленту невеста отсылала в церковь. Утром второго дня свадьбы свекровь благословляла молодую и надевала на нее крест. Затем новобрачные обязательно делали визит к священнику.

Умершую девушку в этом городе одевали как невесту, возлагая ей на голову венок, а "в головы" клали две венчальные свечи, которые при принесении гроба в церковь ставили перед местными иконами Спасителя и Божьей Матери. Венок полагалось снять и надеть "на лик Богоматери". Перед погребением усопшие получали в храме последнее напутствие. Мысль о смерти витала в его стенах. "Грустно видеть, - сокрушался в 1887 г. протоиерей кунгурского собора Е. Золотов, - когда в большом приходе каждый день приносят в церковь по несколько умерших детей"²⁰.

Храм, в котором служил Карпинский, считался Горным собором. О том, что горные офицеры принимали здесь присягу, неоднократно упоминается на страницах дневника этого священника. Приводил он к присяге и других лиц. Так, 14 февраля 1804 г. присягал А.С. Листовский, екатеринбургский городничий. 12 января 1807 г. отец Федор "приводил к присяге унтер-офицера казачьего", а 20 числа того же месяца М.А. Зеленцова²¹.

Значимым для прихожан актом продолжала оставаться евхаристия. Отправляясь причащаться, пермские старушки в середине XIX в. "хлопотливо вынимали из сундуков лучшие платья, шубейки, существующие уже лет 20, которые они надевали" только перед причастием и в престольные праздники. Например, храмовыми праздниками в Екатерининском соборе были Троица, день святого Духа, перенесение мощей архидиакона Стефана (2 августа), дни памяти

св. Симеона Верхотурского (22 сентября), св. великомученицы Екатерины (24 ноября), первомученика архидиакона Стефана (27 декабря). Как правило, в этот день торжественный молебен в соборе служил екатеринбургский епископ.

Церковный календарь представлял собой собрание дней памяти. Так, с 1878 г. во всех церквях Екатеринбурга с 20 по 21 сентября отправлялось всенощное бдение с благословением хлебов по поводу Дмитрия Ростовского²². На примере "устожских" и прочих "родителей" видно, что народное православие вкладывало в поминовение важных дат более широкое содержание.

"В виду у священства, отправляющего сию панихиду, - пояснял А. Вештомов по поводу вятской Свистопляски, - нет никакого письменного предания, утвержденного духовными властями, да ниже и никакого кроме изустных". По преданию, после битвы XIV в. вятчан с устюжанами, которые шли им на помощь, нечаянно были приняты за врагов и истреблены, хлыновцы сложили тела убиенных с той и другой стороны в общую могилу, над ней построили часовню, установили обет и завещали предкам ежегодно в четвертую по день св. Пасхи субботу отправлять там панихиду. "И нынешние градские жители в память сего несчастного случая, - упоминал в XVIII в. Н.П. Рычков, - отправляют ежегодно на том месте при собрании всего народа печальные поминки." "Жители г. Вятки толпами собираются в сей день к небольшой городской часовне, - сообщал в начале XIX в. Н.З. Хитрово, - где поют панихиды о успокоении душ своих соотечественников и родных, убиенных в тот день 1392 г. ... Ныне в день сей утро посвящается молитве, а остальная часть сего достопамятного дня прогулке и увеселениям". Жители гуляли: "...оние невинно, подлые же пьют", - замечал наблюдатель. "...Несколько лет назад тому, - вспоминал А. Вештомов, - происходили при том по обычаю язычников свисты и пляски... также обыкновенные при том были и кулачные бои, но оные, так, как и пляски, благоразумным начальством ныне уже прекращены, а свисты остаются при том в шалостях только ребят". В этот же день недалеко от могилы устюжан устраивали гулянье для детей (с торговлей глиняными игрушками). Детский праздник под названием "Свистопляска" также существовал с незапамятных времен. В XIX в. могила устюжан находилась на взгорье против Александровского сада. Деревянная часовня была сломана, на ее месте отстраивалась каменная.

В Семик вятская свистопляска "повторялась" в городах Слободском и Котельниче. "Среди населения г. Котельнича, - сообщал автор XIX в., - живет предание об устюжанах и суевере продолжается: этих воинов и по сие время записывают в памятки и служат по ним заупокойные обедни". В Семик "с утра и до 12 часов по всем дорогам тянулись вереницей конные и пешие люди на кладбище" г. Котельнича, и "часу в первом начинается перезвон колоколов", после чего был крестный ход для совершения "соборне" общей панихиды над одной большой ямой - на бе регу р. Вятки, против южной стороны кладбищенской колокол ни. На екстенъе произносились имена "за веру и отечество убиенных воинов": Василья, Патрика, Феодора, Логина и Иоанна это, "по

сказанию простолюдинов, устожские родители, вожди воины". По описанию очевидца, в начале общей или всемирно' панихиды "усердствующие сначала кладут, а потом издали кидают в яму на мирскую панихиду деньги и яйца; при этом часто случается, что монеты и яйца, иногда с намерением брошенные без разбора места, причиняют удары всем и всему, кто и что есть около ямы. По уходе духовной процессии от ямы кидание монет, яиц и еще закусок все-таки продолжается, но не с первоначальным их назначением, а единственно для потехи. От этого в яме¹ образуется огромная груда людей, валяющихся друг на друге и¹ перехватывающих один у другого брошенное. Между тем со всех сторон стекается на зрелище народа гораздо более, чем к панихиде. Перестрелка яйцами и толкание в яму продолжается иногда очень долго, сопровождается буйствами и прекращается уже действием полиции. Многие приходят на Семик потешиться, побывав прежде во временно устраиваемой услужливым откупом под сосной на берегу речки Котлянки палатке. Впрочем, ныне - 24 мая - праздник был проведен гораздо скромнее, как по благоразумной деятельности полиции, так особенно потому, что над ямой ныне начато строиться, но еще не окончено, что-то в виде часовни; поэтому панихида совершалась внутри этого строения, куда киданье яиц и монет, равно толканье народа было уже невозможно, и этим уничтожена главная причина бывающей неурядицы: с устройством часовни над ямой многие из будущих празднователей Семика избавятся от побоев и увечья, как это бывало прежде, а вместе с тем надолго сохранится предание старины".

Но не все занимались праздничной потехой: некоторые по окончании панихиды, не обращаясь к увеселениям, обедали на могилах своих родных, "для чего все нужное привозят из дому; при этом, как водится на праздниках, бывает и водка в количестве, сообразном состоянию и желанию угоститься". Перед обедом на могилах "бывает все тихо - в собравшихся на поминки кружках родни слышны только плач, вздохи и причитанья"; но по окончании обеда начинался веселый говор, шум, слышались песни; "сиротки-дети, увлекшись примером старших, забывали свое горе: они обращались к забавам, ели закуски, играли на дудках берестяных и глиняных, стреляли из пищали или просто, сидя со слезами на глазах на могиле отца или матери, с руки на руку перекладывали мячик; некоторые же спускались к реке и там наперыв подбирали кидаемые с горы игрушки". В разгар праздни-наблюдалось "бесконечное движение, неутомное волнение юдей, говор, пение, свист - это такой хаос, такое смешение!" Случалось, что "усердно почтившие праздник на обратном Пути к дому дорогой то подерутся изрядно, то растеряются по дороге сами, то растеряют колеса и посуду, взятую из дому с разными припасами на праздник". В общей панихиде участвовали священнослужители всех церквей г. Котельнича. По окончании праздника брошенные в яму деньги "прибирались и уносились в церковь в виде приклада". По окончании панихиды "некоторые из крестьянских баб растущую в этой яме траву вырывают и несут домой, где и хранят ее как лекарства во время болезни своего домашнего скота". К 1862 г. "никакого знака, который бы определенно мог

указать на могилу убиенных воинов", не было, "кроме довольно широкой, но неглубокой и поросшей дерном и травой ямой, которая издревле всеми признается местом убиенных". Место находилось в нескольких саженях к югу от кладбищенской церкви и от крутого спуска к р. Вятке.

В 1913 г., по свидетельству протоиерея Троицкого собора г. Котельнича В.М. Мышкина, Семик праздновался также широко и разгульно, как и 50 лет назад. На месте братской могилы к этому времени была устроена "небольшая легкой работы ротонда". "Народ свято чтит память их и их имена пишет в своих поминальных синодиках. Обычай особенного поминовения усопших в Семик - древний, и хотя много в нем отрицательных сторон, но вывести его трудно: народ увещаниям пастырским не поддается", - признавался Котельнический протоиерей.

В самой Вятке Семик "сопровождался прежде как и Свистопляска разными дурачествами и беспутствами". "Гораздо еще вреднее обыкновение было, - писал о XVIII в. А. Вептомов, - что преступников, смертной казни преданных, клали в особенные при городах места, кои назывались убогими домами, в которые прятали также и бедных, хотя и честных людей, коих никто не хотел предать честному погребению, опрятанные поносным для них образом в рогожи; здесь в выкопанных ямах лежат по несколько человек не отпеты, отпеваемы были вдруг один раз в году на седьмой недели по Пасхе". "На таковом при г. Хильнове находящемся позорном месте, - отмечал данный автор, - поются » четверток означенной недели поныне панихиды"²³.

Традиция поминовения "убиенных" (но уже от набегов местных воинственных племен) воинов существовала также в городах Пермской губернии. Часовня, "находящаяся близ кладбища", служила местом погребения соликамцев, убитых во время осады города в 1582 г. Кихеком. Каменная часовня во имя Нерукотворного образа Христа в Успенской церкви стояла на могиле чер-дынцев, павших в 1547 г. В память об этом событии 6 января служили по ним панихиды в Воскресенском соборе и в Успенской церкви Чердыни. "Многие благочестивые чердынские жители, -сообщал в начале 1880-х годов. А. Дмитриев, -постоянно записывают в своих поминальниках имена этих русских рядом с именами своих родных: так усердно читится их память"²⁴.

Благодаря тщательному расследованию причин пожара в Екатерининской церкви г. Екатеринбурга 1747 г. можно описать порядок проведения церковного праздника того времени. 26 октября был день апостола и евангелиста Иоанна Богослова. С утра отслужили литургию. Потом по просьбе ученика лесного надзирателя И. Жилина отслужили молебен Иоанну Богослову, окрестили младенца и, как было принято, отправились по домам горных офицеров совершать праздничные молебны. Сначала были у коллежского асессора И. Юдина, затем пошли к унтер-шихтмейстеру И. Левзину. К этой весьма традиционной картине народное православие добавляло свои яркие штрихи. Накануне Крещения жители г. Перми в туесках или графинчиках приносили в дома святую воду из церквей и пили ее; чертили мелом или известкой косые кресты на дверях, окнах, печках и

полатах, которые нельзя было стирать "целый год". "Это для того, - объяснял очевидец, - чтобы бес не зашел". В Благовещение в этом городе было принято "давать свободу пойманым и посаженным в клетки птичкам". Чердынцы "в тот день, в который было Благовещение, не предпринимали никакого важного дела".

В конце XIX в. вечерами в Благовещение красноуфимские горожане огонь не зажигали и продолжали верить, что "кто в этот день работает, с тем может случиться несчастье, как с кукушкой". В Великий четверг до восхода солнца, "до сороки и вороны" они вставали и обходили "дом, скот, все имущество", "считали деньги и очурывали" - "накрывали горшком вверх дном, и этим будто бы покрывали глаза злого человека и хищной птицы". Чтобы летом не кусал овод, красноуфимцы старались поесть редьки или хрену перед пасхальным разговением. В Кунгуре был "заведен" обычай в бывшую часовню Флора и Лавра (с начала 1860-х годов в храм Мефодия и Кирилла) в день святых Флора и Лавра приводить "для кропления святой водой" лошадей. 24 декабря в Сочельник жители Красноуфимска куриц не кормили, чтобы они "не парились и не клевали капусту". В середине XIX в. чердынским девушкам запрещено было ходить к обедне "в первый и второй день Рождества Христова и Пасхи, в Сретение и Благовещение". В дни памяти "мученикам" в этом городе детей не отдавали в ученье²⁵.

В городской среде, как и у сельских жителей, "процветали" многие суеверия. В середине XVIII в., например, жительница Екатеринбурга Настасья Нечкина "по научению" беглого солдата по прозвищу "Профессор" считала себя ведьмой. Она произносила заклятия, уверяла, что в образе "старолетнего мужа" являлся ей сатана; на берегу мельничного пруда СМ. Бармина эта женщина собирала "будто бы колдовские травы". Караульный екатеринбургской тюрьмы слышал, как один из колодников -разбойник М. Юла молился черту. Однако охота на ведьм и нечистую силу уральские города не захлестнула, а отклонения от официального православия в XIX в. носили вполне невинный характер. Обнаружив потерю или кражу, чердынцы середины XIX в. служили панихиду убиенным, или призывали ворожею. Молодые женщины в первый год своего замужества до соборного воскресенья отказывались посещать церковь, а также не могли провожать умерших, "хотя бы они были самыми близкими родными". Женщины и девушки не подходили к кресту после обеденных молебнов и к Евангелию во время заутрени. К гаданиям прибегали не только простолюдинки, ворожили и во вполне приличных домах. М.И. Пущин вспоминал о следующих "манifestациях" при его расставании с Екатеринбургом: "С вечера уже начались мои проводы. Все знакомые мои первого дня приезда собрались у Колтовской, стали золото хоронить, гадать на воске, угадывать какую-то блестящую для меня будущность, радовались всему хорошему, что выпадало на долю"²⁶.

Личность пастыря - приходского священника - играла в повседневной жизни пасомых важную роль. Преосвященный Алексей, архиепископ Вятский, в 1724 г., направляя в Петербург представление на духовное лицо, намечаемое им в

настоятели одного из монастырей, характеризовал своего кандидата как "человека весьма доброго и набожного". "За эти качества и чистое житие, - прибавлял он, - купечество и знатные люди желают видеть Феодосия архимандритом в Слободском". Тобольский преосвященный Антоний, назначая в эти же годы первого священнослужителя Екатерининской церкви Екатеринбургa Ф. Флоровского (переведенного туда из храма Невьянского завода), определил ежегодно подавать в митрополичий дом свидетельства от всех екатеринбургских обывателей о его "беспорочном поведении".

Его сын Иван в глазах екатеринбуржцев остался примером пастырского служения. Жители города не знали о штрафах за неявку в церковь на исповедь и причастие, что практиковалось тогда по всей России. Отец Иоанн пешком обходил дома всех прихожан, "попросту ожидая у каждых ворот, отворят ли хозяева на стук его". По первой же просьбе отправлял требы в домах екатеринбуржцев и по полгода ожидал, когда люди смогут за них расплатиться. При его активной поддержке в сентябре 1736 г. при церкви появилась богадельня для престарелых и увечных, он же организовал народное подаяние на их содержание. Большое впечатление на прихожан произвели арест протоиерея и его казнь в Москве в 1738 г. В этом же году оказался расколот 69-пудовый благовестный колокол церкви св. Екатерины.

Полной противоположностью ему являлся В. Кудрицкий, о поведении которого в городе также ходили рассказы. И самый безобидный из них свидетельствовал, как отец Василий, запнувшись о гроб во время обряда отпевания, пробормотал на родном малороссийском наречии: "Який гроб, и кто ж его тут поставил?.." С мирянами он вел себя "гордостно": запаздывал с крестинами младенцев, во время таинства крещения злословил на кумовьев, бранил покойников. Прихожане вынуждены были обращаться к нему по два-три раза и в пору его настоятельства почти свыклись с безобрядной жизнью. Протопоп обзывал клир холопами своими, а арамийского попа С. Яковлева продержал в цепях за то, что тот окрестил младенца у жителей его прихода. Тогда-то горожане вспомнили указ Синода 1722 г., которым предписывалось священников и диаконов выбирать прихожанам и "подавать от них выборы". 23 мая 1744 г. 36 наиболее авторитетных екатеринбуржцев (среди них были будущие бургомистры И. Харчевников, И. Долгоруков, купец И. Коробков, плотинный мастер Л. Грамотчиков) подписали "мирской выбор", что В. Кудрицкий прихожанам неугоден еще и потому, что "неретко находится в пьянстве". По свидетельству церковного старосты, он также стал запускать руку в храмовую казну. "А желаем, - было написано в документе, - при оной церкви бытъ и служить попу Андрею Андронникову, понеже как видно, что оной человек доброй, смирной и постоянной". В феврале 1745 г. В. Кудрицкого отозвали в Тобольск.

Кротость не всегда была добродетелью екатеринбургского духовенства. В августе 1754 г. священник В. Желницкий в Богоявленской церкви до крови ударил тростью молотового работника. Храм пришлось освящать повторно от осквернения кровопролитием. Встречались среди городского духовенства и явно

недостойные своего сана люди. Сын казенного протопопа Флоровского Петр в 1768 г. попытался присвоить неизрасходованные подаяния из сбережений Екатерининского собора. Открылись и попытки перевезти строительный лес от собора себе ко двору - "к ненасытной своей алчге", при этом был оклеветан церковный староста С. Резанов, а также намерение выжить из дома вдову брата Михаила с четырьмя малыми детьми ("а ее устранивает, проговаривая из пистолетов застрелить") и издевательства над 12-летней девочкой²⁷.

В состав штатов церквей также входили пономари и сторожа. После пожара в Екатерининском храме 1747 г. тобольский митрополит распорядился иметь здесь двух пономарей и двух сторожей, "достойных и надежных", по выбору прихожан, на средства которых они и должны были содержаться. В начале XIX в. в Екатерининской церкви было по два дьяконских, дьяческих и пономарских места. Для многих диаконов и причетников служба здесь была началом карьеры - далее их назначали священниками в другие церкви Пермской губернии. В их обязанности входило и заведование книжной лавкой при соборе. На вырученные в ней деньги выписывалась литература для церковной библиотеки. Всего в Екатеринбурге в это время насчитывалось 40 "священно-и церковнослужителей с детьми" и "женска полу" при них 60 человек. Как правило, городские клирики, например, в Екатерининском соборе Екатеринбурга, "пропитание имели от прихожан, денежного жалованья не получали, церковных земель и сенокосов не имели... сверх же сего за исправление всех христианских треб получали от доброхотных дателей, то есть от прихожан".

С 1787 г. настоятелем собора стал бывший священник Тобольского Софийского собора, учитель риторики Тобольской семинарии Ф.Л. Карпинский²⁸. На страницах своего дневника он не раз касался финансовой стороны церковных дел. Так, 16 января

1805 г. появляется запись: "... От церкви получено доходу Екатерининского и Рождественского 32 руб[ля]". И далее: "Мая в первых числах получено от церкви Христовского доходу 40 рублей", 18 августа доход составил 26 рублей, 11 октября - 20, 17 января

1806 г. - 30, 13 марта - 16, 26 апреля - 40, 25 мая - 20, 11 октября - 30, 11 декабря - 40, 14 января 1807 г. - 25 руб. Только однажды (от 17 января 1798 г.) в тексте дневника встречается упоминание о таком традиционном для духовенства способе получения доходов, как натуральные сборы: "во втором часу дня теща с Марьей Ивановной отправились по заказу за славеным". О семье своего дяди, благочинного священника из Екатеринбурга С. Капустина, архимандрит Антоний вспоминал: "Чай у них мы пили всегда в накладку с кренделями и серебряными ложечками. Сладкие пироги из [пряпошного] теста ни по чем... Я [думал], что попал в Рай".

Однако финансовое положение причта городских церквей было далеко нестабильным и весьма зависимым от прихожан. В XIX в. городские клирики стали тяготиться этой зависимостью, начали воспринимать "доброхотные даяния"

своих прихожан скорее как милостыню. Проявлялась даже зависть к фиксированным традицией доходам мусульманского духовенства. "Желательно было бы, - говорилось в одной из публикаций епархиальных ведомостей начала 1880-х годов, - чтоб нас сравнивали с муллами, получающими, кроме отсыпного хлеба и живности всякого рода, . 10% с каждого калыма. Если бы нашему (городскому - особенно) ' духовенству давали не 10%, а только 1-2% с приданого невесты, то, наверно, оно согласилось бы не брать ничего ни за какие требы". Священно- и церковнослужителям было унизительно "вымаливать себе пропитания по дворам с мешком в руке"²⁹.

Особенно ухудшалось материальное положение семей, потерявших кормильца. Дело вдовы священника Екатеринбургской Богоявленской церкви М. Будрина, обратившейся после смерти мужа к протоиерею той же церкви Н. Вологодскому, окончилось, пожалуй, наилучшим образом. "... Сердечно сострадая и будучи обязан ласковым и дружеским отношением покойного ее мужа, благонравного и кроткого своего сотоварища, - ставил он в известие о своих действиях в 1815 г. епископа Иустина, - решился в пользу вдовства и сиротства ее пасхальный доход отдать Буд-риной, десятилетнего же сына ее Богоявленский причт и лучшие прихожане охотно принять готовы к своей церкви на место покойного его отца, если только на сие последует Его Пресвященства милость и благоволение, с таковым положением, дабы давать половинный священнический доход из братской кружки вдове Будриной на воспитание сирот. А когда какая-либо необходимость или болезнь случится Вологодскому, в таком случае приглашаем будет заштатный священник И. Комаров, который нередко обслуживает градским священникам по их просьбе".

Довольно часто моральная сторона ставилась духовным лицам на вид. Епископ Иустин в 1806 г. писал протоиерею Ф.Л. Карпинскому: "Похваляют Вас, что искусно играете в карты, и что представляете лице забавного смехотвора. О сем вашем занятии некоторые смеялись и хохотали, а я вместо вас стыдился и краснел, Пропу вас покорно не доводить меня до стыда своими поступками, также и до тяжкого вздыхания. Жалко мне, жалко, что вы проиграли и просмеяли доброе у меня о себе мнение. А сия потеря не мала! Вспомните когда-нибудь, вспомните, что вы представляете в себе лице протопопы, члена духовного правления и первые в Екатеринбурге особы, и что на вас прочие, а наипаче духовные взирают, примечают ваши поступки, и те, которые не так, как вы, философствуют, соблазняются".

Особенно строго соблюдать поведенческие нормы приходилось клиру небольших старинных уральских городов, например, таких, как Чердынь. В середине XIX в. на каждом собрании здесь

"непременно должен быть священник и дьячок того прихода, к которому причислен хозяин". Благословив "хлеб-соль" и прочитав "Отче наш", священник занимал всегда первое место в кругу мужчин, а жена его в кругу женщин"³⁰.

Мемуарист А.В. Прибылев рассказывал, что "чрезвычайная доброта и отзывчивость на все хорошее и честное" его отца, протоиерея соборной церкви г. Камышлова (он прослужил в этой церкви более 35 лет), "в самом благотворном смысле" влияли на близких и прихожан. Сын дьячка из Туринска, получивший образование в Туринском городском приходском училище, в Тобольском духовном училище и в местной семинарии, И.Ф. Волков с 1855 г. служил при Богородице-Рождественской церкви г. Кургана более 50 лет. "Отец Иоанн, - пишет Т.И. Мальцева, - своим умом, прекрасным характером и доброю душою привлекал сердца прихожан. К нему с нуждами обращались и богатые и бедные, старые и молодые, всем он оказывал помощь своими советами и посильную материальную помощь". Послушать проповеди этого курганского священника в Богородице-Рождественский храм приходило "множество народа". Проповедническая работа активнее велась в городских храмах. Жителей городов в отчетах, посылавшихся в Синод, клирики называли более сведующими в истинах веры и благочестия.

О пристальном интересе к себе прихожан как к новому пастырю екатеринбургский епископ Анатолий писал в 1840 г. главе Пермской епархии Аркадию: "Мое появление в Екатеринбурге, как Ваше высокопреосвященство и предсказывали, сделалось уже источником некоторых толков. Уже подметили во мне три греха: первый, что во время чтения часов на служении я сидел; второй, что я не с такой расстановкою и приговариванием благословляю, как Евлампий, и третий, что в первое мое служение я скоро вышел из Церкви, не дав, в частности, каждому благословения". То, что прихожане придавали особое значение "правильности" и красоте богослужения, приводило к заметному повышению роли причетников, диаконов, певчих³¹. Так, Екатерининский собор г. Екатеринбурга имел свой хор певчих, которым руководил регент. В 1889 г. в нем пели 9 взрослых мужчин и 15 мальчиков. "Прекрасной постановкой своего церковного хора" в начале XX в. была известна Елабуга. Средств на это богоугодное дело, по отзывам современников, горожане не жалели³².

С расширением церковей и ростом числа прихожан увеличивался состав причта. Так, в конце 1870-х годов штат Екатерининского собора Екатеринбурга состоял из протоиерея, 3 священников, 3 диаконов и 2 псаломщиков. В конце XIX в. одна священническая вакансия была закрыта, но в 1902 г. восстановлена. Вскоре в храме появился и четвертый священник. Однако в 1908 г. "ввиду скудости средств содержания причта собора" эта вакансия вместе с псаломщической была упразднена.

Образ приходского пастыря в течение XIX в. претерпел некоторые изменения. Образцом священнослужителя конца века предстает протоиерей Екатерининского собора Екатеринбурга' И.А. Левитский - известный и уважаемый в городе человек, активно участвовавший в общественной жизни: был председателем епархиального попечительства, членом Екатеринбургской духовной консистории, председателем совета епархиальных училищ, товарищем

председателя миссионерского комитета. На просьбы поберечь себя на склоне лет этот видный общественник отвечал: "Если я перестану заниматься делами, то умру". Огромное количество екатеринбуржцев пришли проводить отца Игнатия в последний путь. Он был похоронен в ограде Ново-Тихвинского монастыря. В 1896 г. признательность жителей г. Орлова получил и соборный протоиерей Емельянов, прослуживший в городе более 30 лет. Благодарные прихожане поднесли ему в подарок наперсный крест³³.

Значительную роль в приходской организации играли церковные старосты. Разнообразные обязанности этого должностного лица занимали значительную долю его времени, становились частью его повседневной жизни, иногда превращались в ее смысл. Недаром прихожане Екатерининской церкви Екатеринбургa в 1733 г. избрали на эту должность А. Мингалева - одного из первых местных молотовых мастеров, незадолго до этого ушедшего в отставку. Прежде всего старосты заботились о материальном положении церкви. Так, Мингалев хранил пожертвования жителей на церковь св. Анны - рубль с копейками, которые впоследствии пошли на строительство каменного Екатерининского собора. После него старостой избрали А. Баташева.

Впоследствии на эту должность предпочитали выбирать людей состоятельных и равнодушных к судьбе храма. В 1805 г. церковным старостой был избран мещанин П.М. Честных, оставившийся им до июля 1816 г., а в 1830-е годы его вновь назначили старостой. П.М. Честных смог значительно (до 20 тыс. руб.) увеличить церковные доходы. К середине XIX в. среди прихожан собора появились довольно состоятельные люди, разбогатевшие на уральском и сибирском золоте. В 1849 г. церковным старостой был избран купец Ф.А. Михайлов, оставившийся на этой должности до 1864 г.

В приходах других уральских городов старостами, как правило, также избирались состоятельные люди, чаще всего из числа предпринимателей, большинство из которых достаточно ответственно относились к своим обязанностям. Церковным старостой при Успенском храме г. Кунгура в 1866-1889 гг. состоял М.И. Грибушин. Он затратил немалые средства на сооружение северного придела во имя" Покрова Божьей Матери, позднее им была пожертвована тысяча рублей для приобретения запрестольных икон. За постоянную заботу о храме и пожертвования М.И. Грибушин был удостоен золотой медали "За усердие" для ношения на Станиславской ленте и благословения Святейшего Синода с выдачей грамоты. Его сын Михаил пошел по стопам отца: был старостой Михайло-Архангельской церкви в 1905-1915 гг. и многократно вносил щедрые пожертвования.

Купец и действительный член Православного миссионерского общества А.А. Волков за деятельность в качестве старосты Екатерининского собора Екатеринбургa получил благословение Святейшего Синода. Свыше десяти лет золотопромышленник А.А. Дрозжилов являлся старостой собора и членом его церковно-приходского попечительства. За свою деятельность получал архипастырские благословения с выдачей свидетельств в марте

1901 и в декабре 1912 г. В память о его благотворительной деятельности был учрежден капитал певческого фонда имени А.А. Дрозжилова, а в Стефановском приделе Екатерининского собора помещена икона св. Алексея и благ. Ольги в киоте. В

1902 г. место старосты собора занимал В.И. Пономарев. Еще до своего избрания старостой в 1908 г. купец Е.В. Савинов за заслуги по духовному ведомству пожалован серебряной медалью для ношения на пее на Станиславской ленте. Он был действительным членом и членом совета Братства святого праведного Симеона Верхотурского (с 1909 г.), действительным членом православного миссионерского общества и православного Палестинского общества. Выходец из мешан М.Н. Гупцин, избранный в 1912 г. старостой собора, являлся помощником казначея екатеринбургского общества хоругвеносцев³⁴.

Изучение религиозной повседневности показывает укорененность религиозного сознания и конфессиональной практики в повседневной жизни, постоянную и глубокую обусловленность их существования. Религиозная повседневность выступала прежде всего как социальный феномен, способствующий самоопределению индивидов и общностей, эффективно выполняющий в социуме идентификационную и интегративную функции. Сохранявшиеся на протяжении длительного времени отлитые, отчеканенные формы религиозной жизни, несмотря на воздействие рутинизации, оставались действенными и актуальными благодаря такой особенности повседневности, как ее окказиональность³⁵. Многообразие культурных форм религиозного опыта, выработанных повседневным существованием православного городского населения Урала, повышало адаптивность, придавало психологический комфорт социальной системе в целом.

Православные сообщества в городах

Важную роль в общественной жизни уральского города играли различные православные сообщества, создаваемые в рамках того или иного прихода, а также выходящие за его пределы. Это были добровольные, самоорганизующиеся ассоциации верующих, которым было присуще начала самоуправления. Они в значительной степени определяли особенности общественного быта российского города, которые нельзя недооценивать и в исследованиях по истории повседневности. Об этом предостерегающе писал зарубежный историк Норберт Элиас, утверждая, что "нельзя обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти"³⁶. Жизнь воцерковленного человека предполагала посещение храма, заботы о нем, активное участие в делах прихода и в религиозных мероприятиях общегородского уровня, содействие работе различных православных обществ, спектр которых в городах Урала в XIX в. был достаточно широким. Среди них можно выделить:

приходские попечительства, православные братства, общественные организации более узкой целевой направленности (общества трезвости, хоругвеносцев, благотворительные и т.д.).

Цель данного раздела - выявить роль православных сообществ в повседневной жизни уральского города.

После выхода в свет Положения о приходских попечительствах при православных церквях 2 августа 1864 г. такие общества стали появляться и в городах Урала. Первоначально уральские епархии значительно отставали в деле создания попечительств от других российских епархий. Через год после издания закона о попечительствах в 1864 г. наибольшее число их было открыто в Самарской (177) и Подольской (266) епархиях. В дальнейшем ситуация изменилась, но не настолько, как хотелось властям³⁷. Значительным количеством попечительств в последующие годы отличались епархии: Подольская, Минская, Могилевская, Вологодская, Вятская, Литовская и Смоленская³⁸. Меньше их имелось в таких уральских епархиях, как Пермская, Екатеринбургская, Уфимская и Оренбургская. Однако и здесь, прежде всего в епархиальных центрах, в конце XIX в. число православных сообществ стало множиться. Так, в Екатеринбурге при православных приходах были попечительства: при Кафедральном и Екатерининском соборах, при Симеоновской, Златоустовской, Лузинской и Вознесенской церквях³⁹. В Пермской епархии наиболее крупными и известными являлись церковно-приходские попечительства, созданные в самой Перми, - Рождество-Богородицкое, Свято-Троицкое и Петро-Павловское.

В Положении отмечалось, что приходские попечительства образовывались "для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода". Они формировались "из лиц, отличавшихся благочестием и преданностью вере православной". Попечительства должны были заботиться "об изыскании средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений, устройство и заведование коими лежало также на обязанности попечительств"; "об оказании бедным людям прихода необходимого пособия, также о погребении неимущих умерших и о содержании в порядке кладбищ". Если на момент открытия церковно-приходского попечительства в приходе уже существовали приходские или частные благотворительные учреждения (например, попечительные советы или общества вспомоществования приходским бедным, больницы, приюты, школы), то закон предписывал приходским попечительствам содействовать таким благотворительным учреждениям, "не стесняя их деятельности", помогать, "по мере возможности, улучшению и распространению таких учреждений".

Положение регламентировало состав попечительств. В них должны были входить "местные священнослужители, которые суть неперменные их члены", члены от прихожан, избираемых общим собранием на определенный период времени. Число светских членов каждого попечительства и сроки их службы

определяло собрание прихожан "с доведением до сведения епархиального архиерея". Церковный староста являлся "непрерывным членом попечительства".

Председатель попечительства избирался общим собранием прихожан большинством голосов из лиц, пользующихся общим доверием, не исключая местного священника. Председателю попечительства присваивалось звание попечителя прихода. В случае отсутствия попечителя должен был председательствовать священник - настоятель приходской церкви. На заседания в попечительства могли приглашаться и другие лица. Решения о попечительстве принимались большинством голосов, в случае равного количества голосов перевешивала та сторона, которую прин мал председатель собрания.

Источниками денежных и иных материальных средств д~ приходских попечительств являлись добровольные пожертвования от прихожан и от посторонних, а также членские взносы. П жертвования в приходе могли собираться "или в выставляемы¹ для того кружки, или по особым подпискам; кружки могли бы обносимы и в церкви". Для сбора пожертвований вне пределов прихода епархиальный архиерей мог выдавать сборные книги. Сбор пожертвований должен был производиться отдельно: а) кассу церкви, б) в пользу причта и в) для школы и благотворительных учреждений. В случае недостаточности средств для решения всех насущных вопросов попечительство, посоветовавшись с "почетнейшими прихожанами", могло сделать предложение "о назначении определенного сбора с прихожан, единовременного; или постоянного, деньгами или натурой, для производства причту пособия или другой надобности". Такое предложение должно было рассматриваться общим собранием прихожан, которое в случае его принятия составляло приговор, который становился обязательным "для изъявивших по нему согласие".

Показательна статья 8 Положения, отвечавшая духу пореформенного времени, в которой говорилось: "Приходские попечительства, составляя общественные учреждения, пользуются покровительством духовного и гражданского начальства. Исполняя свои обязанности, как органы местных обществ, они обязаны вести дела свои с необходимой гласностью, устраняя всякие излишние формальности. По окончании года, они отдают отчет о своих действиях и в заведоваемых ими суммах и имуществе общему собранию прихожан, от которого зависит определение порядка отчетности и поверка оной"⁴⁰.

Общие собрания прихожан православного вероисповедания "по предметам ведомства приходских попечительств" состояли из всех домохозяев прихода и из прихожан, не владеющих домами в приходе, но имеющих по закону право участвовать в собраниях местного городского и сельского общества, принадлежащих к дворянскому собранию и имеющих право участвовать в дворянских собраниях, а также из прочих прихожан, которых приходское попечительство признает полезным пригласить для участия в этих собраниях". Каждый участвующий в собрании прихожанин имел один голос. Собрание

прихожан мог созывать председатель приходского попечительства, а в его отсутствие священник - настоятель церкви, с согласия попечительства. Собрание прихожан признавалось действительным, если в нем участвовало не менее одной десятой части лиц, имеющих на то право. Дела на собрании решались большинством голосов с последующим составлением приговоров⁴¹.

В числе первых (в 1877 г.) на Урале открылось приходское попечительство при Соликамском Свято-Троицком соборе. Оно оказалось вполне жизнеспособным. В 1893 г. в нем насчитывалось 66 человек. Еще в ходе подготовки проекта закона о церковно-приходских попечительствах остро дискуссионным оказался вопрос о председателе в попечительстве: одни выступали за гарантированное председательство настоятеля приходской церкви, укрепляя традицию уважения народа к священнику; другие выступали против председательства священника в нем (так как священник рассматривался ими как лицо, заинтересованное в увеличении доходов духовенства) и предлагали предоставить право выбора председателя прихожанам. В законе реализовался компромиссный вариант: председателем церковно-приходского попечительства по воле прихожан мог стать как священник, так и светский член братства. На практике случалось по-разному: председателями церковно-приходских попечительств становились представители не только духовенства, на эту должность избирались чиновники, купцы, представители интеллигенции. Показательно, что в попечительстве при Соликамском Свято-Троицком соборе, как и во многих других городских попечительствах на Урале, выбор на должность председателя попечительства чаще падал на светское лицо. В 1893 г. им являлся надворный советник Михаил Кузнецов. Наряду с ним большую роль в попечительстве играли представители духовенства. "Непременным" членом попечительства был протоиерей Петр Киселев⁴². А вот екатеринбуржцы и в начале XX в. поддерживали традицию выбора священника на пост председателя попечительства. Например, 15 августа 1914 г. в Екатеринбурге в Александро-Невской (Лузинской) церкви под председательством настоятеля отца Л. Золотавина состоялось общее собрание прихожан для избрания приходского попечительства и организации помощи раненым воинам и семьям запасных. Его председателем был избран отец Л. Золотавин, а товарищем председателя - отец Н. Дягилев⁴³.

Вместе с духовенством в городских попечительствах на Урале во второй половине XIX - начале XX в. была велика роль местного купечества. Благодаря реформе 1864 г. (закону о церковно-приходских попечительствах) правительству удалось привлечь к делам церкви наиболее состоятельные городские слои. Например, известные купцы Д.С. и П.С. Жирновы являлись активными членами попечительства при Рождественского-Богородицкой церкви Перми. Купцы входили в совет попечительства при Петро-Павловском соборе Перми⁴⁴.

Градо-Пермское Рождество-Богородицкое попечительство являлось одним из крупнейших в Пермской епархии. Оно открылось 27 декабря 1889 г. по инициативе прихожан в ознаменование столетнего юбилея этой церкви. Инициаторами его открытия стали К.А. Сорокин, И.И. Любимов, А.П. Кропачев, Г.В. Берлинский, А.Е. Тупицын, П.А. Вологдин и др. Главной целью нового учреждения было создание такой организации, которая могла бы оказывать "действительно разумную помощь беднейшим жителям прихода". Первым председателем попечительства был А.Е. Тупицын, немало потрудившийся в делах, связанных с организацией попечительства и поиском средств, необходимых для его существования. В этой должности он состоял до 1894 г.

Во главе попечительства оказывались глубоко верующие люди, активные общественные деятели, не жалевшие сил на общее благо. Так, сменивший А.Е. Тупицына на должности председателя попечительства доктор медицины П.Н. Серебренников исполнял свои обязанности на этом посту на протяжении 14 лет. В "Кратком историческом очерке двадцатилетней деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства (27 декабря 1889 - 27 декабря 1909 г.)" подчеркивалось, что за это время "Павел Николаевич вложил в свое дело так много любви и энергии, оказал столь неоцененные услуги попечительству, что деятельность его в этом отношении может считаться одним из светлых явлений в истории попечительства, воспоминание о котором никогда не умрет в благодарной памяти потомства". В 1906 г. на должность председателя был избран член Пермского окружного суда М.П. Вишневецкий, "человек в высшей степени энергичный, сразу полюбивший свое дело и сумевший явиться достойным заместителем своих предшественников"⁴⁵.

Численный состав церковно-приходских попечительств на Урале обычно колебался в пределах сотни человек, но иногда достигал и большего количества. Так, в начале 1895 г. в составе наиболее крупного на Урале Рождество-Богородицкого церковно-приходского попечительства насчитывалось 120 человек: 1 почетный, 5 пожизненных, 4 неперемных и 111 действительных членов. Совет попечительства в это время находился под председательством доктора медицины П.Н. Серебренникова и состоял из следующих членов: настоятеля церкви о. протоиерея А.А. Будрина, о. протоиерея Е.М. Кудрявцева, о. Никанора Н.Пономарева, о. благочинного И.П. Пьянкова, К.А. Сорокина, И.И. Любимова, А.П. Кропачева, В.М. Насонова, А.Е. Тупицына, Г.В. Берлинского, В.Н. Бахарева, П.Д. Демидова, П.П. Демидова, Ф.И. Булдакова, И.Н. Суслина, Н.Н. Суслина, И.С.Клопова, А.Л. Толстова, И.П. Черкасова, П.С. Досманова, П.С. Румяникова, Т.И. Белова, И.В. Покровского, Е.Н. Бучельникова, Ф.И. Подосенова, И.Г. Малопошкина, Д.Н. Сипягина, З.М. Благод-равова и П.С. Жирнова (всего в совете было 30 человек). К.А. Сорокин выполнял обязанности казначея, его помощником являлся А.Л. Толстов. Секретарем совета попечительства был З.М. Благодравов⁴⁶.

В 1893 г. появилось попечительство при Пермской Свято-Троицкой церкви. На основании законодательства, как и в других попечительствах, его членами стали лица православного вероисповедания обоого пола "всех званий и состояний". Члены, внесшие единовременно не менее 50 руб., считались пожизненными, лица, вложившие не менее 3 руб. - почетными, а не менее 1 руб. - действительными. Всего в 1914 г. насчитывалось 102 члена попечительства: 23 пожизненных, 47 почетных и 32 действительных⁴⁷.

Совет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства состоял из духовных и светских лиц в составе его председателя А.П. Шилова, товарища председателя протоиерея Е. Будрина и членов: протоиерея А. Стабникова, священника С. Кудрявцева, который одновременно являлся казначеем попечительства, а также протодиакона К.А. Пономарева, диакона Н.В. Будрина, псаломщика А.Д. Зыкова и церковного старосты И.П. Митрофанова, П.А. Федотова, И.Я. Супонева, Н.И. Скопи-на, С.П. Звездакова, Н.К. Иванова, Н. Тиунова, И.В. Будрина, И.А. Ширкалина, И.Д. Петрова и П.Я. Бурьлова. В основном делами попечительства управлял его совет. Так, в 1914 г. было лишь одно общее собрание членов попечительства и 12 собраний совета⁴⁸.

Пермское Петропавловское церковно-приходское попечительство открылось в 1894 г. Кроме председателя (в 1899-1900 гг. им был Н.П. Седых, старший ревизор Пермского акцизного управления) в совет попечительства входили: 6 священнослужителей, 2 старост (Петропавловского собора и старокладбищенской Успенской церкви) и 25 прихожан. Всего в совете насчитывалось 34 человека⁴⁹.

Можно видеть, что в создании попечительств и их управлении участвовали представители различных общественных сил: духовенство, предприниматели, интеллигенция. Наиболее их активные члены избирались в советы, которые в основном и управляли попечительскими делами.

Что касается структуры пожертвований, то в историографии уже отмечалось, что значительно больше прихожане жертвовали на храм и на благотворительность, чем на содержание причта. Попытка кардинального улучшения материального положения духовенства путем привлечения к решению этой проблемы прихожан оказалась трудновыполнимой на практике. СВ. Римски приводит сведения о российских епархиях, попечительства которых в 1879 г. вообще не пожертвовали на духовенство ни копейки: Томская епархия, Грузинский экзархат, Якутская, Холмско-Варшавская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Кишиневская, Костромская, Курская, Псковская, Пермская, Полоцкая, Орловская, Оренбургская, Олонейская, Рижская епархии⁵⁰. Вероятно, это не совсем точные данные, поскольку по другим источникам из уральских церковно-приходских попечительств в этом году Соликамское соборное Свято-Троицкое приходское попечительство пожертвовало в пользу служащих своей церкви некоторую сумму, впрочем, небольшую - 43 руб. 89 коп. В это же время на храм было собрано пожертвований в общей совокупности 175 руб. 79 коп., на помощь бедным прихода - 251 руб. 16 коп. Это был третий год

работы попечительства. Спустя некоторое время соотношение пожертвований разных категорий в бюджете этого попечительства несколько изменилось - его члены стали больше средств жертвовать на материальную помощь духовенству, вместе с тем отдавая приоритет благотворительности. Так, к 1 января 1893 г. попечительство располагало средствами в размере 1983 руб. 51 коп., из них на нужды церкви приходилось 260 руб. 95 коп., церковнослужителям - 533 руб. 49 коп., на помощь бедным прихода - 1189 руб. 49 коп.⁵¹

Попечительство располагало скромными суммами. Они формировались из членских взносов и пожертвований, процентов с попечительского капитала. Так, в 1893 г. поступило членских взносов на сумму 165 руб. 70 коп. Взносы составляли от 20 коп. до 15 руб. Из попечительских кружков при местных церквях поступили сборы: из Свято-Троицкого собора - 12 руб. 30 коп., из Богоявленской церкви - 45 коп., из Кладбищенской - 4 руб. 60 коп., из Воскресенской - 55 коп. Проценты с капитала (в размере 1947 руб. 8 коп.) составили 120 руб. 37 коп. Всего же приходная часть в бюджете попечительства составила в 1893 г. 310 руб. коп., что с остатком от 1892 г. достигло 2294 руб. 15 коп. Из этих средств в 1893 г. было израсходовано: на раздачу бедным (в количестве 44 человек) к праздникам Пасхи и Рождества Христова 105 руб. 50 коп. (сиротам, престарелым, больным и увечным людям); на работу канцелярии и сбор пожертвований - 25 руб. 30 коп.; на содержание певческого хора при соборе 35 руб.; на ризницу собора и церковные вещи - 10 руб. 25 коп.; на украшение Богоявленской церкви - 7 руб. 6 коп.; на Белкин-скую церковно-приходскую школу - 10 руб. и на выдачу причту процентов с принадлежавшего ему капитала - 14 руб. 25 коп. (всего 207 руб. 36 коп.). К 1 января 1894 г. средства попечительства составляли 2086 руб. 79 коп. и предназначались: на церковные нужды - 269 руб. 23 коп.; служащим церкви - 578 руб. 84 коп. и на помощь бедным жителям Соликамска - 1238 руб. 72 коп. Правда, за попечительством сохранялась задолженность из церковных сумм на библиотеку для церковных школ 111 руб. 58 коп.⁵²

Некоторые церковно-приходские попечительства в уральских городах в рассматриваемое время ограничивали свою деятельность сбором средств и их последующей реализацией только на благотворительность и развитие просвещения. Так, бюджет Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства делился на три самостоятельных фонда, по каждому из которых велась соответствующая отчетность: для пособий бедным, на постройку школы попечительства и так называемый ученический фонд школы.

В первый год своего существования попечительство имело запасный капитал в размере 3249 руб. 45 коп., собранных при его основании. К 1896 г. запасный капитал достигал уже 6359 руб. 88 коп., т.е. удвоился, несмотря на то, что за 6 лет на нужды бедных было израсходовано 2174 руб. 61 коп. Из всех источников поступлений в первые годы существования попечительства наименьшую долю средств давал членский сбор - в 1891 г. поступило всего 71 руб. 25 коп. членских

вносов, а в 1892 г. и того меньше - 33 руб., в 1893 г. - 66 руб., и лишь в 1894 г. они составили 239 руб. 50 коп., а в следующем - 273 руб. Но и последняя сумма была мала, если принять во внимание, что в Богородицком приходе насчитывалось 3 тыс. прихожан. Минимальная сумма членского взноса составляла всего 1 руб. в год (менее 2 коп. в неделю) - сумма необременительная и вполне доступная. Предполагалось, что причиной этого нежелательного явления первоначально было недостаточное знакомство прихожан с деятельностью попечительства.

Впрочем, "сочувствие" прихожан делам попечительства возрастало, о чем свидетельствовало увеличение кружечного сбора. В 1890 г. он составлял 148 руб. 15 коп., в 1891 г. - 229 руб. 91 коп., в 1892 г. - 215 руб. 4 коп., в 1893 г. - 225 руб. 91 коп., в 1894 г. - 360 руб. 27 коп. и в 1895 г. - 621 руб. 70 коп., т.е. за пять лет сумма кружечного сбора выросла почти в 5 раз. Кроме того, сочувствие делам попечительства выражалась в отдельных крупных пожертвованиях. В 1895 г. в бюджет попечительства поступило 900 руб. от вдовы отца Михаила Николаевича, бывшего священником Богородицкой церкви и непременным членом попечительства, 600 руб. - от кяхтинского потомственного почетного гражданина М.И. Корзухина, отец которого был старостой Богородицкой церкви Перми, 1000 руб. - от А.Ф. Шелкуновой (на постройку школы в память ее покойного супруга, бывшего членом совета попечительства). С.А. Савин пожертвовал 50 руб. на постройку школы *Щ* уступил даром помещение для школы в память своего дедушки: Ф.Е. Савина, бывшего члена совета попечительства. Член совета попечительства Д.Ф. Базанов по духовному завещанию оставил попечительству 3 тыс. руб. на постройку школы. В очерке, посвященном истории Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства с основания по 1896 г., говорилось: "Эти в высшей степени отрадные факты ясно свидетельствуют, что все, кто ближе стоял и стоит к совету попечительства и, следовательно, имели возможность постоянно наблюдать и участвовать в его деятельности, очевидно, прониклись убеждением, насколько симпатичны задачи попечительства и как близко отвечают они их религиозно-нравственным взглядам на благотворительность, почему и пожелали доверить свои крупные пожертвования совету попечительства с верой и надеждой, что эти пожертвования будут употреблены на развитие столь желательной истинной благотворительности в нашем приходе. Да будут незабвенны в памяти попечительства имена этих добрых людей!".

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, прочитав в "Пермских епархиальных ведомостях" отчет Рождественско-Богородицкого попечительства Перми за 1894 г., по собственной инициативе прислал 100 руб. в ученический фонд Богородицкой школы. На благодарственное письмо совета попечительства, в котором излагалась просьба позволить "считать его высокопревосходительство своим членом" обер-прокурор ответил письмом от 21 июня 1895 г.: "Просмотрев присланный мне отчет попечительства о его деятельности за 1894 год и находя

сию деятельность в высшей степени полезной и симпатичной по направлению, я с особым удовольствием и благодарностью соглашаюсь быть членом Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства". Пожизненным членом этого попечительства являлся известный всей России о. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Трижды по собственной инициативе он присылал сторублевые пожертвования на нужды попечительства и школы, а также по просьбе совета прислал в богородицкую школу свой портрет с собственноручной надписью. В конце 1895 г. в Кронштадте праздновался 40-летний юбилей пастырского служения о. Иоанна. По этому поводу в Богородицкой церкви состоялось молебствие о здравии юбиляра; о. Иоанну была отправлена от имени попечительства поздравительная телеграмма.

Часто, являясь членами попечительств, а иногда и не будучи ими, крупные уральские предприниматели откликались на

Попечительские нужды, о чем, например, свидетельствует история открытия попечительской школы. Приступая к постройке здания для нее, совет попечительства обратился к известным заводовладельцам и лесопромышленникам с просьбой о пожертвовании необходимых для строительства материалов (железа, леса, стекла и пр.). Все обращения нашли отклик: опекуновское управление наследников П.П. Демидова князя Сан-Донато пожертвовало 100 пудов кровельного железа, графиня Н.А. Стенбок-Фермор - 100 пудов листового железа, Н.В. Кудряшева - 50 тыс. кирпича на сумму 600 руб., князь С.С. Абаме-Лазарев - 50 пудов листового железа. Сердечно откликнулся на просьбу школы И.А. Поклевский-Козелл: "Всегда будучи готовым приносить посильную пользу добрым делам, с особенным удовольствием я готов пожертвовать попечительству просимое стекло для постройки школы". Из лесопромышленников Г.В. Бердинский помимо крупного денежного пособия пожертвовал 300 бревен, П.С. Жирнов - 100 деревьев и 100 руб.⁵³

Финансовые возможности попечительств зависели от членских взносов, сочувствия местного населения попечительским делам. С расширением состава попечительств увеличивались их средства. Со временем заметно возросли средства Пермского Петропавловского церковно-приходского попечительства. В 1895 г. его приходная часть составила 40 руб. 86 коп., в 1896 г. - 1184 руб. 91 коп., в 1897 г. - 1841 руб. 82 коп., в 1898 г. - 999 руб. 77 коп., в 1899 г. - 1379 руб. 9 коп. и в 1900 г. - 3251 руб. 91 коп. Среди жертвователей средств были как частные лица, так и общественные структуры (например, Общество потребителей Пермской железной дороги, Училищный совет при Святейшем Синоде, пермские городская и уездная земские управы). Всего приходная часть попечительского бюджета в 1900 г. вместе с остатком от предыдущего года составила 3984 руб. 60 коп., а израсходовано было 3747 руб. 48 коп.⁵⁴

Деятельность попечительств во многом зависела от их финансовых возможностей. Она была достаточно разнообразной. Например, в отчете Пермского Петропавловского церковноприходского попечительства за 1900 г. его

работа за этот период признавалась "особенно усиленной по сравнению с предыдущими годами" и отмечалось, что она была направлена на расширение принадлежавшего ему здания за р. Егопихой, на Горках, содержание открытой еще в 1897 г. одноклассной школы, бесплатной народной библиотеки при этой школе и строительство при школе помещения для чтения, открытие при школе ремесленного училища (со столярным и токарным отделениями), оказание помощи бедным прихожанам собора и упорядочение "старого" городского кладбища⁵⁵.

Как просветительные, так и благотворительные задачи решало Пермское Свято-Троицкое попечительство. Его просветительная деятельность заключалась в организации бесплатных народных чтений, выдаче книг и журналов из бесплатной попечительской библиотеки, благоустройстве одноклассной Константи-новской церковно-приходской женской школы и рукодельного класса при ней. Благотворительная деятельность попечительства проявлялась в выдаче бедным людям прихода денег перед праздниками Рождества Христова и Пасхи, а в исключительных случаях и в любое другое время года, особенно нуждающимся девочкам, обучавшимся в Константиновской церковно-приходской школе⁵⁶.

В начале своей деятельности Пермское Рождество-Богородицкое попечительство располагало скромными рабочими силами и средствами и ограничивалось выдачей пособий бедным деньгами и одеждой. Убедившись в непрактичности этого вида благотворительности, в "невозможности удовлетворить всех вопиющих нужд бедняков", попечительство изменило методы своей работы. Оно провозгласило девиз: "бороться не с самой бедностью, а с причинами, ее породившими, и в особенности с главной причиной бедности - с народным невежеством и со всеми его последствиями". Попечительство решило устроить специальную женскую школу для возможно большего числа детей, "чтобы путем образования и религиозно-нравственного воспитания вывести детей из власти тьмы и привить им добрые привычки, а приучением к труду дать им, будущим матерям, возможность самостоятельно вести борьбу с бедностью".

В 1890 г. совет попечительства принял в свое ведение церковно-приходскую школу, существовавшую при Рождество-Богородицкой церкви. Эта школа открылась по инициативе преосвященного Владимира, епископа Пермского и Соликамского 4 ноября 1888 г. в память чудесного избавления царской семьи от опасности при крушении поезда 17 октября этого же года. Школа предназначалась только для мальчиков. Сначала она помещалась в церковном доме. Спустя два года после ее открытия школу перевели в новое здание при часовне Св. Стефана Велико-пермского, а в освобожденном помещении 20 августа 1890 г. разместилась еще одна церковно-приходская школа, на этот раз уже женская. В 1895 г. эту школу перевели в частный дом, непригодный для этой цели. Попечительство решило построить новое здание для школы, надеясь на частную благотворительность. На пожертвованном старостой Богородицкой церкви К.А. Сорокиным месте 14 мая 1895 г. состоялась закладка

здания школы, а к концу этого года оно было уже "вчерне" готово. Это свершилось благодаря усиленным заботам по поиску средств со стороны председателя П.Н. Серебренникова и старосты церкви К.А. Сорокина, а также безвозмездным трудам архитектора А.Б. Турчевича. Строительство здания школы обошлось попечительству в 20 тыс. руб. 27 октября 1896 г. Петр, епископ Пермский и Соликамский освятил это новое каменное двухэтажное здание школы, состоялось открытие школы⁵⁷.

В 1892-1910 гг. численность учащихся Богородской церковно-приходской школы составляла от 70 до 163 человек. Попечительство помогало родителям учащихся путем выдачи им пособий, а самих детей снабжало теплой верхней одеждой, обувью и платьем.

В целях практической пользы члены совета попечительства полагали целесообразным создать при школе ремесленно-рукодельный класс. Такой класс с одногодичным курсом открылся при школе в сентябре 1898 г. Главной его целью, отмечалось в делопроизводственных документах попечительства, "было желание научить детей ремеслу и тем создать для них возможность более лучшего, безбедного существования в будущем".

Программа курса неоднократно менялась, совершенствовалась. Учительница рукодельного класса Р.А. Сибрина несколько раз ездила в Казань, Москву, Нижний Новгород для знакомства с методами преподавания и постановкой дела профессионального образования. Со временем в классе обучалось уже три группы детей, а с 1907-1908 гг. было решено открыть еще одну группу (подготовительную), в которую могли поступать дети после окончания школы. В другие же группы этого класса принимались девочки, окончившие начальную школу, но достигшие 13-летнего возраста. Большинство девочек завершали учебу в возрасте 10-11 лет. Помимо рукоделия в профессиональном классе девочки обучались также общеобразовательным предметам (в первые годы после открытия класса иногда одной арифметике). Преподаватели общеобразовательных предметов учили детей бесплатно. Совет попечительства через местные газеты обратился к общественности с просьбой "принять на себя бесплатно труд преподавания общеобразовательных предметов в рукодельном классе". На это предложение откликнулись: А.Г. Троцкая, О.М. Варфоломеева, В.И. Бутковская, А.П. Гаврилова, В. Березовская и др. Создав педагогический совет, они начали обучение в 1906/07 учебном году. На следующий год они предложили совету попечительства расширить программу по общеобразовательным предметам до программы 4-классной гимназии и открыть четвертый (подготовительный) класс, в который бы дети поступали прямо после окончания курса в начальной школе. Специально созданная для рассмотрения этого предложения комиссия предложила к тому же установить жалованье педагогам по общеобразовательным предметам, чтобы обеспечить правильность и непрерывность преподавания. Общее собрание членов Богородского

попечительства нашло это предложение приемлемым и постановило провести в жизнь эти преобразования в 1907/08 учебном году.

Таким образом, стало осуществляться на практике то, о чем еще в 1901 г. в журнале посетителей Рождество-Богородицкой школы писал инспектор народных училищ Е.Л. Рекало: "Соединение начальной школы и ремесленного отделения с общеобразовательным при нем курсом представляется самым жизнеспособным и желательным типом начальной народной школы. Такие школы, поднимая общее развитие учащихся, в то же время дают им в руки ремесло, обеспечивая трудовую безбедную жизнь детей бедняков". Проведению в жизнь намеченных преобразований благоприятствовали результаты поездки председателя попечительства П.Н. Серебренникова в Петербург. Ему удалось выхлопотать перед училищным советом при Синоде ежегодную субсидию от Синода в размере 1000 руб. для развития профессионального класса, 5 тыс. руб. - на окончание строительства пристройки к Богородицкой школе, где размещался класс рукоделия и зал им. П.Н. Серебренникова, а также 1000 руб. в качестве единовременного пособия на нужды школы из средств, находившихся в личном распоряжении обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. В 1906 г. строительство пристройки к школе было закончено, оно обошлось попечительству в 14 388 руб.

Подводя итоги своей десятилетней деятельности на ниве профессионального образования, по инициативе своего председателя попечительство приняло решение поучаствовать "в качестве экспонента на 2-х выставках: первой всероссийской церковноприходских школ в Петербурге и областной выставке в Казани". Расходы покрыли собранные общественные пожертвования - от частных лиц поступило 325 руб., от епархиального училищного совета - 75 руб. и от губернской земской управы - 50 руб. (всего 450 руб.). На обеих выставках экспонаты Богородицкой школы привлекали внимание всех интересующихся женским профессиональным образованием, постановка в ней рукодельного дела получила благоприятные отзывы. Например, в серьезном педагогическом журнале "Русская школа" (1909 г. № 11) в отделе "Педагогическая хроника" была помещена статья "Профессиональное образование на областной выставке в Казани". В ней говорилось: "Вдумчивый посетитель выставки в Пермском павильоне невольно останавливается перед экспонатами рукодельно-ремесленного класса Богородицкой одноклассной церковно-приходской школы в Перми. Здесь представлены не только хорошие работы учениц, но и малоудовлетворительные, но интерес экспонатов школы заключался в том, чего не было в экспонатах других учебных заведений - а именно мы говорим о выставленных учебных пособиях и программных образцах. Рукодельно-ремесленный класс Богородицкой школы поставлен образцово; он является рассадником рукодельно-ремесленного образования для всей Пермской губернии. Экспонируемые работы учениц дают ясное представление о том, как вообще поставлено дело обучения и преподавания, чего, пожалуй, не увидишь ни в одной из витрин других школ рукоделия". Положительную оценку получил этот класс и

на Петербургской выставке. В "Листке Всероссийской церковно-школьной выставки" (1909 г. № 20) сообщалось: "Более системно и прочно поставлено обучение рукоделию в так называемых рукодельных классах, где обучаются окончившие курс начальной школы. В этом отношении обращают на себя внимание рукодельные классы Богородицкого попечительства в г.Перми с их оригинальными наглядными пособиями для обучения шитью, кройке и вязанию".

Всего с 1898 по 1910 г. в профессиональное образование в Рождество-Богородицкой школе получили 668 девочек (ежегодно обучалось от 24 до 93 человек). Об очевидной пользе и заинтересованности местного населения в приобретении детьми навыков рукоделия свидетельствует количество отказов в приеме в рукодельный класс по причине нехватки мест - 357 за этот же срок. Однако за указанный период только 95 девочек полностью окончили курс. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что родители большинства учениц будучи людьми бедными сразу после приобретения ими некоторых навыков мастерства забирали детей из школы "для добывания средств к жизни".

За 11 лет учебная программа рукодельного класса пересматривалась шесть раз, что обуславливалось "стремлением попечительства выработать более удовлетворяющую требованиям времени постановку преподавания в этом классе"⁵⁸. Разработанная особой комиссией и утвержденная общим собранием 30 августа 1907 г. программа предусматривала обучение девушек теоретическому и практическому знанию "белошвейного и дамско-порт-новского ремесла", т.е. они должны были получить все необходимые навыки кройки и шитья. Девушки, полностью окончившие курс, выпускались со званием подмастериц, в дальнейшем они могли продолжить свое образование и после дополнительных занятий ремеслом при мастерской класса или в частных мастерских получить звание мастериц. Составители программы придавали большое значение общему интеллектуальному развитию учащихся, поэтому полагали желательным включение в нее общеобразовательных предметов (прежде всего русского языка, арифметики, географии и отечественной истории), а специальных предметов, относящихся непосредственно к преподаваемому ремеслу (рисование, черчение, краткий курс товароведения и "ремесленное счетоводство") -необходимым. Устанавливался четырехлетний срок обучения.

Заботясь о духовном и нравственном развитии школьников, Рождество-Богородицкое попечительство принимало "меры в отношении их правильного физического развития и укрепления здоровья". Члены попечительства, лично осмотрев квартиры, в которых ютилась городская беднота, убедились, что они, "вследствие сырости и холода, царящих в них, весьма губительно действуют на здоровье их обитателей вообще, а на детей, как на более слабые организмы, в особенности", и пришли к мысли о необходимости хотя бы на время "удалять детей из этой вредной обстановки и с этой целью задумали создать детскую колонию в дачной местности Н.-Курье".хлопоты, связанные с основанием так называемой колонии, благодаря активной деятельности членов попечительства, и

особенно председателя П.Н. Серебренникова, увенчались успехом. В 1900 г. по ходатайству бывшего начальника Пермской губернии П.Г. Погодина особое губернское совещание приняло решение о пожертвовании специального денежного капитала в размере 2000 руб. на устройство детской колонии для бедных детей, а Министерство земледелия и государственных имуществ с высочайшего разрешения отдало в Н.-Курье для этого 5 десятин земли.

Строительство общежития началось весной 1901 г. после того, как советница коммерции вдова Елизавета Ивановна Любимова пожертвовала на это 4 тыс. руб. в память своего покойного мужа. Колония была названа именем Ивана Ивановича Любимова. 13 августа 1902 г. здание освятили, а 12 мая 1903 г. последовало открытие колонии, ознаменованное праздником древонасаждения. Каждое лето в колонии проживали дети бедных родителей - ученицы Богородицкой школы, чередуясь в три смены. Они содержались за счет попечительства и жили там под руководством воспитательниц. Пребывание в колонии благотворно отражалось на здоровье детей. К тому же там они приобщались к садоводству и огородничеству. Попечительство даже подумывало об организации специальных систематических курсов. Летом же 1910 г. по предложению М.П. Вишневецкого в колонию пригласили садовника для занятий с детьми⁵⁹.

Справедливости ради следует отметить, что и другие церковно-приходские попечительства Перми уделяли развитию школьного дела значительное внимание. При Пермском Свято-Троицком церковно-приходском попечительстве также действовала женская церковно-приходская школа. Она открылась в 1890 г. и была названа Константиновской (в память ее посещения обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым). С постройкой собственного здания в 1906 г. количество учащихся в ней девочек и преподавателей увеличилось почти вдвое. К 1913 г. в школе было: 2 законоучителя, 1 - по пению, 4 - по общеобразовательным предметам и 2 - по рукоделию. Последнему уделялось особое внимание, оно признавалось попечительством "необходимым предметом обучения для девочек среднего достатка, как прикладное и применимое в жизни знание". Содержание школы обходилось в сумму более чем 2500 руб. в год. В ее финансировании принимало участие и государство, и общественные структуры. 4 учительницы получали казенное жалованье по 360 руб. в год. Преподавательницы рукоделия приглашались попечительством за жалованье в размере 240 руб. в год из местных средств (180 руб. давал город и 100 руб. Пермское уездное земство). Отопление, освещение, ремонт здания и содержание "прислуги" обходились ежегодно в 500 руб. (по 150 руб. выделяли местный храм с разрешения епархиального начальства и городская власть).

Здание школы использовалось не только для учебных нужд. В нем сосредоточивалась вся повседневная жизнь прихода. Здесь устраивались общие собрания попечительства и его совета, проходили народные и детские чтения, спевки местного церковного хора, иногда собирались окружные благотворительные съезды духовенства, функционировала библиотека.

Письменные принадлежности и учебники для школы бесплатно предоставлялись Пермским уездным отделением епархиального училищного совета. Попечительство заботилось о бедных девочках школы, выдавая пособия в виде ситца на платье, теплой обуви. В рождественские каникулы для детей на добровольные пожертвования членов попечительства и на средства попечителя школы П.А. Федотова устраивалась елка на 350 человек. За внимание, отзывчивость и значительные пожертвования на нужды школы попечительство в 1913 г. на общем собрании единогласно избрало П.А. Федотова своим пожизненным членом. В 1914 г. по инициативе епископа Пермского и Соликамского Андроника вместо организации елок в здании духовного училища был устроен один общешкольный праздник под названием "Вифлеемская звезда". Попечительство и здесь откликнулось на архипастырский призыв - заведующим школой священником о. Сергием Кудрявцевым и учительницами на устройство этого праздника было собрано по подписке 63 руб. 40 коп.⁶⁰

Попечительство организовывало паломнические поездки для учениц Константиновской церковно-приходской школы. Так, еще зимой 1914 г. у Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства возникла мысль организовать для учениц паломничество в г. Верхотурье для поклонения мощам св. праведного Симеона Чудотворца, по примеру прошлогоднего паломничества в с. Кольцове на поклонение чудотворной иконе Святителя Николая. Детям предлагалось внести посильные средства на проезд, а недостающую сумму собрало попечительство. Образовалась группа паломников в 26 человек, в основном из выпускниц школы. Сопроводить их согласились председатель попечительства А.П. Шилов, школьные учительницы и учитель пения А.Д. Зыков. Утром 31 мая они отправились в путь железнодорожным транспортом. Во время поездки под руководством учителя "пели церковные молитвословия, молебны и величание св. праведному Симеону, мощам которого ехали поклониться, читали житие его", восхищались видами природы. На ст. Верхотурье прибыли 1 июня в 18 час, до города было 6 верст. Дети порывались идти пешком, но предстояли вечернее и утреннее продолжительные (по монастырскому уставу) богослужения, поэтому детей отправили до города на лошадях. По прибытии они молились в новом Крестовоздвиженском храме. Собрали на свечу 4 руб. Молебен св. угоднику служили с акафистом, после которого все участники паломнической поездки приложились к святым нетленным мощам. Многие первый раз в жизни удостоились этого счастья. Сами дети пели во время молебна. Затем им был предложен ужин в певческом корпусе, а ночлег предоставлен в светлой, обширной классной комнате монастырской школы. Вечером последовали молитвы "на сон грядущий". На следующий день все в пятом часу отправились к утрени, которая совершалась в главном приделе нового Крестовоздвиженского собора. По окончании все вновь приложились к святым мощам, выслушали правило, исповедались и перешли в старый собор, где уже началась ранняя литургия. Приобщившись Св. Тайн, после обедни в

монастырской лавке дети покупали крестики, иконы, книги о святом праведнике. В монастыре (в столовой певческого корпуса) причастникам вновь предложили чай с белым хлебом. После чая, отправив вещи на лошадях, пошли в обратный путь пешком, "полные радости, примирения с Богом и людьми, сопровождаемые прекрасным звоном соборного колокола к поздней литургии". На обратном пути дети вспоминали об увиденном, читали кушленные книги, делились впечатлениями, пели церковные песнопения⁶¹.

При Константиновской церковно-приходской школе функционировал рукодельный класс. Первоначально он был рассчитан на 35 - 40 учениц. Однако желающих учиться в нем было значительно больше - в 1914 г. здесь получали знания 70 девочек. Из-за недостатка мест были приняты далеко не все просительницы. В этот профессиональный класс принимались прежде всего ученицы старшего возраста, окончившие курс в Константиновской церковно-приходской школе и проживавшие в основном в Свято-Троицком приходе. Бесплатный курс обучения кройке и шитью был рассчитан на два года. Материалы приобретались попечительством. Занятия проводились преимущественно днем, иногда вечером. Ученицы участвовали в общей утренней молитве, в праздничные дни ходили в церковь вместе с остальными ученицами Константиновской школы. Попечительство пригласило учительницу Т.Н. Вишеву (с жалованьем по 20 руб. в месяц), которая была утверждена Пермским отделением епархиального училищного совета. Второй учительницей являлась М.М. Ляпунова. Девочки учились с увлечением. В классе имелось пять швейных машин - по одной пожертвовали попечитель школы П.А. Федотов, А.Д. Зыков, Н.К. Иванов, Т.Н. Вишева, одну ножную машину приобрело само попечительство. Посильную помощь оказали другие сочувствующие делу обучения - П.И. Скопин и Т.Н. Вишева отдали по столу, П.Я. Бурьлов - стол и 10 руб., М.В. Панкратов - умывальник, епархиальный училищный совет - 100 руб. на первоначальное оборудование класса рукоделия и неизвестный - 25 руб. На эти средства попечительство провело электрическое освещение, пополнило комплект мебели (приобрело еще несколько столов и табуреток). В 1913 г. на праздник Рождества Христова устраивалась выставка работ учениц этого класса, в 1914 г. такая выставка была приурочена к празднику Пасхи⁶².

Учащиеся класса рукоделия проявили себя в годы Первой мировой войны, когда обнаружилась "экстренная нужда в питье белья для раненых, халатов для докторов и пр." По инициативе одного из самых деятельных членов попечительства и при энергичном участии учительницы рукодельного класса была организована работа по шитью одежды ученицами старшей группы этого класса. Ученицы трудились днем и вечером. Попечительство нашло возможным выдавать им поденную плату. За время школьных каникул было изготовлено около 200 вещей. С началом нового учебного года за это дело дружно взялась вся школа. В шитье и вязании приняли участие все ученицы (даже младших отделений), призывая к этому своих родителей, и родители помогали им. Работали на

разные организации: Красный Крест, епархиальный попечительный совет, Пермский городской комитет, Всероссийский земский союз и на Комитет Пермской железной дороги. Шили передники, рубашки, кальсоны, халаты, теплые стеганные жилеты, подшивали простыни и вязали рукавицы. С 31 августа по 1 декабря 1914 г. ученицами младшей рукодельной группы с участием учениц общеобразовательных классов было сшито 439 вещей, ученицами старшей группы - 1305, ученицами общеобразовательных классов связано 87 пар рукавичек, а всего школой изготовлен 1831 предмет. Это было сделано "срочно, своевременно, тщательно и бесплатно". В отчете попечительства есть такие строки: "Надо было видеть, с каким усердием и старанием работали юные патриотки, некоторые даже отказывались уходить домой обедать. Это обстоятельство побудило попечительство приобрести медный луженый в 7 ведер куб для кипячения воды, на приобретение которого и на приспособление затрачено до 40 руб., и с декабря месяца введено в школе ежедневное чаепитие для всех 270 учениц на средства попечительства".

По предложению Пермской городской управы в здании попечительства был организован воинский постой - в школе разместились рота в составе 225 человек Сибирского стрелкового полка с тремя офицерами. "Движимое чувством глубокого уважения и симпатии к расквартированным в школе воинам", попечительство на свои средства и частично на добровольные пожертвования некоторых членов в день тезоименитства цесаревича Алексея Николаевича, 5 октября, устроило для воинов "угощение в виде 3 ф. чая, 10 фун. сахара и 65 караваев белого хлеба, за что попечительством была получена от них письменная благодарность чрез ротного командира. 7 октября рота отбыла на театр военных действий, в школе начались занятия"⁶³.

Заслуживает быть отмеченной и школа Пермского Петропавловского церковно-приходского попечительства. В 1900 г. были сделаны пристройки к ее основному зданию, позволившие расширить его площадь почти втрое. В попечительском отчете отмечалось: "Принимая во внимание его отдаленное положение на окраине города, в части, населенной мастеровыми и горынскими крестьянами, было бы роскошью требовать большего". "В двух этажах площадь пола равна 112 кв. саж." В верхнем этаже находились учебные помещения, в нижнем - библиотека-читальня, ремесленное училище и две квартиры (учителя и его помощника). В 1900 г. на строительные работы по расширению школы было израсходовано 3107 руб. 44 коп., а в предыдущие два года на их подготовку еще 202 руб. 4 коп. Стоимость здания (земля была

получена от города бесплатно) составляла 5903 руб. 46 коп., а инвентаря и имущества попечительства 824 руб. 14 коп. Все имущество оценивалось в 6727 руб. 60 коп.⁶⁴ "Настоящие цифры, конечно, невелики, - отмечалось в отчете попечительства за 1900 г., - но нужно помнить, что Петро-Павловское попечительство вступило на деятельный путь недавно (каких-нибудь четыре года), что район его деятельности - окраина, куда редко кто заглядывает, для

массы горожан его работы неизвестны, Петро-Павлов-ский же приход сравнительно беден". В отчете ставились и очередные задачи: "Прочность здания и удобства школы требуют еще многих и многих работ. Настоящее здание необходимо обшить тесом, внутри стены и потолки општукатурить, холодные сени переделать на теплые, выстроить баню, устроить колодезь и т.п."

К началу 1899/1900 учебного года в школе насчитывалось 98 учеников, к концу года -81. Причины уменьшения объяснялись сменой местожительства. 28 апреля 1900 г. производилось "испытание" учеников особой экзаменационной комиссией под председательством протоиерея Н.Д. Маргаритова, по итогам которого из 1-го отделения во 2-е было переведено 28 человек, из 2-го в 3-е - 14 и выпущено из 3-го (старшего) отделения 13 человек с правами, которыми наделялись окончившие училище четвертого разряда.

Из-за строительных работ в 1900/01 учебном году занятия начались не 1-2 сентября, как обычно, а 8 октября. Число учеников увеличилось до 117 человек. В 1-м отделении занимались 58 человек (32 мальчика и 26 девочек), во 2-м - 41 (28 и 13) и в 3-м - 18 человек (14 и 4). К 1 января 1901 г. в школе осталось 107 учеников. По сословиям они распределялись так: 41 - из семей мещан, 34 -из крестьян и 32 - из мастеровых. Из общего числа учащихся 55 человек являлись детьми железнодорожных служащих, 20 - мотовилихинских рабочих, родители 12 учеников занимались земледелием, 3 - торговлей, 17 - разными работами в городе.

Заведующим и ответственным лицом по школе был протоиерей Н.Д. Маргаритов, попечителем школы - пермский 1 -й гильдии купец Г.В. Бердинский, учителем - П.П. Липин, оставивший службу в школе с 20 ноября 1900 г. в связи с переходом в Пермскую Слудскую церковь на вакансию диакона. Его преемницей стала учительница Калиновской земской школы Осинского уезда А.М. Львова, окончившая курс Рязанского епархиального училища. Она приступила к учебному процессу только после рождественских каникул. Помощницей учителей являлась Ф.Я. Лядова. Закон Божий до 10 марта 1900 г. преподавал штатный диакон Петро-Павловского собора А.Н. Калашников (переведенный затем в Кунгур), а с 10 марта его заменил дьякон этого же собора о. А.А. Молчанов. С начала 1900/01 учебного года на должность учителя пения и церковно-славянского языка был назначен М.В. Баталов, регент хора при Пермском духовном училище.

С 1898 г. при Горкинской школе открылась бесплатная на родная библиотека. В 1900-1901 гг. в ней насчитывалось 482 тома (578 названий). В 1901 г. ее услугами воспользовались 217 человек (из них 86 школьников). Всего за 8 месяцев работы библиотеки было выдано 1603 книги. Наибольшим спросом пользовались сочинения по словесности (657), а также труды духовно-нравственного (268) и исторического содержания (217), имелась также литература биографического жанра (112 книг), книги о путешествиях (91), издания научного и прикладного характера (78), разные журналы и приложения к ним (180)⁶⁵.

Церковно-приходские попечительства уделяли внимание иным формам народного просвещения, например, организовывали народные чтения. Так, Градо-

Пермское Рождество-Богородицкое попечительство заботилось о духовных нуждах взрослого населения, организуя народные чтения в помещении приходской школы. Они были и духовного (религиозного), и светского характера, сопровождалась световыми картинками. Чтениями руководила особая комиссия, состоявшая из членов попечительства. Особенно много сил в налаживании этого дела вложили церковнослужители Рождество-Богородицкой церкви протоиерей о. Кудрявцев, протоиерей о. Н. Пономарев, священник А. Меркурьев и др., а также председатель попечительства П.Н. Серебренников, секретарь попечительства И.И. Юшгин, А.Д. Городцов. Чтения имели успех, слушателей было всегда больше, чем мог вместить школьный зал. На светских чтениях помимо научно-популярных бесед устраивались музыкально-вокальные вечера.

Кроме того, ежегодно в школе попечительства А.Д. Городцовым проводились певческие курсы для взрослых. На них приезжали учителя, а также крестьяне из уездов Пермской губернии. Слушатели курсов, особенно из сел и деревень, по возвращении домой организовывали церковные хоры и руководили ими. Преподаватели народных школ учили детей церковному пению. Летом 1909 и 1910 гг. совет попечительства предоставил помещение школы для педагогических курсов учащихся церковно-приходских школ.

Совет Рождество-Богородицкого попечительства заботился также о разумных детских развлечениях, устраивая для детей новогодние елки. Помимо здорового веселья, которое доставляли детям эти мероприятия, они прививали им любовь к искусству. Подобные праздники всегда сопровождался пением, чтением стихов и постановкой сцен из детской жизни. Детям раздавались подарки. Таким праздникам, как рождественская елка, совет попечительства придавал "громадное воспитательное значение", проводя их ежегодно. По инициативе председателя совета М.П. Вишневецкого по воскресным и праздничным дням организовывались "литературно-вокально-музыкальные" детские утренники. В 1908 г. их было 13. Каждое из этих мероприятий посещали в среднем 540 человек⁶⁶.

Благодаря попечительствам народные чтения стали заметным и привычным явлением в общественной жизни горожан. В первое десятилетие деятельности Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства народные чтения проводились нерегулярно. Они проходили в тесном церковном доме. Слушателей насчитывалось 15-25 человек. Иного уровня достигла организация народных чтений после того, как в 1906 г. попечительство построило собственное каменное двухэтажное здание вблизи Свято-Троицкого храма. Оно обошлось в 10 тыс. руб. В основном это были средства самого попечительства (треть стоимости покрыли Синод и Пермская городская управа). В новом здании разместилась одно-классная женская церковно-приходская школа на 200 человек и специальный рукодельный класс при ней на 70 человек. Классные комнаты были устроены так, что при необходимости могли стать довольно вместительной народной аудиторией: перегородки между комнатами, устроенные на шарнирах, убирались, получался один большой зал с 12 окнами. Такой же зал находился на нижнем этаже. В

аудитории имелись "большая икона Покрова Пресвятой Богородицы в ореховом киоте, эстрада, кафедра, экран, волшебный фонарь (пока чужой), достаточное количество скамеек". Отапливалась она калорифером, освещалась 4 электрическими лампочками, составлявшими 300 свечей. Действовала усовершенствованная вентиляция. Здание было освящено в октябре 1906 г. С разрешения епархиального начальства и гражданской власти в нем проводились религиозно-нравственные народные чтения по специально разработанной программе.

В 1914 г., например, лекторами являлись: епархиальный миссионер проповедник А.Г. Куляшев, преподаватель семинарии протоиерей Леонид Зубарев, настоятель Свято-Троицкой церкви, протоиерей о. Евгений Будрин, протоиерей Алексей Стабников, священники - о. Сергей Кудрявцев и о. Николай Ашихмин, воспитанники старших классов духовной семинарии и некоторые из светских лиц: И.В. Будрин, А.П. Шилов, И.Д. Петров, П.А. Федотов и другие. Ответственным за организацию чтений являлся заведующий школой священник о. Сергей Кудрявцев. В помощь ему попечительство назначило специальную комиссию" в составе протоиерея о. Е. Будрина, А.П. Шилова (председателя попечительства), учительниц местной школы: М.П. Топорковой, Ф.Я. Лядовой, А.П. Меркурьевой и попечителя школы П.А. Федотова.

Обычно чтения начинались в октябре и продолжались во все воскресные и праздничные дни до Вербного Воскресения! В 1906 г. состоялось 28 таких чтений, в 1907 г. - 29, в 1908 г. - 25, в 1909 г. - 26, в 1910 - 25, в 1911 г. - 25, в 1912 г. - 23, в 1913 г. -26 и в 1914 г. - 24 (всего за эти годы 231). Публика охотно посещала эти мероприятия. На них присутствовали от 200 до 400 человек. Устраивались специальные детские чтения, на которых помимо священников и учителей выступали сами дети, подготовленные преподавателями. За 6 лет было организовано 145 детских чтений. Численность присутствовавших на них детей колебалась от 250 до 400 человек. Кроме учениц приходской школы их активно посещали учащиеся других школ и не посещавшие школы дети школьного возраста. Чтения для взрослых проходили с 6 до 9, а детские - с 4 до 6 час. вечера. Несмотря на многочисленность участников чтений, наблюдались только единичные случаи нарушения дисциплины.

По тематике чтения были религиозно-нравственного и светского характера. Первые проводили священники, миссионеры, преподаватели и воспитанники духовной семинарии. Они посвящались истории церкви, чтению Ветхого и Нового завета, объяснению текстов, смысла двенадцатых праздников, устраивались евангельские чтения и чтения о жизни св. отцов. Эти поучения, чтения и речи чередовались с церковными песнопениями: "Благослови, душе моя, Господи", "Хвалите имя Господне", "Слава в вышних Богу", канонов и тропарей воскресных и праздничных, литургийных песнопений "Иже херувимы", "Верую", "Отче наш" и других. В великий Пост читались преимущественно сочинения о Святой земле с соответствующими картинами. Религиозно-нравственная часть чтений всегда

заканчивалась пением "Достойно есть", после чего объявлялся перерыв на 5-10 минут, затем продолжались народные чтения светского характера. Они были исторического и литературного содержания, отличались меньшей системностью и более частой сменой лекторов. В 1914 г. в условиях военного времени чтения носили патриотический характер, чему уделял внимание член совета попечительства И.Д. Петров. Довольно часто в организации чтений принимал участие хор Свято-Троицкой церкви под управлением А.Д. Зыкова. Слушатели любили хор. Экранные картины также вызывали интерес у народа. За 9 лет были пересмотрены все имеющиеся в уездном попечительстве картины о народной трезвости. По причине их дорогой стоимости попечительство затруднялось покупать новые и заимствовало их благодаря председателю Лысьвинского просветительного общества протоиерею М.М. Добротворскому у Лысьвинского завода во временное бесплатное пользование.

Источниками средств попечительства являлись кружечный сбор и членские взносы. Деньги предназначались прежде всего для бедных прихожан. Требовались некоторые затраты на организацию народных чтений. Попечительство вынуждено было прибегнуть к проведению платных народных чтений. Плата за вход бралась в размере 5 коп., хотя была необязательной: «кто заявлял, что денег нет, или принесет "после", пропускался на чтения беспрекословно и без упрека». Так, в ноябре 1908 г. такие платные чтения устраивались дважды, что дало 53 руб. 56 коп. сбора. Правда, на устройство платных чтений попечительство шло крайне неохотно. С 1910 г. губернское попечительство о народной трезвости стало ежегодно выделять на организацию народных чтений по 100 руб.⁶⁷

Церковно-приходские попечительства способствовали развитию библиотечного дела при приходах. Например, Пермское Свято-Троицкое попечительство содержало бесплатную детскую библиотеку. С 1896 по 1906 г. его заведовала жена священника А.П. Кудрявцева. Затем приемом и выдачей книг занимались учительницы местной церковно-приходской школы. Попечительство заботилось о пополнении библиотеки новыми книгами и журналами. На это и на переплет книг за 1906-1914 гг. оно израсходовало около 150 руб. В ноябре 1910 г. библиотека значительно увеличилась - правление Ремесленного ссудосберегательного товарищества пожертвовало свою библиотеку, ранее принадлежавшую ремесленной управе (1545 экземпляров книг и 140 экземпляров журналов, оцененных в 400 руб.)⁶⁸.

Аналогичные задачи выполняли церковно-приходские попечительства в Екатеринбурге. Попечительства при Екатерининском соборе и Симеоновской церкви также имели церковно-приходские школы, содержавшиеся на средства прихода для бесплатного обучения детей обоюбого пола. Попечительства при Златоустовской, Вознесенской и Лузинской церквях, а также при Кафедральном соборе занимались раздачей единовременных пособий бедным своих приходов⁶⁹.

Большую работу по содержанию существовавших и открытию новых церковно-приходских школ в приходе вело церковноприходское попечительство

при Градо-Екатеринбургском Екатерининском соборе. Так, 14 декабря 1894 г. при нем открылась женская школа грамоты и рукоделия. Инициатива в этом деле исходила от двух девиц, окончивших курс в местной гимназии -

М.И. Шебапиной и М.М. Димитриевой. Это были дочери довольно зажиточных екатеринбургских жителей. Девушки "прониклись стремлением посвятить свою деятельность" "делу просвещения детей беднейшего городского населения". При содействии председателя попечительства протоиерея Михаила Некрасова они открыли школу для девочек, в которой учащиеся познавали, Закон Божий, рукоделие. Выйдя из школы, они могли зарабатывать на хлеб насущный. При открытии школы в нее поступили 16 бедных девочек. Со временем она стала пользоваться популярностью среди прихожан Екатерининского собора. Особый интерес вызывал класс рукоделия, где преподавались: кройка, шитье и другие виды рукоделия.

В 1895/96 учебном году в школе обучалось уже 28 учениц, а еще через год (1896/97) число учащихся увеличилось до 45. Попечительство выделяло пособия для этой школы (первоначально по 10 руб. в месяц, а затем по 20 руб.). В дальнейшем число учениц в школе возросло до 65. Всего в 1898 г. в приходе Екатерининского собора функционировали 4 школы: Екатерининская - мужская, Ильинская - смешанная, Симеоновская - женская церковно-приходская и Екатерининская - женская школа грамоты и рукоделия. В Екатерининской (мужской) школе обучались 86 детей, в Ильинской - 50, Симеоновской - 46 и Екатерининской (женской) - 65 (всего в четырех школах 247 детей).

Попечительство ежемесячно расходовало на школы по 168 руб. (или 2016 руб. в год). Средства отпускались на жалованье учителям и прислуге, наем помещений для школ и их отопление. Деятельность Церковно-приходского попечительства при Екатерининском соборе была признана современниками "образцовой", так как все дети школьного возраста, проживавшие в этом приходе, могли получать образование в местных школах⁷⁰.

Помимо просветительских задач городские церковно-приходские попечительства на Урале активно занимались благотворительностью. Печальные реалии повседневной жизни низших слоев в уральских городах в рассматриваемое время привлекали внимание общественности. Особенно тяжелым был голодный 1892 г. В феврале 1892 г. в Красноуфимске местная интеллигенция провела перепись бедных горожан. По этой подворной переписи домохозяев-бедняков в Красноуфимске оказалось 235 семей с 376 душами мужского пола и 480 - женского. 856 бедняков обоего пола составляли около 16% от всего населения города, которое, по данным на 1887 г., достигало 5235 человек. Все бедствующее население города условно делилось на четыре группы: люди, "прокармливающиеся главным образом нищенством" - 23 человека мужского пола и 44 женского, "прокармливающиеся работой и всегда отчасти нищенством, ныне более побирающиеся" - 35 душ мужского пола и 47 женского, "прежде прокармливавшиеся только работой, нынче же вынужденные просить

милостынно" - 130 человек мужского пола и 151 женского, наконец, лица, "милостыни не просящие, но нуждающиеся в помощи" - 188 человек мужского пола и 238 женского. Можно видеть, что среди бедняков преобладало женское население, причем большая его часть рабочего возраста. Часть семей была обременена лицами, неспособными по своему возрасту к труду. Больше половины нуждающихся семей "было совсем не обеспечено рабочей силой" (т.е. в них не было трудоспособных мужчин). Грамотность среди бедного населения была ниже по сравнению со средним уровнем грамотности жителей Красноуфимска. Большая часть бедняков - $\frac{3}{5}$ не имели своих домов, у $\frac{4}{5}$ не было скота, только U_4 из них содержали птицу. Четверть населения этой категории относилась к нищим. Четверть бедствующих семей составляли семьи, обремененные калеками. С точки зрения социального состава бедняки были выходцами из крестьян, наиболее многочисленной группой являлись ремесленники, сторожа, кухарки, кучера и др. Среди них было много сирот и беспомощных старцев⁷¹.

На примере Красноуфимского приходского попечительства можно видеть, как менялись формы благотворительности и само отношение к ней в конце XIX в. Это попечительство считало помощь бедным прихода "в главном ряду своих забот". Открывшееся в 1892 г., в 1894 г. оно состояло из 70 человек. В его отчете за третий год существования признавалось, что "ручной способ благотворительности, доселе существовавший в г. Красноуфимске, не обеспечивал нуждающихся, а только избавлял их от голодной смерти". На заседании 6 апреля 1894 г. попечительство разработало принципы организации благотворительности в городе и ее формы. Было решено руководствоваться следующими положениями: "нищенствующих безродных одиночек" помещать в богадельню, "таким же, но семейным" выдавать пособие хлебом, платьем и другими предметами жизненной необходимости, но не деньгами; менее нуждающихся (впавших в бедность вследствие различных случайностей: болезни главы семьи, истребления огнем имущества и т.п.) поддерживать единовременными пособиями, руководствуясь возможностями бюджета; содействовать помещению в больницы и госпитали больных бедняков, умалишенных и идиотов, оказывать пособие выпущенным из больницы до восстановления здоровья; наконец, принять на полное попечение прихода сирот, детей родителей, заключенных в тюрьмы, и бездомных нищих.

Для выполнения этих мер было признано необходимым раз-, делить город на участки, заведование которыми возложить на» членов попечительства, составить списки бедных по участкам и время от времени производить обследование нуждающихся "на, предмет определения вида помощи данному лицу или семье". За единицу деления города на участки был принят квартал. Город был разделен всего на 60 участков, которыми заведовали 23 человека.

По установленной традиции "главные выдачи денежного по-собия бедным приурочивались к великим праздникам христианского мира: Святой Пасхе и Рождеству Христову". В 1894 г. к Пасхе было выдано пособий 45 бедным семьям на общую сумму 80 руб. 60 коп., а к Рождеству Христову - 32 семьям на сумму 49

руб. 40 коп. Пособиями от Красноуфимского приходского попечительства в том же году воспользовались всего около 120 человек (взрослых и детей). Большинство из них являлись местными мещанами (31 семья).

Пособие нуждающимся предоставлялось и предметами жизненной необходимости. Их хранением и отпуском заведовал А.Г. Боровков. Такое пособие получили 8 семей (на сумму 16 руб. 95 коп.). В отчете попечительства подчеркивалось: "Пособие нуждающимся предметами жизненной необходимости несомненно наиболее целесообразный способ помощи, можно только пожалеть, что способ этот не получает достаточного развития, так как до сего времени мы видим много лиц, питающихся ручной милостыней и почему-то избегающих пользоваться пособием от попечительства. Явление это может указывать только на продолжающееся доселе злоупотребление Христовым именем со стороны нищих профессионального типа".

Попечительство расходовало небольшие средства на погребение бедных. Бедные больные, находившиеся дома, получали некоторую поддержку от попечительства, которое заботилось об улучшении их питания.

Занимаясь благотворительностью, Красноуфимское попечительство пришло к выводу, что "причиной бедности и нетвердости нравственных устоев в большинстве случаев является народная темнота". Члены попечительства полагали, что "нельзя не принять участия в судьбе детей лиц бедного состояния, не имеющих теплой одежды для посещения школы в зимнее время, почему привыкающих с самого раннего возраста к праздности". По постановлению от 22 декабря 1894 г. попечительство ассигновало 50 руб. на приобретение одежды для бедных учеников городских училищ (двухклассного мужского, Кирилло-Медодиевско-го); выделяло средства на покупку одежды для детей, учившихся в школах и в других учебных заведениях. Например, 15 руб. было выдано мещанке Клавдии Рожковой на покупку книг и форменного платья при поступлении ее в местную прогимназию. Всего на пособия учащимся за год с 1 марта 1894 г. было израсходовано 77 руб. 93 коп.⁷²

Благотворительные акции проводились по разным поводам. Так, ввиду кончины царя-мироотворца Александра III Красно-уфимское приходское попечительство "не нашло ничего лучше, как в 40-й день кончины государя устроить по древнему русскому обычаю поминальный обед для бедных города и арестантов тюремного замка". Заботы по устройству этого обеда приняли на себя Ф.А. Китаев, Н.И. Анисимов и Е.И. Лаврентьев. На поминальный обед израсходовано 62 руб. 3 коп. (частично это были средства попечительства, а частично - специальные пожертвования). На обеде присутствовали около 400 человек. После трапезы было роздано 32 дюжины платков с надписью на каждом: "В память сорокового дня кончины Царя-Мироотворца Александра III. От Красноуфимского приходского попечительства, 28 ноября 1894 года". Пермский епископ Петр одобрил эту благотворительную акцию⁷³.

Приходское попечительство при Соликамском Свято-Троицком соборе практиковало раздачу бедным денег накануне Рождества Христова и Пасхи. В 1893 г. на это было израсходовано 105 руб. 50 коп. Помощь получили 44 человека. Объектом помощи становились бедные сироты, престарелые, больные и увечные люди. Среди других категорий бедных людей, помощь которым традиционно считалась богоугодным делом, были погорельцы. Так, еще в самом начале своей деятельности (в 1879 г.) Соликамское соборное Свято-Троицкое приходское попечительство оказало помощь 36 бедным прихожанам - погорельцам деревни Тверитиной, на что было израсходовано 142 руб. 40 коп. (от 2 до 5 руб. каждому нуждающемуся)⁷⁴.

Деятельность Рождество-Богородицкого попечительства в сфере благотворительности выражалась в выдаче ежемесячных и единовременных пособий бедным на пропитание, одежду, дрова, уплату за право учения в учебных заведениях, на лечение больных и другие нужды, а также в "устройстве разговений и в отпуске бесплатных обедов". Если в первый год своего существования попечительство выдало пособий бедным на сумму 44 руб. 45 коп., то в 1907 г. оно израсходовало уже 1292 руб. 73 коп., т.е. его благотворительная деятельность увеличилась почти в 30 раз.

Со временем у попечительства появилась мысль устроить народную столовую, которая бы за небольшую плату могла накормить бедняков "здоровой и питательной пищей". 31 мая 1898 г.

оно открыло такую столовую на берегу Камы. Это было первое подобное предприятие в городе, и "опыт показал всю необходи-, мость и пользу этого доброго дела". За период с 31 мая по 24 сентября пища отпускалась 73 409 раз (в среднем 633 раза в день). По-, печительство решило, что столовая должна работать в течение всего года, а средства получить за счет организации беспроигрышной лотереи, что дало 1200 руб. Однако в дальнейшем требовалась регулярная финансовая поддержка этой столовой. Комиссия по заведению столовой обратилась к городскому управлению, губернской и уездной земским управам с ходатайством о выделении ими пособий на содержание народной столовой. Городская дума выделила 300 руб., губернское земство - такую же сумму, а уездное земство - 100 руб. Благодаря этой поддержке народная столовая получила возможность функционировать должным образом. Установив минимальную расценку за отпускаемые в столовой блюда, попечительство таким образом способствовало тому, что и другие столовые снизили свои цены и улучшили качество пищи. Кроме того, в народной столовой попечительство ежегодно устраивало бесплатное разговенье для бедных после постов, отпускало бесплатные обеды, как за свой счет, так и за счет частных благотворителей. В этой народной столовой особенно много бедняков питалось в голодные 1901-1902 гг. В письменном отзыве посетившего столовую преосвященного Петра, епископа Пермского и Соликамского отмечалось: "Все, как в отношении количества пищи, так и в отношении чистоты и порядка, было исполнено в самом лучшем виде,

несмотря на то что заказ был сделан (на 1500 человек бедных, по случаю исполнившегося 16 октября 1899 г. столетия Пермской епархии) только за два дня до выполнения. Такую постоянную готовность устроить скоро, хорошо и дешево трапезу на несколько сот бедняков в день нельзя не отнести к чести всей администрации столовой, ясно представляющей себе нужду голодной братии и находящей в себе достаточно сил и умения по мере средств удовлетворить ее"⁷⁵.

Благотворительная деятельность Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства, выражавшаяся в выдаче нуждающимся денежных пособий, продолжалась на протяжении всего 1914 г. Такая помощь оказывалась в исключительных случаях, когда какая-нибудь семья оказывалась в бедственном положении. Главным же образом выдача денежных пособий бедным прихода производилась перед праздниками Рождества Христова и Пасхи (каждый раз по постановлению совета попечительства). Размеры пособий зависели от годового бюджета попечительства. В 1914 г. его средства формировались за счет членских взносов (115 руб. в год) и кружечного сбора (240 руб. в год).

Свято-Троицкое попечительство действовало рука об руку со Слудским городским попечительством о бедных, открывшемся в 1912 г. Например, в праздник Пасхи эти попечительства организовали розговенье для бедных прихода в здании Константиновской школы. Кроме того, выдача пособий бедным перед праздниками Пасхи и Рождества Христова проходила через Слудское городское попечительство, которое тщательно обследовало бедноту в приходе, детей поместило в специально открытый для них приют. Свято-Троицкое попечительство признавало полезную деятельность "своего младшего брата", выражая ему глубокую признательность. Благоприятствовало дружной совместной деятельности и то обстоятельство, что большинство их членов состояли сразу в обоих попечительствах, что являлось "залогом солидарной деятельности этих попечительств и в будущем"⁷⁶.

С 1907 г. попечительством был учрежден особый капитал, названный "капиталом вечной милостыни". Суть этой благотворительности заключалась в том, что пожертвование в размере 25-50 руб. шло в капитал вечной милостыни, деньги обращались в государственный билет вечного вклада и ежегодно получаемые с него проценты раздавались на пособия бедным. Таким образом, благотворитель обесценивал себя милостыней навечно. Такой способ благотворительности был важен и для попечительства. Масштабы его благотворительной деятельности зависели от количества членов попечительства. При наличии же такого капитала даже при сокращении численности его членов вдовы, сироты, престарелые и неимущие все равно могли получать необходимую помощь⁷⁷.

Церковно-приходские попечительства продолжали действовать в годы Первой мировой войны. К их традиционной работе добавились новые направления деятельности, в частности, они оказывали помощь семьям воинов и беженцам. Например, в Екатеринбурге при Златоустовской церкви образовался

особый Попечительный совет для оказания помощи таким семьям, проживавшим в пределах прихода. С 1 августа 1914 по 1 января 1916 г. им было собрано пожертвований на сумму 1283 руб. 84 коп., израсходовано же за это же время на помощь семьям воинов 1227 руб. 90 коп. При этом Попечительном совете действовал Дамский комитет, содержавший приют-ясли для детей лиц, призванных на войну. В ясли принимались дети от 1 месяца до 7 лет. В среднем в месяц было зарегистрировано 500 посещений при-юта-яслей. Дамский комитет заготавливал также подарки воинам. С 1 августа 1914 по 1 января 1916 г. на подарки воинам поступило 2839 руб. 61 коп., а на содержание приюта-яслей -1019 руб. 44 коп. За этот же срок расходы на отправку подарков воинам составили 2839 руб. 61 коп., а на содержание приюта-яслей - 1019 руб. 44 коп.TM

Попечительный совет при Екатеринбургской Вознесенско церкви также оказывал помощь семьям воинов, устроил ясли, занимался обследованием материального положения прихожан; организацией помощи беженцам. Вознесенский приход был раз-делен на 9 участков, каждым из которых заведовал один из членов совета. Кроме части города к Вознесенскому приходу относилась селения Балтым и Пышма. Заведующие участками по установленной форме обследовали семейное и имущественное положение прихожан. Собранные ими сведения рассматривались советом. Наиболее нуждающиеся в помощи лица вносились в особые списки людей, получающих пособия. В 1915 г. в городе¹ пособием воспользовалась 131 семья (135 человек), в Пышме —², 14 семей (35 человек). В 1915 г. на пособия семьям воинов было израсходовано 1596 руб. 25 коп. Совет занимался обследованием положения беженцев, помогал им в размещении при согласии домохозяев о предоставлении им жилья: 54 беженца получили жилье, 18 человек были приняты в качестве прислуги, 47 - рабочими и мастерами. Некоторые прихожане выразили желание ежемесячно жертвовать на беженцев определенные средства. Всего в приходе в 1915 г. насчитывалось 222 беженца: 95 мужчин и 127 женщин (89 православных, 1 старообрядец, 59 католиков, 33 лютеранина; 89 русских, 52 поляка, 40 евреев, 32 латыша и 9 литовцев).

Попечительский совет собирал средства по подписным листам и во время богослужений (тарелочный сбор). В 1915 г. сумма пожертвований семьям воинов достигла 1760 руб. 25 коп., на ясли поступило 605 руб. 73 коп., на помощь беженцам - 364 руб. 53 коп. (всего 2946 руб. 61 коп.). В этом же году было израсходовано: на помощь семьям воинов 1596 руб. 25 коп., на ясли 675 руб. 64 коп., выдано Епархиальному комитету, занимавшемуся беженцами, 339 руб. 48 коп. (всего израсходовано 2611 руб. 37 коп.)⁷⁹.

Во второй половине XIX - начале XX в. на Урале стали открываться и активно действовать православные братства. В законе "О правилах для учреждения Православных церковных братств" регламентировались их состав, сфера компетенция, порядок учреждения и правила функционирования. Православными церковными братствами назывались сообщества православных

людей "разного звания и состояния". Они объединялись "для служения нуждам и пользам православной Церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения"⁸⁰. Каждому братству полагалось иметь свой устав, в котором излагались цель и задачи создания братства, обязанности, возлагавшиеся на его членов, условия, которым они подчиняются, и порядок исполнения или соблюдения этих обязанностей и условий". Для учреждения братств требовались благословение и утверждение епархиального архиерея. Желавшие основать братство представляли епархиальному архиерею проект устава братства, он, в свою очередь, передавал его на рассмотрение начальнику губернии, а получив его отзыв, утверждал устав и разрешал открытие братства⁸¹.

Первоначально братства открывались в западных губерниях. После издания правил о братствах с 1864 по 1880 г. было основано 63 братства⁸². Со временем братства распространились и в других российских губерниях, в том числе на Урале. В "Обзоре деятельности православного исповедания за время царствования императора Александра III" отмечалось, что "они составляли прекрасное явление общенародного участия в деле утверждения православия". Одни братства ставили перед собой общие просветительные задачи Русской православной церкви, другие направляли свою работу на ограждение паствы от пропаганды иноверцев и раскольников, третьи занимались преимущественно делами благотворительности, понимавшейся в контексте православной этики⁸³. Наконец, были среди них и такие, которые успешно сочетали различные направления деятельности: просветительную и противораскольническую функции, благотворительность.

Одним из первых здесь было братство св. Афанасия Великого при Соликамской Богоявленской церкви, открывшееся в сентябре 1878 г. Братством управлял его совет во главе с выборным председателем, которым стал председатель Соликамской земской управы Иван Коняев. В братство вступило 40 человек (34 мужчин и 6 женщин). Это был союз представителей духовенства и прихожан. Совет братства также состоял из духовных и светских лиц: настоятеля Богоявленской церкви протоиерея П.С. Киселева, церковного старосты И.П. Безукладникова, смотрителя духовного училища И.С. Покровского и его помощника, а также выборных на год - настоятеля Соликамского Свято-Троицкого монастыря архимандрита Иоанникия, мирового судьи И.А. Безрукова, председателя Соликамской уездной земской управы И.Д. Коняева и купца В.А. Рязанцева. Обязанности казначея выполнял И.П. Безукладников, а секретаря - СИ. Пономарев. Братство ставило перед собой три главные задачи: поддержание благолепия Богоявленской церкви, помощь бедным ученикам Соликамского духовного училища и поддержка бедных прихожан церкви⁸⁴.

Председателем братского совета и общего собрания мо_", быть как светский человек, как в случае с И.Д. Коняевым, так и приходской священник. Например, организатором и руководителем Шадринского братства, открывшегося в приходе

Флоро-Лавровской церкви в 1902 г., был приходской священник о. Троицкий. Братство открыло при Флоровской школе братскую библиотеку, в которой насчитывалось до 800 книг и журналов. По воскресеньям в здании Флоровской школы члены братства вели беседы и чтения при участии любительского хора из бывших и действительных учениц Флоровской школы. Кроме того, братство помогало беднейшим прихожанам, преимущественно беспомощным старушкам, единовременными и ежемесячными денежными пособиями, а также и вещами (одеждой и обувью). В годы русско-японской войны братство неоднократно отправляло на Дальний Восток одежду, белье, обувь, табак, мыло и пр. преимущественно нижним чинам армии, а также снабжало обувь и одеждой всех бедных учениц Флоровской школы. В 1905 г. организатор и руководитель братства создал "кружок трезвенников", который "стал пополняться не только братчиками, но и сторонними, даже иноприходными". За три месяца существования этого кружка в него вошли 20 человек⁸⁵.

О влиянии православия и православных обществ на повседневную жизнь чердынцев писал Г.Н. Чагин, подчеркивая, что конфессиональная сфера деятельности населения являлась неотъемлемой частью общественной жизни города Чердыни. "При наличии собора, монастыря, трех приходских, тюремной и кладбищенской церковью, нескольких часовен, - пишет он, - Чердынь располагала большими возможностями для поддержания религиозных чувств". В таких старинных городах, как Чердынь, дольше сохранялся установленный историей религиозно-общественный быт, в поддержании которого принимали участие православные братства. Эти братства особенно много потрудились в преддверии 300-летия царской династии, распространяя монархическую литературу, читая лекции и организуя паломничество в село Ныроб к местам, связанным с историей восхождения на престол Романовых, а также в патриотических целях в условиях начавшейся Первой мировой войны. Они организовывали сбор средств и вещей в помощь фронту, заботились о лечении раненых. Людей, порвавших с религией, отмечает Г.Н. Чагин, почти не было. Горожан, открыто выступавших против церкви, подвергали всеобщему осуждению, иногда принимая строгие меры. Например, учитель Д.Н. Четвериков был выслан из Чердыни за антирелигиозную пропаганду и недопустимое для традиционного общественного сознания поведение - он не пустил в Рождество славильщиков в свой дом⁸⁶.

В 80-х годах XIX в. на Урале открылось несколько крупных православных братств, в том числе действовавших в пределах всей епархии. В 1882 г. появилось сначала пермское общество святителя Стефана, впоследствии преобразовавшееся в братство. В том же году с разрешения Святейшего Синода в Вятке открылось братство святителя и чудотворца Николая. 19 октября 1886 г. начало действовать православное церковное братство святого праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца, распространившее свою деятельность на Екатеринбургскую епархию. В 1886 г. состоялось открытие Оренбургского братства св. Архангела Михаила.

Позднее (в 1896 г.) было основано Уфимское епархиальное братство Воскресения Христова.

Как и другие православные общества, братства обычно создавались по желанию местного духовенства, при поддержке прихожан и одобрении епархиального начальства. Появлению общества святителя Стефана Пермского, возникшего в 1882 г. при преосвященном Вассиане, предшествовали некоторые обстоятельства. Сначала у протоиерея Евгения Попова и других горожан, готовых к денежным пожертвованиям, возникла мысль о строительстве в Перми часовни в честь святителя и просветителя Пермского края Стефана. Проповедник православной веры епископ Пермский Стефан, живший в XIV в. и приобщавший народы земли Пермской к христианской культуре, причисленный церковью к лику святых, издавна почитался в Пермском крае. Решение ходатайствовать перед соответствующими властями о строительстве часовни было принято в день 35-летия служения в священническом сане Евгения Попова 12 марта 1879 г. Сооружение часовни должно было ознаменовать 500-летие проповеди св. Стефана Пермского. Присутствовавшие на юбилее протоиерея Евгения Попова гости выразили также желание назначить особый молебен в честь св. Стефана Пермского на Пасхальной неделе в субботу (26 апреля) в день его памяти. Верующие пожелали устроить молебен не только в Перми, но одновременно во всех городах, заводах и селах Пермской губернии. Выразителями этих идей оказались "представители всех сословий города Перми: "и высшие гражданские и военные чины, а также начальники и преподаватели учебных заведений и коренные пермские купцы". Пермская духовная консистория одобрила идею сооружения часовни в память 500-летия проповеди святителя Стефана Пермского, рекомендуя создать для этого особую комиссию под председательством начальника губернии из светских и духовных лиц.

Положительно откликнулась консистория и на предложение жителей Перми о проведении молебна по всем церквам Пермской епархии в текущем году⁸⁷.

Протоиерей Евгений Алексеевич Попов, с 1879 г. регулярно проводивший устные религиозно-нравственные беседы в Воскресенской церкви города по праздникам и воскресеньям, был человеком известным в городе. Он вошел в комиссию по постройке часовни в честь св. Стефана. Эта комиссия приняла решение об организации Общества св. Стефана, о чем было подано прошение епископу Пермскому и Верхотурскому Вассиану. Ходатайство встретило поддержку со стороны как духовной, так и светской власти. Так открылось в Перми Общество св. Стефана Великопермского в память 500-летия евангельской проповеди этого просветителя, созданное "для поддержания в народе чистоты нравов по духу Православной Церкви". Торжественное открытие этого общества произошло 1 августа 1882 г., в тот день состоялось молебствие перед иконой святителя Стефана. Первоначально общество единомышленников сконцентрировало внимание на проведении устных религиозно-нравственных бесед и чтений, также оно поставило задачу открыть бесплатную читальню с книгами религиозного

содержания, предусматривало раздачу таких книг для домашнего чтения, предполагало содействовать в приобретении книг Святого писания и вообще душеполезной литературы, в распространении изображений святых, организации духовного пения, издания и распространения книг и листов против пороков, помощи всем нуждающимся советом, деньгами, лечением. Общество намеревалось построить в Перми часовню в честь св. Стефана, украсить ее иконами. Сначала возникла временная часовня. В нее поместили икону св. Стефана, написанную профессором Петербургской Академии художеств В.П. Верещагиным по просьбе протоиерея Евгения Попова и незадолго до открытия общества привезенную в Пермь. Затем эта икона из временно устроенной часовни св. Стефана была перенесена в Воскресенскую церковь. Кроме того, М.П. Верещагин (брат В.П. Верещагина, также художник) написал для часовни иконы Благовещения и Св. Троицы. В дар часовне из Киевской и Сергиевской лавр были привезены еще две иконы - митрополита Тобольского Павла и преподобного Сергия, находившегося в духовной дружбе со св. Стефаном. Следуя из Вятки в Екатеринбург на должность викария, преосвященный Нафанаил привез в дар часовне икону св. Трифона. После утверждения устава общества епархиальным начальством на должность председателя совета этого общества был единогласно избран о. Евгений Попов⁸⁸.

В уставе Общества св. Стефана Пермского к поддержанию чистоты нравов в народе по духу православной церкви, утвержденном 27 июля 1882 г., формулировалась цель его деятельности - "содействовать распространению в народе религиозного просвещения и возвышению в нем христианской нравственности". В нем отмечалось также, что общество сосредоточивается в Перми при часовне св. Стефана Пермского⁸⁹. Временная деревянная часовня, поставленная на углу Петропавловской ул. и Кунгурского переулка, в 1882 г. была заменена каменной. При ней было возведено каменное довольно большое здание с просторным залом. Беседы и чтения на христианские и нравственные темы в большинстве случаев велись самим председателем общества, сначала в Воскресенской церкви (за неимением собственного помещения), а затем в удобном зале Стефановской часовни. Перед началом бесед совершалось молебное пение в честь св. Стефана или других святых угодников⁹⁰.

Общество активно боролось с человеческими пороками. Члены общества посещали кабаки, харчевни, обращались в административные органы с предложением ограничить продажу спиртных напитков в часы проведения в церквях богослужений. Слова общественников находили некоторый отклик. В одной из пермских типографий установилось взаимное соглашение штрафовать каждый раз по 5 коп. того, кто произносил скверное слово. Штрафы записывались в книгу и вычитались хозяином из заработка, поступая по мере накопления в пользу заключенных в местной тюрьме⁹¹.

Цели и конкретные задачи, которые братства ставили перед собой, отличались многоплановостью. Вместе с тем каждое конкретное братство

определяло для себя то или иное приоритетное направление деятельности, обусловленное местными нуждами и спецификой края. Так, главной целью существования братства святителя и чудотворца Николая было "содействовать епархиальной власти и духовенству вятской епархии в их противораскольнической деятельности"⁹².

Пермское общество святителя Стефана ставило перед собой цель содействовать распространению среди населения пермской епархии (в частности г. Перми) религиозного просвещения и возвышению в нем христианской нравственности. По мнению самих членов общества, как отмечалось в его отчетной документации, этим оно несколько отличалось от других обществ и братств в православной России. Впрочем, в дальнейшем к этому добавились более традиционные для братств задачи. Преемник Вассиана Ефрем вместе с некоторыми членами общества решили расширить деятельность этого общества. Был составлен новый устав, по которому само общество получило новое название - братства. Новый устав был заслушан на общем собрании членов 25 марта 1888 г. утвержден преосвященным Ефремом. Целью существования братства провозглашалось не только содействовать распространению в народе христианской нравственности, но и способствовать ослаблению раскола и обращению в лоно православной церкви "отпадших чад", а вместе с тем предохранять православных "от соращения в раскол и от привязанности к обрядам и обычаям, содержимым старообрядцами". Помимо религиозно-нравственных бесед в зале братства устраивались встречи с местными миссионерами, велись беседы о раскольничьих заблуждениях с приглашением самих старообрядцев.

Новый пермский владыка Владимир, вскоре после своего вступления в управление Пермской епархией обратил внимание на усиление просветительской деятельности местного духовенства в Пермском крае, подчеркнув, что до этого братство ограничивалось деятельностью в г. Перми. Особенно ратовал он за распространение церковно-приходских школ. По инициативе нового владыки устав братства в очередной раз был преобразован. По новому уставу, утвержденному 31 декабря 1889 г., деятельность братства распространялась на все приходы епархии, к ней привлекалось не только духовенство, но и ревнители христианской веры и благочестия. На совет братства теперь еще возлагалось заведование церковно-приходскими школами. В объяснительной записке говорилось: "Правильно поставленная школа для детей служит вернейшим и самым надежным средством к истинному просвещению народа, к распространению и утверждению правильных понятий об истинах св. веры и нравственности, а потому и заведование церковно-приходскими школами епархии должно быть поставлено первой и главной отраслью деятельности братства. Такая постановка более отвечает и самому наименованию братства, основанному в честь св. Стефана, распространявшего христианство в среде язычников прежде всего путем школьного обучения, и вполне согласуется со взглядами на этот предмет церковного и гражданского правительства".

Братство предполагало проведение внебогослужебных собеседований, открытие церковных библиотек, книжных складов для удовлетворения потребности народа в чтении. На братство возлагалось главное руководство делами противораскольнической миссии в пределах епархии, заведование главной центральной миссионерской библиотекой и содержание миссионеров "из начетников, обратившихся из раскола".

Изменилась организация братства. Во главе его стоял местный епархиальный архиерей. Он председательствовал в совете братства и на общем собрании его членов. Как и начальник губернии, он был его покровителем. Помимо председателя совет братства включал двух товарищей председателя (на случай его болезни или отсутствия по иным причинам), казначея, секретаря и шести членов (трех светских и трех представителей от духовенства). Товарищи председателя и секретарь избирались из членов братства председателем совета по его личному усмотрению. Казначей и члены совета, а также кандидаты в них избирались на три года из членов братства на его общем собрании открытой подачей голосов. Такая организация братства была типичной для России, достаточно обратиться к примерам Санкт-Петербургского братства Пресвятой Богородицы, Владимирского братства св. Александра Невского, Виленского Свято-Духовского братства.

И в дальнейшем в уставе Пермского епархиального братства во имя святителя Стефана, епископа Пермского, более широко формулировалась цель его деятельности: "содействовать распространению в народе Пермской епархии религиозного просвещения и возвышению в нем христианской нравственности, и в частности иметь своей задачей: а) разъяснение истин веры и правил благочестия; б) способствование к обращению в лоно Православной Церкви глаголемых старообрядцев, инородцев - язычников и магометан и утверждение православных в вере; в) оказание христианской благотворительности и г) содействие епархиальному училищному совету в деле содержания церковно-приходских школ"⁹³.

С первых лет своего существования Екатеринбургское братство св. праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца, распространяло и поддерживало в епархии церковные школы, в особенности в местностях, "зараженных расколом"; проводило вне-богослужебные собеседования и "оказывало посильную помощь делу местной миссии среди инородцев". Оно является примером братства с весьма широкими функциями. В его уставе констатировалось: "Екатеринбургское епархиальное православное церковное братство св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца есть религиозно-просветительное и благотворительное учреждение епархии, имеющее своей целью охранение, утверждение и распространение св. православной веры, истинно христианской нравственности и просвещения народного в духе св. православной церкви". Для достижения своей цели братство могло оказывать содействие миссионерскому совету и другим миссионерским организациям в епархии, помогать епархиальному училищному совету в деле школьного образования, поддерживать культурно-

просветительные и христианско-благотворительные учреждения в епархии, иметь склады и лавки с книгами св. Писания, богослужебными, религиозно-нравственного содержания, распространять их, создавать библиотеки и читальни, проводить внебогослужебные беседы, религиозно-просветительные чтения, лекции, духовные концерты⁹⁴.

Приоритетные цели и конкретные задачи, которые ставили перед собой братства Южного Урала (Оренбургское и Уфимское), были многосторонними, но в отличие от братств Среднего Урала (Пермского и Екатеринбургского) они в большей степени уделяли внимание защите православия от "инородцев" и миссионерской деятельности в отношении нерусского населения, борьбе с расколом и сектантством⁹⁵.

Состав братств на Урале и особенности руководства в них были весьма сходными. Они продолжали оставаться организациями преимущественно клерикального характера, но в них начала усиливаться роль светских лиц. Это предусматривалось братскими уставами. Так, в состав Екатеринбургского братства во имя Симеона, Верхотурского Чудотворца могли входить лица обоего пола, всякого звания и состояния, достигнувшие совершеннолетия и принадлежащие к православной церкви. Председателем и главным руководителем этого братства являлся епархиальный преосвященный. Делами братства должны были заведовать: общее собрание членов братства и его совет⁹⁶.

Действовавшее в Перми братство имени святителя Стефана Великопермского, по данным на 1894 г., также управлялось советом братства, состоявшим из председателя - епископа Пермского и Соликамского Петра, товарищей председателя - протоиерея А.А. Воскресенского, ректора семинарии протоиерея К.М. Добронравова. Его членами являлись: протоиерей И.В. Пьянков, управляющий акцизными сборами Н.М. Васильев, управляющий государственными имуществами И.Я. Гольнец, директор народных училищ А.П. Раменский, преподаватель семинарии П.А. Булгаков, секретарь губернского по земским и городским делам присутствия З.М. Благодрагов, купец В.М. Нассонов, казначей - протоиерей Д.Е. Коровин, заведующий братским центральным книжным складом - протоиерей В.П. Удинцев. Секретарем братства был преподаватель семинарии статский советник К.И. Любимов, а делопроизводителем - дьякон М.Я. По-пов⁹⁷.

Довольно многочисленными по составу были братства на Южном Урале, членами которых становились как представители духовенства, так и светские лица. В них входили представители местной духовной и светской властей. Например, в Оренбургском братстве св. Архангела Михаила в 1888 г. (второй год существования братства) насчитывалось 747 человек. Члены братств делились на несколько категорий: 4 почетных, 22 пожизненных и 721 действительный⁹⁸. Подобное деление членов братств было довольно типичным. Например, членами Уфимского братства Воскресения Христова в 1911 г. были 4 почетных члена: бывший уфимский, а затем симбирский губернатор А.С. Ключарев, председатель

Уфимского окружного суда действительный статский советник Н.М. Смирнов, председатель Златоустовского уездного съезда СВ. Манцев и уфимский губернатор П.П. Башпилов. Действительными членами братства считались все члены совета братства, членами-сотрудниками - все благочинные Уфимской епархии, помогающие братству личными трудами, и члены церковных причтов, вносящие на нужды братства ежегодно по 5 руб. от причта. Ревнителями и благотворителями состояли все лица, пожертвовавшие на нужды братства менее 5 руб. Братчиками назывались все вообще члены церковно-приходских братств и попечительств в епархии⁹⁹.

Во главе братств стояли представители высшего духовенства. Так, председателем и покровителем Уфимского епархиального братства Воскресения Христова являлся епископ (сначала Уфимский и Мензелинский, а потом Архангельский и Холмогорский) Нафанаил. Главными органами управления Уфимским братством Воскресения Христова были общее собрание членов братства и его совет. Вся основные текущие дела решал совет, состоявший из выборных председателя и нескольких членов, которыми могли стать как представители духовенства, так и светские лица. Совет братства подразделялся на отделы: миссионерский, просветительный, попечительный и распорядительный. Структура совета с подразделением на отделы и с привлечением к работе каждого соответствующих специалистов свидетельствует о рациональной и эффективной организации деятельности братства. Миссионерский отдел представляли начальник Уфимской внутренней миссии кафедральный протоиерей Е.В. Еварестов, ключарь кафедрального собора священник СИ. Покровский, уфимский "противораскольнический" миссионер священник А.М. Дяконов и уфимский "противомусульманский" миссионер священник СМ. Матвеев. В просветительском отделе состояли ректор духовной семинарии архимандрит Мефодий, инспектор этой же семинарии И.А. Ардашев и ее преподаватели М.Р. Спасский и иеромонах Феодор, уфимский епархиальный наблюдатель Н.Н. Орлов, председатель Уфимского епархиального училищного совета священник Г.О. Граммаков и уфимский уездный наблюдатель священник О.В. Нарцисов. В попечительский отдел входили священник П.И. Хитров, архимандрит Мартиниан, протоиерей Н.А. Шестаков и священник И.Т. Хохлов. Членами распорядительного отдела были священник П.И. Хитров, протоней, казначей братства А.С. Надеждин. Кроме того, членом каж* дого отдела являлся делопроизводитель совета священник И.Т. Хохлов»).

Главными органами управления Оренбургского братства св. Архангела Михаила, как и Уфимского, являлись общее собрание членов братства и его совет. Председателем совета был епископ Оренбургский и Уральский Макарий, товарищем председателя - начальник Оренбургской губернии и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Н.А. Маслаковец. При открытии братства в 1886 г. большинством голосов были избраны члены совета братства, которыми стали как представители духовенства, так и светские лица: попечитель

Оренбургского учебного округа тайный советник Д.С. Михайлов, вице-губернатор, полковник гвардии А.А. Ломачевский, предводитель дворянства генерал-майор И.В. Чернов, управляющий казенной палатой статский советник Г.И. Андреев, ректор Оренбургской духовной семинарии протоиерей Ф.А. Дмитриевский, кафедральный протоиерей Н.С. Сперанский, протоиерей Троицкой церкви М.В. Любочестнов, исполнявший обязанности казначея братства и инспектор народных училищ коллежский советник А.П. Раменский, исполнявший обязанности делопроизводителя совета братства.

В 1888 г. появились дополнительные, основанные на территориальном принципе управленческие структурные подразделения. Для более плодотворной и успешной деятельности Михаило-Архангельского братства в отдаленных пунктах Оренбургской епархии открылись отделения совета братства в областном городе Уральске и в уездных городах Челябинске, Верхне-Уральске и Троицке. Уральское отделение совета братства представляли почетный член братства военный губернатор Уральской области и наказный атаман Уральского казачьего войска генерал-майор Н.Н. Шипов, протоиерей А. Добровидов, помощник смотрителя Уральского духовного училища А.В. Соколов, смотритель того же училища М.И. Беляев и инспектор инородческих школ А.П. Альбанов; Челябинское отделение - протоиереи Г. Высоцкий и А. Протасов, священник И. Днепровский и местные жители: Г.Д. Поляков и П.П. Полежаев; Троицкое отделение - протоиереи П. Сементовский и И. Тернов, а также купцы В.И. Дмитриев, Н.В. Зарубин и В.А. Афонасьев; наконец, Верхне-Уральское отделение - протоиерей П.В. Шмотин, священник Н. Воронцовский, купцы М.Е. Голубев и Н.М. Федоров, а также мещанин Е.А. Мансуров¹⁰¹.

Средства братств формировались преимущественно из братских взносов, добровольных пожертвований людей, сочувствовавших их деятельности, кружечных сборов, доходов от деятельности братства и т.д. Половина сумм, поступающих в отделения совета Оренбургского братства св. Архангела Михаила, должна была отправляться в совет Оренбургского Михаило-Архангельского братства на общие нужды братства, а остальная часть - расходоваться в соответствии с задачами отделений. В целом же средства этого братства были ограничены. Остаток от первого года его существования достигал чуть более 6 тыс., в 1888 г. поступило 3734 руб. 51 коп., в том числе членские взносы достигли 1646 руб., единовременные пожертвования - 763 руб. 97 коп., доходы от публичных чтений - 542 руб. 21 коп. и от продажи книг - 129 руб. 76 коп., проценты по билетам и расчетным книжкам государственного банка - 293 руб. 57 коп. и случайные поступления в виде возвращенных миссионерским обществом по ходатайству совета братства 359 руб. В целом доходная часть бюджета с остатком от прошлого года составила 9898 руб. 43 коп. Средства расходовались на канцелярские нужды, книжную лавку, организацию публичных чтений, выписку книг, брошюр, в том числе для братской противораскольнической библиотеки, на постройку храма в Кревлеи-лошках, строительство школьных помещений,

обеспечение школ учебными пособиями, содержание учителей братских миссионерских школ, содержание и пособие причтам и т.д. В том же 1888 г. расходы братства составили 3043 руб. 77 коп. К 1889 г. остаток средств составлял 6854 руб. 66 коп.¹⁰²

На примере епархиальных братств Южного Урала можно рассмотреть их роль в повседневной жизни городов и епархии в целом. С самого начала своей деятельности Оренбургское братство св. Архистратига Михаила вело работу по нескольким направлениям, одним из которых являлась миссионерская работа. В 1888 г. просвещением раскольников занимался епархиальный миссионер, протоиерей Ксенофонт Крючков, объезжая епархию и проводя беседы с раскольниками. В частности, в Оренбурге в мае 1888 г. он "имел публичные состязания с известным расколо-учителем Швецовым", которые происходили в манеже при Юнкерском училище. Эти беседы длились 5-7 часов подряд. Миссионерскую деятельность осуществляли также священники Дмитрий Неаполитанов, Поликарп Фролов, Пимен Ерофеев и Павел Биряев и благочиннические кружки (из приходских священников по благочиниям епархии). Епархиальный съезд духовенства, проходивший в январе 1888 г., поднимал перед братством вопрос о необходимости содержания еще одного епархиального миссионера. Однако по причине ограниченности материальных средств братства вопрос тогда не был решен.

Наконец, миссионерские беседы проводил сам председатель братства, посещая молельни старообрядцев. Особенное внимание совет братства уделял христианскому просвещению "инородцев", многочисленных в Оренбургском крае. Объектом попечительства братства становились прежде всего уже крещенные инородцы, которые, "находясь вдали от церквей и школ и будучи окружены магометанами и даже язычниками, имеют столь скудные понятия из христианской религии, что не различают ее от магометанства; а мусульманские муллы, пользуясь таким невежеством, прямо склоняют их к предпочтению полумесяца христианскому кресту"¹⁰³. На тот момент на средства Михаило-Архангельского братства в епархии содержались шесть миссионерских, инородческих школ, две получили пособие от братства и две предполагались к открытию¹⁰⁴.

В 1902/03 учебном году в ведении братства состояло всего 12 миссионерских школ, расположенных преимущественно в тех местностях, где жили нагайбаки-бакалинцы, мордва, чувашы, поселившиеся временными хуторами на арендованных у башкир землях, вдали от православных церквей. Исключение составляла Бук-кузинская Космо-Дамианская школа, открытая в память чудесного спасения царской семьи 17 октября 1888 г. для весьма бедного переселенческого населения из русских села Петропавловского. В это время всего учащихся во всех братских школах было 418, из них 255 инородцев (в том числе крещенных татар - 97, мордвы - 74, чувашей - 84) и 163 русских. Учителями в них были или "инородцы", или русские, знавшие "местное инородческое наречие"¹⁰⁵.

Другим важным средством для миссионерско-просветитель-ной деятельности среди "инородцев" являлось строительство церквей, открытие приходов и содержание причтов в местах, заселенных инородцами и подверженных влиянию ислама. Например, в первый же год своего существования Михайло-Архангельского братства его совет постановил открыть церковь с приходом в чувашской деревне Кривлеилопшках, назначив туда священником чуваша по происхождению Фому Аксинского с жалованьем в 200 руб. в год¹⁰⁶.

Для осуществления противораскольнической миссии Михайло-Архангельское братство имело необходимую книжную базу и библиотеку. В целях христианского просвещения оно также занималось распространением в народе книг, брошюр и печатных листов с соответствующим содержанием. Для этого была, например, открыта книжная лавка в Оренбурге "под церковью Вознесения Господня на Николаевской улице"¹⁰⁷.

И в последующие годы Михайло-Архангельское братство активно действовало с целью просвещения "инородцев" Оренбургского края, занимаясь миссионерством, издавая на "инородческих" языках много брошюр и книг (как для школьных нужд, так и для распространения среди инородческого населения в целом). В числе мер, направленных на ослабление раскола и сектанства в епархии, было открытие советом братства миссионерских курсов в Оренбурге. Теоретические занятия на этих курсах сопровождалось беседами с отступниками православия, посещениями раскольнических молелен, личным знакомством с представителями сект. Прослушавшие миссионерские курсы и наиболее преуспевшие в этом деле, получив звание сотрудников братства, посылались им в сектантские и раскольнические местности для соответствующей работы¹⁰⁸.

Подобную работу вел миссионерский отдел Уфимского епархиального братства Воскресения Христова. Он также содействовал епархиальному и уездному миссионерам в их деятельности по "ограждению православия от натиска расколосектанства и неверия", рассматривал донесения миссионеров, делал соответствующие указания и разъяснения. Из отчета уфимского епархиального противорасколо-сектантского миссионера следует, что в 1911г. уфимская миссия вступила во второй год своего существования под руководством нового епископа Нафанаила и под покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны. В 1911 г. миссионеры устраивали публичные беседы с руководителями старообрядцев и сектантов. Епархиальный миссионер представил на рассмотрение братства Воскресения Христова предложение о делении епархии на районы по числу уездных миссионеров, а также разработанные инструкции епархиальному и уездному миссионерам и устав приходских миссионерских кружков. И братство, и сам епископ одобрили эти начинания. Сильнейшим средством для противодействия натиску раскола и сектантства на местах, по мнению епархиального миссионера, была приходская миссия. Для подготовки кадров епархиальным миссионером были открыты краткосрочные миссионерские курсы в с. Тастубе и городах Белебее и Уфе. Всего на этих курсах в 1911 г. официально

обучался 91 слушатель. Курсы дали толчок к открытию целого ряда приходских миссионерских кружков в Златоустовском, Белебеевском и Стерлитамакском уездах и активной миссионерской деятельности отдельных людей. Противодействие, например, было оказано базе баптистов в д. Шаровке Белебеевского уезда, где существенную помощь в этом должно было оказать строительство православного храма.

Характеризуя состояние раскола в Уфимской епархии, епархиальный миссионер отмечал преобладание в ней следующих "раскольнических толков": "беспоповщинские - поморцы, часовенные, федосеевцы небрачные, рябиновцы, третьечинцы, спасов-цы - нетовцы и бегуны, поповщинские - беглопоповцы и австрийцы". Больше всего старообрядцев проживало в Златоустовском уезде, меньше в Белебеевском уезде и Благовещенском заводе Уфимского уезда, и почти не заметны были проявления раскола в остальных местностях этого уезда и в Бирском уезде. В самой Уфе проживали старообрядцы четырех толков: поповцы-австрийцы и беспоповцы-поморцы, рябиновцы и федосеевцы-небрачные. У каждого из них были особые молельни. У австрийцев на 160 душ (с малолетними) имелся храм, внешне не отличавшийся от других православных храмов, у поморцев было две молельни, у рябиновцев и федосеевцев - молельня, расположенная напротив Кресто-воздвиженского храма. Всего, по данным на 1911 г., в Уфимской епархии проживали 39 818 беспоповцев, беглопоповцев и австрийцев, в самой Уфе насчитывалось 974 раскольника (в том числе беспоповцев брачных - 362 мужского пола и 380 женского. небрачных - 32 мужского пола и 36 женского, австрийцев - 81 и 83).

Что касается сектантства в Уфимской губернии, то оно отличалось пестротой. Здесь существовали рационалистические секты - молокане, шпундо-баптисты, шпундисты-субботники и мен-нониты, а также мистические секты - скопцы, новоскопцы (духовные скопцы), монтаны-беседники и иоанниты-киселевцы. Всего сектантов в Уфимской епархии на 1911 г. насчитывалось 2357 человек, в том числе среди скопцов было 52 мужского пола и 71 женского. Например, скопцы проживали в Уфе, Златоусте, селах Биянке, Миньяре и Ново-Георгиевке Стерлитамакского уезда, а также в д. Барьзах Бирского уезда. В основном это были люди, уже отбывшие наказание за скопчество в Сибири и вернувшиеся по манифесту обратно. В Уфе их насчитывалось 20 мужчин и 25 женщин, в Златоусте - 2 и 1.

В конце 1910 г. стали ходить слухи, что в Уфе есть скопцы и что главными последователями и руководителями скопчества в Уфе являлись купцы Адриан и Анисья (брат и сестра) Ивановы. Расследованием занялись соответствующие органы: прокурорский надзор и сыскное отделение. 29 января 1911 г. в доме Ивановых произошли аресты и обыск. В итоге была открыта целая скопческая организация, возглавляемая Ивановыми. В их мануфактурном магазине служащими были исключительно скопцы. На хуторе Ивановых недалеко от Уфы и с. Авдона жили скопцы, отбывавшие наказание в Сибири. В самом доме Ивановых

и в соседнем, купленном Ивановым для приказчика Никифора Далец-кого (также скопца), жили скопцы, составлявшие особый скопческий корабль. В него входили скопцы как отбывшие уже наказание, так и новые, оскопленные в 1904-1906 гг., и неоскопленные, но принявшие их учение, т.е. новоскопцы (или духовные скопцы). Скопческий корабль в Уфе объединял всех уфимских скопцов, живущих в Уфе и Уфимском уезде, а также поддерживал близкие отношения и переписку с сибирскими и заграничными скопцами (из Яссы и Бухареста). С уфимскими скопцами были также тесно связаны отец и сын Меньпенины, проживавшие в Златоусте и отбывавшие в Сибири наказание, из которых последний посвятил себя литературе, результатом чего явилась книга "Проза и поэзия сибирских скопцов". Миссионерские наблюдения показали, что уфимские скопцы принимают учение и о духовном скопчестве, проповедованное крестьянином Московской губернии Кузьмой Лисиным. Для духовных скопцов или новоскопцов физическое оскотление не являлось обязательным. Некоторые принимали его на склоне дней. Поэтому фактических скопцов в Уфе, а особенно в Ново-Георгиевке, Миньяре и Бианке было немного. Гораздо больше было в этих населенных пунктах духовных скопцов, принимавших такое же участие в радениях, как и "убеленные" скопцы. Новой окраской, по мнению епархиального миссионера, отличалось духовное скопчество в Ново-Георгиевке, Миньяре и Бианке: "Если не иметь в виду их обоготворения Кондратия Селиванова и учения о физическом скопчестве, как идеале святости, жизнь и учение новоскопцов ничем не отличается от хлыстов и в смысле нравственной чистоты далеко оставило за собой первобытное скопчество, которое старается сохранить за собой уфимский скопческий корабль"¹⁰⁹.

В целях борьбы с расколом и сектантством епархиальный миссионер в 1911 г. совершил 16 поездок, провел 27 публичных бесед и 22 частные. Им было произнесено 24 "поучения миссионерского характера". Например, в отчете описывается беседа епархиального миссионера со скопцом Сергеем Лабутиным, отбывшим наказание в Якутске, состоявшаяся 6 февраля 1911г. Беседа оказалась непродолжительной. Поговорив с миссионером о своей прежней жизни, обстоятельствах оскотления, Лабутин совершенно отказался дальше беседовать, когда дело коснулось частных скопчества и его учения, сославшись на болезнь, после чего беседа была прекращена.

Подчеркивая важность миссионерской деятельности братства Воскресения Христова в целом и в деле оживления миссионерской жизни прихода, в частности, обратимся к истории миссионерских кружков, открывавшихся при приходах. Такие кружки открылись например, в Уфе при Никольской церкви 7 февраля 1911 г., в с. Мелеузе и при Кусинском заводе. Интересна история их создания. Первые два из них выросли на почве трезвенного братства. Первоначально трезвенники объединялись для борьбы с пьянством, а затем расширили свою деятельность, пожелав быть полезными церкви и в борьбе с расколом, сектантством и неверием. Благодаря миссионерским курсам в Белебее и Уфе появились два замечательных миссионера: диакон Федотов и крестьянин Афонасий Чеменев, "из которых

особенно последний мог считаться положительно незаменимым в борьбе с нарождающимся в г. Белебее баптизмом"¹¹⁰.

Можно видеть, что роль Уфимского епархиального братства Воскресения Христова в городской повседневности была велика и распространялась на сельскую округу. Просветительский отдел братства занимался наблюдением и руководством проповедническим делом в епархии, организацией и проведением публичных народных бесед и чтений, издательством листков миссионерского и религиозно-нравственного содержания, распространением в народе книг и брошюр религиозно-нравственного и миссионерского содержания. Он же осуществлял общее руководство делом трезвости в епархии¹¹¹.

С первых же лет своего существования аналогичную многостороннюю работу вело Михаило-Архангельское братство. Например, духовно-нравственные чтения, начатые им в 1887 г., проводились с целью дать возможность светским лицам познакомиться с духовной литературой, "возбудить в них интерес к предметам христианской веры и нравственности и в тоже время привлечь этих лиц к должному времяпрепровождению в праздничные дни". Так объяснялась цель организации этих чтений для интеллигенции, а для простого народа чтения имели иные характер и цель - "отвлечь от недостойного поведения в праздничные дни, распространить в народе истины христианской веры и правила нравственности". Для интеллигенции чтения устраивались в зале городской думы, а для простого народа - в манеже при Юнкерском училище. Организацией чтений занималась особая комиссия под председательством законоучителя 1-го кадетского корпуса священника В.Г. Сорогожского. Чтения сопровождалось показом "туманных картин, соответствовавших содержанию чтений", раздачей листков и брошюр, церковными песнопениями. Предмет чтений, как в думе, так и в манеже, был нравственно-религиозного и апологетического характера. В программе чтений были доклады на темы: "Естественный закон в духовном мире", "Что такое жизнь?", "Нетление св. мощей угодников Божиих", "Изложение учения в девяти заповедях блаженства в связи с учением десятого слова", "Частная жизнь Константина Великого". В манеже больше внимания уделялось чтениям, посвященным жизнеописанию святых. Они сопровождалось показом "туманных картин" из библейской истории (от 3 до 5 картин). Чтения предварялись и сопровождалось пением церковных молитвословий. В манеже на чтения собирались около 200-500 человек. В основной массе слушатели посещали манеж бесплатно, а желающие сидеть платили по 20 коп. В думе слушателей собиралось приблизительно 50 - 200 человек. Большинство из них пользовались местами за плату. Всего в 1888 г. было организовано 18 чтений в думе и 19 в манеже. Кроме того, в память о 900-летию крещения Руси совет братства назначил проведение бесплатных чтений 15 июля и в думе, и в манеже, в последнем случае с объяснением картин, соответствовавших историческому событию. Совет братства постановил выписать у Славянского благотворительного общества "Житие св. равноапостольного князя Владимира", составленное профессором Киевской

духовной академии Мальшевским (в 600 экземплярах на 90 руб.), и такое же количество изображений св. Владимира для раздачи народу. Вся эти постановления совета братства были выполнены¹¹².

Михаило-Архангельское братство и в дальнейшем практиковало устройство беседований, чтений. Так, в 1901 г. оно инициировало публичные беседования в 9 церквях Оренбурга и в 6 церквях трех уездных городов, а также публичные чтения в Оренбурге и Уральске. С этой целью совет братства устроил подвижную читальню на главной рыночной улице в Оренбурге. Это было сделано самым простейшим способом - "вывешано несколько больших рам и в каждую из них за стеклами вставлены листы с печатными статьями религиозно-нравственного содержания". Такая же читальня находилась в Троицке¹¹³.

Показательны и другие направления деятельности братств Южного Урала в рассматриваемое время. Так, попечительный отдел Уфимского епархиального братства Воскресения Христова осуществлял контроль за деятельностью церковно-приходских попечительств в епархии, в 1911 по случаю неурожайного года выдавал пособия многим представителям духовенства, израсходовав на это 1118 руб., а в конце года сформировал особый Благотворительный комитет для оказания помощи пострадавшим от неурожая "без различия звания, состояния, народности и даже вероисповедания", на что братство выделило еще 1000 руб. из своего бюджета¹¹⁴.

Братства и иные православные общества способствовали развитию церковного краеведения. В начале XX в. появилось Пермское епархиальное церковно-археологическое общество. В него входили православные верующие независимо от пола и сословной принадлежности, оказавшие обществу помощь пожертвованиями или каким-либо другим способом. Активную роль в нем играли протоиереи К.М. Добронравов, К. Шестаков, Л. Зубарев, а также К.А. Манурин, В.С. Верховланцев, К.П. Пономарев П.С. Богословский, Н.Н. Новиков¹¹⁵. Это общество было создано в Перми при братстве Святителя Стефана с целью "охранения изучения памятников церковной старины Пермской епархии"* В соответствии со своим уставом оно "заботилось о собирании хранения разного рода вещественных и письменных памятников Пермской старины, а именно: замечательных по своей древности принадлежностей православных храмов (св. иконы, кресты, св. антиминсы, сосуды, одежды, разного рода церковная утварь), печатных и рукописных церковно-богослужебных книг; древнейших рукописей церковно-исторического и религиозно-нравственного содержания". Предполагалось также изучение им приобретенных памятников церковной старины, издание книг и брошюр с описанием этих памятников. Предметы церковной старины поступали в епархиальное "древнехранилище", которым заведовало общество наряду с библиотекой из современных изданий историко-археологического содержания¹¹⁶.

Рассмотренный материал по истории братств на Урале в конце XIX - начале XX в. позволяет заключить, что они играли значительную роль в религиозной

повседневности городов и региона в целом. Их появление и деятельность во многом обуславливалась местными социокультурными и демографическими факторами, а не только правительственными установками на русификацию окраин, хотя, безусловно, миссионерское направление в их деятельности было одним из главных (особенно это касается братств Южного Урала). В целом работа уральских братств характеризовалась полифункциональностью и была направлена на сохранение и распространение традиционных православных ценностей, религиозное просвещение народа, повышение культуры населения в целом.

Много новых православных обществ появилось в уральских городах в начале XX в. Отчасти это была реакция на атеистическую, радикальную волну. Сказывалось также общее оживление, наблюдавшееся в жизни уральского города в это время. Городскую общественность все больше волновали вопросы культуры, образования, воспитания. В уральских городах продолжала развиваться религиозная благотворительность. В конце XIX - начале XX в. стали появляться благотворительные общества, действовавшие при учебных заведениях духовного профиля.

В начале XIX в. они действовали в нескольких городах Пермской губернии: в губернском городе - Общество содействия начальному образованию при Кирилло-Мефодиевском приходском мужском училище и Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища; в уездных городах - Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища и Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Камышловского духовного училища. Неудивительно, что традиции благотворительности, восходящие к православной этике (призывы к милосердию, состраданию и помощи нуждающемуся), быстро укоренялись в той среде, где распространялось само духовное образование. Не менее показательны, однако, что носители соответствующих духовных ценностей создавали подобные благотворительные общества при учебных заведениях другого ведомства. Так, в хронике "Пермских губернских ведомостей" сообщалось, что 25 марта 1891 г., в день Благовещения Пресвятой Богородицы, Пермская мужская гимназия праздновала свой храмовый праздник и вместе с тем 22 годовщину существования при гимназии братства св. Стефана Великопермского для вспомоществования нуждающимся воспитанникам этого учебного заведения¹¹⁷.

Благотворительные общества действовали на основании уставов. В уставах излагались цель, задачи, сфера компетенции, формы деятельности, средства и организация управления обществ. В своей деятельности общества не должны были выходить за рамки уставных документов. Например, в уставе Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища, утвержденном министром внутренних дел 24 сентября 1897 г., четко формулировались его цель - "попечение о недостаточных учащихся Пермского епархиального женского училища". В уставе перечислялись способы оказания

этой помощи: взнос платы за учение; бесплатная выдача книг и учебных пособий из числа одобренных духовным ведомством и их продажа по удешевленной цене, установленной по соглашению с начальством учебного заведения; помощь одеждой, пищей, предоставлением жилья, медицинская и т.п.; назначение в исключительных случаях денежных пособий. С просьбой о такой помощи родители учащихся или лица, их заменяющие, могли обращаться или непосредственно в правление общества или ходатайствовать о ней через администрацию училища¹¹⁸.

Цель аналогичного Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища была сформулирована шире: "поддержание без-приходной училищной церкви и оказание пособий нуждающимся воспитанницам училища". На собрании членов этого общества 6 ноября 1911г. рассматривались вопросы об устройстве платных вечеров и необходимости изменения устава общества, так как "в силу двойственности" цели общество не могло использовать все способы, "какими обыкновенно располагают благотворительные организации для привлечения средств в кассу обществ". Для И переработки устава была избрана соответствующая комиссия, Я разработавшая новый проект, который был утвержден покрови-Я телем общества епископом Екатеринбургским и Ирбитским Ми-щ трофаном¹¹⁹. щ

Потенциальный численный состав членов обществ вспомо- щ ществования нуждающимся различных духовных учебных заве- щ щений был широким, он не ограничивался уставом. Так, членами щ Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Перм- Я ского епархиального женского училища могли быть совершен- 1 нолетние обоего пола, за исключением учащихся в учебных заве- 1 дениях, состоящих на действительной военной службе нижних 1 воинских чинов и юнкеров, и лиц, ограниченных в правах по 1 суду. Члены общества делились на почетных и действительных. 1 В число первых общее собрание избирало лиц, сделавших значи- 1 тельные пожертвования в пользу общества или оказавших ему какие-либо существенные услуги. Ко вторым относились те члены общества, которые вносили в общественную кассу ежегодно не менее 3 руб. или сделали единовременный вклад в размере не менее 60 руб.¹²⁰

В составе Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища также было несколько категорий членов: члены общества, внесшие в общественную кассу 100 руб. и более или оказавшие обществу особые услуги, считались почетными; лица, внесшие 25 руб. - пожизненными; участвующие в делах общества и ежегодно вносившие в кассу по 3 руб. - действительными; выплачивавшие ежегодно по 1 руб. - членами-сотрудниками. В 1911 г. почетными членами Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища были бывший епископ Екатеринбургский и

Ирбитский Владимир и горный инженер А.М. Иванов. В это же время в состав общества входил один пожизненный член - потомственный почетный гражданин Ф.Ф. Соснин. В обществе преобладали действительные члены, которых в 1911 г. насчитывалось 29, и члены-сотрудники в количестве 41 человека. Всего в 1911 г. в нем насчитывалось 73 члена, среди которых было значительное число представителей духовенства¹²¹.

Организация управления делами обществ вспомоществования нуждающимся учащимся Екатеринбургского и Пермского епархиальных женских училищ была сходной и осуществлялась правлениями обществ и общими собраниями их членов. В правление Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища входили четыре выборных лица, избравшихся общим собранием членов общества из своей среды сроком на два года, а также один или более (по усмотрению епархиального архиерея) со званием "непременного члена", но не свыше трех представителей от данного учебного заведения. Ежегодно два выборных члена должны были выбывать из правления (сначала по жребию, а потом по окончании срока службы) и заменяться новыми членами. Выбывающие члены могли снова избираться общим собранием¹²².

Похожее по составу правление управляло делами Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища. Так, в 1912 г. оно состояло из председателя - священника Е.Н. Львова, товарища председателя - протоиерея К.В. Коровина, непременных членов - начальницы училища В.В. Ронгинской и инспектора классов священника С.А. Увицкого, выборных членов правления - священника Ф.А. Коровина и Е.В. Дюкова, члена-делопроизводителя Общества попечения о начальном образовании В.А. Федоровского, преподавателя епархиального училища Н.П. Скворцова. Делопроизводителем и казначеем этого общества состоял преподаватель П. Бажев¹²³.

На примере Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища можно видеть, как формировался бюджет этих обществ. Он также регламентировался уставом, на основании которого общественные средства складывались из единовременных и ежегодных членских взносов, пожертвований деньгами, учебными книгами, пособиями, одеждой и другими, соответствовавшими цели общества предметами, доходов от принадлежащих обществу имуществ и капиталов¹²⁴. Аналогичной была структура бюджета Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Екатеринбургского епархиального женского училища, которая практически со временем не менялась. Так, в Отчете о состоянии общества за период с 6 ноября 1911 по 31 декабря 1912 г. отмечалось: "Кроме платного вечера, в остальном источники средств Общества остались прежние: членские взносы и пожертвования от лиц, проживающих в Екатеринбурге, и сбор по подписным листам, рассылаемым через о.о. благочинных по церквям епархии". В 1912 г. сумма членских взносов, поступивших от 57 лиц и учреждений, достигла 181 руб. 65 коп. Средства

расходовались на выдачу различных пособий нуждающимся ученицам: для оплаты за право учения было выделено 190 руб., за содержание воспитанниц в училищном пансионе - 150 руб., на покупку одежды и обуви - 53 руб. 89 коп., на лечение и проживание во время летних каникул - 80 руб. Всего различными видами пособий воспользовались 19 воспитанниц училища (преимущественно дети крестьян, мещан и духовенства). Сумма пособий за рассматриваемый отчетный период в совокупности составила 473 руб. 89 коп. Кроме того, общество сочло необходимым передать Екатеринбургскому обществу милосердия в фонд голодающих 92 руб. 37 коп. (25% отчисления с чистой прибыли от благотворительного вечера). К 1 января 1913 г. Общество имело 587 руб. 9 коп. наличными и билетами на 2200 руб.¹²⁵

Екатеринбургское и Пермское епархиальные женские училища были довольно крупными учебными заведениями. Так, уже в конце XIX в. в Пермском епархиальном женском училище обучалось свыше 200 воспитанниц. По данным на начало 1896/97 учебного года их насчитывалось 256. Плата за учебу составляла 25 руб. в год. Далеко не каждый родители могли вносить эту сумму. Частично ученицы проживали в общежитии и разделялись: на полных "пансионеров" со взносом в 150 руб. для духовенства и 180 руб. для "иносословных", "полупансионеров" - соответственно 90 руб. и 120 руб. Наряду с общественной благотворительностью развивалась и частная. Так, в 1896/97 учебном году на стипендии благотворителей содержались восемь воспитанниц - на стипендии неизвестного благотворителя, две - на стипендии епископа Палладия, две - на стипендию епископа Вассиана, одна - на стипендию епископа Ефрема, другая - на средства епископа Владимира и других благотворителей¹²⁶.

В начале XX в. увеличилось количество общественных организаций, занимавшихся благотворительной и культурно-просветительной работой. Общества стали более многочисленными по составу. Так, в Обществе содействия начальному образованию при Пермском Кирилло-Мефодиевском училище насчитывалось к 1 октября 1912 г. 2 почетных члена, 16 пожизненных и 214 действительных (всего 232 человека, из которых 52 проживали в уездах Пермской губернии). О цели и задачах общества свидетельствуют данные о деятельности его правления в 1912 г.: им было организовано 6 экскурсий для учеников, детский праздник, педагогическая выставка во время рождественских каникул, вечерние классы для взрослых. Кроме того, велась работа по созданию музея-кабинета наглядных пособий, удовлетворялись ходатайства беднейших учеников Кирилло-Мефодиевского училища о выдаче им обуви и одежды, правление осуществляло контроль над деятельностью бесплатной детской библиотеки и т.д.¹²⁷

Средства этого общества формировались за счет членских взносов, ассигнований общественных учреждений, платных вечеров, лотерей и пожертвований. В 1912 г. доходы общества составили 3941 руб. 97 коп., а расходы - 3028 руб. 24 коп.¹²⁸ На примере этого общества можно видеть, что в начале XX в. несколько увеличились бюджеты общественных организаций, что объяснялось

увеличением их численного состава и ростом общественных симпатий к их деятельности.

По-разному проявлялась общественная благотворительность в годы Первой мировой войны, продолжали действовать общества вспомоществования нуждающимся ученикам разных учебных заведений, появились новые общества этого же типа. Например, 15 октября 1915 г. епископом Серафимом был утвержден устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Камышловского духовного училища. Целью создания этого общества являлось "оказание материальной помощи нуждающимся воспитанникам училища, без различия сословий"¹²⁹. Общество могло выдавать нуждающимся ученикам денежные пособия на разнообразные нужды: для оплаты за содержание в общежитии училища или на квартирах, за обучение музыке, на приобретение учебников, учебных принадлежностей, одежды, белья, обуви и "на удовлетворение других нужд учащихя, по усмотрению правления общества"¹³⁰.

Таким образом, общества вспомоществования нуждающимся учащимся духовных заведений открывались и функционировали по образцу других благотворительных обществ, отличаясь от них более узкой сферой деятельности - оказанием помощи нуждающимся учащимся конкретного учебного заведения. На примере этих и других благотворительных обществ можно говорить об активизации общественной жизни в уральских городах в конце XIX - начале XX в., включении в нее духовенства. В создании и деятельности обществ вспомоществования нуждающимся учащимся различных учебных заведений ведущую роль играли представители духовенства и местной интеллигенции, которые, привлекая и консолидируя другие городские общественные силы (чиновников, купцов и мещан), содействовали развитию благотворительности на ниве духовного просвещения. Традиции благотворительности быстро распространялись в сфере духовного образования и укоренялись в православной среде, будучи характерной чертой общественной жизни уральского города в дореволюционное время. Рассмотренный материал свидетельствует также о том, что общества вспомоществования нуждающимся учащимся духовных заведений выходили за рамки собственно благотворительной практики или понимали ее достаточно широко. Они играли огромную роль в повседневной жизни духовных заведений, способствуя образованию и воспитанию, организации культурного досуга учащихя, поддержанию религиозного быта.

Посещение церкви и участие верующих в крестных ходах было обязательным для городского населения Урала и в начале, XX в. Для правильной организации крестных ходов и ношения; хоругвей в уральских городах создавались общества хоругвенос- >цев. 20 сентября 1910 г. было учреждено общество екатеринбург- ■ ских хоругвеносцев. Оно было создано по инициативе и при непосредственном участии преосвященного Митрофана, епископа> Екатеринбургского и Ирбитского. Это общество состояло при) кафедральном соборе и находилось под председательством своего учредителя епископа Митрофана и под руководством

благочинного екатеринбургских городских церквей, священника о. Федора Коровина. Оно управлялось общим собранием самого общества и его советом. Совет общества хоругвеносцев в 1912 г. состоял из товарища председателя, протоиерея Леонида Игнорато-ва, старшины Петра Никандровича Лазарева, помощников старшины Ивана Андреевича Макарова, Николая Никандровича Лазарева и кандидата к ним Ивана Семеновича Алина, а также казначея Николая Капитоновича Бревнова, его помощника Михаила Никандровича Гуцулина и делопроизводителя Александра Николаевича Насонова. Своим небесным покровителем общество избрало святителя Иоасафа, новоявленного белгородского чудотворца. В 1912 г. в состав общества входили 3 почетных члена, 209 действительных и одиннадцать попечительниц. Почетными членами являлись бывший пермский губернатор Лопухин, начальник Уральских горных заводов П.П. Боклевский, екатеринбургский городской голова А.Е. Обухов. Действительными членами и попечительницами, сделавшими различные взносы в кассу общества, были в большинстве случаев местные прихожане, настоятели и церковные старосты городских церквей и соборов. По словам современников, с учреждением Общества хоругвеносцев Екатеринбург "впервые увидел стройно организованные церковные процессии и крестные ходы". Всем горожанам запомнились величественные крестные ходы: 6 января 1912 г. "на Иордань", 17 февраля к памятнику царя-освободителя Александра II, который находился на площади Кафедрального собора, по случаю пятидесятилетнего юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости и к месту закладки здания для музея. В основном расходы общества шли на организацию религиозно-нравственных и патриотических чтений, составив в 1912 г. 115 руб. 70 коп., в кассе осталось 445 руб. 23 коп.¹³¹

16 июля 1911 г. пермским епископом Палладием был утвержден устав общества хоругвеносцев г. Перми во имя св. просветителей Пермских. По уставу это общество учреждалось в Перми при Кафедральном Спасо-Преображенском соборе в честь первосвятителя Стефана Пермского и в память 300-летия со времени канонизации пермских просветителей св. Герасима, Пити-рима и Ионы. Общество создавалось для "а) благоговейного, чинного и благолепного ношения священных хоругвей, св. икон, крестов и фонарей во время крестных ходов, совершающихся в городе Перми, как из Кафедрального собора, так равно и из приходских церквей и монастырей; б) для устройства на средства общества, с надлежащего разрешения, новых и исправления пришедших в ветхость хоругвей, а также фонарей, крестов, киотов для икон, носимых в крестных ходах, а по мере умножения средств, и вообще для поддержания благолепия в храмах города; в) для поддержания порядка при богослужении в кафедральном соборе в высокотожественные дни посредством особого наряда из членов общества; г) для оказания помощи и призрения членов общества, пришедших почему-либо в бедственное положение, а равно их семейства". С увеличением общественных средств общество хоругвеносцев предполагало расширить свою деятельность

путем создания при Кафедральном соборе благотворительных учреждений и школ. Оно находилось в ведении пермского епархиального начальства¹³².

Следует отметить полезную деятельность православных обществ на Урале в рассматриваемое время, направленную на повышение культуры населения и на борьбу с пьянством. В частности, интересен опыт Пермского попечительства о народной трезвости. Бывший пермский губернатор П.Г. Погодин, являвшийся сторонником организации народно-певческих хоров в губернии, писал: "Изыскивая средства к достижению поставленной попечительству о народной трезвости задачи, я прихожу к заключению, что одним из средств к отвлечению народа от пьянства могло бы служить устройство по возможности повсеместно хороших хоров, которые пели бы в церкви в воскресные и праздничные дни и от времени до времени давали бы духовные и светские концерты". Эта идея, одобренная министром финансов С.Ю. Витте, легла в основу нового направления в работе попечительства. Руководителем по устройству хоров стал А. Городцов, человек с университетским образованием, учившийся у В.Н. Кашперова, одного из учредителей Московского общества любителей церковного пения, имевший опыт пения в лучших московских церковных хорах, в том числе синодальном. При организации хоров на местах сразу же проявился недостаток людей, способных управлять ими. С 1896 г. губернский комитет попечительства стал организовывать курсы хорového пения. Пермская духовная консистория и дирекция народных училищ командировали на них представителей духовенства и учителей земских и министерских училищ (всего 109 человек). Для них было устроено общежитие и выдано по себе на проезд. Слушатели познакомились с понятиями о постановке голоса, с методикой обучения нотной грамоте и с руководством по этому предмету, с основами теории музыки и гармонии. На курсах внимание преимущественно уделялось изучению древних напевов церковного пения в переложениях известных композиторов. Для проведения внецерковных певческих собраний изучались "духовные стихи, гимны, канты и некоторые оперные хоры". Занятия проходили в зале братства св. Стефана Пермского. Курсы пользовались большим успехом. На следующий год они проходили уже в двух городах: в Перми и Екатеринбурге. На курсы принимались не только командированные теми или иными учреждениями люди, но и другие любители певческого дела. В 1896-1908 гг. действовали 18 таких курсов.

Пермское губернское попечительство о народной трезвости расходовало значительные средства на ежегодные курсы певческой грамоты, снабжение хоров нотами и музыкальными инструментами и на содержание руководителя по устройству хоров. Оно выдавало хорам пособия в размере от 25 до 80 руб. Численность хоров в Пермской губернии благодаря усилиям попечительства быстро росла. Местное духовенство и организаторы народных чтений отмечали, что участие хоров при богослужениях и на народных чтениях привлекали большое число молящихся и слушателей.

Ознакомившись с постановкой народно-певческого дела в Пермской губернии, министры финансов С.Ю. Витте и В.Н. Ко-ковцев, товарищ министра С.В. Марков и член совета министра финансов А.А. Шумахер одобряли эту деятельность, отмечая ее воспитательное значение, и находили вполне целесообразными затраты попечительства на музыкальное образование народа. Так, на заседании Государственного Совета 8 декабря 1907 г. граф С.Ю. Витте в речи о попечительствах о народной трезвости сказал: "Большую пользу может принести введенное, например, Пермским попечительством обучение церковному пению. Величайший в последние двадцать лет государственный деятель Победоносцев, относившийся к винной монополии отрицательно, говорил, что если через питейную монополию вся Россия запоет в церквах, то это будет самой величайшей вещью, которую можно сделать для России"¹³³.

Общества трезвости на Урале во второй половине XIX - начале XX в. открывались и при местных церквах. Так, в ноябре 1910 г. при Градо-Екатеринбургской Симеоновской церкви рассматривался вопрос об открытии общества трезвости, о чем было принято постановление Симеоновского церковно-приходского попечительства и получено благословение его преосвященства. Приход Симеоновской церкви находился в юго-восточной части Екатеринбурга, населенной рабочим людом - мясниками, извозчиками, мелкими служащими и рабочими бр. Макаровых. В большинстве своем это были небогатые люди. В этом небольшом и бедном приходе размещались 3 винные лавки, около 20 пивных, которые "процветали", тогда как библиотека имени Решетникова из-за недостатка читателей должна была закрыться. Открытие общества трезвости в таком районе являлось делом острой необходимости. Екатеринбургская духовная консистория утвердила устав общества и указом от 11 февраля 1911 г. "предписала об открытии общества, на основании п. 17-го Именного Высочайшего указа от 4-го марта 1906 года". Его руководителем и председателем стал священник Александр Лукин. Первоначально желающих записаться в новое общество было немного, тем более, что "деятельность общества далее записи в книгу трезвенников и дачи ими перед иконой св. праведного Симеона обета воздержания от спиртных напитков не шла". Церковная проповедь о вреде пьянства цели не достигала, так как пьяницы в церковь или совсем не ходили, или ходили редко. К октябрю в общество записалось только 40 человек.

С октября общество трезвости начинает действовать более интенсивно. Его руководитель, отказавшись от должности секретаря попечительства, получил больше возможности заниматься делами общества. По его приглашению трезвенники стали собираться вместе, слушать полезное чтение, петь. Читал сначала один руководитель, а потом из среды трезвенников подготовились "лекторы". На одном из собраний был избран совет общества в составе председателя, казначея, делопроизводителя и четырех членов, последним предоставлялось право заниматься делами общества.

Собрания трезвенников устраивались по воскресеньям, с каждым новым собранием число членов общества заметно увеличивалось. К январю 1912 г. их насчитывалось уже до 152 человек. Созданной руководителем за свой счет библиотеки было уже недостаточно. На общественные средства (почти на 30 руб.) были приобретены книги, которые быстро разошлись по рукам.

Собрания трезвенников в Симоновской школе начинались в 14 часов и продолжались до 18, иногда заканчивались еще позднее. Собрание начиналось с молитвы св. Духу. Затем очередной лектор начинал чтение, длившееся до трех часов. После происходил торжественный молебен, для чего все собравшиеся переходили из школы в церковь. После трогательной молитвы Скорбящей Богородице вновь записавшиеся в общество перед евангелием, крестом и иконой св. Симеона в присутствии собравшихся трезвенников давали торжественный обет воздержания от хмельных напитков на установленный ими срок. За молебном пел хор из трезвенников, в котором насчитывалось более 40 человек. Управлял хором один из трезвенников. После молебна все опять возвращались в школу, и чтение продолжалось. В антрактах все собравшиеся пели общеизвестные молитвы: "Богородице дево", молитва Господня, символ веры, заповеди блаженства, "Спаси, Господи, люди твоя" и многое другое. Особой любовью среди трезвенников пользовались духовные стихи, положенные на ноты. По словам очевидца, стихи так сильно действовали на души, что часто можно было "видеть многих из трезвенников плачущими". Больше всего им нравились стихи: "Мой Спаситель и Бот", "Скорбь сироты" и "Христос воскрес". С Великого Поста вторая половина чтения обычно сопровождалась показом туманных картин.

С октября 1911 по март 1912 г. чтений по воскресным дням в Симоновской школе "было произведено 22". Каждый раз присутствовали свыше 300 слушателей. Всего к 1 марта 1912 г. в общество записалось 323 человека (280 мужчин и 43 женщины). Средства общества были скудными, они пополнялись исключительно членскими взносами, которые уплачивались недостаточно аккуратно и несвоевременно. На одном из собраний члены общества постановили собрать деньги на приобретение иконы св. Симеона - покровителя общества. Удалось собрать 50 руб. Трезвенники хотели заказать и освятить икону на мощах угодника¹³⁴.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в повседневной жизни уральского города во второй половине XIX - начале XX в. большую роль играли православные сообщества различного типа: церковно-приходские попечительства, православные церковные братства, благотворительные религиозные общества, общества хоругвеносцев, общества трезвости и др. Церковные реформы 1860-х годов, способствовавшие созданию церковных попечительств и братств, содействовали оживлению повседневной жизни прихода. Эти и другие православные организации объединяли представителей духовенства и прихожан, верующих людей независимо от пола и сословной принадлежности. В них насчитывались десятки, а иногда и сотни людей. В ходе создания и деятельности

православных сообществ в рассматриваемый период проявились новые черты: нередко инициатива их открытия исходила не только от представителей духовенства, но и от светских людей, со временем все более широким становился спектр этих обществ, наблюдалось более активное подключение мирян к решению церковных проблем (в том числе материальных), показательным было часто руководящее участие мирян в общественных делах (на посту председателя того или иного общества).

Православные общества являлись добровольными, самоуправляющимися организациями с достаточно широкими функциями: собственно религиозными, просветительскими, благотворительными, функцией организации общественного (полезного) досуга. Таким образом, их деятельность распространялась практически на все наиболее значимые стороны повседневной жизни городского населения. Со временем эти православные общества стали уделять больше внимания вопросам просвещения и развитию культуры городского населения. Во многом благодаря их деятельности на Урале увеличилось число церковно-приходских школ, появились новые библиотеки, проводились народные чтения. Большинство обществ занимались благотворительностью. В Русской православной церкви в рассматриваемое время были общественные силы, способные активно противостоять негативным социальным явлениям. Поддерживая общественно-религиозный быт, они способствовали сохранению и развитию русской традиционной культуры.

Горожане-старообрядцы

Описывая многообразную конфессиональную ситуацию в г. Златоусте, П.П. Падучев с удивлением обнаружил следующую закономерность: сектанты, в отличие от раскольников, "никогда не удаляются в леса, чувствуя, напротив, какое-то болезненное влечение к городу..."¹³⁵ В 1880-х годах различия между теми и другими, правда, уже не существовало - старообрядцы прочно обосновались в городах, но даже в XVIII в., предпочитая укромные пустоши, они не оставляли своим вниманием и городские центры. Паника в связи с екатеринбургскими пожарами 1742 г. началась с подьячего Е. Трусова, услыхавшего от шедшего дорогой за Красными воротами одетого по-раскольничьи бордатого мужика (в сером русском кафтане, подпоясанном красным кушаком): "За согрешение наше Господь Бог пошлет гнев свой на здепний весь город... И надобно-де беретчися, и жить постоянно, вина, табуку и ничего хмельного не пить, и от прочих непотребностей хранитися". После подобного заявления в городе начались толки о том, что подлинный "гнев божий" явлен будет в средний Спасов день (8 августа): "Будет великая гроза, и от грома и молнии двory все в здепнем городе сгорят, и останутся одни люди нищие". По межконфессиональному признаку оказалось расколотым не только общество, раскол проходил внутри семьи. Екате

ринбургский житель И. Рязанов "агитировал" свою жену Ксе нию: "Не ходи ты в церковь, и что тебе в церкви делать? Вер ваща проклятая. Колико я вер прошел, а поганее оной не нашел" Не отступившая от православия супруга в конце концов донесл на своего законного мужа. Явное предательство вызывало сочувствие, порождало случаи героизма и самопожертвования при оказании помощи и поддержке раскольникам. На следствии 1737 г. неожиданно выяснилось, что популярный среди жителей^ Екатеринбурга протопоп И.Ф. Флоровский оказался тайным по собником гонимого староверия, за которое в том числе и был предан смертной казни¹³⁶.

Раскол укоренялся в городских кругах также нажитым богатством (его в это время придерживались многие екатеринбургские купчины) или успешной карьерой. Так, видный ссыльный раскольник И.С. Воронков стал в Екатеринбурге ключником сначала у начальника Сибирского обер-бергамта генерал-лейтенанта В.И. Геннина, а после его отъезда у советника Адмиралтейской коллегии капитана флота А.Ф. Хрущева, являвшегося вторым после В.Н. Татищева лицом в Екатеринбурге. Благодаря своему значительному положению ему долгое время удавалось спастись от преследований за принадлежность к старой вере¹³⁷.

Почти со времени основания Екатеринбурга в нем существовала тайная старообрядческая Успенская часовня (здание для которой ориентировочно было возведено до 1785 г.). В 1792 г. на Златоустовской улице появляется более крупная Покровская часовня¹³⁸. Раскол в городе упрочился настолько, что можно было говорить о представителях различных его направлений. Большинство местных старообрядцев ориентировались на ближний Шарташ, но были и приверженцы Таватуга, например, купец И. Осипов, державшийся особняком в их среде. Знаменитое челобитие "за всех староверцев" 1735 г. в том числе подписали и ека-теринбуржцы (тот же И. Осипов).

Не всегда раскольники попадали в город по своей воле. В 1737 г. на лесистом мысу екатеринбургского пруда В.Н. Татищев отдал приказ возвести для них тюремный острог, получивший название "Заречный тын". Он был разделен глухой стеной, в одной его половине были избы для старцев, в другой - для старик, охранялся он солдатским караулом¹³⁹.

Выявление раскольников было обязанностью приходских священников, они же (в качестве проверки) пытались привести подозреваемых к церковной присяге. Рапорты "о состоянии" (с поименным указанием приверженцев староверия) с конца 40-х годов каждые полгода посылались в консисторию. Отдельно составлялись реестры выбывших из раскола и детей старообрядцев. С родителей причт брал подписки о несовращении детей в раскол. "Увещевания" староверов тоже происходило в приходах. Прощение о желании принять православие раскольники подавали уже в духовное правление, там же обычно их приводили по печатному чиноположению к правоверию. С наступлением более просвещенного екатерининского времени православные иерархи могли себе позволить манкировать данными обязанностями. Так, в 1768 г. протопоп Екатеринбургского

собора г. Екатеринбурга Ф. Кочнев осмелился публично заявить староверу: "Я не обещался здесь ни одного из раскола обращать, а хотя в Шарташе обратившиеся от раскола и были, да я и тех при нынешней ревизии просил капитана Семена Метлина записать в раскол. И ежели тебя допустить, то вас и много ползет". В 1761 г. указом Тобольской консистории в качестве постоянного органа была учреждена Екатеринбургская следственная комиссия о раскольниках. Здесь расследовались дела о крещении детей и отпевании умерших раскольничьими попами и бракосочетания их в "лесных кельях". В августе того же года этим учреждением к митрополиту в Тобольск было направлено несколько екатеринбургских староверов, в том числе будущий староста городского магистрата М.С. Резанов¹⁴».

Пристальное внимание к семейным делам старообрядцев не "очистило" от "еретической скверны" уральские города, которые в начале XIX в. окончательно превратились в центры религиозно-организационной жизни ревнителей "древлего благочестия". Наряду с Невьянском Екатеринбург того времени был "главным местом сей секты". Однако внутренняя эволюция конфессии привела к передаче руководства старообрядческими общинами зажиточным купцам, среди которых заметно было стремление к упрочению своей организации и ее легализации. Последовал пересмотр собственного учения в сторону большей лояльности правительству. Старшина всех сибирских старообрядцев Я.М. Рязанов с 1817 по 1838 г. вел переписку с правительством, обращался непосредственно к императору, пытаясь добиться для членов своей организации таких же прав, какие имели лютеране, т.е. подчинения священников не Синоду Русской православной церкви, а непосредственно правительству в лице министра вероисповеданий.

Власти делали свои встречные шаги, предложив в 1800 г. старообрядцам единоверие. «...Сказывают, - писал в эти годы о екатеринбургских "сектантах" Н.С. Попов, - что они получили уже позволение построить и настоящую церковь». А пока имели одну часовню в городе, другую ("построенную подобно церкви") при кладбище. Обе "великолепно украшенные, особливо старыми образами греческой работы, и снабденные сколько можно древнейшей печати книгами". Здесь приходящими из Иргизских скитов попами совершались все обряды данного "вероисповедания". В 1812 г. в Покровской часовне на Златоустовской улице была освящена полотняная церковь во имя Николая Чудотворца, в которой также стали служить обедню и причащать. Будучи в Екатеринбурге император Александр I "удостоил своим посещением молитвенный дом и старообрядческие скиты монашествующих" и, "снисходя на прошение старообрядцев", действительно "соблаговолил всемиловитейше разрешить им постановление креста на вновь отстроенном каменном молитвенном доме". "...И милосердием своим, - заключило лицо из царской свиты, - к неописанной радости утешил дотоле окрест сетовавших". П.А. Слобцов, вспоминая содержание своих бесед 1828 г. "с разрушительными" екатеринбургскими "бородачами", писал: "Надобно слышать, с каким живым благоговением не устают они и теперь вспоминать черты

благости и снисхождения, коими очаровал их император Александр". Царская милость к Г.Ф. Зотову несомненно стала залогом "исключительного уважения" к нему "со стороны староверцев своей округи" (прежде всего Верх-Исетского завода, также и Екатеринбург). Те, по мнению академика Г.П. Гельмерсена, в этом "богатом и влиятельном человеке" "справедливо видели... защитника своей веры, своего главу, каковым, собственно говоря, он тайно и был"¹⁴¹.

В 1810 г. купцом Я.Ф. Толстиком строится каменный храм во имя Всемилостивого Спаса, "с тем чтобы в сей церкви отправлялось богослужение по старопечатным книгам" и был открыт единоверческий приход. В отличие от будущих "аркадиевских" приходов этот был создан добровольно и вполне обдуманно. Первоначально в первой единоверческой церкви епархии служили православный священник Смородинцев и беглый поп Жданов. Вероятно, приглашением православного священника единоверцы хотели лишь "прикрыть" беглопоповский характер своей общины, предпочитая "исправленного" на Иргизе Жданова (после смерти последнего оказалось, что вместо ставленной грамоты на сан священника он имел лишь одно "иргизское наставление"). Вскоре Смородинцев фактически полностью был отстранен от службы и оставил приход. Однако оставить при церкви одного Жданова не удалось - Иустин велел подыскивать нового православного попа. По этому поводу екатеринбургские единоверцы обратились даже в соседние епархии. В 1810 г. к ним согласился перейти священник П. Попов из Чердынского уезда, у которого вскоре обнаружился скверный характер. Смирившись с назначением к ним православного священника, единоверцы умоляли вернуться Смородинцева, но того останавливали "поношения и призрения за поступление его к старообрядческой церкви" "со стороны ближайших его родственников и своей собратий священников и прочих церковнослужителей". В отсутствие второго священника Попова изгоняли и принимали снова. Выход прихожане видели в подготовке собственных кадров. Например, сына Жданова они прочли себе в диаконы, и Толстик в 1811 г. занимался вопросами его образования¹⁴².

Старшиной всех сибирских старообрядцев Я.М. Рязановым в 1814 г. был заложен и в 1822 г. построен огромный молельный дом, в 1826 г. насчитывающий до 81 тыс. прихожан. Весной 1824 г. невянские иконописцы Богатыревы начали писать иконы для этого нового каменного храма. 15 декабря 1827 г. Николай I повелел молельню в Екатеринбурге (на которой с соизволения еще его предшественника был поставлен крест) дозволить отделать часовней, но не ставить иконостаса. В 1828 г. иконостас был разобран, а церковь опечатана. "Церковь сия, - сообщалось в 1834 г. в газетной публикации о Екатеринбурге, - стоит и по сие время неосвященною, потому что раскольникам запрещено иметь церкви. Она, может быть, обратится скоро в приходскую или единоверческую, ибо в нынешнее время деятельным духовенством многие из раскольников выводятся из заблуждения и, оставляя свои предрассудки, присоединяются к православной церкви". По мнению газеты, "в последнее время" общество единоверцев

"примерным образом увеличивается обращающимися к ним раскольниками разных сект". Ожидания оправдались: в 1838 г. "под давлением Горного начальства" Рязанов и его сторонники примкнули к единоверию. Церковь в 1839-1852 гг. была "со вкусом" достроена и освящена¹⁴³.

Во многом этому способствовало учреждение в городе епископской кафедры. Эта мера получила одобрение владыки Аркадия, который в 1832 г. писал чиновнику при обер-прокуроре Синода С.Д. Нечаеву: "...Присутствие в Екатеринбурге епископа, его служение, его учение, его наблюдение особенно много помогли бы делу миссии. Есть раскольники, кои и на миссионеров не глядят, но на архиерея... особенно... полагаю, и самые Зотовы посмотрели бы, хотя из соблюдения приличия прежде". Но уважение к сану помогало далеко не всегда. Епископ Иннокентий в 1841 г. сообщал о тщетных попытках к обращению раскольников екатеринбургского викария преосвященного Анатолия: "...Они даже не хотели и слышать его"¹⁴⁴.

Став единоверцами, приверженцы Рязанова по сравнению с прихожанами Спассовской (Толстиковской) церкви заняли более жесткую позицию. Епископ Мелхиседек считал причиной этого их попа Парамона. "И вообще надобно сказать, - писал он в 1841 г. архиепископу Аркадию, - что Парамон с своими прихожанами Златоустовской, или так называемой Рязановской церкви держит себя в дальнейшем расстоянии от православных, нежели священник и прихожане единоверческой Спасской церкви. Ряза-новщина даже укоряет спасских единоверцев в сближении их с православными. Парамон - идол единоверцев, и он, кажется, первый отклоняет их от сообщения с православными, показывая на себе пример тому. Каслинские единоверцы избранному ими во священника екатеринбургскому Дякону поставили в обязанность, чтобы он обучался священнослужениям у Парамона. В угождении их, мною так и сделано".

Единоверческие приходы были бедны. Даже прихожане Спасской церкви в 1840 г. были вынуждены просить оставить у них "за отсутствием средств" только одного священника. В 1845 г. Синод был вынужден признать право приходского управления имуществами и доходами единоверческих церквей. До выхода этого указа их старосты безнаказанно устанавливали более низкие цены на церковные товары, чтобы привлечь к себе покупателей из числа православных. Насильственно загоняемые в единоверие старообрядцы оставались равнодушны к церкви, так что и здесь основная надежда была на желающих "откупиться" от навязываемой обрядности¹⁴⁵. Екатеринбургский епископ Мелхиседек еще в 1835 г. писал об этой опасности обер-прокурору Синода Д.С. Нечаеву: "...Многие из наших старообрядцев как будто сами охладели к себе и к своему состоянию. Несмотря на необыкновенную уклончивость от всякого сообщения, кажется, многие из них сами желали бы какого-либо особенно переворота, который бы их, так сказать, переродил и вывел из настоящего положения их. Точно многие, особенно из достаточных здешних старообрядцев, начинают показывать себя плохими старообрядцами. Общественные собрания, клубы, карточные заседания

редкого из них не занимают, они готовы идти во все собрания, кроме церкви". По мнению первого екатеринбургского епископа, подобные настроения "могли перейти в... состояние равнодушия ко всему священному". Старообрядцы "обмирщались", по замечанию одного из журналов, все больше становились "достойными гражданами и людьми, нечуждыми общественных удовольствий"¹⁴⁶.

Для зажиточных горожан альтернативой единоверческим церквям стала организация богослужения "на дому". С 1814 по 1823 г. невяньские иконописцы Богатыревы писали иконы для домашней молельни заводовладельца и золотопромышленника, екатеринбургского купца первой гильдии Льва Расторгуева: "Лев Катанский с житием в 11 клеймах", "Едиnorodный сыне", "Чудо архангела Михаила Архистратига", "Чудо Георгия о змее", "Три святителя", "Богоматерь всех скорбящих Радость". С 1836 по 1837 г. по заказу екатеринбургского купца-старообрядца СИ. Баландина ими была создана большая икона "Рождество Богородицы". По мнению Н.А. Гончаровой, икона предназначалась для домашней часовни Баландиных в их екатеринбургском особняке и в некотором роде являла от лица заказчика благодарность "вышним силам" за открытие им богатейших приисков в Енисейской тайге. Тайно устроенная домашняя часовня появилась и в новом доме купца второй гильдии Саввы Тарасова. При обыске 1853 г. здесь было найдено 45 икон, в том числе и "одноименный" с хозяином образ "Святого мученика Саввы Стратилата"¹⁴⁷.

Крупнейшим городским центром старообрядчества Вятской губернии в первой половине XIX в. был Сарапул. По сведениям местных властей, в 1842 г. в городе с пяти тысячным населением проживали 450 раскольников. Некоторые из них имели собственные молельни, собиравшие на службу десятки старообрядцев города и ближайшей сельской округи. В 20-30 годах большой известностью в Сарапуле пользовалась молельня купца Г.В. Колчина. При закрытии молельни в 1839 г. книг в ней не оказалось. Сам Колчин объяснял это тем, что старообрядцы приносили их с собой. Материальный достаток позволял зажиточным горожанам из числа старообрядцев иметь практически всю необходимую богослужебную литературу, а также интересующие их рукописи. Большими книжными собраниями располагали многие купцы и мещане. Показателен состав библиотеки, конфискованной в 1837 г. у сарапульского мещанина Е. Зайцова. Кроме обычной богослужебной литературы (псалтырь, часовник, евангелие, апостол, минея общая, требник, святцы, устав, отдельные каноны и службы) в ней были певческие книги (октай, обиход, праздники, фитник), соловецкая челобитная, зонарь, скитское покаяние, субботник, книга слов и поучений Аввы, (духовного наставника) До-рофея, апокалипсис и рукописные цветники. Все 28 книг библиотеки были оценены самим Зайцовым в 400 руб. ассигнациями. Библиотека сарапульского купца третьей гильдии Баранова, обнаруженная при обыске в его доме и лавке в Боткинском заводе, насчитывала 20 книг. Стоимость их (без евангелия) владелец оценивал в 69 руб. серебром. Часть книг принадлежала ранее его отцу, другие Баранов купил в Москве и на Нижегородской ярмарке. В этом

книжном собрании было "Соборное уложение" царя Алексея Михайловича, пять певческих книг, выписки из житий святых и "Зерцала", а также рукописи, свидетельствующие об интересе купца к вопросам веры: "Прение поповщины с беспоповщиной о устроении церкви", "Беседование христианина о вере" и др. Книги состоятельных горожан представляли значительную материальную ценность, ими пользовался ограниченный круг людей.

Среди дорогих, богато украшенных фолиантов выделялись многочисленные певческие книги. У арестованного в 1854 г. по делу "О раскольнике Синикове" сарапульского мещанина Т. Смагина помимо семи богослужбных книг и Библии была найдена обширная переписка со старообрядцами многих мест Европейской России. К суду по этому делу привлекли и двух купцов - И.В. Телицына из Сарапула и Е.Н. Лысякова из Глазова. При обыске у них было найдено по несколько печатных книг. Вятский мещанин старообрядец поморского согласия М. Ельчу-гин в 1851 г. был заподозрен не только в продаже старопечатных книг, но и в книгопечатании. Его сын Галактион ежегодно ездил за книгами в Поморье, на Выг и Лексу. Привезенными оттуда книгами он и его посредники торговали на ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде, реализуя в Вятке остатки от продаж¹⁴⁸.

В 1841 г. по желанию старообрядцев с разрешения Синода на Сарапульском кладбище появилась Георгиевская единоверческая церковь. В 1848 г. казной под личным контролем Николая I в городе был возведен и оборудован крупнейший единоверческий храм Николая Угодника¹⁴⁹.

В 1845 г. в Екатеринбурге создается Секретный совещательный комитет о раскольниках, в состав которого вошли викарный епископ и горные власти. Несмотря на преобладание православных, "число староверцев" в городе, по мнению посетившего его академика Г.П. Гельмерсена, все время увеличивалось.

Старую веру исповедовали подавляющая часть ремесленников, большинство купцов, многие горнорабочие. Целые районы Екатеринбурга, например, "Заимка", были населены раскольниками. "Хотя староверцев в Екатеринбурге меньше, чем православных, - отмечал ученый, - это обстоятельство несколько их не угнетает, напротив, заставляет их сплачиваться. Такие объединения тем сильнее, чем больше в них оказывается состоятельных людей". По его наблюдениям, "в Екатеринбурге можно видеть примеры того, как влияние такого братства распространялось на общественную жизнь": "Тяжелые преступления, которые совершают сектанты в городе или в его окрестностях, при самых тщательных расследованиях, проводимых властями не по одному году, оставались нераскрытыми только потому, что преступники находились под защитой влиятельных единоверцев".

"Разногласия между ними, - описывал отношения православных и старообрядцев академик, - проявляются при каждом случае, по каждому поводу и далеко не всегда заканчиваются мирным образом. Даже дети вовлечены в эту вражду. В Екатеринбурге часто можно наблюдать, как подростки, дети православных и староверцев, дерутся на улице, на глазах у всех осыпают друг друга ру-

гательствами". Несмотря на "недружелюбные" отношения, "простой люд, особенно представители рабочего класса, исповедующие православную веру, достигнув пожилого возраста", зачастую переходили в старообрядчество¹⁵⁰.

Это "большое... состоящее из лучших купцов и мещан" общество находилось в полной зависимости от старообрядческих старшин. В середине XIX в. Н.И. Надеждин писал: "... Раскольничьи старшины присвоили себе власть не только над простодушными и невежественными простолюдинами, но и над беглыми попами, состоящими у них в безмолвном повиновении, так что ни один обряд не совершается без письменного разрешения старшины, а это разрешение не выдается без денег. Сборы должны составлять большие суммы, которыми старшины располагали по своему произволу и на что употребляли - неизвестно"¹⁵¹. Компромисс между официальной церковью и староверием в столице горнозаводского Урала все же следует признать состоявшимся. К 1860-м годам большинство екатеринбургских купцов и значительная часть жителей считались единоверцами¹⁵². Другим крупным центром раскола, в одночасье превратившемся в единоверие, стали города Уральского казачьего войска. По данным 1880-х годов, в Уральске проживали чуть более 11 тыс. православных (причем большую часть из них составляло невойсковое население), 7374 единоверца и 5256 старообрядцев. В сумме старообрядцы и единоверцы преобладали над православными. Два других города Уральского казачьего войска можно назвать "единоверческими". В Гурьеве на 2303 единоверца приходилось 1326 старообрядцев и всего 853 православного. Жители г. Калмыкова практически все были единоверцами. Их насчитывалось 1099 человек, в то время как православных было 97 человек и раскольников 41¹⁵³.

Казачья жизнь была фактически по приказу начальства. И служебный формализм помог сохранить войсковому городскому населению старинный раскольничий уклад жизни. По мнению М. Михайлова, этому способствовали и условия казачьей службы. "Казачу, - рассуждал он, - некогда погружаться в тонкости догматической полемики, некогда думать в походе о том, войдет ли он в царствие небесное, если сбреет для удобства или по приказу начальства бороду и выкурит, товарищества ради, трубку... он молился, когда приходилось, во всех церквях". Однако в суровых условиях службы с ним оставались яркие воспоминания детства: "Бабушка в черном сарафане, обшитом серебряным позументом, беседующая с каким-нибудь начитанным старцем с желтоватыми космами вокруг головы, в длинной рясе, перетянутой ремнем; лампы перед большим иконостасом в отдельной горнице; фигуры заучивно и протяжно поющих и нараспев читающих старух в траурных сарафанах с кожаными, коленчатыми как червяк четками в руках; густой дым ладана, тихий треск тонких восковых свечек; потом отпевание и похороны дедушки полковника, которого клали в гроб не в мундире, а в длинном до пят белом саване; худое желтое лицо его, осененное длинными, расчесанными посреди лба седыми волосами и с длинной по пояс седой бородой; старая девствующая тетушка мастерица, занимающаяся обучением детей церковной грамоте и мгновенно зажимающая нос

расправленным как веер платком, если можно предполагать вблизи курильщика; секретные приготовления к принятию приезжего с Иргиза попа".

Со службы он "воротится домой к своим пенатам, то есть к большой вроде церковного иконостаса божнице с родовыми темными иконами в дорогах окладах". Первым делом уничтожив свои трубки ("в доме никогда не пахло проклятым зельем"), отставной казак никогда не даст "постризалу взыйти на браду свою", строго станет держать все большие и малые посты, начнет читать книги «домашней душеспасительной библиотеки, помещенной в шкапчике под "божьем"... проникнется описанной Денисом Виноградовым многострадальной жизнью соловещки и стародубских старцев и скитников», мало-помалу станет "вступать и сам в прения, говоря, что новые книги все в никоновских лепешках и, наконец, умрет, напутствуемый таинственным попом". Похоронят его, как деда, в белой до пят рубашке, с желтой бородой по пояс и отпевать будут старцы и черницы, "и дети его поедут в скит заказывать сорокоуст по душе его"¹⁵⁴.

Единоверческие священники замечали массу особенностей в церковном обиходе своих прихожан. "Народонаселение Уральской области коренное, казачье, а равно иногороднее, издавна поселившееся в Уральском войске, - писал в 1891 г. А. Соколов, - резко отличается от великорусского народонаселения центральных губерний Европейской России складом и направлением своей... церковно-религиозной жизни, выработавшейся под влиянием окружающей природы, исторически сложившихся обстоятельств и других факторов развития человеческих обществ". Проходя мимо церкви, "обыватели" "благоговейно обнажали свою голову и не надевали шапки до тех пор, пока не проходили всей площади, занимаемой храмом", однако "осенять себя крестным знаменем, как делает это великорусский человек", казаки "забывали!"¹⁵⁵.

О храмах среди горожан существовали различные поверья, например, о противостоянии собора в г. Уральске "капризному" течению р. Урал: "Когда церковь была еще не единоверческой и Урал протекал у ее подножья, она чрезвычайно уважалась здешними богомольцами. Близость реки и зыбкость берега заставляли, однако, бояться, что ей долго не простоять. Нашлись и такие люди, что считали небезопасным оставлять церковь в этом положении. Так как на стороне этих людей была сила и власть, то они распорядились сломать здание, грозившее рано или поздно обрушиться на прихожан. Трое работников забрались уже на кровлю, чтобы начать ломку, но с ними в ту же минуту сделалось головокружение, и они все трое свалились с кровли и разбились в прах, не успев отломать и кусочка от старых стен. Распорядители, вместо того чтоб принять этот случай за предостережение свыше, решили не отступать от своего намерения и нарядили на следующее утро новых работников для слома церкви. Работники немало удивились, когда, придя утром к собору, увидели, что Урал отклонил свое течение от его стен и оставил около них безводную тинистую ложбину. Приниматься за работу было, разумеется, уже нечего. Река перестала подмывать берег, берег укрепился, и церковь стоит на нем невредимо до сих пор"¹⁵⁶.

Прихожане единоверческого храма г. Калмыкова в конце XIX в. соблюдали обет, данный еще в первые годы заселения Калмыковской крепости, "Божием попусциением, - говорилось в предании, - завелась болезнь в лошадях и малопомалу приняла столь опустошительные размеры, что наконец во всей команде не осталось ни одного коня; тогда решено было всем миром построить здесь храм в честь и славу святых мучеников Флора и Лавра, покровителей лошадей". По местному обычаю в день храмового праздника после литургии "нарочно" подгоняли к церкви конский табун и кропили святой водой. Употреблять в этот день лошадей на работу в поле и дома считалось грехом¹⁵⁷.

Здесь существовал обычай, "умирая, отказывать домашние иконы в свой приходский храм". "Уезжая надолго из области", прихожане также оставляли домашние иконы для хранения в приходском храме. Коленопреклоненная форма молитвы не пользовалась у жителей "любовью и популярностью". "Эта форма обнаружения религиозного чувства и молитвенного настроения, - отмечал тонкий наблюдатель, - господствует над другими у татар и вообще мусульман, которых много в г. Уральске, а уральцы хотят отличаться от татар даже и в молитве". "В высшей степени отрадное впечатление, - продолжал сравнивать великорусские и казачьи обычаи А. Соколов, - производит на русского человека обычай уральцев славить Христа по домам знакомых в Рождественские святки. Правда, этот обычай существует повсеместно в православной России, но дело в том, что в Уральском крае ходят славить Христа не одни лишь мужчины и мальчишки, но даже женщины и девочки, и не с корыстной только целью, но и по религиозным побуждениям". «Такое же впечатление, - пояснял автор, - испытывает в г. Уральске приезжий человек в ночь под Светлое Христово Воскресение. В эту ночь, кажется, все уральцы бодрствуют, почитая грехом спать. Еще с вечера раздаются с колоколен редкие удары колоколов - это призыв народа в храм к слушанию "Деяний Апостольских". Храмы быстро наполняются народом. Грамотные выдвигаются вперед и начинается неспешное чтение... А пройдите вы в эту ночь во время службы по церквам полунощницы, по улицам города, и вас поразит оригинальная картина: во всех домах теплятся свечи перед иконами, а во многих слышится пение женщин - это отправляется полунощница в домах раскольников ("никудышных")».

По данным конца XIX в., нищих в г. Уральске насчитывалось "сравнительно немного", еще меньше их встречалось в уездных городах. Были они иногородними и, по замечанию современника, "кажется, большей частью нищими по ремеслу". Однако подавали им охотно. Только редкие в ответ на просьбу милостыни отговаривались: "Бог подаст". "Особенной любовью" здесь пользовалась так называемая потайная милостыня, при которой личность просителя "не разбиралась и не рассматривалась". С наступлением вечера, когда в домах зажигали огни, под окнами появлялись нищие, "произнося довольно громко" следующие слова: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас" и затем непосредственно: "Подайте святую милостыню Христа ради". Форточка или окно

открывались, из комнаты к просящему протягивалась рука, наделяя его куском хлеба.

Согласно наблюдениям А. Соколова, "в г. Уральске, как и везде, вероятно, женщины богомольнее мужчин и чаще последних посещают храм Божий". В храмах прихожанки становились с левой стороны, а мужчины - с правой, "и потому никогда не смешивались во время молитвы". "Мужчины в церкви, - отмечал автор, - во всем преимуществуют над женщинами: они первыми подходят к кресту по окончании службы церковной, к Евангелию или св. иконе и принятию св. тайн. И женщины нисколько не ропщут на это. Напротив, это так вьелось в плоть и кровь их, что считают как бы за нечто должное". В домашнем кругу роли менялись. "Дома, при отправлении религиозных обязанностей, женщины первенствуют перед мужчинами, играют главную роль, являясь в качестве уставщиц полновластными заправительницами, и зорко следят за точным исполнением религиозных обрядностей мужьями и домочадцами, карая единодушным порицанием за малейшее уклонение от них. И мужчины с покорностью, беспрекословно подчиняются в этом отношении женщинам, сознавая превосходство последних над собою в этом деле". Женщины, особенно пожилые, читали "цветники, трифологионы, творения сибирских, стародубских, иргизских и всяких диких учителей", вели "праздные" разговоры о том, что "Никон веру истыкал", толковали "об Иисусе и Иусе, о Богородице и Христородице, о разврате нынешнего века, о нарождении в Вавилоне антихриста от девки жидовки". Все это происходило, с иронией замечает один из авторов, "за полупштофом пеннаго"¹⁵⁸.

Православных священников особенно поражало основополагающее в религиозной практике уральцев понятие "греха". "Не считая в простоте своей безделье, грубую брань, кутежи и пьянство нравственно предосудительными, - удивлялся А. Соколов, -употребление сахара в Великий Пост почитают за грех, считая его скромной пищей на том основании, что он очищается через жженую кость, а потому заменяют его изюмом, курагой и другими фруктами. Строго воздерживаясь в некоторые дни от употребления рыбы и елєя, они, тем не менее, напиваются водки до положения риз и распевают плясовые песни под аккомпанимент гармоники. Посуду, хотя бы раз один попавшую в баню, считают поганой и уже не решаются употреблять для кухни, но кизяки, приготовленные из помета разных животных, не почитают, вероятно, такими, не опасаясь готовить на них пищу себе". "Гордясь своим благочестием, - возмущался А. Соколов, - они доходят в этом отношении до грубого фарисейства и исключительности. Видя, например, на вас новомодное платье или бритое лицо, или достоверно зная, что вы принадлежите к Церкви, раскольники ни за что не накормят и не напоят вас из своей чашки, а преподнесут вам если не в банной посуде, то в такой, которую сами не употребляют. А если вы закурите в их присутствии папироску, то они убегут от вас, как от чумы, и по вашем уходе непременно окурят комнату ладаном". «Еще недавно, - сообщалось об уральцах в середине XIX в., - заезжих "бритоусцев" с камнем на шею кидали здесь в Урал: не суйся де, где не

спрашивают!». «Судьба того астронома, которого вздернули во время пугачевщины на виселицу, чтоб ему было ближе считать звезды, - замечали "просвещенные" путешественники того времени, - могла бы повториться здесь и без пугачевщины». За следующие полвека положение практически не изменилось. "Говорят, что семь или восемь лет тому назад, - писал А. Соколов в 1891 г., - в г. Уральске трудно было курившему табак отыскать себе квартиру, так как; раскольники-домохозяева ни за что не соглашались держать таковых в своем доме, а равно таких жильцов, которые держат музыкальные инструменты, как то: рояль, фортепиано, словом, бряцающие инструменты, которые раскольники относят к бесовской музыке".

"Даже невинные детские развлечения, наподобие школьных святочных елок, - писал А. Лоскутов уже в годы первой русской революции, - и те единоверцу представляются грехом". «Уральские казачки, - изумлялся он, - часто говорят священнику: "прости меня, батюшка, за то, что я свои ногти огрызла, а не обрезала; с печного шестка венником сметала; на Кирика и Улиту баню топила и платье стирала - ведь это все великие грехи". Повествуя священнику о всякой мелочи, казачка в то же время грехов, действительно великих, за собой как бы не замечает»¹⁵⁹.

В пореформенное время конфессиональная обстановка в городах Урала стала еще многообразнее: они оказались ареной действия официально признаваемого единоверия и многочисленных староверческих согласий и толков (тремя основными были "австрийцы", "поморцы" и часовенные), а также "рациональных" сект (прежде всего хлыстовщины и иеговизма). "Не вполне признающее догмы православной церкви" единоверие для церковных иерархов оставалось подозрительным. Будучи в 1870 г. проездом в Екатеринбурге, красноярский епископ Никодим нашел несколько поводов укорить "ревнителей старой веры". Главные богачи, миллионеры, сетовал он, "почти все раскольники". "Православные же - работники"! Он обнаружил два храма единоверческих, которые, по его мнению, находились "на лучших местах города". Первый располагался на площади и имел на фронтоне, над западным входом, возмущившую иерарха надпись: "С нами Бог, разумеите языцы". "Единоверцы (я их почитаю раскольниками), - рассуждал почтенный епископ, - конечно, сею надписью хотели сказать: Мы-де истинные поклонники Богу. А вы, православные, то же, что язычники. Я бы не дозволил им сделать такую надпись". Второй храм был "в виду архиерейского дома, впереди его". После посещения этой единоверческой святыни келейником Никодима Федором, "увлеченным" туда послушниками архиерейского дома, он поделился своими впечатлениями с владыкой: "Храм огромный, великолепный, блестит золотом и серебром, но в нем такой дурной запах, что я не мог быть долго, будто в пустыне... Я спросил тутошнего сторожа, отчего такой дурной запах? Тот отвечал: я не чувствую, а может быть, от кадила". "Нет, это смрад духовный, - сказал Федор, - смрад хулы на церковь Божию, смрад своевольтв и ослушания и, может быть, смрад

нравственный и плотской грязи, в коей валяются, яко свиньи, невежествующие старообрядцы"¹⁶⁰.

Ближе всего к официальному единоверию из староверческих согласий по своим организационным принципам стояли последователи белокриницкого священства, которые появились на Урале в середине XIX в. Свою деятельность они начали с создания приходской организации, храмов и иерархии священнослужителей. В 1860-1870-е годы общественные моления "австрийцев" совершались, как правило, в домах благодетелей-купцов. Когда число последователей белокриницкой церкви в Екатеринбурге стало довольно большим, они "покушались отнять" у беглопов-цев (часовенных) Никольскую моленную. "Только благодаря Тарасовым, Бложиным, деды и отцы которых воздвигли этот храм, австриякам не удалось присвоить его себе". В Екатеринбурге "важнейшими коноводами раскола австрийской секты" являлись "лжепоп Евсигней", иеродьякон Комментарий (в миру К. Гуль-бин) и священник К. Ловков, прослуживший в городе более 15 лет. В марте 1868 г. его задержали в доме мещанина Н.С. Хребтикова, обнаружив походную церковь со всеми принадлежностями. Власти знали также о лжепопе Алексее в Златоусте. Благодаря доносу им удалось арестовать и "австрийского" епископа Геннадия. Соблюдая конспирацию, приверженцы белокриницкой церкви прятали своего иерарха то в доме "магушки Ларисы" (в миру А.Г. Сырейщикова), то у купцов М.К. Ушкова, Н.Г. Чувакова и других. По воспоминаниям сына екатеринбургского полицмейстера Пестерева, 6 декабря 1862 г. его отец встретил на улице неизвестного человека, который, остановившись, сказал ему: "Если хотите захватить Геннадия, то ступайте в дом купца Чувакова - он отправляет там богослужение... Подойдите к двери и постучите, а когда вас спросят, кто такой, то отвечайте так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божией, помилуй нас. Свои. Тогда вам отворят".

Лишь в конце 1870-х - начале 1880-х годов "австрийцам" удалось устроить настоящие храмы. Самый значительный из них находился в бывшей усадьбе Расторгуева. В перестроенном особняке на пожертвованном купцом-мукомолом Бельниковым участке была размещена трехпрдельная Свято-Троицкая церковь белокриницкого согласия. Вероятно, первым настоятелем этого храма был И. С. Попов (из мещан г. Екатеринбурга). Вторым священником сюда был определен П.П. Огнев. Уже в 1889 г. он упоминается как пресвитер екатеринбургского храма, а после ухода И.С. Попова на покой становится его настоятелем, а в начале XX в. - протоиереем. Примерно с 1909 г. в этой церкви служил

А.Я. Бердышев, рукоположенный епископом Антонием в священники около 1907 г. После смерти П.П. Огнева он стал настоятелем Троицкого храма и также протоиереем.

Наряду с причтом "австрийцы" воссоздавали и приходские общины. Совладелец фаянсовой фабрики в г. Екатеринбурге М.К. Чеканов в 1880-е годы некоторое время возглавлял общество Свято-Троицкой церкви. Он был женат на сестре купца второй гильдии, владельца гончарно-посудной фабрики А.Ф. Шурова, который в конце XIX - начале XX в. неизменно входил в состав

попечительского совета "австрийского" храма. Пользовавшийся большим авторитетом у екатеринбургских "австрийцев", купец второй гильдии О.К. Козицын длительное время был одним из попечителей Свято-Троицкой церкви, а в начале 1890-х годов сменил М.К. Чеканова на должности старосты храма. После его смерти старостой стал его зять СИ. Афонин. Среди попечителей "австрийского" молитвенного дома также числился владделец посудных магазинов в г. Екатеринбург купец С Янин, после смерти СИ. Афонина выбранный в старосты общины.

Продолжительное время председателем совета Свято-Троицкой общины был "заступающий место городского головы" Екатеринбургa СО. Козицын.

Молитвенный дом, устроенный А.Г. Ушковым в своей усадьбе в г. Шадринске, по богатству внутреннего убранства и размерам немногим уступал екатеринбургскому храму "австрийцев". Однако достался он представителям данного согласия после многих бюрократических проволочек. После выхода в 1883 г. "правил, позволяющих раскольникам иметь свои молитвенные дома", "австрийцы" г. Шадринска, "превратно" истолковав этот документ, "начали было на видном месте в городе строить себе церковь и уже успели вывести стены до сводов, но были от дальнейшего продолжения работ удержаны гражданскими властями". "В устроенном ими здании" до 1899 г. располагалась Николаевская церковноприходская школа. Моления же по-прежнему совершались в старом храме. Лишь в 1904 г. старообрядцы получили разрешение реконструировать и занять новое помещение. В ноябре 1904 г. Крестовоздвиженская церковь была освящена, а в сентябре 1915 г. над ней были надстроены купола и подняты кресты. Более четверти века (с середины 1880-х годов) пресвитером Шадринского храма был Т.А. Хамкин. После его смерти некоторое время место настоятеля занимал Р.С. Топорков. В Златоусте "общество старообрядцев, приемлющих белокриницкое священство", в начале XX в. состояло приблизительно из 300 человек. На Большой Барочной улице они имели каменный, "по наружному виду довольно приличный, с главою и крестом" храм. В разные годы в нем служили Т.И. Вотинов (в 1887 г. арестован и умер в ссылке), М.Т. Карюков и Р. Горшков. "Австрийские" церкви имелись также в Челябинске (иереи А.И. Кульков и В.Д. Шипулин, позже перешедший к единоверцам).

Наряду с храмами и приходами белокриницкая иерархия заводила также монастыри. В 1880-е годы женская община "австрийцев" находилась в екатеринбургской усадьбе купчихи М.В. Ушковой¹⁶¹.

Появление массовой организации было сопряжено с высоким прозелитизмом деятелей белокриницкой иерархии. Прежде всего их усилия были направлены на часовенных - самое многочисленное староверческое согласие. Охотнее всего "в австрию" записывались проживающие в городах умеренные (по своему имущественному статусу, как правило, состоятельные) представители часовенных. Екатеринбургским кушом Ф.А. Малиновцевым в 1900 и в 1907 гг. были предприняты две поездки на родину первого белокриницкого иерарха и в Белую Криницу (для выяснения обстоятельств крещения, рукоположения и перехода к

старообрядцам греческого митрополита Амвросия). Однако собранные доказательства соответствия Амвросия канонам "древлего" православия не убедили противников священства. Екатеринбургский собор часовенных 1908 г. принял категоричное постановление "австрийскую иерархию не признавать законной".

Во многом это было заслугой более радикальных членов согласия, которые проживали в сельской местности, но в начале XX в. активно переезжали в города. По данным метрических книг 1912 г., прихожанами Успенской и Никольской часовен г. Екатеринбурга были 135 крестьян, 68 мещан, 4 казака и 5 купцов, а всего 212 человек. Переселяясь на жительство в город, крестьяне-старообрядцы включались в общину одноверцев, принадлежность к которой часто и означала принадлежность к сообществу, пронизанному едиными хозяйственными связями и во главе которого стояли зажиточные купцы. Выходцы из видных купеческих семейств старообрядцев-часовенных г. Екатеринбурга Тарасовых и Щербаковых в конце XIX - начале XX в. были попечителями Никольской ("большой") часовни. Попечителем малой Успенской часовни Екатеринбурга значился упомянутый Ф.А. Малиновцев. В доме Щербаковых происходил знаменитый Екатеринбургский собор 1884 г., следующий Екатеринбургский собор состоялся в 1887 г., в 1888 г. в Перми был проведен "съезд старообрядческого сословия". Приверженцы различных направлений старообрядчества также встречались на многочисленных публичных диспутах. В 1901 г. у Щербаковых происходили беседы знаменитого часовенного начетчика А.А. Коновалова с представителями "австрийцев". На рубеже XIX и XX столетий в Екатеринбурге неоднократно выступал К.А. Перетрухин, "почитающийся первым оратором среди защитников австрийской иерархии", "муж слезно-сладко-глаголивый". Однако "австрийцы" считали необходимым иметь на Урале постоянного миссионера-начетчика. Им стал А.Д. Токманцев. Когда в 1900 г. при Екатеринбургском старообрядческом обществе белокриницкой иерархии было образовано братство во имя Святой Живоначальной Троицы, ставившее своей задачей просветительскую и миссионерскую деятельность, он был приглашен туда на место "епархиального начетчика".

Для активизации пропагандистской работы среди верующих "австрийцы" стали использовать гектограф. Видимо, на средства купца-мукомола Г.Н. Грачева было приобретено оборудование и в одном из флигелей дома на Покровском проспекте развернута мастерская. В 1901 - начале 1902 г. здесь было размножено не менее 5 произведений¹⁶².

Со времени первой русской революции старообрядческие организации стали работать в "легальных условиях". В 1907 г. государственными органами регистрируется Никольская община часовенных г. Екатеринбурга, председателем которой был избран Ф.Г. Щербаков. На съездах стала возможна координация деятельности староверов в масштабах страны. В 1911 г. в г. Екатеринбурге состоялся I Всероссийский съезд. Многие его участники приехали специально для рассмотрения проблем унификации обрядов крещения, причащения, заклочения

браков, покаяния, без решения которых было невозможно предотвратить разделения в общинах. Сразу прийти к единому мнению удалось только по одному вопросу: было признано, что для таинства покаяния не требуется священник, его могут совершать иноки и простецы.

Появились новые возможности для создания собственных образовательных учреждений. В Екатеринбурге при Никольском храме была создана школа, в которой одновременно могли заниматься 50 мальчиков и девочек. Обучение велось по 3-годовалой программе. В штат школы входили 2 учительницы, законоучитель, учитель пения и сторож. Заведовала школой П.С. Загудеева - сестра секретаря совета Никольской общины И. Крохина. Стараниями прихожан обеих городских часовен удалось собрать хорошую школьную библиотеку, в которой были не только старопечатные псалтыри для изучения церковной грамоты, пособия и хрестоматии, выпущенные для школ Министерства просвещения, но и художественные альбомы, энциклопедические словари, издания "Библиотеки Павленкова", сказки Г.Х. Андерсена, книги Д.Н. Мамина-Сибиряка, Вольтера, Толстого, Гоголя. Всего насчитывалось более 100 наименований книг и пособий.

С января 1915 г. в Екатеринбурге при участии знаменитого старообрядческого начетчика А.Т. Кузнецова начал выходить ежемесячный журнал "Уральский старообрядец". Первоначально его редактором был сын председателя одной из екатеринбургских общин - И.П. Мокрушин, а в 1916 г. В.В. Крылов. Председатель Никольской общины часовенных распространял издание по подписке. После октября 1916 г. его выпуск, очевидно из-за финансовых трудностей, был прекращен¹⁶³.

Деятельность поморцев можно рассмотреть на примере общины этого согласия в г. Златоусте. Она появилась задолго до официального признания этого населенного пункта (в 1865 г.) городом. Благодаря рукописи П. Мельникова, оставившего "галерею образов" видных златоустовских поморцев, мы имеем возможность "окунуться" в духовную атмосферу общины. Настоятелем златоустовских поморцев в пореформенное время был Т.В. Байдосов. Он сумел решить жизненно важный для ее членов вопрос о заключении браков. При нем они стали брачниками и "стали умножаться". В 1882 г. по состоянию здоровья он отказался от настоятельства и прожил еще 10 лет. Не ел мясо и вел монашеский образ жизни. После него с 1882 по 1897 г. настоятелем был В.Е. Пильнов. Хотя он "и был двоеженец, то есть женат вторым браком", но Байдосов "допустил" его руководить общиной "за хорошую и достойную жизнь". Этот глава златоустовских часовенных "поучал свободным голосом", был "толь хитр в слове, что когда начнет говорить умилительные слова, то многие плачут, а потом начнет веселые слова говорить, у всех поднимается дух". "Человек был незлобив, милостив и боголюбив". Затем "малое время" (1897-1899) настоятельствовал Г. Ельков и с 1899 по 1914 г. - Ф.В. Мурдасов. Был он низкого роста, голову стриг в кружок, всегда носил кафтан, никогда не ругался, всегда был весел, "милостив к нищим и теплый молитвенник за бедных". В 1914 г. Мурдасов удалился в

монастырь в Зигальгу. Во время его настоятельства был проведен ремонт старой моленной. В 1908 г. была выстроена новая моленная, куда отделилась часть общины. Настоятелем здесь стал сын Ф.В. Мурдасова Михаил. По воспоминаниям членов общины, "человек кроткий и смиренный, на базаре никогда не рядился, что запросят за какую-либо вещь, все платил. На молении всегда плакал. Бог дал ему такой дар слезный". В 1917 г. новая моленная была закрыта и снесена. В рукописи также упоминаются "ревнитель наречного пения" Г.И. Сычев, уставщик новой моленной В.Г. Шнырев - служащий земской управы. О нем сказано, что он "служил и молился"¹⁶⁴.

Наряду со старообрядцами так называемая внутренняя миссия православной церкви занималась христианскими расколами, сектами и ересями внутри русского народа вообще. В городах Урала исследуемого периода она прежде всего сталкивалась с "изуверством" скопцов - одного из направлений хлыстовщины и, иеговистами. Многочисленных сторонников эти секты не имели,¹ однако их воздействие на религиозную жизнь отрицать не приходится. Достаточно вспомнить общественный резонанс "динамитной истории" с иеговистами, после которой верующие опасались посещать моления в храмах, крестные ходы и другие массовые мероприятия.

"Скопческая зараза" была занесена в Пермскую губернию еще в 1825 г. "неизвестно только кем". По мнению В. Гагинско-го, "верным доказательством живучести скопчества" служило то обстоятельство, что всего за 13 лет (с 1876 по 1889 г.) суды рассмотрели два "скопческих дела" в Екатеринбурге и два в Камыш-лове (в 1887 и 1888 гг.). И это при сложности обнаружения скопцов, которые являлись самыми истовыми прихожанами: "к церкви были усердны, имели охоту к посещению храма Божья, никаких враждебных отношений к духовенству не обнаруживали и всегда исполняли все обязанности православных христиан". Как показало следствие, один из них - "преданный своему заблуждению до изуверства" сектант Пушкарев служил трапезником при екатеринбургской Духо-Сопоствиевской церкви. В начале XX в. радения хлыстов, известных в народе под именем "квасников", были "замечены" в г. Датматове¹⁶⁵.

Екатеринбург оказался причастным к возникновению одной из рациональных сект - иеговизма. Представляется, что произошло это далеко неслучайно. Исследователи уже отмечали, что "жизнь в городе, где значительная часть населения (среди которых было немало весьма уважаемых людей) придерживалась старой веры, где проживали также лютеране и протестанты, требовала веротерпимости", которая, добавим от себя, включала и уважение к духовным исканиям других¹⁶⁶.

Поэтому, приехав в 1845 г. в Екатеринбург, основатель иеговизма Н.С. Ильин быстро нашел собеседников по вопросам веры. Одними из первых его знакомых стали священник Ново-Тихвинского женского монастыря о. Аркадий Казанский и находившиеся с ним "в тесных дружеских связях" И.И. Будрин и К.А. Протопопов. Первый являлся делопроизводителем того же монастыря, второй преподавал древние языки в духовном училище и был его инспектором. В 1859 г.,

покидая Урал, Ильин хотел, вероятно, увидеться с "тамошними десными своими друзьями". И он нашел благовидный предлог остановиться в Екатеринбурге, чтобы, как пишет исследователь иеговизма Е.В. Молостова, "получить от них из общей десной их кассы какое-то пособие себе на дорогу". Ими были тот же Аркадий и находившийся на екатеринбургской гауптвахте Протопопов. Содержали его не слишком строго и "нередко под предлогом преподавания уроков арифметики" опальный Протопопов посещал друга¹⁶⁷.

Второе "пришествие" иеговизма на Урал происходило в начале 1880-х годов после освобождения Н.С. Ильина из монастырского заточения. В октябре 1882 г. пермский губернатор представил епископу Вассиану неизвестно кем присланную шадринскому купцу Ушкову брошюру "Истинная вера и истинный бог". 24 августа 1883 г. миссионер Верхотурского уезда доносил в консисторию, что "через письма Ильина и через подбрасывания его сочинений, отпечатанных гектографом к разным интеллигентным лицам в Тагиле и других местах, секта десных в последнее время значительно стала усиливаться". Преподаватели учебных заведений получали от иеговистов-родителей послания. "За неисполнение других уроков наказывайте, как хотите, - писал иеговист Сушников, - а что она [дочь] не ходит в церковь, видите, что не она виновата, а я. Я не отпускаю ее... Почему же ваш законоучитель Гавриил Лукич не научает родителей? Он должен убедить сначала родителей..." "Милостивая государыня! - обращался к учительнице другой иеговист, - вы уроки задавайте из политической части, а не из духовной, потому что мы не вашей религии... не гневайтесь... и учите из арифметики, из грамматики, чтобы он (сын) мог бы читать и писать правильно, вот этим-то учением я дорожу..."

Масло в огонь подлил приезд Ильина в Екатеринбург. Летом 1887 г. он был выслан из Прибалтики и заключен здесь в тюрьму, из которой "продолжал обличать сатанистов", написав сочинение "Необыкновенная борьба Иеговы с Сатаной в Екатеринбурге". Через два месяца старика выпустили на поруки, но затем, опасаясь бурной пропагандистской деятельности, снова посадили под арест. 10 февраля 1888 г. состоялось его медицинское освидетельствование. Врачи были единогласны: "в настоящее время страдает расстройством умственных способностей в форме религиозного помешательства и в таком же состоянии совершил те деяния, за которые предан суду". 16 февраля был освобожден и отправлен в Пермь, а оттуда в Митаву. Судебное разбирательство над последователями Ильина происходило с 30 марта по 1 апреля 1888 г. при закрытых дверях. Все 26 обвиняемых открыто заявили о своей принадлежности к "апокалиптической или общечеловеческой вере", большинство из них в соvrащении православных себя не признали, хотя факт рассылки ими книжек Ильина был вполне установлен свидетельскими показаниями. 14 лицам было предъявлено обвинение в отказе крестить детей и воспитывать их в правилах православной веры. Присяжные вынесли обвинительные приговоры: ссылка на поселение с лишением всех прав состояния, тюремное заключение на срок от трех месяцев до года. Одиозное решение "отдать на воспитание родственникам

православного исповедания или назначенным от правительства опекунам православной веры" осталось только на бумаге, "в качестве печального исторического пережитка".

Прозелизм иеговистов подчеркивал рациональный, если не сказать "модернистский" характер их секты. Пропаганду они вели исключительно в письменной форме, должны были подписывать свои воззвания и рассылать их по почте. Запрет на устное обращение в свою веру, как ни странно, затруднял общение с ними православных миссионеров. Иеговисты вручали им свои писания и требовали письменного ответа, не желая вступать в словесные прения. Екатеринбургский епископ сообщал об этой их особенности обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву: "К сожалению, нужно сознаться, что все подобные собеседования и домашние и особенно публичные, если и приносят какую-то пользу, то весьма малую". Он имел в виду поведение сектантов при попытках вовлечь их в разговор: те "приходили в неистовство, шумели и нередко с угрозой приступали к своему собеседнику". "Православные же, - писал епископ, - видя их неистовство и слыша их богохульное глумление над православной верой, сильно возмущаются и тем предохраняются от соращения в их сек-ту"¹⁶⁸.

К началу XX в. произошло разделение иеговистов на умеренных и так называемых мстителей, которые подбрасывали начиненные динамитом "адские машинки" неудобным им лицам. Вступление последних на путь террора дало официально православию дополнительный повод дискредитации секты в глазах запуганного уже народолюбцами и анархистами обывателя. "В январе месяце отчетного года, - писал в 1902 г. миссионер Екатеринбургской епархии, - иеговистами расклеено было по г. Екатеринбургу воззвание, подписанное многими из них. Все подписавшиеся под хульной брошпурой, очевидно, принадлежат к партии иеговистов-мстителей, которые не пренебрегают никакими средствами для уничтожения всех не иеговистов или сатани-стов, своим существованием на земле задерживающих наступление вечного блаженства в будущей иерусалимской республике". Революционные действия (расклейка листовок) и сопутствующая им фразеология сочетались скорее не с религиозным, а утопическим мышлением. В изложении православного миссионера будущее, наступление которого своими действиями приближали иеговисты, представлялось им следующим образом: "По истреблению сатанистов будет спущен на преображенную землю город Иерусалим, сделанный небесными людьми, то есть жителями других планет, украшенный драгоценными камнями, с улицами, вымощенными золотом, окруженный яшмовой стеной. Посредине города будет дворец Иеговы; из-под дворца будет протекать река по всем улицам; на берегах реки будут расти фрукты, вкусивший от которых будет бессмертен. Стариться никто не будет: мужчины будут пребывать в возрасте 34 лет, а женщины 16 лет"¹⁶⁹.

В литературе уже говорилось о многообразии религиозного опыта россиян в период "заката империи" (предреволюционного времени)¹⁷⁰. Обращение к истории

повседневности показывает, что подобная ситуация сложилась гораздо раньше. На протяжении XVIII-XIX вв. происходил весьма динамичный процесс возникновения "новых" вер, "ветвление" старых, ротация конфессий (оттеснение популярных ранее толков и направлений на периферию и наоборот). Исследователь сталкивается с постоянно ищущими, "взыскующими" разнообразия в духовной жизни, находящимися в состоянии первооткрытия веры горожанами. Пример екатеринбуржца, к 1760-м годам уже прошедшего 11 вер, отнюдь не единичен.

Повседневная жизнь горожан свидетельствует, что в процессе модернизации религиозный фактор не терял своих позиций. Вера сочеталась как с ростом рациональности и повышением уровня образования, так и с революционными настроениями. Благодаря подобному симбиозу "процветали", к примеру, рациональные секты.

Не исключено, что религиозная терпимость уральских горожан была не только следствием, но и причиной многообразия их конфессионального опыта, поскольку в подобной атмосфере присутствовала возможность не "сводить счеты" с приверженцами иных направлений, а "веровать" в "свое".

¹ Манькова И.Л. Храм в сердце и памяти: Очерки истории Екатеринбургского Екатеринбургского собора. Екатеринбург, 2000. С. 11-25; Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781). Екатеринбург, 1998. С. 46.

² Вештомов А. История вятчан. Казань. 1907. С. 192; Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1840. № 10. Т. 12. Отд. 7. С. 55; Ворошилин С. Из истории церковного строительства в Екатеринбурге // Уральская старина: литературно-краеведческий альманах. Екатеринбург, 2002. С. 197; Блинов Н.Н. Церковь на Старцевой горе в городе Сарапуле // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. С. 65.

³ Пестова А.И. Пермский Спасо-Преображенский кафедральный собор как памятник архитектуры и интерьерного искусства второй половины XVIII -начала XX в. // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Березники, 2000. С. 270-271.

⁴ Мельников П.И. Указ. соч. // Отечественные записки. 1840. № 3. Т. 9. Отд. 7. С. 42; 1840. № Ю. Т. 12. Отд. 7. С. 48, 50, 53-54; 1842. № 3. Т. 21. Отд. 8. С. 1-2; Пестова А.И. Указ. соч. С. 274.

⁵ Храмы Екатеринбурга-Свердловска. Б/г, б/м. С. 11-12; Нечаева М.Ю. Верхотурье: Прогулка через века. Екатеринбург, 1998. С. 32-35.

⁶ Некрасов В. Некрополи старого Екатеринбурга // Уральская старина... Вып. 2. С. 242; Блинов Н.Н. Указ. соч. С. 61.

⁷ Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 47, 79-80.

⁸ Зеленин Д.К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографические описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 44, 46-47; Зюкозов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 296; Некрасов В. Из воспоминаний старых екатеринбуржцев // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 223; Ворошилин С. Указ. соч. С. 202.

⁹ Ворошилин С. Указ. соч. С. 201; Блинов Н.Н. Указ. соч. С. 65-69.

¹⁰ Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал (Очерки и впечатления). СПб., 1890. Т. 2. С. 311.

¹¹ *Нечаева М.Ю., Шкерин В.А.* Очерки истории Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 52-54, 59; *Ворошилин С.* Указ. соч. С. 202-203.

¹² *Корнаухов Н.* Этнографические черты города Чердыни, Пермской губернии // Отечественные записки. Т. LVII. СПб., 1848. Отд. VIII. С. 52; *Нечаева М.Ю.* Монастыри и власти: Управление обителями восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. С. 152; Ирбитская ярмарка: Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII- XVIII веках. Екатеринбург, 2003. С. 78-79.

¹³ *Казанский А.* Покров Божией матери над православным востоком // ОЕВ. 1893. № 18. С. 606; *Кудрявцев В.Ф.* Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Отд. IV. Вятка, 1897. С. 183-185; *Ардашев М.* Этнографические сведения об удельных крестьянах подгородных деревень Елабужского уезда // Известия общества изучения Прикамского края. С. 7; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 47, 133, 186.

¹⁴ *Кудрявцев В.Ф.* Указ. соч. С. 209, 211-212, 214, 217-220, 222.

¹⁵ Чудотворные и осособчимые иконы в Вятской епархии и крестные ходы с ними совершаемые // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Отд. I. Вятка. 1897. С. 17-18, 21-23, 25, 27; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 47, 152.

¹⁶ Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца и о чествовании святых мощей его. Пермь, 1886; *Баранов В.С.* Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного Монастыря в связи с историческим сказанием о житии, чудотворениях и св. мощах св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. Нижний Новгород, 1910; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 90.

¹⁷ *Манькова И.Л.* Указ. соч. С. 65-66.

¹⁸ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 15; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 296; *Некрасов В.* Из воспоминаний старых екатеринбуржцев. С. 226.

¹⁹ *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Дневник священника // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 120, 122-124, 129; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 129-134; *Штейнгель В.И.* Записки несчастного, содержащие путешествия в Сибирь по канату // Русская старина. 1882. Янв. С. 141.

²⁰ *Корнаухов Н.* Указ. соч. С. 54-57; *Золотое Е.* По поводу смертности крестьянских детей // ЕЕВ. 1887. № 25. С. 593.

²¹ *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 131, 138.

²² Святки в Перми // ПГВ. 1862. № 3. С. 33; *Манькова И.Л.* Указ. соч. С. 65-66.

²³ *Вештомов А.* Указ. соч. С. 32, 192; *Корицников В.А.* Свистопляска // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 8: Этнография. Фольклор. Киров, 1998. С. 342-343, 350; *Низов В.В.* Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья // Там же. С. 83-85.

²⁴ *Мельников П.И.* Указ. соч. // Отечественные записки. 1840. № 10. Т. 12. Отд. 7. С. 55; *Дмитриев А.* Историко-археологические очерки Чердынского края (по поводу столетия Пермской губернии) // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. Отд. 2. С. 72.

²⁵ *Мухачев Е.П.* Из дневника пермского горожанина // ПГВ. 1861. № 32. С. 426; Святки в Перми // Там же. 1862. № 4. С. 62; Известия из Кунгура // Там же. 1863. № 32. С. 152; *Корнаухов Н.* Указ. соч. С. 49; *Скалозубов Н.Л.* Народный календарь. Праздники, дни святых, осособчимых народом, поверья, приметы о погоде, обычаи и сроки сельскохозяйственных работ // Сборник матери-

лов для ознакомления с Пермской губерниєю. Вып. 5. Пермь, 1893. С. 8-12; Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 22.

²⁶ Корнаухов Н. Указ. соч. С. 49; Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 56, 60; Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 146.

²⁷ Буевский А. Пресвященный Алексий, архиепископ Вятский (1719-1733 гг.) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. Вятка, 1901. С. 396; Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 46; Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 27-28, 38, 46-48, 70.

²⁸ Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 24,51-55; Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 88.

²⁹ Байдин В.И., Голикова СВ., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 117, 135-138; Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 173; С-ский С. Ник. Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда (Оренб. губ.) // ОЕВ. 1881 . № 6. С. 240.

³⁰ Корнаухов Н. Указ. соч. С. 52; Мангилева А.В. Указ. соч. С. 176-177, 210-211.

³¹ Миненко Н.А. Русское население Урала и Западной Сибири и православная церковь XVIII-XIX века // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень. С. 39-40, 43; Мангилева А.В. Указ. соч. С. 145.

³² Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 65; Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 46.

³³ Хроника замечательных событий и общественной жизни гор. Вятки и Вятской губернии // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1897. Отд. 1. С. 163; Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 55-56.

³⁴ Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 46; Зеленин Д.К. Указ. соч.; Манькова ИЛ. Указ. соч. С. 67-68; Микитюк В.П. Материалы к биографическому словарю прихожан-активистов екатеринбургского Екатерининского собора // Манькова ИЛ. Указ. соч. Приложение 3. С. 129, 131, 134; Благотворительность на Урале. С. 76.

³⁵ Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 47.

³⁶ Цит. по: Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-логос. М., 1997 С. 40.

³⁷ Римский СВ. Российская церковь в эпоху Великих реформ (церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М., 1999. С. 353.

³⁸ Обзор деятельности ведомства Православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 368.

³⁹ Екатеринбургской городской думе доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге гласного городской думы присяжного поверенного Н.М. Гавриленко. 1915-1916 гг. Екатеринбург, 1916. С. 45.

⁴⁰ ПСЗ II. Т. 39. № 41144. СПб., 1867. С. 689-690.

⁴¹ Там же.

⁴² СОКМ. Ф. 15. Д. 58. Л. 1-4.

⁴³ Уральская жизнь. 1914. 19 авг. № 184. С. 3.

⁴⁴ Князева О.Р. Церковно-благотворительная деятельность купечества в начале XX в. на Среднем и Западном Урале // Ярмарки на Урале. История и современность: Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции "Грибушинские чтения". Кунгур, 2002. С. 68-70.

⁴⁵ Там же; Краткий исторический очерк двадцатилетней деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства. Пермь, 1911. С. 1.

⁴⁶ Краткий очерк развития деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства с основания его по настоящий 1896 год (первое пятилетие и отчет за прошлый 1895 год). Пермь, 1896. С. 1.

⁴⁷ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. Пермь, 1915. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 7-11.

⁴⁹ ГАПО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 66. Л. 2-4.

⁵⁰ Римский СВ. Указ. соч. С. 355-356.

⁵¹ Отчет Соликамского соборного Свято-Троицкого приходского попечительства за 1879 год, читанный в собрании прихожан Соликамского собора 24 февраля 1880 года // ПЕВ. 1880. № 31. С. 313; СОКМ. Ф. 15. Д. 58. Л. 1-4.

⁵² СОКМ. Ф. 15. Д. 58. Л. 1^1.

⁵³ Краткий очерк развития деятельности... С. 1-4, 25-27.

⁵⁴ ГАПО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 66. Л. 11-15, 20-23.

⁵⁵ Там же. Л. 4-5.

⁵⁶ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. С. 8.

⁵⁷ Краткий исторический очерк двадцатилетней деятельности... С. 1-3.

⁵⁸ Там же. С. 3-8, 24-25.

⁵⁹ Там же. С. 12-14, 19-20.

⁶⁰ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. С. 14—16.

⁶¹ Там же. С. 22-25.

⁶² Там же. С. 16-18.

⁶³ Там же. С. 25-27.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 66. Л. 4-5.

⁶⁵ Там же. Л. 4-9.

⁶⁶ Краткий исторический очерк двадцатилетней деятельности... С. 14-16.

⁶⁷ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. С. 8-14.

⁶⁸ Там же. С. 12-13.

⁶⁹ Екатеринбургской городской думе доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге ... С. 45.

⁷⁰ Деятельность Церковно-приходского попечительства при Градо-Екатеринбургском Екатерининском соборе по содержанию существовавших и открытию новых церковно-приходских школ в районе прихода // ЕЕВ. 1898. № 21 С. 1-16.

⁷¹ Скалозубов Н.И. Перепись жителей бедного состояния в г. Красноуфимске в голодный 1892 год // Пермский край. Пермь, 1893. С. 321-338.

⁷² Отчет о деятельности Красноуфимского приходского попечительства за время с 1 марта 1894 по 1 марта 1895 г. Б.м., б.г. С. 1-8.

⁷³ Там же. С. 8-9.

⁷⁴ СОКМ. Ф. 15. Д. 58. Л. 1-4; Отчет Соликамского соборного Свято-Троицкого приходского попечительства за 1879 год... С. 313-317.

⁷⁵ Краткий исторический очерк двадцатилетней деятельности... С. 8-12.

⁷⁶ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. С. 18-19.

⁷⁷ Там же. С. 19-21.

⁷⁸ Екатеринбургской городской думе доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге... С. 46.

- ⁷⁹ Там же. С. 50-51.
- ⁸⁰ ПСЗ II. Т. 39. Отд. 1. № 40863. С. 409-410.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Римский СВ*. Указ. соч. С. 362-369.
- ⁸³ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 311.
- ⁸⁴ ПЕВ. 1879. 10 янв. № 2. С. 8-10; Там же. 1879. 16 мая. № 20. С. 228-231.
- ⁸⁵ ЕЕВ. 1905. 16 июня. № 12. С. 416-417.
- ⁸⁶ *Чагин Г.Н.* Общественная жизнь г. Чердыни конца XIX - начала XX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1990. С. 125-126.
- ⁸⁷ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 865. Л. 1-2 об.; Монастыри, церкви и часовни г. Перми. Пермь, 2002. С. 93-94.
- ⁸⁸ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 841. Л. 3-4; Монастыри, церкви и часовни г. Перми. С. 93-94.
- ⁸⁹ ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ⁹⁰ Монастыри, церкви и часовни г. Перми. С. 95-96.
- ⁹¹ Там же. С. 96.
- ⁹² Отчет Вятского братства святителя и чудотворца Николая за 1904-1905 год. Вятка, 1906. С. 4-5.
- ⁹³ Отчет о деятельности братства святителя Стефана, епископа Пермского, в 1890 году. Пермь, 1891. С. 1-2, 59; Братство св. Стефана, епископа Пермского // ПГВ. 1891. 13 февр. № 13. С. 54; ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-1 об.
- ⁹⁴ ЕЕВ за 1912 год. Екатеринбург, 1913. С. 578-579; Краткий отчет о деятельности братства святого праведного Симеона, Верхотурского Чудотворца 19 октября 1886 - 18 декабря 1895 г. Екатеринбург, 1895. С. 1,3.
- ⁹⁵ *Анкаримова Е.Ю.* Православные братства на Южном Урале в конце XIX - начале XX в. // Уральские Бирюковские чтения: Сб. научных статей / Науч. ред. проф. С.С. Загребин. Вып. 2: Из истории Южного Урала и российских регионов. Челябинск, 2004. С. 371-379.
- ⁹⁶ Там же. С. 580-581.
- ⁹⁷ Ведомство православного исповедания // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 96.
- ⁹⁸ Отчет Оренбургского братства св. Архистратига Михаила (за второй 1888-й братский год) // ОЕВ. 1889. 1 февраля. № 3. С. 9.
- ⁹⁹ Отчет о состоянии и деятельности Уфимского епархиального братства Воскресения Христова за 1911 (15-й по существованию) год. Уфа, 1912. С. 5.
- ю» Там же. С. 5-6.
- Ю1 Отчет Оренбургского братства св. Архистратига Михаила (за втор 1888-й братский год) // ОЕВ. 1889. 1 февр. № 3. С. 9-10. ¹⁰² Там же. №4. С. 33-34. юз Там же. № 3. С.11-13.
- 1⁰⁴Тамже. С. 14.
- 1⁰⁵ ОЕВ. 1904. 1 июня. № 11. С. 15-17.
- Юб Отчет Оренбургского братства св. Архистратига Михаила (за второ' 1888-й братский год) // ОЕВ. 1889. № 4. С. 22-25. Ю7 Там же. С. 25-27.
- ¹⁰⁸ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за врем царствования императора Александра III С. 316.
- ¹⁰⁹ Отчет о состоянии и деятельности Уфимского епархиального братства Воскресения Христова... С. 5-17,39-41. Об истории скопчества, уфимских скоп-

цах, в частности, и о политике властей в отношении сектантов в рассматриваемое время подробнее см.: *Энгельштейн Л.* Скопцы и царство небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002. С. 70-77, 129-131.

но Отчет о состоянии и деятельности Уфимского епархиального братства Воскресения Христова... С. 21-36. И Там же. С. 7.

112 Отчет Оренбургского братства св. Архистратига Михаила (за второй 1888-й братский год) // ОЕВ. 1889. № 4. С. 27-33.

Г³ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. С. 316.

1⁴ Отчет о состоянии и деятельности Уфимского епархиального братства Воскресения Христова... С. 8.

и⁵ ГАПО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.; Д. 9. Л. 1-4.

¹¹⁶ Там же, Д. 3. Л. 1-1 об.

И7 ПГВ. 1891. 27 марта. № 25. С. 105.

118 Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища, утвержденный министром внутренних дел 24 сентября 1897 г. // ПЕВ. 1898. 16 мая. № 10. С. 170-171.

п9 Приложение к Екатеринбургским епархиальным ведомостям. 1913. 4 авг. № 31. С. 2, 6.

120 Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища... С. 171.

•²¹ Приложение к Екатеринбургским епархиальным ведомостям. 1913. 4 авг. № 31. С. 6.

1²² Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища... С. 172-174.

1²³ Приложение к Екатеринбургским епархиальным ведомостям. 1913. 4 авг. № 31. С. 1.

1²⁴ Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища... С. 170-177.

1²⁵ Приложение к Екатеринбургским епархиальным ведомостям. 1913. 4 авг. № 31. С. 3-5, 12-13, 15-17.

126 Отчет о состоянии Пермского епархиального женского училища в 1896/97 учебном году в учебно-воспитательном отношении // ПЕВ. 1898. 16 мая. № 10. С. 207.

127 Отчет правления о деятельности Общества содействия начальному образованию при Пермском Кирилло-Мефодиевском мужском училище с 1 октября 1911 года по 1 октября 1912 года. Пермь, 1913. С. 36-39.

'28 Там же. С. 40-41.

129 Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Камыш-**Довского** духовного училища. Камышлов, 1915. С. 1.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ ЕЕВ. 1912. С. 114-117.

¹³² Устав общества хоруговосцев во имя просветителей Пермских. Б.м., б.г. С. 1-2.

¹³³ Народно-певческое дело в Пермской губернии: Отчет руководителя по устройству хоров Пермского попечительства о народной трезвости с 1896 по 1908 год. Пермь, 1909. С. 3-60.

¹³⁴ ЕЕВ. 1912. С. 879-882.

¹³³ *Падучее П.П.* Русская Швейцария: Очерки Южного Урала // Исторический вестник. 1892. Т. 11. С. 476.

¹³⁶ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 27-28, 35, 63.

¹³⁷ Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.

Екатеринбург, 2000. С. 13.

¹³⁸ *Ворошилин С.* Указ. соч. С. 212.

¹³⁹ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 26-27.

¹⁴⁰ *Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 163; *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 52, 60.

¹⁴¹ *Ворошилин С.* Указ. соч. С. 212, 214-215; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 96, 131, 156, 204.

¹⁴² *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 191; *Мангилева А.В.* Указ. соч. С. 133, 140-141.

¹⁴³ Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы (К 300-летию города). Екатеринбург, 2001. С. 212, 215; *Ворошилин С.* Указ. соч. С. 199, 214; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 192.

¹⁴⁴ Там же. С. 215; *С.* Материалы для истории церквей города Екатеринбурга // ЕЕВ. 1901. №7. С. 281.

¹⁴⁵ *Мангилева А.В.* Указ. соч. С. 142-144, 164-165.

¹⁴⁶ К биографии первого Екатеринбургского епископа Евлампия (Письма преосвященного Евлампия к разным лицам) // ЕЕВ. 1903. № 3. С. 69; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 218.

¹⁴⁷ Очерки истории культуры и быта старого Невьянска... С. 212-213.

¹⁴⁸ *Мосин А.Г.* Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVII - первой половины XIX в.: Общие и специфические черты // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1999. С. 127-128.

¹⁴⁹ *Блинов Н.Н.* Указ. соч. С. 65; *Шумилов Е.Ф.* Старобрядцы Удмуртии // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 170.

¹⁵⁰ *Мангилева А.В.* Указ. соч. С. 134; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 192, 205.

¹⁵¹ Очерки истории культуры и быта старого Невьянска... С. 219.

¹⁵² *Белобородое С.А.* Епископ двух конфессий: (Материалы для биографии Стефана (Расторгуева)) // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 92.

¹⁵³ *Бородин Н.* Уральское казачье войско: Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. Т. 1. С. 139.

¹⁵⁴ *Михайлов М.* Уральские очерки: (Из путевых заметок 1856-1857 гг.) // Морской сборник. СПб., 1859. № 9. Отд. 3. С. 17-19.

¹⁵⁵ *Соколов А.* Единоверие и раскол в Уральском крае и их взаимные отношения между собою: (К характеристике церковной, религиозной и нравственной жизни Уральского казачьего войска за последнее двадцатилетие) // ОЕВ. 1891. № 1. С. 14, 17.

¹⁵⁶ *Михайлов М.* Указ. соч. С. 4-5.

¹⁵⁷ *Самарцев С.* История Калмыковского единоверческого храма во имя св. мучеников Флора и Лавра по письменным памятникам церковного архива и народному преданию // ОЕВ. 1893. № 3. С. 103-104.

¹⁵⁸ *Соколов А.* Указ. соч. С. 18, 21, 24; *Михайлов М.* Указ. соч. С. 17.

¹⁵⁹ *Поскутов А.* Современное состояние приходов в Уральском казачьем войске // ОЕВ. 1905. № 19. С. 601-602; *Соколов А.* Указ. соч. // ОЕВ. 1891. № 4. С. 149; № 7. С. 226-227; *Михайлов М.* Указ. соч. С. 8.

¹⁶⁰ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 297.

¹⁶¹ Очерки истории старообрядчества Урала... С. 139-140, 145-146, 150, 152-153, 155-158.

¹⁶² Там же. С. 97-98,103-104,160, 162.

¹⁶³ Там же. С. 92-93, 96, 99.

¹⁶⁴ *Мосин А.Г.* Златоустовские старцы. Статья и публикация "златоустовской тетради" Петра Мельнова // Урал. 1993. № 3. С. 201, 203-204; Очерки истории старообрядчества Урала... С. 21.

¹⁶⁵ *Гагинский В.* Секта скопцов // ЕЕВ. 1889. № 37. С. 871; *Топорков А.* Бerezовский завод Екатеринбургского уезда: (Историческое и этнографическое описание) // ПЕВ. 1881. С. 452; Состояние раскола в Екатеринбургской епархии в 1902 году // ЕЕВ. 1903. № 18. С. 532.

¹⁶⁶ *Манькова И.И.* Указ. соч. С. 52.

¹⁶⁷ *Молоствовова Е.В.* Иеговисты: Жизнь и сочинения кап. Н.С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XXXVIII. СПб., 1914. С. 28-29, 90, 98. Штабс-капитан артиллерии Н.С. Ильин в 1845 г. был назначен служить инженером на уральский Баранчинский завод. Создал здесь секту "десных братьев"-иеговистов; в 1856 г. его привлекли к суду, в 1859 г. по приговору суда отправили в заточение в Соловецкий монастырь, откуда он был переведен в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь. После 20-летнего монастырского заточения его отправили в Прибалтику под надзор полиции, откуда в 1887 г. выслали в Екатеринбург, где заточили в тюрьму.

¹⁶⁸ Там же. С. 192-194, 203-204, 211-212, 223.

¹⁶⁹ Состояние раскола в Екатеринбургской епархии в 1902 году // ЕЕВ. 1903. № 18. С. 532.

¹⁷⁰ *Эткинд А.* Джемс и Коновалов: Многообразие революционного опыта в свете заката империи // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.

Глава 3

Городская семья

Семейный строй и внутрисемейные отношения

Семейный уклад городского населения дореволюционного Урала характеризовался резкими крайностями: самые прогрессивные нравы соседствовали с нарочитыми проявлениями патриархальности. Эта черта семейного быта особенно остро проявлялась в "новых", возникших в XVIII в. городских центрах - Екатеринбурге, Оренбурге, Перми. Во многом это зависело от

состава жителей. Так, в Екатеринбурге было немало иностранцев, и их влияние сказывалось на местных нравах. Аббат Шапш д'Отерош, приехав в горнозаводскую столицу Урала, после устроенного им ужина предложил гостям потанцевать. "Все обрадовались этому, - вспоминал он позднее, - хотя некоторые из русских мужей, наверняка приверженцы старых времен, прислали за своими женами, и мы отпустили их домой".

И в дальнейшем крайности в городе сосуществовали. Уже в XVIII в. на праздничные застолья в офицерских домах, никого не покидая, приходили без провожатых "девицы, штаб-офицерские дочери, и одни, без мужей, офицерские и других званий жены". А кержаки, по замечанию А. Купфера, еще в 1828 г. "запирали своих жен и в особенности дочерей, и чурались всех удовольствий общества, в которых женщины принимали активное участие". Связанные с горным делом и с разными отраслями управления служащие не разделяли религиозные принципы и "прочие старомодные обычаи" раскольников. Но, как показалось в 1828 г. Г. Эрману, "живя бок о бок, подружились и сошлись". Смешение торгово-промышленной и чиновной среды можно проследить на примере фамилии "ук-тусского жителя" Никиты Петрова (негласного руководителя екатеринбургского посада середины XVIII в.). Он был женат на дочери пихтмейстера Матвея Карамышева. Его старший сын Василий, избравший карьеру горного офицера, вернул себе родовую фамилию Бурцев, а младший Семен, занявшийся коммерцией, остался Петровым.

В 1860-е годы "эмансипация" нравов в отдельных случаях заходила весьма далеко. В своих воспоминаниях врач Н.А. Белоголовый приводит рассказ о начальнике (фамилию которого он забыл) "во вкусе" романа М.В. Авдеева "Подводный камень". "Этот господин, - повествует мемуарист, - был женат восемь лет; в прошлом году в жену влюбился один из способнейших горных инженеров Воронцов, начал ухаживать за нею, и так как барыня не хотела изменить супружескому долгу, то Воронцов решил застрелиться, но отделался ничтожной раной. Это обстоятельство открыло мужу глаза, и он сам соединил два любящих сердца, поднявши дело о разводе; теперь Воронцов состоит в качестве жениха барыни, которая продолжает жить у своего мужа и выезжает в общество всегда в сопровождении прежнего и будущего мужа, которые между собой находятся в самых дружеских отношениях; мало того, старый муж дает жене от себя приданое".

В Перми адюльтер был скорее темой для пересудов и сплетен, чем для осуждения. Горожанин П.Е. Мухачев с налетом мистики повествует в своем дневнике о событиях, сведения о которых были получены им от людей, "весьма достоверных". Убедившись в измене, супруг выпил яду и стал являться соблазнителью жены. Тот бежал из Перми, "захватив по пути вдовицу", однако "для умершего нет расстояний", и он стал являться счастливому сопернику в

качестве привидения. "Наконец кто-то из умных людей посоветовал любовникам сделаться законными супругами, и лишь только совет был приведен в исполнение", их мучения прекратились¹.

В старинных уральских городах ситуация была совершенно другой. "Не отстают от старины, - замечал в 1860 г. о жителях Чердыни автор под псевдонимом "Чердак". - В их домашнем быту в этом отношении много можно встретить отличительных черт". В другом северном городе - Верхотурье наблюдалось некоторое смягчение нравов. Однако купечество и здесь "не принимало участия в... развлечениях, сохраняя закрытую семейную жизнь". Красноуфимцы, по словам современника И. Змеева, "жили и продолжают жить замкнуто". "По домашнему быту большинства жителей" этот уездный центр, по его мнению, мало походил на город, а "имел преимущественно сельский вид"².

Другой характерной чертой семейного строя была "укорененность" городских фамилий. Кроме мощных купеческих родов и кланов она породила династии у людей чиновных. "Семьи горных служащих, - отмечал при описании Екатеринбурга в 1828 г. Г. Эрман, - уже на протяжении нескольких поколений оседают в уральском регионе". О свойственных жителям Красноуфимска "усидчивости на месте и неподвижности" писал в 1860-е годы И. Змеев: "Многие чиновники прижились здесь со своими семействами так, что имеют уже прочную благоприобретенную или наследственную оседлость, здесь родились, учились, женились, родили детей"³.

Стремлением к сохранению родовой памяти был письменный учет в семейных библиях старообрядцев всех родившихся и умерших членов своих родов, даже младенцев, проживших всего несколько минут после обряда крещения, ибо следовало своевременно помолиться и о здравии, и за упокой своих родственников. Семейные библии с рукописными пометками (в которых указывалось и социальное положение родственников) переходили от одного поколения к другому.

Вятский мещанин Я.И. Клобуков в конце рукописного сборника, который составлялся им в течение 12 лет (1789-1801) также поместил биографические сведения о себе, своих родных и близких, в частности ряд записей сделал в память об умерших родственниках - сестре и отце (1794 г.)⁴.

Следует отметить, что уже в начале XVIII в. городская семья не была многолюдной. По переписи 1719 г. в Хлынове в 634 дворах и 43 избенках проживали 1635 мужчин и 1877 женщин. Следовательно, средняя населенность двора не превышала 5,2 человек. "Первостатейные" посадские люди г. Кунгура в количестве 143 мужчин имели в то время 36 дворов, один "дворенок" и одну избенку, т.е. мужская часть семьи составляла чуть более 3 человек, а в целом семья немного превышала шестерых. В 5 дворах, 22 "дворенках" и 22 избенках пашенных крестьян насчитывалось 174 человека мужского пола. Согласно

расчетам, их семьи были немного больше - примерно 7 человек в каждой. Беспашотные посадские люди (553 мужчин), которые кормились работой, жили в 14 дворах, 72 "дворенках" и 122 избенках. В их семьях наблюдалась тенденция снижения людности: 2,6 души мужского пола на семью, а всего в семье в среднем было 5,2 человека. Семьи побогаче, проживавшие в одном дворе, трех "дворенках" и 16 избенках, были еще меньше: 2,2 души мужского пола, а всего 4,5 души. Структура семей с таким количеством членов была не слишком сложной. Так, коренной кунгурец Т. Богомолов имел двух сыновей, в том числе одного взрослого⁵.

Жилые помещения в типичном особняке, принадлежавшем обеспеченной семье в Екатеринбурге начала XX в., свидетельствовали скорее об ориентации на многодетное, чем на многопоколенное и осложненное боковым родством семейство. В нем отдельные комнаты отводили для старшей дочери, для старших мальчиков, были комнаты для маленьких детей, бонны, гувернантки и няни⁶.

В то же время ведение дел "по-родственному", сообща и при всяческой поддержке друг друга в купеческой среде требовало сохранения семейных корпораций. "Женатые купеческие дети, - писал в 1848 г. бытописатель А. Терещенко о купцах и мещанах Пермской губернии, - живут в доме своего отца, хотя бы находилось несколько женатых братьев, потому что они вместе торгуют со своим отцом и пользуются общими выгодами от торговли... Жены их разделяют понедельно домашние работы: с золовками и сестрами их мужей".

В старообрядческих купеческих семьях сыновья, уже ворочавшие сотнями тысяч рублей, не могли даже заказать себе новый сюртук без отцовского на то благословения. Представитель известной екатеринбургской фамилии Яков Якимович Рязанов, прожив почти полвека, так и остался до смерти не отделившимся от отца купцом. В документе Екатеринбургской городской думы 1838 г. говорилось, что он "имеет торг на капитал родителя его по праву первой гильдии", а в метрической книге при его отпевании было записано: "Первой гильдии купецкий сын..." Зависимость от главы семьи проявлялась и в религиозной сфере. Так, вместе с Я.М. Рязановым в единоверие перешли "жившие с ним не в отделе" сыновья: упомянутый Яков, Иван, Александр и внук Евгений⁷.

Эволюцию сложной семьи можно проследить по учетным документам того времени. В обывательском списке г. Екатеринбурга, датированном 1839-1844 гг., к примеру, записано: "Карнаухов Федор Кузьмич, купец третьей гильдии екатеринбургский, женат на канцелярской дочери Евдокии Григорьевой 48 лет. Имеет детей: Федора 21 г., Николая 12 лет, Степана 7 лет, Марию 15 лет, Антонида 7 лет, Евлампия 5 лет. По исповедным росписям 1857 г. старшее поколение этой семьи ушло из жизни, но их дети продолжали жить вместе. Главой стал старший сын Карнаухова 39-летний Александр (названный в обывательской книге Федором), его жена Анна Петровна 35 лет с детьми: сыном Владимиром 6

лет, дочерьми Антонидой 15, Ольгой 8, Анной 3 лет. Вместе с ним проживали холостые братья: Николай 25 лет, Стефан 19 лет и сестры девицы Антонида 20 лет и Евлампия. Род Карнауховых продолжал пополняться - в 1858 г. у Александра появился сын Николай⁸.

Примером братской купеческой неразделенной семьи может быть семейство Баландиных. Вместе вели дела четверо сыновей екатеринбургского купца И.Д. Баландина: Назар, Алексей, Диомид и Степан. В 1828 г., после смерти старшего брата, семейный бизнес взял в свои руки Алексей. В 1834 г. торгово-промышленную деятельность совместно с ним вели вдова Назара с племянниками-сиротами и холостой брат Степан, который самостоятельным налогоплательщиком стал в ревизию 1850 г. Диомид же отделился от братьев еще при проведении прежней (1834 г.) ревизии.

При сохранении патриархальных традиций купеческие семьи не следовали им слепо. Руководство семейным делом могло передаваться не по старшинству. Так, незадолго до смерти известного екатеринбургского купца М.С. Рязанова в 1814 г. главой семьи стал его младший сын Яким, который был примерно на 9 лет младше своего брата Терентия. В официальных документах он именовался "купецким сыном, уполномоченным во всем капитале отца своего" (старший брат Петр еще в 1801 г. перешел в купеческое сословие г. Камышлова). В делах Екатеринбургского городского магистрата записано: "До смерти екатеринбургского купца Меркурия Стефанова Рязанова... сыновья его Терентий и Яким Рязановы с детьми своими состояли в общем его семействе, и в 1815 по 1823 год объявляем был капитал общий от Терентия и Якима..." Хотя Терентию в 1823 г. было уже 56 лет.

Семейный раздел, прежде всего представлявший из себя раздел имущества, не всегда происходил гладко. Самый влиятельный клан екатеринбургского посада - Коробковы в 1740-е годы в глазах сограждан надолго "потеряли лицо" после громких внутрисемейных скандалов, связанных с борьбой за наследство умершего Ивана Карповича Коробкова.

При устойчивом сохранении традиции ухода женщин после заключения брака к родным мужа в купеческой среде встречались случаи примачества. Чаще всего зять-примак был беднее тестя. Так произошло в Екатеринбурге при женитьбе купца П.Я. Харитонов на дочери его богатейшего собрата Л.И. Рас-торгуева. Молодые стали жить вместе с родителями невесты, которые вскоре умерли.

В семействе не менее известных в городе Толстиковых мужья дочерей также играли значительную роль. После смерти Я.Ф. Толстикова главой семьи формально оставалась его супруга, однако, будучи неграмотной, она не умела даже расписываться. Все семейные коммерческие дела взял в свои руки зять И.С. Верходанов.

Уже в пореформенное время купеческий сын СИ. Первушин, женившись на дочери крупного мукомола Н.А. Грачева, получил от тестя в пользование одну из его мельниц, а затем стал управляющим на другом его предприятии. Видимо, купечество ожидало в трудной ситуации помощи от любого своего родственника, независимо по мужской или по женской линии и от старшинства. Так, от разорения известного екатеринбургского купца Я.М. Рязанова спас его племянник Аникий, уплативший за дядю долги казне.

В пореформенные годы также наблюдались случаи сохранения семейственности в торгово-промышленных делах. После смерти отца братья Козицыны для продолжения золотопромысловой деятельности создали паевое товарищество, ведущую роль в котором играл старший из них - Сергей, а ему активно помогал младший - Владимир.

Купеческая вдова А.Н. Первушина настояла на создании торгового дома, в который кроме нее и сына вошли все ее дочери, а также их мужья. Ее родственник Е.И. Первушин в 1912 г. учреждает собственный торговый дом, в который вошли 5 из 7 его сыновей, исключая малолетнего Сергея и умершего в 1903 г. Петра. В семейном предприятии также принимали участие супруга и дочери⁹.

Особенности семейной жизни горожан по сравнению с сельским населением показал современник А. Луканин:

"Крестьяне женятся не для того, чтобы иметь жену, а для того, чтобы иметь в доме лишнюю работницу, и потому женятся очень рано, тотчас по достижении совершеннолетия, берут за себя невест гораздо старше себя, вдовеют и женятся вновь. Увеличение семейства не страшит, а радует крестьянина: ему легче содержать семейство при неприхотливости деревенской жизни и ограниченности нужд, чем горожанину. В городе же, напротив, сравнительно... мало охотников жениться от того, что здесь немалую долю жителей составляют писцы уездных присутственных мест, отставные и служащие солдаты, а люди эти большей частью проводят безбрачную жизнь... также некоторые из мещан и ремесленников не обзаводятся узамы брака по бедности и по дороговизне содержания в городе, и по другим семейным и хозяйственным обстоятельствам. Кроме того, здесь женятся большей частью в летах зрелых, берут невест моложе себя, вдовеют реже, да и вдовы не вступают во второй брак"¹⁰.

Холостяком по "идейным" соображениям, вероятно, следует признать екатеринбургского золотопромышленника, удачливого открывателя золотых россыпей СИ. Баяндина, у которого никогда не было семьи. Мужчина обзаводился семьей, если мог содержать жену и детей. Так, оренбуржец П.П. Жакмон женился в 1862 г., будучи уже офицером армии и занимая должность репетитора французского языка в Неплюевском кадетском корпусе¹¹.

Вкладом жены в общее имущество являлось ее приданое. Оно оставалось женской собственностью. Жена екатеринбургского мастерового Авдотья Якимова ушла от своего мужа, взяв

"приданое свое и 20 рублей денег мелкою монетою". Ее наказали за побег, но не за то, что она унесла часть имущества, так как оно было дано "отцом ее родным"¹².

Наряду с имущественными проблемами значительную роль при выборе подруги жизни со временем стали играть личные чувства. Знакомый протоиерея Ф.Л. Карпинского А.К. Модерах пообещал ему подарить золотую табакерку (предмет коллекционирования отца Федора), "ежели возьмет жену по сердцу". Видимо, именно "по сердцу" выбрал в свое время себе жену (жительницу Екатеринбургa) денежный мастер А. Михайлов. Оказавшись в отъезде, мастер тяжело заболел и, чувствуя приближение кончины, написал жене прощальное письмо (1755 г.): "Друг мой, Катерина Ефимовна, здравствуй многие лета нерушимо". Заканчивалось послание следующими словами: "И притом приятный поклон отдаю и ласковое слово. Доброжелатель твой Андрей Михайлов". А родителей он "всеприлежнейше" просил позаботиться о супруге: "... Пожалуйте, не оставьте жену мою в сиротстве". Умиравший надеялся, что, если не его родственники, то "Господь" пребудет с нею. И очень хотел сохранить в ее глазах добрую о себе память: "А на меня не гневайся".

Автору середины XIX в. И. Змиеву явно не нравились крас-ноуфимские горожанки. Их, по его мнению, отличали "грубость в обращении, склонность к пересудам и насмешкам относительно других, особенно новых людей". Осуждал он и свойственную жительницам Красноуфимска страсть к сплетням: "...Собирали сведения о новостях и вообще всех явлениях в городе, которые сообщали потом во всеобщее сведение". Причиной подобного поведения женщин он считал главным образом "недостаток образования и домашнего воспитания". «Женщины-мещанки, - писал И. Змиев, - считают: "Кто первым в театр, тот первым и в ад"».

Стремление к домашнему уюту играло не последнюю роль в желании мужчины создать семью. "Летнюю пору" многие городские семьи проводили "в окрестностях за самоварами". Люди семейные часто также отправлялись за грибами и ягодами, а холостые коротали время "в бесцельной прогулке по горам и окрестностям, нередко компанией, с выпивкой". По вечерам супруги играли друг с другом в карты, особенно зимой и осенью. "В вечеру играл с женой в дурака - игр до 80", - сообщал в дневнике протоиерей Ф.Л. Карпинский. О страсти уральских горожанок к подобному времяпрепровождению в 1830-е годы писал П.И. Мельников¹³.

Признаком налаженной семейной жизни были не только совместные карточные игры, но и общее посещение бань. "Считается неприличным, вызывает кучу сплетен и пересудов, - отмечает П.Е. Мухачев, - когда супруги ходят в баню не вместе".

Семейная жизнь не обходилась без размолвок. "После го тей, - записывал в своем дневнике протоиерей Ф.Л. Карпинский, - ложась спать, словами много обидел жену. За что назав тра со слезами жаловалась, когда я ее перестану мучить". В другой раз он замечал: "Жена на меня сетовала, что я оставил ее одну... да и по делу". По воспоминаниям невестки, жена екатеринбургского архитектора М.П. Малахова, будучи к тому же намного его моложе, очень страдала от ревнивого нрава своего мужа¹⁴.

Более серьезным проступком было нарушение супружеской верности. В качестве примера можно привести случай с жительницей г. Верхотурья Феодорой Коростелевой. "По знакомству" в 1785 г. она пустила в избу и даже накормила обедом Корнила Тохтуева, а он воспользовался тем, что они были в доме одни, "закрыв дверь и бросил ее на пол". Женщина стала "кричать и чем возможно от него обороняться, а Тохтуев, употребляя усилие, укусил у нее щеку и разорвал у рубашки рукава". В это время прибежал сосед и "освободил ее от бесчестья".

"Целомудрие и неприступность" казачек из г. Уральска вошла в местный фольклор. В начале XIX в. туда впервые на постоянное "жительство" ввели батальон солдат, которые стали часто ходить из казарм на Старицу, где городские жительницы полоскали белье, и "приставать к ним со своими любезностями". Последние "отмалчивались", первые "не унимались". "Выведенные из терпения назойливостью казарменных кавалеров", женщины в конце концов пожаловались мужьям. Те, "переодевшись в женские платья, явились сами на речку с бельем". Служивые, не заметив подлога и "пользуясь темнотою сумерек, обратились к бесцеремонным заигрываниям с мнимыми дамами, но в ответ на эту любезность на них градом посыпались удары вальков".

В "просвещенном" Екатеринбурге и раскольничьем Уральске за "блуд" в XVIII в. представительниц слабого пола ожидала одинаковая участь. "Женщин и девиц, замеченных в нарушении седьмой заповеди и в продажной любви", казаки "раздевали донага и метелками выгоняли вон из города, не обращая внимания на их звание и состояние". В Екатеринбурге их в одной рубашке выгоняли из поселения метлами. Был известен случай, когда таким образом за Красные ворота удалили "иноземку", жену контрактера Рудольфа Мааке, которую приютил затем пастор Зех-тинг. Незамужней "любодейке" давали шанс найти жениха, подвергая описанной выше процедуре лишь при отсутствии желающего взять ее в жены. Мужчину за внебрачную связь ждало наказание плетьюми и год каторжных работ (при наказании кнутом месяц). Горные офицеры и контрактеры отделялись пштрафом. За сводничество в Уральске публично наказывали женщин на площадях кнутом.

Поллюбив, но опасаясь жестокостей закона и единодушия общественного мнения, женатый человек прежде всего "отпрыгивался" на постылой и незащитной законной супруге. Молотовой мастер Рамфельд в 1724 г. увлекся

дочерью молотового мастера-пиведа с Олонца Андрияса Каса, совсем потерял голову и едва не зашиб собственную жену, доводившуюся родной сестрой молотовому Дейхману¹⁵.

В начале пореформенного времени подобный случай произошел в семье мастерового Екатеринбургских заводов Алексея Та-гильцева. "Муж ее, - отмечал следователь со слов жены Алексея Елены, - с некоторого времени замечаем ею в нарушении супружеской верности. Считая этот поступок для себя обидным, стала мужу выговаривать, но он, не сознаваясь в том, наносил ей частовременные, без всякой вины побои". Даже когда свидетелями его неверности стали соседи, она "из любви к мужу о сем поступке не решалась объявить, обнадеживая себя, что он... будет верен по-прежнему в супружеской жизни". Однако Алексей "стал наносить ей ежедневно побои"; осложняло положение то, что он "грешил" с родной сестрой¹⁶.

Столь же безобразное поведение жителя Екатеринбурга Семена Толстикова (начало XIX в.) было порождено не любовной страстью, а такой тривиальной причиной, как пьянство. Он регулярно напивался и бил свою жену Татьяну. Когда терпение ее кончилось, женщина попросила у своего постояльца - лекарского ученика сделать каких-нибудь "важных капель", чтобы отравить ими мужа¹⁷.

В семейной жизни екатеринбурженки Агрофены Кармановой присутствовало как пьянство, так и измены мужа. "С самого моего вступления в супружество, - рассказывала она в 1805 г. на следствии, - никогда не пользовалась я от него не только спокойной жизнью, но и подлежащим в пропитании содержанием, претерпевая по всегдашнему его в пьянстве упражнению и распутному поведению ежедневные тиранства". "Находясь за ним замужем десять уже лет, - укоряла Агрофена супруга, - приобретаю и самое пропитание собственными своими трудами, коими он, пользуясь, почитается паче недовольным". Ей приходилось вытаскивать своего благоверного из притонов (при этом его "подружки" - разбитные "женки" выгалкивали ее вон), обращаться за помощью к свекру, который бесцеремонно притаскивал сына домой за волосы¹⁸.

О похождениях мужей-гуляк рассказывал на допросе собутыльник Карманова мастеровой Шахурин. «... Приходит он... записано в деле, - в называемый мясницкий кабак опохмеляться... где крестьянин Иван Карманов, имея у себя за пазухой штоф вина, звав итти с собой его, Шахурину, и когда первый спросил куда, то Карманов на то ему сказал: "Ступай, куда поведу". Почему Шахурин, взяв в имевшийся у него полуштоф еще на 30 копеек вина, пошел из кабака вместе с... Кармановым и, пришед с ним в дом вдовы мастерового Настасьи Никитиной Овчинниковой, в улице, называемой Проломной, где был крестьянин Николай Карманов, унтер-офицера Штейнберга дочь девка и сверх того до пяти женщин... и, выпросив у... хозяйки дома стакан, выпили как сами они, так и все, при том бывшие, по стакану принесенного вина... потом, посидевши несколько времени,

выпили еще по другому стакану. После сего вскоре крестьянин Николай Карманов... взял дочь унтер-офицера за руку, из избы с ней вышел в сени или в другое какое место... того не знает. По выходе их Иван Карманов говорил, что оный Николай Карманов с той... девкой живет уже давно. Спустя же некоторое время, пришли Николай Карманов и пштейнбергеровская дочь вместе обратно в избы. А когда намерены были после сего выпить из оставшегося вина, то приходила неизвестно какая женка, которую, однако ж, бывшие в избе женки вытолкали из оной вон»¹⁹.

В семье екатеринбуржцев Безделкиных раздоры начались после того, как жена отказалась записать на мужа дом, поскольку он предназначался в наследство ее детям от предыдущих браков. "По сему случаю нет должной любви", - резонно считала Фекла Безделкина. "Питая ко мне злобу, - рассказывала она в 1830 г. на следствии, - обращался со мной зверски, всегда находил меня по домашним занятиям неисправной, хотя старалась всячески ему угождать и быть исправной, и за сие частовременно бил меня жестоко, совершенно выйдя из терпения, я решилась лишиться жизни". Непосредственным поводом к такому поступку послужила очередная выходка мужа: "Сделавшись недовольным приготовленным мною кушаньем, ударил меня по щеке два раза". Попытка самоубийства ей не удалась, но во время судебного разбирательства Фекла твердо заявила о том, что "намерена купить в рюмке сулемы и отравить" спутника жизни, поскольку "ни под каким видом с ним жить не желает". В 1832 г. своего мужа дворового екатеринбурженка Акулина Иванова травила именно с помощью добавления в квас, который он пил, сулемы²⁰. Способ был проверенный и испытанный. В XVIII в. от него вместо постылого мужа пострадали колодники: "Раз напекла жена мужу рыбных пирогов в дорогу и велела прежде всего съесть самый из них большой, а он есть не стал, а подал на базаре арестантам в связке". Те вернулись в тюрьму и поделились подающим с сокамерниками. Отравленных лекарские ученики отпаивали молоком. Решиться на подобное, правда, могла не каждая - слишком суровая ожидала преступниц кара. В 1740 г. в Соликамске две женщины "были закопаны живыми в землю - одна Марфа за убийство и сожжения мужа, Парасковья за удушения своего мужа в постели"²¹.

Жизнь 20-летней Милодоры Невьянцевой в семье мужа, мастерового Екатеринбургского монетного двора не устраивала молодую женщину. Ее супруг в 1827 г. "страдал невинно от злобы своей жены" несколько раз: сначала он съел приготовленный ею пирог с репой, но персонал госпиталя сумел выхитрить его, затем похлебку и две шаньги. Свекровь была в отчаянии от "недоброжелательства" юной невестки и сожалела, что не знала "о качествах ее поведения" до женитьбы сына²². До "крайностей" супругов доводила практическая полная невозможность развода. Проблема была решаемая только для старообрядцев. "При всей твердости в своих правилах, - писал о екатеринбургских раскольниках Н.С.

Попов, - нередко оные сами ослабляют, особливо в рассуждении брачных союзов, ныне чаще разрываемых; причем желающая разводу сторона прямо утверждает, что брак не может быть действителен потому, что не был совершен в церкви, а в часовне или горнице, и при том неизвестным священником, каковым иногда себя называет и беспутный бродяга, как нередко присудственные места открывали"²³.

Можно было отправить ненавистную спутницу жизни в монастырь. Но в некоторых случаях приходилось опасаться влиятельной жениной родни. В начале XVIII в. сын иерея Покровской церкви г. Хлынова И.Я. Шеина Александр в двадцать с небольшим лет выгодно женился, "завел торговлю и имел до 100 тысяч капитала". Жена была на 15 лет его старше и, поссорившись с ней, он вздумал "постричь ее в монашество". Однако могущественный тесть вступился за дочь, обратившись за помощью к своему родственнику дьяку Преображенского приказа. Александра "за поклеп тещи своей будто испорчен ею" должны были предать смертной казни, которая по "милостивому манифесту в связи с заключением Нишгатского мира" была заменена ссылкой в Сибирь с конфискацией имущества. "Горесно было родной семье да и всем хлыновцам видеть, как прежнего богача, обезображенного и в оковах, вели через Хлынов на вечную ссылку в Сибирь"²⁴.

"Естественным" путем брак прерывался в связи со смертью супруга. "Необычайно велико число вдов", - сообщал о жителях Оренбурга в 1870-1880-х годах М.М. Кенигсберг²⁵. Чтобы обеспечить себя и детей многие купчихи пытались продолжить дело мужа, достигая на предпринимательском поприще неплохих результатов. Оставшись с трехлетним сыном на руках, П.Т. Блохи-на в официальных документах именовалась "второй гильдии купечествовавшей вдовой". После смерти в 1880 г. М.А. Нурова активное участие в делах учрежденного им приюта принимала его вдова - Клавдия Ивановна. Особое внимание деятельности компании, в которую входил ее покойный муж, уделяла А.С. Рязанова. Недовольная своими компаньонами, она устранила их и стала единоличной владелицей предприятий. Вдова К.А. Баландина занималась торговлей и золотопромышленностью. Е.И. Любимова была владелицей акций компании своего мужа, избиралась в члены ее правления, а после его смерти продолжила семейные коммерческие дела. Овдовев, А.Н. Первущина стала главой мукомольной фирмы. Потеряв мужей, М.И. Гребенькова и Э.Ф. Фи-литц руководили деятельностью пивоваренных заводов²⁶.

М.М. Кенигсберг отмечал "склонность" населения Оренбурга "к многократному вступлению в брак". По данным 1870-1880-х годов, 8% мужчин состояли здесь во втором или третьем браке. Подобные случаи нередки были и в Екатеринбурге. Известный купец Я.Я. Рязанов вдовел дважды. В третий раз, незадолго до смерти, он женился на дочери купца второй гильдии Е.С. Третьяковой, которая была младше его примерно на 21 год. В 1861 г. у купца первой гильдии З.З. Блохина скончалась его первая супруга Анна Диоми-довна,

урожденная Баландина, после смерти которой остались шестеро детей, причем младшей Вере было около одного года. Пришлось срочно жениться. От второго брака у него родились еще трое детей. Супругой предпринимателя Г.А. Логинова по первому браку была А.М. Мехоношина, умершая в 1884 г. после родов от чахотки. Второй раз он женился в 1888 г. на М.Л. Сыромо-лотовой, происходившей из чиновничьей среды. 5 декабря 1886 г. умерла первая жена купца М.П. Брагина. Второй раз он был женат на дочери потомственного почетного гражданина Я.И. Расторгуева - Анастасии Яковлевне. Свадьба состоялась 23 января 1887 г. Благодаря женьибе Михаил Павлович породнился с такими известными лицами, как елабужский купец Н. Д. Стахеев и потомственные почетные граждане Г.Г. Казанцев и Н.В. Рязанов, за которыми были замужем родные сестры его жены²⁷.

Будучи при смерти, денежный мастер из Екатеринбурга А. Михайлов в 1755 г. в следующих выражениях обращался к своим родителям: "Милостивый государь мой Федор Никифорович и матушка Анна Степановна, в милости Божеской с получением всецелого здравия купно со всеми домашними усердно желаю. И тако с моим униженным почтением, со отданием всенижайшего моего поклона, вашего благословения прошу. Всепокорный Ваш Богом данный сын Андрей Михайлов". Тему "богоданных" детей можно продолжить по записям екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского. 27 сентября 1798 г. в его дневнике значится: "Бог даровал дочь Ольгу". 15 ноября появилась еще одна лаконичная запись: "...в первом часу по полудни умерла дочь Ольга"²⁸. У отца Федора случилось "обычное" для того времени горе, обусловленное высокой детской смертностью, которой не удавалось избежать ни бедным, ни обеспеченным семьям. Из девяти родившихся детей в семье известных екатеринбургских богачей Петра Яковлевича и Марии Львовны Харитоновых выжили только трое. Первые пятеро умерли в младенчестве. У купца М.П. Брагина из семи детей в живых остались трое. Причиной смерти в первые дни после рождения была низкая жизнеспособность организма новорожденного. В 1884 г. у екатеринбургского коммерсанта Г.А. Логинова родился сын Владимир, который вскоре скончался "от слабости". Видимо, сказались тяжелые роды, через десять дней от чахотки умерла и его мать²⁹. Дети более старшего возраста часто умирали от эпидемических болезней.

На выживаемость детей влиял способ питания и уход за ними. "Искусственное кормление коровьим молоком и различными суррогатами детской пищи", по наблюдению М.М. Кенигсберга, получило развитие у жителей Оренбурга в 1870-1880-х годах. "Детскую соску, жевку с их спутниками можно встретить сплошь и рядом у зажиточных людей, - писал он, - и в богатых лучших семьях". У большинства городского населения "глубоко укоренилось" убеждение в том, что "детей лечить не следует, что в раннем возрасте все больше зависит от

зубков". К концу XIX в. в крупных уральских городах наметилось изменение к лучшему. По данным Н.А. Русских, в начале 1890-х годов в Екатеринбурге предпочтение уже отдавали резиновым, а не коровьим соскам (38 случаев против 32) и стеклянным рожкам (20 против 6)³⁰.

П.П. Бажов вспоминал о работнике екатеринбургской спичечной фабрики, с которым вместе жил на квартире: «Каждый праздник он напивался и невнятно шамкал жене: "Счастье нам, Настюха, что ребята умирают. Куда бы с ними?" Настюха, крупная женщина, "ходившая по стиркам", уговаривала: "Молчи-ко ты, молчи. Грех такое говорить", и уводила мужа в малуху под навесом»³¹.

Как правило, появление детей в семье, особенно мальчиков, было желанным событием. 6 августа 1804 г. в дневнике екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского появилась запись: "После обедни был у Аггея Степановича, он обошелся со мною весьма ласково, обещал табакерку подарить мне в 50 рублей, ежели Софья Карловна родит сына". 26 апреля 1806 г. он сообщал о праздновании, устроенным счастливым отцом - шефом мушкетерского полка А.С. Певцовым в связи с рождением у него сына³².

В купеческой семье конца XVIII - 70-х годах XIX в. родившегося мальчика воспринимали прежде всего как наследника, продолжателя дела отца; с ним связывались надежды на укрепление рода, расширение дела, увеличение семейного капитала. Большой интерес в этом отношении представляет "Письмо отца сыновьям и дочерям" вятского купца К. Клепикова, приложенное к его опубликованным воспоминаниям. Купец имел 4 сыновей, 8 дочерей, 17 внуков и 14 внучек, 1 правнука и 2 правнучек. Обращаясь к своим потомкам, он пишет: "Советую вам детей своих направлять сообразно с законом Божиим к труду приличному их воспитанию и способностям и располагать ко всему хорошему, такому, что достойно было бы разумного человека. А чтобы быть хорошим человеком, надо быть истинным христианином". В то же время купцы учили сыновей ценить деньги, с выгодой их тратить, уметь извлекать из всего прибыль. Можно выделить несколько этапов воспитания и профессионального обучения купеческих сыновей: первый - в возрасте от 10-12 до 16-19 лет будущие коммерсанты получали религиозное и нравственное воспитание, обучались элементарной грамоте, выполняли поручения родителей (помощь в лавке, наблюдение за рабочими, ведение письменной документации); второй - в возрасте от 20 до 25 лет купеческие сыновья становились доверенными лицами своих родителей и родственников и заводили собственную семью, но оставались в семейном капитале (выполняли обязанности приказчиков, заменяли отца в поездках, помогали вести денежные расчеты, привлекались к заключению контрактов с деловыми партнерами, закупали и продавали товары на ярмарках, принимали участие в управлении промышленными предприятиями и в общественной жизни купечества); третий - в возрасте от 25-30 лет до 40-45 лет

сыновья становились компаньонами своих отцов, иногда занимались общим семейным капиталом (в случае смерти отца, матери или их болезни), постепенно накапливали личным трудом средства для начала своего дела; в этот период они уже могли претендовать на выделение доли из общесемейного капитала и имущества, после чего быть самостоятельными купцами³³.

Отказ купеческого отпрыска от привычной стези в конце XIX в. не казался уже чем-то необычным. Выходцы из коммерческой среды стремились получить образование и реализовать себя на другом поприще, нежели их отцы-предприниматели. В Екатеринбурге были хорошо известны имена Д.Е. Харитонова, С.Ф. Злокозова, Ф.Е. Опуркова, отказавшихся продолжать семейные традиции. Н.В. Казанцев стал довольно известным писателем. Его родственник В.Г. Казанцев, получив юридическое образование, впоследствии стал академиком живописи, а брат Гавриил Гавриилович, окончив Петербургский университет, получил степень кандидата естественных наук. А.Н. Казанцев, также выпускник университета, был присяжным поверенным. Подобный путь выбрали СМ. Брагин и Б.А. Железное. Первый был сыном купца-мукомола, второй - выходцем из семьи золотопромышленника³⁴.

Среди городских жителей были нередки случаи появления внебрачных детей. У екатеринбургского предпринимателя Я.Р. Коробкова еще в середине XVIII в. жило в Каслях семеро незаконнорожденных сыновей. "Незаконный" сын был у знаменитого уральского архитектора М.П. Малахова. "По крестному отцу" мальчика звали Николаем Павловичем Петровым. Он воспитывался в оренбургском Неплюевском корпусе, на праздники приезжая в Екатеринбург к отцу. Тот "возил его всегда к своим знакомым"³⁵.

Доля незаконнорожденных в Оренбурге, по данным 1870 -1880-х годов, составляла 3,9%. Этот показатель была выше среднего по России, но меньше, чем в Европе. Согласно статистическому обзору за 1896 г., значительное количество незаконнорожденных приходилось на города Вятской губернии "с наибольшим приливом рабочего элемента": Вятку - 134 незаконнорожденных за год, Сарапул - 51 и Елабугу - 33. В остальных городах губернии число незаконных рождений колебалось между десятью в Нолинске и одним в Глазове³⁶.

Внебрачного ребенка ожидала судьба подкидыша. В середине XIX в. излюбленными местами подбрасывания детей были ближайшие окрестности города: Уктусский и Верх-Исетский заводы, обнаруживали подкидышей и в самом городе. Отставному солдату, например, подкинули, как гласил язык судебного протокола, "завернутого в холщовом тряпье и кошме, перевязанной шнуром, рожденного по явственным признакам на теле младенца той ночью". Другого младенца нашли в белой рубашке, завернутым в клетчатую шаль. А однажды вместе с подкидышем было найдено богатое "приданое". Вместе с ним в одеяле находились еще два одеяла, две рубашки сарпинковых, две кисейных, два на-

грудника, пуховая подушка, войлок, обитый выбойкой, и 50 копеек денег серебром³⁷.

Семья - один из фокусов исследований повседневности. Благодаря им становится очевидным ее значение как первичной ячейки жизнедеятельности, важность семейных отношений. Обращение к повседневной истории семьи раскрывает феномен присвоения личностью социальных связей. Она не только показывает, что и в городской среде социальное во многом реализовывалось посредством "семейного", "родственного", но и акцентирует внимание на том факте, что внутри семьи человек получал возможность самоопределиться в рамках существующих кровнородственных связей, отличающихся особой "крепостью" и "теснотой", поэтому называемых иногда узами. Благодаря им индивид на семейном поприще оставался "един во многих лицах".

Семейные обряды

На протяжении изучаемого периода акты частной жизни уральских горожан - брак, венчание, рождение, крещение, смерть, погребение и поминовение - имели обрядовое оформление. К семейным обрядам, более точно называемым обрядами жизненного цикла семьи, поскольку они связаны с событиями, изменяющими ее структуру, принято относить брачные, родильные и похоронно-поминальные. "Ритуальное оформление кардинальных вех жизненного пути" также называют "переходными обрядами". «Таинство этих переходов, - отмечает Т.А. Бернш-там, - русский народ выразил в присловье: "трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает"»³⁸.

Началом и доминантой "бытового домоустройства", несомненно, являлась свадьба. Вступление в брак осознавалось не только как ответственное событие в жизни двух людей, но и рассматривалось как акт породнения их родов, сулившее очередное переплетение родственных связей и, в зависимости от этого, предполагало различные стратегии поиска и выбора брачного партнера.

Излюбленным местом "встречи" городской молодежи оставались вечерки. Мещанская молодежь Красноуфимска в 1860-х годах приходила на вечерки в верхней одежде "нараспашку, выставив как на показ ситцевую или кумачную рубашку". Потенциальных женихов девушки принимали вежливо: "Пожалуйте, молодцы удалые, милости просим, садитесь", но позволяли себе капризничать, например, отказывались сидеть на коленях при надлении соседа соседкой, а забивались куда-нибудь в угол, и "тогда недовольный оставался вовсе без соседки - сиротой".

Праздничные, святочные вечерки для мещанских девушек Перми того времени оставались "истинным утепением". В предвкушении веселья молодые

люди, "начищая" сюртук и сапоги, посвистывали. Надев все это на себя с новым кушленным галстуком, манишкой или жилеткой, "рисовались" перед зеркалом, лобуясь своим отражением и охорашивая свои длинные волосы. Пытаясь понравиться кавалерам, девушки вынимали из сундуков косынки, сетки, ленточки и платки, покупали "у татарина" помаду, дошивали "платище" и примеривали новые наряды и башмаки³⁹.

Местом встречи молодежи Уфы в начале XIX в. были гуляния девушек в Семик. "Тут молодые ребята, - рассказывал очевидец о происходившем в 1812 г., - приходят толпами и занимаются с ними разными играми... однако же бесчинства никакого не бывает". "Прежде, - замечал он, - хаживали девушки и из лучших домов, но ныне нашего состояния не собираются".

Аналогичные летние "смотрины" невест в провинциальной Чердыни просуществовали до конца 1840-х годов. "Приятно смотреть, - писал Н. Корнаухов, - когда здоровые, стройные и красивые здешние девушки тихо и шавно ходят в хороводе с молодыми мужчинами, напевая старинные русские песни. Около них резвятся маленькие дети; а матери и бабушки, сидя под окнами или за воротами, лобуются на своих детей и внучат"⁴⁰.

Высмотреть "суженую" можно было также при посещении церкви. "В первый день Рождества, - сообщали в 1862 г. из Перми, - богомольные люди, особенно девушки, сходят к обедне, старушки да матери их постряпают в это время". К святочному времени приурочивали предбрачные гадания. В Перми от Нового года до Крещения, особенно в крещенский сочельник "при свете луны" можно было видеть девушек, "выходящих на росстань" - середину дороги между улицами. На земле они чертили крест, загадывая, с которой стороны придет их суженый. "Из дворов, поверх ворот или в ворота" гадающие выбрасывали на дорогу башмаки, с вопросом "Как вас зовут?" обращались к первому встречному. "И какое тот соврет имя, - комментировал происходящее наблюдатель, - так, значит, и муж будет называться". Кроме того, "слушали под окнами, стучали в рамы или ставни" и, напугав добропорядочных обывателей, убегали "со смехом". В домах лили олово, "загадывая и отгадывая по выпившимся фигурам". Ровно в полночь девушки садились перед зеркалом, по обеим сторонам которого горели две свечи, а "позади стоит тоже зеркало". "Ей непременно, - сообщал современник, - должно показаться в другом зеркале, о чем и о ком она задумала". "Кому покажется мертвец в белом саване, - рассказывал он о реакции гадающих на происходящее, - она непременно упадет в обморок или схватит горячку. Из них некоторые верят всю жизнь тому, что увидели, другие вовсе не верят видению и говорят о нем только для того, чтобы посмеяться, но таких мало". "Подобные гадания ныне редки в Перми", - заключал рассказчик. Здесь имели хождения другие "предзнаменования": "Когда из протянутых друг к другу рук при прощании или приветствии составится случайно крест, - гласит запись в дневнике пермского

горожанина Е.П. Мухачева, - один из участвовавших в этом переkreщивании скоро женится"⁴¹.

Постепенно, особенно у привилегированных городских слоев, вечера вытеснялись балами. Об одном из таких балов, состоявшихся в Екатеринбурге, рассказала в своих воспоминаниях жительница этого города Н. Нестерова-Анфиногорова. Присутствовавшие на нем барышни и их мамы, особенно из купеческого сословия, пишег она, были одеты в дорогие бальные платья. На тех и других сверкали богатые украшения из золота с драгоценными камнями⁴².

Выезд "в свет" предполагал особое воспитание девушек "на выданье". "Хотя в этом краю об образовании женщин не очень заботятся, - писал в конце 1840-х годов о своем посещении Екатеринбурга А. Купфер, - тем не менее в лучших домах учат молодежь французскому языку и танцам"⁴³.

Рассадником женского образования на юге края и излюбленным детищем оренбургского губернатора В.А. Обручева стал возникший в эти годы по его инициативе институт благородных девиц, иначе называющийся "девичьим училищем II-го разряда". Когда его начальница Жакмон приехала из Петербурга, ее встретили сорок учениц, которые показали ей «почти все грубыми, невоспитанными казачками, говорившими на "о" и употреблявшими часто в разговоре неприличные слова». Они были немые, грязные, у многих "на белье и в волосах водилось множество насекомых". У некоторых тело было покрыто расчесами и даже "злокачественными нарывами". От персонала потребовался "прежде всего чисто физический труд - привести воспитанниц в благообразный вид. Нужно было намазывать им головы мазью, истребляющей насекомых, заставлять горничных расчесывать им спутавшиеся волосы, приучить их к употреблению мыла и зубных щеток, о которых они не имели ни малейшего понятия в своих станицах и форпостах". Более трудной задачей было отучить их от употребления непристойных слов и выражений. Особого внимания потребовало и религиозно-нравственное воспитание: "Многие из них не только не знали ни одной молитвы, но не умели даже сложить пальцев для крестного знамения. Другие же, воспитанные сектантками, в особенности принадлежавшие к раскольничьей секте беспоповщины, читали молитвы наизусть, искажая не только слова, но и самый смысл молитв".

Только самоотверженная работа педагогов обеспечила блестящие результаты первого выпуска Оренбургского девичьего училища: "Все выпускные девицы были одеты в легкие белые платья, и наружность их настолько изменилась к лучшему, что в них нельзя было узнать прежних грубых оренбургских и уральских казачек. Манеры, походка все изменилось к лучшему. Все они умели поддерживать салонный разговор на французском языке и могли читать французские и немецкие книги". Воспитанницы преуспели в занятиях рукоделием, живописью, игре на рояле. Многие из них отличались "прекрасными свежими

голосами" и "талантом декламации". О востребованности подобных качеств для будущего брачного союза свидетельствует тот факт, что "родители и родственники благодарили со слезами на глазах начальницу и весь учительский персонал за очевидные успехи своих дочерей"⁴⁴.

Пансион или домашнее образование становились обязательным условием поиска выгодной партии девушкам из приличной семьи, однако ключевым оставался вопрос о приданом. Какие острые, порой анекдотические формы он мог принимать, свидетельствуют воспоминания оренбургского старожила П.П. Жакмона - сына упомянутой начальницы института благородных девиц. В городе долго ходила молва о "чудаке" 3-ском, который "пристроил замуж всех своих четырех дочерей за людей, занимавших видные должности в Оренбургском крае, но ловко провел всех своих трех зятьев, дав в приданое за дочерьми очень небольшую часть обещанного". Суть его проделки заключалась в обещании выдать сумму сполна после венца. Четвертый зять также не оспорил его предложения, однако в день венчания через шаферов передал будущему тестю, "что до тех пор не поедет в церковь, пока не получит обещанных отцом невесты 25 тысяч рублей". Старик пришел "в страшное бешенство", стал "торговаться", но жених "оказался кремнем" и, "не желая уступить ни одной копейки из женина капитала", не соглашался ни на 10, ни на 15, ни на 20 тыс.⁴⁵

Санкция старшего поколения на брак сохраняла свое действие практически во всех городских сословиях. В Чердыни родственники "держали между собой" совет, "как бы с большей выгодой устроить им судьбу одного из младших своих сочленов"⁴⁶. В 1846 г. пермский архиепископ Аркадий сообщал корреспонденту, что екатеринбургский купец Я.М. Рязанов разрешил сыну Якову, которому тогда перевалило уже за сорок, "выдать замуж внучку свою Елисавету за сына Ивана Лукича Тарасова". Претенденты на руку богатой наследницы подвергались его родителями пристрастному обсуждению. Согласно преданию, когда "всесильный" екатеринбургский купец Л.И. Расторгуев и его супруга Анна Федоровна прибыли в дом предпринимателя средней руки Харитоновна на смотрины жениха, то он, неся поднос с чаем, споткнулся о порог и перебил всю посуду. Старики сочли это счастливым предзнаменованием и окончательно решили судьбу молодых⁴⁷.

"Опека уральских стариков о нравственности и сохранения целомудрия, - писал о городах, населенных казаками, А. Соколов, - касалась не только молодежи, но и пожилых людей, даже занимавших видный пост в администрации уральской, принуждая их к женитьбе, когда замечали за ними кой-какие грешки". Патриархальные нравы сохранялись и в Чердыни. По наблюдениям Н. Корнаухова, в 1840-е годы "родители невесты, отдавая ее замуж, редко спрашивали у нее согласия и часто выдавали дочерей против воли и желания". Выходя замуж, девушка в первый раз видела своего жениха⁴⁸.

Для пополнявших городское население приезжих матримониальные связи были реальным шансом утвердиться в новой среде. К середине XVIII в. сольвыгодские купцы Дубровины уже успели укорениться в числе влиятельных людей Екатеринбурга, поскольку на дочери Д.Ф. Дубровина Татьяне был женат вторым браком капитан Метлин, полицмейстер, глава Ротных дел, судной и земской конторы. Позиции купца И. Харчевникова ничто не могло поколебать после брака его дочери Мавры с Я.Р. Ко-робковым, представителем самого влиятельного рода екатеринбургского посада. Связующим звеном между местным купечеством и горнозаводской администрацией также стали браки. Негласно заправлявший делами екатеринбургского посада уктус-ский житель Н. Петров был женат на дочери пшхтмейстера М. Карамышева⁴⁹.

Из 934 браков, зарегистрированных в приходах Златоустов-ской, Сосновской и Богоявленской церквей Екатеринбурга за 1764, 1775, 1776, 1781, 1784, 1792, 1813-1820 гг., только 38% были заключены внутри общего для мужа и жены сословия. Большая часть браков - 62% была межсословной. Выше всего сословность в браке сохранялась у екатеринбургских мастеровых. Из 314 мастеровых и работных людей, вступивших в брак в эти годы, 178 человек (56,5%) обвенчались с представительницами своего сословия. Вместе с тем сословно-смешанные браки заключались преимущественно между представителями близких по социальному положению сословий. Те же мастеровые женились на крестьянках (55 браков, или 17,5%), дочерях солдат (31 брак, или 10%). Дочери мастеровых выходили замуж по преимуществу за мастеровых, но кроме этого, за солдат и солдатских сыновей (62 брака, или 17%), крестьян (45 браков, или 12%) и мещан (38 браков, или 10%). Выходцы из крестьян, жившие в приходах екатеринбургских церквей, чаще женились на крестьянках (54 брака), однако эти браки составляли всего 38% от их общего числа. Почти столько же (45 браков, или 32%) были заключены ими с дочерьми мастеровых⁵⁰.

Купеческие капиталы, как правило, объединяли "разветвленные" родственные связи. В книге С.С. Агеева и В.П. Микитюка показано, что видные екатеринбургские семейства Рязановых, Баландиных, Казанцевых, Нуровых, Харитоновых, Зотовых перероднились между собой и от поколения к поколению закрепляли брачными узами сложившуюся общность. В пореформенное время именно браки с предпринимателями "новой волны" вливали в эти старые "затухающие" роды "новую кровь".

Наряду с сословной и имущественной, в глазах старшего поколения, большое значение приобретала общность религиозных убеждений "брачующихся".

Старообрядцы и православные заключали браки в своем кругу. Примечательно, что еще в начале XIX столетия екатеринбургские "кержаки", имея вполне приличные капиталы, не рождались с разорившимися аристократами, хотя благодаря таким бракам их потомкам давалась прямая дорога к дворянским титулам. Зато

даже виднейшие из них не гнушались выдавать замуж своих дочерей за тех, кто еще совсем недавно стоял на самой низкой ступени сословной иерархии - являлся крепостным крестьянином. В дальнейшем сословно-имущественный и конфессиональный факторы оказались взаимно переплетены, время от времени уступая друг другу первенство. Девушки из старообрядческих семей переходили в официально признанное единоверие только накануне свадьбы. "Вновь присоединившейся из раскола единоверкой" была при венчании с И.Д. Баландиным в 1856 г. К.А. Рязанова. Незадолго до вступления в брак с В.А. Падучевым в начале 1886 г. перешла в православие А.И. Баландина. В 1879 г. перед бракосочетанием с Е.М. Крюковой присоединился к официальной православной церкви Б.И. Козицын⁵¹.

"Во избежание соблазна и повода к нарушению целомудрия" молодых людей в городах Уральского казачьего войска "обыкновенно очень рано женили". Примеры раннего вступления в брак встречались и в других городах. Родители будущего писателя Решетникова - дочь губернского секретаря Е.Т. Панкратова и почтальон М.В. Решетников - в 1841 г. обвенчались в Екатеринбурге, когда невесте было 17, а жениху 19 лет. По статистическим данным 1870 - 1880-х годов, "большинство лиц" в Оренбурге "вступало в брак в самом раннем возрасте, особенно это касалось женщин, которые становились замужними ранее 20 лет"⁵².

Однако город выработал свою, отличную от общероссийской (в основе которой лежали показатели сельских жителей) возрастную модель брачности. Ее характерной чертой была значительная разница возраста супругов: мужчины в зрелом возрасте женились на молодых женщинах. Соотношение возрастов супругов, "жительствоющих в приходе" Богоявленской церкви г. Екатеринбурга в 1799 г., показывает, что в 216 супружеских парах муж был старше жены, в 67 - они были одногодками, а в 87 - жена была старше мужа. Во всех социальных категориях преобладало традиционное (муж старше жены) соотношение возрастов. Особенно высок был процент таких браков среди духовных лиц, у пггабе- и обер-офицеров, военных, посадских, государственных крестьян, господских крестьян, дворовых. Среди купцов и мещан показатель был намного ниже - чуть более 57%, у приказных и мастеровых число подобных союзов не превышало половины. Разница в возрасте свыше шести лет в пользу мужа была в 6 из 10 супружеских союзов офицеров, в 19 из 44 браков военных. "Городские женихи, - описывал в середине XIX в. аналогичное явление А. Луканин, - редко женятся на невестах старше себя несколькими годами, а напротив, большей частью берут за себя жен несколькими годами моложе"⁵³.

Горожане продолжали придерживаться сезонных сроков вступления в брак. По данным 1870 - 1880-х годов, самое большое количество брачных союзов в Оренбурге заключалось в январе-феврале и октябре-ноябре, в течение постов в

марте и декабре, по наблюдениям М.М. Кенигсберга, свадеб "вовсе не замечалось"⁵⁴.

Подробные описания свадебных обрядов городского населения Урала дошли до нас с конца 1840-х годов. Свидетельство Н. Корнаухова о том, что "нигде... не исполнялись с такою точностью и неупустительностью все древние свадебные обряды", как в Чердыни, позволяет положить его в основу реконструкций более раннего времени. "Как самовидец" он старался рассказать "основательно все то, что... мог заметить и... припомнить"⁵⁵. При "обыкновенном порядке" с согласия жениха родители посылали в дом невесты сватовщиков или сватовщиц. Пришедшие не должны были входить далее матицы, т.е. середины комнаты, и садиться на место. Не застав родителей невесты дома, они посылали за ними, и не уходили, "не начав дела". При согласии родители невесты сообщали сватовщикам, что подумают. Таким образом с ними поступали три раза. Затем "родные невесты изъявляли согласие и с общего уговора назначали день, в который они намерены сделать формальное просватанье", называемое здесь "рукобительем".

В день просватанья невеста, завернувшись в шубу, забиралась на полати, или пряталась "куда-либо в другое место", а ее родственники не встречали приглашенных и "не светили" им, так что иногда жених с провожавшими его гостями должен был входить "ошупью". "По приезде жениха" родители невесты и ее крестная мать приказывали ей слезть с полатей и одеваться, но она отвечала им "одним плачем". Тогда они силой снимали ее с полатей и одевали. Все время до свадьбы, независимо от того "волей или неволей выдают ее замуж", невеста непременно должна была "как можно громче выть и причитать".

До выхода невесты жених и приехавшие с ним не должны были садиться. Отец и мать выводили одетую невесту и передавали ее жениху. Священник благословлял присутствующих, все садились за стол, а девушки начинали петь песни. Сидевшая рядом с женихом невеста ни в этот, ни в следующие вечера не должна была много говорить с ним, но "за караваем" получала от него в подарок деньги, отдавая, "смотря по состоянию", сукном, жилетом или платком. Невеста также не провожала жениха.

Через несколько дней после рукобителья у невесты для девушек и родственников устраивался вечер, называемый "посиде-нок". Перед прибытием туда жениха дружки приносили от него большой пирог с рыбой и пирожное, которое должны были съесть невеста с девушками в девичник за обедом. Невеста не встречала жениха, он сам входил в ее комнату, здоровался и угощал привезенными конфетами. К гостям выводила невесту сваха. На посиденке играли "кружками" - ходили, взявшись за руки, кругом и пели хороводные и круговые песни. Других музыки и танцев, по наблюдению Н. Корнаухова, "здесь никогда не бывает". В этот вечер исполняли только одну свадебную песню жениху и невесте. Прощаясь с женихом, невеста провожала его уже до крыльца.

Накануне свадьбы проводили девишник. Утром девушки готовили для невесты баню, приглашая ее туда плачем или самой заунывной песней, а она припадала к отцу и матери, "прося у них благословения сходить последний раз в родительскую баню". Под плач невесты девушки исполняли "вторую плачу". Мать давала невесте рубашку и вместе с отцом благословляла дочь. Провожая ее в баню, умывая, одевая и выводя, девушки причитали. Невеста благодарила родителей за баню также плачем и вместе с девушками садилась обедать с пирогами и пирожными, присланными от жениха в посиденок. Прибытие гостей и жениха она (вместе с девушками и свахой) дождалась в своей комнате. Пол в доме устилали коврами и пихтой для того, чтобы будущие супруги жили в довольстве. Дружки со стороны жениха прикалывали себе банты из голубых лент, а со стороны невесты - из розовых.

На девишник и во время венчания кроме ленты, унизированной жемчугом, богатые невесты надевали на голову бочку, "а не так богатые головодец". (Оба убора назывались в свадебных песнях "венком с пелепелками" и, по словам очевидцев, "были весьма красивы".) Бочка имела сходство с венцом и была украшена жемчугом, фольгой, мишурой, канителью и "басонами", а головодец "имел подобие пержатной наклонки, с фистонами или вырезками наверху, вышитыми китайским жемчугом". На бочку надевали венки из цветов или лент.

Жених с дружкой еще утром объезжал своих родственников, созывая их к себе. Повторно их приглашали шаферы или дружки. Собравшихся гостей отец жениха усаживал за накрытый скатертью стол, на котором стояли хлеб и соль. На первом месте сидел священник, по правую от него сторону крестный отец жениха, который должен быть тысяцким, возле него жених, по левую сторону - богоданный или родной отец жениха, за ним большие бояре, дружки и весь поезд "по старшинству и знатности рода". Соблюдая такой же порядок, гости должны были рассаживаться по приезду к невесте. Посидев за столом, вставали, священник читал молитву, отец выводил жениха и вместе с матерью благословлял его хлебом и солью, и собравшиеся отправлялись в дом невесты. Здесь они не садились, дожидаясь, пока отец выведет невесту и передаст ее жениху. После этого начинали молиться. Священник благословлял невесту и ее сваху, читал молитву, после которой присутствующие садились за стол. Во время ужина мать или сестра невесты приносили на тарелке, закрытой другой тарелкой, блины и подавали их жениху. Тот переворачивал тарелку и "просил ими" всех гостей, а "простую" тарелку с деньгами отдавал будущей родственнице, одаривая ее тем самым за блины. В это время девушки пели "приличную" песню и "в продолжение всего ужина" припевали жениха с невестой, священника, тысяцкого, гостей и весь поезд (бояр и дружек), подходя после каждой песни с тарелкой "к тем, кому пели", за деньгами.

Последним кушаньем был пшениный каравай, который оставался неразрезанным. Для невесты это был сигнал к раздаче подарков, в первую очередь священнику, затем жениху, который получал женскую рубашку. Он должен был передать ее своей матери (родственницы жениха не бывали на девешнике), чтобы она надела подарок в день свадьбы и встретила в ней молодых "от венца". "Дарили" также свекра, тысяцкого и прочих гостей. Жених с невестой держали поднос, тысяцкий наливал привезенное женихом вино, дружки "просили им" тестя, тещу, всю невестину родню и прочих гостей. Девушки пели для всех них одну и ту же песню. Гости разъезжались, а девушки, посадив невесту на переднее место, садились ужинать. Поев, невеста начинала плакать и биться о стол, а девушки - петь плачи.

В день свадьбы невеста будила подруг громким плачем, и они, присоединяясь к ней, начинали "плакать плачи". Старшая сестра расплетала невесте косу, а та в это время раздавала красоты -разные ленты сестрам и всем подружкам, оставляя самую дорогую в церковь для евангелия. В Перми еще в 1870-е годы сохранялся обычай оплакивать "девичью красоту"⁵⁶.

Помолившись перед образами, невеста просила благословения у отца и матери и одевалась "к венцу". Жених отправлял дружек узнать, готова ли невеста, и, получив положительный ответ, со всем поездом отправлялся за ней. Поезжане садились за накрытый стол, на котором стояли хлеб, соль и окорок. Девушки исполняли песни свахам жениха и невесты, а затем последнюю жалобную, прощальную песню невесте, после которой священник читал молитву, отец и мать невесты благословляли "образом, хлебом и солью" ее и жениха и провожали их в церковь. На венчание они не ездили, а усердно молились дома перед образами. Возглавлял свадебный поезд священник, за ним следовали жених с тысяцким, потом два большие боярина со стороны жениха и невесты везли образа, за ними ехали сваха с невестой, бояре, дружки, прочие провожатые и девушки. Всего на богатой свадьбе бывало до двадцати и более саней. Процессия избегала улиц с оврагами, что иногда заставляло делать "большие околицы".

От венца жених уже ехал вместе с невестой. Еще в сенях родители мужа благословляли их "образом, хлебом и солью". Новобрачную свахи уводили "в особенную комнату окручивать": под пение песни снимали с нее головной убор, головодец или бочку с венком, заплетали две косы и одевали платок. Затем молодых отводили к зеркалу и спрашивали: "Кого они там видят?" Это делалось для того, чтоб новобрачные "жили согласно, и думали более всего один о другом". Их заставляли поцеловаться и вели в гостиную, где за накрытым столом предстоял ужин. После ужина молодые женщины исполняли для свекрови песню, а священник провожал молодых в спальню, благословлял их там и певчие пели: "В законе сении". Молодые, прощаясь, "просили его и всех гостей вином".

Утром молодая получала благословение свекров, во время которого свекров надевала на нее крест. Потом новобрачные с шаферами и свахами отправлялись "на поклон", т.е. с визитами, к родителям невесты, священнику, всем родственникам и близким знакомым. Не дожидаясь угощения от хозяев, подносили им привезенное с собой вино и "просили их" большими пряниками и различными подарками. "По возвращении" молодых постельная сваха невесты усаживала их, всех домашних и родственников за стол, угощая блинами, пирогом с рыбой, пирожным, вином, раздавая подарки, привезенные от родителей молодой. Вечером устраивали "пирочный" стол. На третий день делали хлебны у родителей молодой, на четвертый - у родителей молодого. В ответ следовали "отхлебны у тех и других". Девушек на этих праздниках не бывало. Для них недели через две после свадьбы устраивали вечер, после которого они оставались гостить у молодой "с неделю и более". Днем занимались рукодельем, а по вечерам играли "кружками".

В это же время А. Терещенко попытался дать общую картину проведения свадьбы у мещан и купцов Пермской губернии⁵⁷. "Здесьнее мещанство и купечество, - писал он об этих исконно городских сословиях, - женит сыновей довольно молодыми". Сватовство совершали через родственников или хороших знакомых. О приданом не договаривались, "во всем полагаясь на волю отца невесты", который "наделял" дочь "сообразно своему состоянию: платьем, бельем, столовой посудой и другими вещами - деньгами редко". Иногда сговор происходил в присутствии священника. Обычай петь во время сговора "печальные песни: о разлуке дочери с родителями и о будущей ее судьбе" был "прежде", а к концу 1840-х годов "вышел из обыкновения". Для молодых и их гостей приятельницы невесты исполняли только веселые песни, получая за это подарки. После сговора в доме невесты гостили подруги, помогая ей шить белье и платье. Из родственников или друзей жениха выбирался тысяцкий, бояре и дружки. Последние, получив от невесты по ленте, "навязываемой на левую руку", ездили к ней с подарками от жениха, звали гостей на свадьбу и угощали их. Кроме них со стороны невесты и жениха выбиралось по одной (иногда по две) свахи. Распоряжался свадебным обрядом тысяцкий. Жених ждал невесту в церкви, послав за ней лучший экипаж, сваху и дружек. По совершении бракосочетания молодые отправлялись в дом жениха, где его родители или "их посаженные" встречали их на крыльце, иногда в самой комнате и благословляли "сначала образом, потом хлебом, возложив крестообразно на головы". Новобрачные падали им в ноги и целовали руки.

Быть так называемыми "посажеными" родителями считалось хорошим тоном. По воспоминаниям современников, пермский губернатор И.И. Отарев никогда не отказывался быть крестным или посаженным отцом у детей своих чиновников. "Был доступен для каждого" обращавшегося с аналогичной просьбой и В.А.

Глинка. За четверть века пребывания последнего на Урале благословленных им перед бракосочетанием лиц насчитывали сотнями⁵⁸.

После благословения молодых и приглашенных за столом ждал "богатый ужин". На другой день следовал "роскошный обед под именем большого стола" для родственников, друзей и всех знакомых, которых невеста дарила разными вещами (преимущественно платками). Угощение сопровождалось плясками и пением веселых песен. "Молодые первыми открывали танцы". Через несколько дней устраивался "отличавшийся особой веселостью и пиршеством" пирожный стол. Музыка, "состоящая из скрипки и гуслей", раздавалась "безумолчно". В заключение свадебного веселья тесть угощал зятя на хлебнах.

Некоторые свадьбы вошли в анналы городской истории. Так, весь Екатеринбург праздновал венчание второй гильдии купецкого сына К.Т. Зотова и первой гильдии купецкой дочери А.А. Рязановой. "Пир, бывший назад тому семь или восемь лет", по замечанию Е. Ведеревского, в 1851 г. был жив в памяти города. "Пусть вспомнит он этот месяц, протекший в непрерывных угощениях целому городу со стороны двух капиталистов-золотопрмышленников, породившихся женитьбою сына одного на дочери другого, - писал журналист, - пусть вспомнит это шампанское, закупленное во всех ближних городах, и даже в Тюмени и, кажется, в Казани; это возлияние дорогого вина на гривы лошадей, или на пыльную дорогу, чтобы не пылила, когда поедут молодые на заимку"⁵⁹.

О "рамочных" событиях человеческой жизни - рождении и смерти - у пермских горожан существовало поэтичное поверье: родился младенец - и на небе является новая звездочка, умер человек - и звездочка падает с неба. Рожали горожанки с помощью повивальных бабок, появившиеся во второй половине XIX в. родильные дома долго не получали у них признания. "Вабиться, - пояснял в своем дневнике пермский горожанин Е.П. Мухачев, - исправлять обязанности повивальной бабки"⁶⁰. Большинство рожениц обращались не к городской бабке, а к обычным пожилым женщинам. Так, в начале XIX в. практиковали "г. Екатеринбург повивальная бабка мастерская жена Дарья Иванова дочь Хромцова" и 66-летняя вдова Марья Никифорова, "по старости лет своих" "находившаяся" повивальной бабкой⁶¹. При недомогании во время беременности отправлялись тоже к ним. В 1835 г. 33-летняя солдатская жена Наталья Холуева "правила брюхо" беременной дворовой девке С.А. Ивановой⁶². Местом разрешения от "бремени" нередко оказывалась баня. М.П. Григорьева в 1814 г. рассказывала, что повивальная бабка Марья Никифорова истопила для нее баню и потом "мучилась" с ней "трои сутки". Опасаясь за жизнь пациентки, она решилась призвать священника, который исповедал роженицу⁶³. При трудных родах это была обычная практика. Детородный акт продолжал относиться к закрытой "женской сфере", крещение же новорожденного, особенно если оно состоялось в церкви, а не на дому, приобретало публичный характер. Так, 24 июля 1839 г.

ставшие единоверцами Рязановы впервые легально крестили в новом Златоустовском храме (по фамилии устроителей получившем в народе название Рязановского) нового члена своего большого рода - Петра, сына Александра Яковлевича Рязанова⁶⁴.

Среди крестных отцов и матерей чаще всего встречались родные братья и сестры новорожденных или их дяди и тети, бабушки и дедушки. В Перми существовал обычай, при котором "отец новорожденного выбегал на улицу и просил первого встретившегося мужчину быть крестным отцом, а женщину - крестной матерью". Служащие старались пригласить в крестные отцы своего начальника (например, жители Перми губернатора И. Огарева), а купцы - "сильных мира сего" (екатеринбургские прежде всего звали В.А. Глинку). Те, в свою очередь, не отказывались взять покровительство над ребенком. В дневнике Ф.Л. Карпинского упоминаются крестины в доме капитана Алесова. Он приехал туда "в вечеру с женой по зову" и застал "цвет" чиновного Екатеринбурга того времени: главного начальника екатеринбургских заводов и кавалера действительного статского советника А.С. Ярцева, шефа екатеринбургского мушкетерского полка генерал-майора А.С. Певцова, князя Мышецкого. За ужином гости засиделись до полуночи. По подсчетам современников, за время пребывания В.А. Глинки на Урале его крестников и крестниц "приходилось считать чуть не сотнями". Поэтому "нередко случалось видеть Глинку благодушно восседающим на диване простенькой гостиной какого-либо маленького и скромного чиновника, который по случаю именин крестника или крестницы Владимира Андреевича почтительно просил его удостоить чести откупать именинный пирога". "Мало того, - удивлялись очевидцы, - что Глинка никогда почти не отказывался от подобного приглашения, но являлся еще не с пустыми руками, а с каким-либо приличным и ценным подарком"⁶⁵.

Празднование именин превратилось в устойчивую городскую традицию. Знаменитый пермский доктор Ф.Х. Граль позволял делать себе подарки только однажды в год - на свои именины. У жителей Перми в ходу была поговорка: "Добрый именинник трое сутки пьян". А в Чердыни "буквально выполнялась русская пословица: добрый именинник три дня именинник". И "всякий" горожанин справлял именины по три дня. На другой день после празднования родственникам разносили длинные калачи, называемые здесь "имянинниками"⁶⁶.

В дневнике протоиерея Ф.Л. Карпинского часты записи о его присутствии на именинах. 10 мая 1798 г. он обедал на именинах у своего знакомого Филадельфа Степановича, 12 июня "в вечеру с женой" был на именинах у Зырянова, где "играли в карты и ужинали". На семейное торжество приглашали семейные пары или собирали чисто мужскую компанию, иногда довольно значительное количество гостей. 28 октября отец Федор обедал и до семи вечера сидел на именинах у Ковелина, где также присутствовали "Селянин, почтмейстер,

Карнаухов с женами". 8 ноября он находился на именинном обеде у Селянина и встретил там Згибнева, Безпалова, Ширияева, Рихтера, Чаплина, Ковелина, Ольшева, Хмаева и других гостей. 12 августа он сделал в тексте следующее замечание: "... Севодни был именинник Аникита Сергеевич] Ярцев, а я об этом и позабыл и не поздравил, чем великую сделал ошибку". 17 сентября протоиерей попытался загладить неловкость и два раза заезжал к Ярцеву: "поутру... поздравлять супругу ево именинницу" и вечером на бал. В дневниковых записях нет указаний на празднование именин самим Федором Львовичем или членами его семьи, однако о именинниках-священнослужителях он упоминает: 20 сентября 1803 г. "в вечеру был на именинах у отца протоиерея Михаила Хомякова до 9-го часу", 15 января 1805 г. "на именинах у св[ященника] Павла"⁶⁷.

В городской среде циркулировало много примет "на смерть". Самым очевидным было "видеть во сне умершего уже родственника". Это предвещало близкую смерть "уже самому сновидцу". Верным знаком считался также неурочный петушиный крик: "Петух поет при закате солнца, чуя покойника". При переезде в "только что отстроенный дом" сами постояльцы должны убрать здесь "сор, щепы и т.п.", если за них это сделали другие - "один в семье должен беспрерывно умереть". "Захворать во время продолжающейся по дому стройки" и прекратить ее по причине болезни в глазах пермских горожан означало "осудить себя на неминуемую смерть". "Хоть нарочно ломай да стройся, - советовал Е.П. Мухачев, - пока совсем не выздоровеешь"⁶⁸.

Чтобы "отчаянно больной христианин в последние часы его земной жизни" облегчил душу, посылали за священником, который "напутствовал умирающего". Промедление служителя церкви, в результате которого человек умирал без покаяния и причастия, являлось серьезным нарушением его пастырского долга, ибо духовник готовил исповедника к "страшному" для того перехода в иной мир. "По ненадежде в спасении жизни" мастеровой екатеринбургского монетного двора Невьянцов в 1827 г. был "удостоен по долгу христианскому священником... исповеди и святого причастия". Первый муж жительницы Екатеринбурга солдатки Ф.Г. Безделкиной "пред смертью был болен горячкой, священником исповедован, приобщен святых тайн и соборован маслом"⁶⁹.

Раскольники старались избежать предсмертного общения с единоверческими и православными священниками. О кончине 15-летней дочери А.Т. Рязанова Олимпиады пермский архиепископ Аркадий сказал: «Мать Святая Церковь не напутствовала ее чрез своего благословенного иерея ни прощением грехов, ни приобщением тела и крови Христовой! Сугубая скорбь, такая утрата!.. От избытка горестных чувств не должен ли я сказать: "Вот родители! Отроковица и невинная по вашей вине умерла, умерла виновной навеки!"». Запись о смерти в 1888 г. потомственной почетной гражданки 60-летней вдовы А.А. Рязановой гласит: "...Без напутствия священника по неприглашению"⁷⁰.

Путь похоронной процессии в Екатеринбурге был усыпан хвоей, а сопровождалась она церковным звоном. На похоронах в Чердыни все "близкие родственники" непременно должны были громко рыдать и плакать с причетами, "хотя бы умерший был старик или старуха, лег семидесяти и более". "Эти рыдания, - вспоминал очевидец, - далеко бывают слышны, когда несут усопшего". "По принесении его в церковь" каждый провожающий ставил от себя на гроб свечу, полагая, "будто бы умерший и сам после встретит их также со свечей". После выноса из церкви гроб с покойным без остановки несли до кладбища. Девушку "на тот свет" одевали как невесту и весь гроб убрали цветами. Богатые родители ничего не жалели на похороны и поминки, особенно, если это была единственная их дочь. Провожать "молодую или пожилую девушку" собиралось множество девиц, "часто и совсем не знавших усопшей". Они несли гроб и крышку от него из дома до кладбища. После похорон приходили в дом умершей, где родственники раздавали им на память красоты - "ленты, как на свадьбе"⁷¹.

Прообраз так называемых гражданских похорон зарождался в городах Урала уже в 1830-е годы. При церемониях погребения чтимых жителями людей семейный обряд превращался в общественную манифестацию. "Великий человек по гражданским добродетелям" Ф.Х. Граль был лотеранин. Зная, что "ему должно скоро умереть", он просил послать за пастором в Ижевский завод, но тот запоздал и, к великой радости горожан, любимого ими доктора отпели по православному обряду. «Едва появилась крышка гроба - площадь огласилась рыданиями; слова "отец наш оставил нас, что теперь будет с нами без Федора Христофоровича? прямо за ним в могилу!" - были слышны повсюду». Гроб поставили на приготовленную колесницу, однако "в минуту" построжки были изорваны, лошади отведены в сторону и "народ не повез, а понес колесницу". "Какой вопль был в то время, когда опускали гроб в землю!..."⁷²

Декабрист Ф.Ф. Вигель вспоминал, как в 1805 г. любовался богатыми, дешевыми, мраморными памятниками над усопшими в Екатеринбурге. На кладбище в монастырской ограде Перми П.И. Мельников в 1830-е годы увидел много красивых чугунных и мраморных памятников и также отметил, что они здесь "по своей дешевизне не редкость... Некоторые эпитафии даже очень хороши"⁷³. Они могли быть лаконичными, даже у очень известных граждан. На могильном памятнике Л.И. Расторгуеву значилось: "Лев Иванович Расторгуев. Скончался 12 февраля 1823 г. на 54 году жизни". На городском кладбище Сарапула с северной стороны от церкви стоял небольшой памятник из опоки с надписью: "На сем месте погребены тела Сарапульского купца Стефана Егорова Курбатова, Екатерины Феофановой дочери, внуки ее младенца Елизаветы и девицы Марии. Жития их было от рождения 1-й - 49 л., 2 мес. и 22 дня, 2-й - 6 лет и 18 дней, 3-й - 16 лет 8 месяцев и 16 дней. Жизнь же свою окончили 1826 года, февраля 16, по полудни в начале 8 часа, во вторник"⁷⁴.

Считалось святотатством нарушать покой усопших, и о наказании за подобный поступок ходило много слухов. О советнике уголовной палаты г. Перми Е.Л. Чагине рассказывали, что он посылал своих дворовых по ночам увозить чугунные могильные плиты с кладбища, которые "закладывались надписями книзу в печи и в полы в сенях". Предприимчивые слуги догадались испечь на обломке краденой плиты пирог, "обратив ее надписью кверху". "Гости, не закончив обеда, взялись за шапки", хозяин слег, сильно заболел и умер⁷⁵.

Однако подобные "назидания" помогали не всегда. В 1759 г. был выкопан винный "подвал" на месте, где в Екатеринбурге "погребались и ныне погребаются мертвые человеческие телеса". «А родственники по вере христианской, - писали о "бесчинстве" священнослужители, - просят служить панихиды на тех могилах. И тем умершим делается поругание, между которыми и угодники Божий суть». Намогильный памятник родственников купца Курбатова на сарапульском кладбище и в начале XX в. "содержался небрежно: верх его и крест" были похищены⁷⁶.

У жителей г. Перми существовало предание: огоньки на могилах - это души покойников, требующие от своих родных молитв и поминовения. В Радунцу они отправлялись на могилы родных "с известным запасом пасхальных яств для раздачи нищим". Те в большом количестве собирались к этому дню в город из окрестных деревень⁷⁷.

24 декабря 1798 г. протоиерей Ф.Л. Карпинский "обедал с женой у купца Зырянова на поминках по жене его". У старообрядцев г. Перми за поминальными обедами, "как бы ни были они великолепны", не подавалось "вовсе" ни водки, ни вин. Непременным финалом обеда являлся кисель, "хотя бы и следовал непосредственно за французским пирожным". В Чердьни поминки отправлялись "со всею точностью в положенные для того дни". На них приглашали всех родственников, кормили нищих. По наблюдениям Н. Корнаухова, иногда в продолжении целого года здесь кормили нищих по субботам⁷⁸.

Семейные обряды в структуре повседневности акцентируют внимания на семье как месте, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сфера жизни. Они обладали правом легитимизации актов частной жизни. Рассмотренные ритуалы сакрализировали важнейшие события семейной жизни. Благодаря им, все этапы семейной жизни получали "озна-ченность" и в этом смысле даже с точки зрения горожан рассматривались как сила, возвращающая "колесо времени" и ответственная за его нормальный ход.

¹ Мухачев Е.П. Из дневника пермского горожанина // ПГВ. 1861. № 32. С. 427; Злоказов Л.Д., Семенов В.В. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. Екатеринбург,

2000. С. 46-47, 152, 172, 287; *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 42, 67.

² Чердак. Заметки о Чердыни // ПГВ. 1860. № 30. С. 344; *Холщовников Е.Е.* Письма из Верхотурья // Там же. 1864. № 7. С. 41; *Змиев И.В.* Город Красно-уфимск // Там же. 1872. № 8. С. 36.

³ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 172.

⁴ См.: *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Рязановы - купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 19; *Мосин А.Г.* Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVII - первой половины XIX в.: Обидие и специфические черты // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 123.

⁵ *Бувеский А.* Преподобный Алексий, архиепископ Вятский (1719— 1733 гг.) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. Вятка, 1901. С. 354; *Пргображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII в. М., 1956. С. 139, 208.

⁶ *Нестерова-Анфиногенова Н.* Воспоминания // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Вып. 4. Екатеринбург, 2000. С. 190.

⁷ *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 600; *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 48-49, 91.

⁸ *Подгорбунская С.* История одного знаменитого дома // Уральская старина. Вып. 4. С. 231-233.

⁹ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 43; *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 29, 33, 42, 49-50, 57-58, 69-70, 122, 133, 136, 138.

¹⁰ *Луканин А.* О движении народонаселения в Чердынском уезде в десятилетие 1841-1850 годов // Вестник РГО. СПб., 1859. Кн. 5. С. 17.

¹¹ *Жакмон П.П.* Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1905, Т. 100. № 4. С. 73.

¹² *Злобина И.В., Пихоя Р.Г.* Семья на Урале в XVIII - первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма... С. 141.

¹³ *Мельников П.И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1842. № 3. Т. 21. Отд. 8. С. 10. См. также: *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Дневник священника // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1995. № 2. С. 116, 136; *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 82; *Змиев И.В.* Указ. соч. С. 36, 49.

¹⁴ *Мухачев Е.П.* Указ. соч. С. 426; *Зорина Л.И.* К родословной архитектора М.П. Малахова // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 316; *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 120—121.

¹⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 44. Л. 3; *Соколов А.* Единоверие и раскол в Уральском крае и их взаимные отношения между собою: (К характеристике церковной, религиозной и нравственной жизни Уральского казачьего войска за последнее двадцатилетие) // ОЕВ. 1891. № 1. С. 22-24; *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 18, 61.

¹⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 169. Л. 7, 10.

¹⁸ Там же. Д. 200. Л. 3-3 об., 51 об.

¹⁹ Там же. Л. 51-51 об.

- ²⁰ Там же. Д. 1058. Л. 1-1 об.; Д. 1998. Л. 5 об., 7.
- ²¹ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Старая Пермь: Путевые очерки // *Он же.* Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 60; *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 63.
- ²² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 836. Л. 2-3, 6 об., 26.
- ²³ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁴ *Бувеский А.* Указ. соч. С. 368.
- ²⁵ *Кенигсберг М.М.* Опыт медико-топографического исследования города Оренбурга. СПб., 1886. С. 60.
- ²⁶ *Бухаркина О.А.* Гражданин Екатеринбурга Михаил Ананьевич Нуров // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 122; *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 50, 104-106, 109, 133-134.
- ²⁷ *Кенигсберг М.М.* Указ. соч. С. 8; *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 49-50, 158; *Корепанова С.Л., Микитюк В.П.* Дневник купца М.П. Брагина // Первые Татищевские чтения. С. 91.
- ²⁸ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 82; *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 126.
- ²⁹ *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 57, 158; *Корепанова С.А., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 90.
- ³⁰ *Русских Н.А.* К вопросу о кормлении детей до года // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. Пермь, 1891. Вып. 1. С. 79, 82; *Кенигсберг М.М.* Указ. соч. С. 149.
- ³¹ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 433.
- ³² *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 137.
- ³³ *Обухова Г.И.* Воспитание и профессиональная подготовка сыновей в купеческой среде Вятской губернии в конце XVIII - 70-х годах XIX в. // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 235-236.
- ³⁴ *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ *Корепанов Н.С.* Указ. соч. С. 43; *Зорина Л.И.* Указ. соч. С. 316.
- ³⁶ *Кенигсберг М.М.* Указ. соч. С. 113; Краткий статистический обзор Вятской губернии за 1896 год // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1898. Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии. С. 62.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1249. Л. 8 об., 29, 32.
- ³⁸ *Бернштам Т. А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 9.
- ³⁹ *Змиев И.* Вечерки в Красноуфимске // ПГВ. 1864. № 34. С. 347-348; *Святки в Перми* // Там же. 1862. № 3. С. 33-34.
- ⁴⁰ *Ефремов В.* Из истории Уфимского края. Город Уфа и уфимское общество на рубеже XVIII и XIX столетия // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 318; *Корнаузов Н.* Этнографические черты города Чердыни, Пермской губернии // Отечественные записки. Т. LVII. СПб., 1848. Отд. VIII. С. 57.
- ⁴¹ *Святки в Перми* // ПГВ. 1862. № 3. С. 38-39; № 4. С. 62; *Мухачев Е.П.* Указ. соч. С. 426.
- ⁴² *Нестерова-Анфиногенова Н.* Указ. соч. С. 187-188.

- ⁴³ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 152.
- ⁴⁴ Жакмон П.П. Указ. соч. // Исторический вестник. 1906. Т. 105. № 7. С. 74.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Предтеченский Я. О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. 1. С. 5.
- ⁴⁷ Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 29, 48.
- ⁴⁸ Соколов А. Указ. соч. С. 23; Корнаухов Н. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁹ Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 42-43, 55.
- ⁵⁰ Злобина И.В., Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 139, 141.
- ⁵¹ Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 17-18, 94, 130, 152.
- ⁵² Соколов А. Указ. соч. С. 23; Подгорбунская С. Указ. соч. С. 232; Кенигсберг ММ. Указ. соч. С. 99.
- ⁵³ Злобина И.В., Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 135; Луканин А. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁴ Кенигсберг ММ. Указ. соч. С. 99.
- ⁵⁵ Корнаухов Н. Указ. соч. С. 53-57.
- ⁵⁶ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Вып. 3. Пг., 1916. С. 1028.
- ⁵⁷ Терещенко А. Указ. соч. С. 599-600.
- ⁵⁸ Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С. 151, 154.
- ⁵⁹ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 250.
- ⁶⁰ Мухачев Е.П. Указ. соч. С. 426-427.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 156. Л. 6; Д. 404. Л. 12.
- ⁶² Там же. Д. 1126. Л. 5, 8.
- ⁶³ Там же. Д. 404. Л. 4, 10 об.
- ⁶⁴ Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 91.
- ⁶⁵ Мухачев Е.П. Указ. соч. С. 426; Байдин В.И., Голикова СВ., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 125; Корельский А. Указ. соч. С. 151, 154.
- ⁶⁶ Мельников П.И. Указ. соч. С. 11; Мухачев Е.П. Указ. соч. С. 440; Корнаухов Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁶⁷ Байдин В.И., Голикова СВ., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 121, 123, 125-126, 129, 135.
- ⁶⁸ Мухачев Е.П. Указ. соч. С. 426.
- 69 ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 836. Л. 2 об.; Д. 1998. Л. 7 об.
- ⁷⁰ Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 94-95.
- ⁷¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Он же. Статьи и очерки. С. 23; Корнаухов Н. Указ. соч. С. 57-58.
- ⁷² Мельников П.И. Указ. соч. С. 11-12.
- ⁷³ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 107; Мельников П.И. Указ. соч. С. 10-11.
- ⁷⁴ Н.Н.Б. Убийство семьи Курбатова // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. С. 26; Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁵ Смышляев Д.Д. Из прошлого: О старых временах и людях // ПГВ. 1885. №31. С. 189.
- ⁷⁶ Н.Н.Б. Указ. соч. С. 26; Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 57.
- ⁷⁷ Мухачев Е.П. Указ. соч. С. 426.

⁷⁸ Там же; Корнаухов Н. Указ. соч. С. 57; Байдин В.И., Голикова СВ., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 128.

Глава 4

Праздники и развлечения горожан

Семейный и общественный досуг

Повседневность охватывает всю жизненную среду человека, включая сферу досуга и развлечений. Специалистами, обратившимися к изучению городских и сельских увеселений (в основном праздничных) в дореволюционной России, отмечено, что в формах и содержании тех и других имелось и общее, и особенное. Так, А.Ф. Некрылова, автор книги "Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII - начало XX века", пишет: "Многочисленные гулянья и праздники всегда входили в городской быт, но на протяжении долгого времени они полностью копировали крестьянскую традицию..." Однако специфика городских условий, по ее словам, не могла не оказывать влияния на эту традицию. С одной стороны, в атмосфере города нарушались "такие существенные черты крестьянского праздника, как его строгая регламентация и обрядность", переставала ощущаться "магическая сторона действий и слов", резко менялся (и по численности, и по составу) круг участников, а с другой, городская аристократия и в сфере досуга все более ориентировалась на Запад, перенимая обычаи и "моды" европейской знати¹. Другой исследователь - А.С. Котлярчук - пришел к выводу, что "в этнической ментальности горожан" более важную роль, по сравнению с ментальностью сельских жителей, играли "идеологические установки светской и церковной власти". Уже в структуре русского городского праздника XVII в. А.С. Котлярчук выделяет наряду с "массово-развлекательным" "торжественно-официальный компонент"².

При этом в один и тот же период в разных городах соотношение в сфере досуга традиций и новаций, "народного" и "официального" оказывалось различным. М.С. Каган и Е.Э. Келлер выделяют четыре главных фактора, определявших культурную жизнь города: природно-географический, социально-

экономический (включая социальный статус города), архитектурный и эстетически-художественный³. Особенно разительными, по их мнению, оказывались различия в развлечениях населения столицы и провинциального города. "Традиционное стремление подражать придворным увеселениям и забавам, - пишет, например, о Санкт-Петербурге Е.Э. Келлер, - было одним из мощных культурно-инновационных факторов развития традиционно-бытовой культуры в разных сословиях городского населения"⁴. К сходному выводу пришел и Е.В. Дуков, отметивший, что в столице Российской империи и средние сословия "вслед за аристократами потянулись к тому же досуговому антуражу, стали сопровождать свои званые обеды оркестровой музыкой с литаврами" и пр.⁵

Однако и провинциальные российские города имели свои особенности. Крупные административные и торгово-промышленные центры соседствовали с небольшими городками, сохранявшими самую тесную связь с сельским хозяйством; поселения с многовековой "городской родословной" сосуществовали с новыми городами, еще недавно бывшими сельскими слободами, заводскими поселками, военными крепостями. "Что город, то но- /у ров...", - констатировала русская пословица, подчеркивая локальные своеобразия ментальности горожан (другая пословица утверждала: "Норов на норов не приходится"), во многом определявшие способы проведения ими свободного времени. Причем все эти наблюдения относились и к стране в целом, и к ее отдельным регионам, в том числе Уралу.

Было в организации досуга жителей разных городов и много общего. Так, в непростое время во всех уральских городах в XVIII - начале XX в. одним из самых распространенных развлечений являлось гостеванье. Из дневника екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского (конец XVIII - начало XIX в.) следует, что редкий день его автор не бывал в гостях или сам не принимал гостей. Так, днем 8 января протоиерей заезжал к доктору Августу Фелькнеру, где застал еще четырех гостей. Вечером того же дня дом Карпинского посетили "Петр Ив. Горбунов с супругой". 10 января Карпинский "был на рынке и у Алексея Алексеича Ко-нопляникова", а также "ввечеру у Ковелина" - в компании с Ко-нопляниковым и еще несколькими екатеринбуржцами "играли в дурака". На следующий день карточная игра была продолжена в доме протоиерея, куда пришли купец Я.Ф. Толстикова и А.А. Конопликов, "сидели до 8-го часа". 12 января Ф.Л. Карпинский успел "отгостить" в двух купеческих семьях, 13 - с женой - у губернского секретаря А.С. Исакова, 14 днем - у коллежского ас-сесора Н.А. Рассказова, "ввечеру" с женой - "у Рабенфельпи", 15 - у городского коменданта, купцов Толстикова и Щепетильникова, полковника А.О. Маркловского и некоего Исаака Горско-ва. "16 числа, - записывал в дневнике протоиерей, - обедал у г. полковника Маркловского, там были генерал-майор Кропотов с сестрой, подполковник Гревенс, Рассказов с женой и с княгиней

Манотказиной, капитаны Протопопов, Короткий, купцы Голенищев, Ковелин". Через день Карпинский опять в гостях - "ввечеру ездил к Луке Ивановичу Накрохину, откуда был у г. Рассказова, где играл в карты". 20 января автор дневника играл в карты с офицерами Громодиным и Черемисиковым и полковником Маркловским в доме последнего, к себе возвратился в 10-м часу вечера. 21 числа утром протоиерей отправился к шефу екатеринбургского мушкетерского полка Я.В. Боюеру "поздравить с чином ге-нерал-поручика, откуда был у Раздерипина". На другой день Ф.Л. Карпинский, по его признанию, "ввечеру был у Рихтера, оттуда с Селяниным поехали к Заверняеву, оттоле к Зотову, где были Маркловский, Короткий, Громотин, Блиновы, Ковелин, Голенищев, доктор Фелькнер, Исаич, Дмитр. Казанцев, Рихтер; оттоле был у Маркловского; домой приехал в 11-м часу". 23 января протоиерей сам принимал гостей: отца и сына Резановых, И.П. Блинова и М.И. Селянина. Последняя запись за январь в дневнике протоиерея датирована 24 числом. В этот день Карпинский "обедал у Раздерипина; тут же был и Петр Сергеич Ярцев; днем был у Казанцевых; с ними вечером был у Резановых, откуда заезжали к Толстикovu и Гилеву, но не наши дома"⁶.

И с частными визитами, и на гостевые собрания в Екатеринбурге, судя по сведениям дневника протоиерея, духовные лица, офицеры, чиновники (гражданские и горные), купцы, врачи, их жены и вдовы могли являться друг к другу и без приглашения. В тех случаях, когда имелось приглашение, автор дневника сообщал о нем. Так, вечером 8 сентября 1798 г., как следует из дневниковой записи, протоиерей с женой были "на крестинах у капитана Алесова, где и ужинали"; в числе приглашенных оказались также главный начальник екатеринбургских заводов А.С. Ярцев, Я.В. Боуер, полковник Маркловский и князь И.С. Мышецкий. В другом месте Карпинский записал: "... Ввечеру был у меня Кавелин, с ним поехали к полковнику Маркловскому по его зову..."⁷

Постоянно бывая друг у друга в гостях, представители местного высшего общества тем самым выражали взаимное уважение, отдавали должное чести и достоинству хозяев. 23 августа 1805 г. Ф.Л. Карпинский записал в дневнике: "...Был у Елис. Гавр, и у Росторгуева, тут же был г. Рябухин и пр. Ну, досталось мне за шутки. Ряб. напал на меня и бранился весь вечер за то только, что я сказал: вы люди богаты, вы люди чиновны, то станете ли ездить ко мне в гости, хотя я у вас много раз бывал"⁸. Протоиерей воспользовался случаем, чтобы публично высказать свою обиду на тех чиновников и купцов-богачей (Л.Г. Рябухин являлся заседателем уездного суда, Л.И. Росторгуев - купцом 1-й гильдии, винным откупщиком), которые пренебрегали визитами к священнику. Сам Ф.Л. Карпинский старался не обходить посещениями ни один из "лучших" домов города, хотя и не всегда находил там радушный прием. "25 ч. служил литургию, после оной был у Аггея Степ. Он меня принял грубо, при отходе от него сказал

сухо: прощай, кланяйся нашим", - записал протоиерей в июне 1799 г., заметив при том: "Не знаю, что это значит, видно, на меня насажено что-нибудь". Правда, в следующее посещение (6 августа) генерал-майор Аггей Степанович Певцов "обошелся" с Ф.Л. Карпинским "весьма ласково", обещал даже подарить ему табакерку "в 50 рублей", если генеральша "Софья Карловна родит сына". До 30 ноября автор дневника еще три раза побывал в гостях у Певцова, а 30 ноября генеральский "норов" опять дал себя знать. В этот день вечером Карпинский посетил Певцовых "и играл в карты с Софьей Карловной", когда генерал, по свидетельству протоиерея, заявил "на счёт мой: вот какой дрянью надобно же заняться... кои слова гордости моей были противны". Тем не менее 2 декабря протоиерей опять был в доме генерала, который, желая, видимо, загладить прошлую обиду, подарил гостю иноходца. Вечером того же дня Карпинский находился на приеме, устроенном вице-губернатором князем М.Н. Волконским. Здесь ему сообщили, будто С.К. Певцова говорила о нем, что он "часто де стал ходить к нам... видно, что-нибудь выманить хочет у Аггея Степановича". Но и после этого протоиерей не прекратил наносить визиты Певцовым⁹.

Чаще, конечно, Карпинский бывал в гостях у тех людей, с которыми его связывали приятельские отношения. С.Т. Аксаков, воссоздавая в "Семейной хронике" на основе устных рассказов матери и отца (фигурирующих в "Семейной хронике" под именами Алексея Степановича и Софьи Николаевны Багровых) начало их совместной жизни в Уфе (конец XVIII в.), где отец служил чиновником, писал: "Жизнь свою в уфимском обществе устроила Софья Николаевна согласно своему желанию: с приятными для нее людьми она видалась часто, то у себя, то у них, с остальными видалась изредка или считалась церемонными визитами". Ее молодой муж, человек по натуре "тихий, скромный, застенчивый", "очень хорошо улаживался в новом своем положении, то есть в избранном обществе Софьи Николаевны" - "люди, близкие с Софьей Николаевной, сблизились с ним, полюбили его"¹⁰. Этикет, таким образом, предписывал не обходить посещениями ни одно из семейств, принадлежавших к "обществу", т.е. составляющих местную элиту. Однако "общество" Уфы делилось на несколько более мелких "обществ", каждое из которых объединяло людей, близких по кругу интересов, нравственным устоям и ценностным ориентациям. В частности, "общество" С.Н. Багровой (на деле матери писателя), увлекавшейся литературой, составляли, по словам С.Т. Аксакова, "благородные и образованные люди". "Из числа их я называю только тех, которых знал сам: В.Б. Романовского, А.Ю. Авенариуса, П.И. Чичагова, Д.Б. Мертваго и В.И. Ичанского", - сообщал автор "Семейной хроники"¹¹.

Примерно такая же картина наблюдалась и в других городах Урала. Так, знаменитая "кавалерист-девица" Надежда Андреевна Дурова, уральские впечатления которой были связаны с городком Сарапулом (сюда семья Дуровых

перебралась в 1789 г. -отца Надежды назначили сарапульским городничим), на их основе написала повесть "Игра судьбы или Противозаконная любовь". Образно и реалистично была представлена в повести повседневная жизнь "аристократии" уральской уездной "столицы". Героиня повести, чиновничья дочь Елена Г***, "старанием родной матери" в 13 лет была выдана замуж за некоего Лидина, оказавшегося негодяем, пьяницей и картежником. Правда, после шести лет домашнего ада судьба, наконец, сжалилась над Еленой: ненавистный муж оставил ее. Молодая женщина надеялась, что теперь рядом с ней постоянно будет любимый человек - красавец Атолин, с которым она успела сблизиться еще до своего "соломенного" вдовства. Однако Атолин к тому времени уже охладел к Елене и, даже не известив ее о своем решении, навсегда уехал из города. "Через два дня во всех обществах говорили, что Лидина слегла в постель от горести видеть себя с таким пренебрежением оставленною", - повествовала Н.А. Дурова, воссоздавая на бумаге столь знакомую ей действительность.

Объединяющей фигурой одного из местных "обществ" была генеральша Р*. «Старая Р*, - рассказывалось в "Игре судьбы", -близилась к концу своей многолетней и хорошо проведенной жизни; не имея смешной слабости бояться смерти, она, однако ж, не хотела проводить в уединении и скуке тех немногих дней, которые ей оставалось пробыть на земле; итак, она чаще прежнего собирала к себе всех, с которыми была в короткой дружбе; почти всякий вечер проводили у нее: городничиха, молодая, пригожая и очень остроумная дама; жена градского головы, добрая, веселая женщина, немного пустая, немного сплетница, немного востовщица, но в сущности женщина превосходного сердца, благодетельная и даже великодушная; молодая дама... томная, сентиментальная и, яко голубица, непорочная; четвертая была помещица лет двадцати осьми, жена гусарского полковника; ее Р* любила более всех и не иначе называла, как "дочь моя»». Разумеется, в "общество" входили и мужья этих дам.

Генеральша сочувствовала несчастной Елене. Узнав от жены городского головы, что Елена находится почти при смерти и что рядом с больной нет никого, кроме ее дворовых людей («Никого, - подтвердила свое сообщение "головиха", - да и кто ж будет при ней, матушка, Ваше превосходительство! Кто захочет идти в дом женщины, потерявшей доброе имя»), старуха, презрев общественное мнение, велела немедленно подать ей карету и поехала к Елене. Нанятый генеральшей лекарь за два месяца сумел возратить больную к жизни, однако она продолжала оставаться в каком-то "одревенении чувств". Р* полагала, что причиной была утрата женщиной, брошенной и мужем, и любовником, уважения людей своего круга - гости обходили дом Лидиной, словно в нем обитала прокаженная. Приятельницы генеральши решили сделать ей приятное и нанесли изгойке визит. Этот визит первых дам города являлся внешним знаком возвращения Елене статуса полноценного члена городского "общества" («Как? От Лидиной! -

обрадовалась Р*, когда приятельницы сообщили ей, что они "все сию минуту от Лидиной". - Благородные друзья мои! Как прекрасно вы поступили!! Да если есть еще какое средство спасти ее, так это то, чтоб отдать ей безусловно потерянное ею ваше уважение!., как вы были приняты Лидиной? Я думаю, со слезами признательности?)»¹².

Таким образом, если в тот или иной дом переставали ходить гости, это служило своеобразной "черной меткой" хозяевам. Однако в каждом городе имелись дома-"оазисы" (по определению одной из мемуаристок), в которых особенно радушно привечали гостей. Генерал И.Ф. Бларамберг, служивший в начале 1840-х годов в Оренбурге, вспоминал, что жизнь в городе в то время была "очень оживленной". "В зимние месяцы, - свидетельствовал он, -обычно в течение недели собирались каждый вечер в одном определенном доме. Здесь обменивались новостями, музицировали, молодежь танцевала, пожилые господа и дамы играли в карты"¹³. То же самое наблюдалось в Вятке конца XIX столетия. "В городе были семейные дома, где по вечерам собирались: мужчины -поиграть в карты, женщины - посплетничать, а молодежь - потанцевать. Наш дом был одним из таких оазисов...", - писала дочь вятского земского деятеля К.И. Громова Ия (в замужестве Франчески). В Екатеринбурге второй четверти XIX в., пожалуй, самым гостеприимным домом был особняк купца-старовера П.Я. Харитонов. Жизнь в этом доме «шла самая, что ни на есть веселая, никак не укладывающаяся в нормы поведения старообрядцев. И днем и ночью рекой лилось шампанское, шла карточная игра "по-крупному", когда проигрывались целые состояния»¹⁴.

Игра в карты, "сплетни" ("перемывание костей"), обмен новостями, угощение "веселящими" напитками и яствами - всему этому на гостевых собраниях отводилось главное место. "Я не знала, как употребить время своего четырехмесячного отпуска; в уездных городах мало средств проводить его приятно, а особенно зимою: бостон, вист, вист, бостон; пирог, закуска, пирог; вот все способы избавиться от того лишнего часа, который найдется почти у всякого из нас", - вспоминала Н.А. Дурова о своих отпускных днях, предоставленных ей командованием уланского полка (в котором она тогда служила под именем Александра Александрова) и проведенных в родительском доме в Сарапуле. В уездном Красноуфимске городское "общество" тоже делилось на отдельные небольшие группы ("кружки"). По сообщению И.В. Змиева (1872), по вечерам, особенно зимой и осенью, крас-ноуфимцы "собирались в домах по очереди, соблюдаемой в каждом кружке, для закуски и карточной игры", которая здесь была "сильно развита". Страстными карточными игроками оказывались многие горожанки. Так, П.И. Мельников, побывав в Перми, заметил, что в этом губернском центре "и на прекрасный пол карты имеют сильное влияние: по шести и по восьми часов не выходят из-за карточного стола не только дамы и перезрелые девы... но даже барышни-невесты"¹⁵.

Однако в образованной среде на гостевых собраниях (и чем дальше, тем больше) говорили также о литературе, искусстве, истории, политике и пр., устраивали громкие читки литературных произведений. Ф.Ф. Вигелью, приглашенному со спутниками (они направлялись в составе большого посольства в Китай) на обед к пермскому губернатору К.Ф. Модераху, понравилось, что благодаря приехавшей в гости из Екатеринбурга дочери губернатора Софье Карловне Певцовой, красавице и "просвещеннейшей" женщине, говорили в собрании о литературе, событиях в Европе и пр. "Чудесная сия женщина была вместе с тем и просвещеннейшая из всех тех, коих дотоле я видел; свободно выражаясь на иностранных языках, наслаждалась всеми цветами литературы и в преддверии Азии, читая журналы, знала все, что происходит в Европе", - вспоминал чиновник. В тот же день гости побывали на вечере в доме Модераха. "Были собраны какие-то два-три аматёра, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну из... младших дочерей (губернатора. - *Авт.*), которая перед нами хотела блеснуть музыкальным искусством, довольно странным для женщины: она играла на скрипке", - продолжал свой рассказ Вигель. Разумеется, такие вечера бывали в губернаторском доме, где еще имелось на выданье четверо дочерей, не только по случаю проезда чиновников из столицы. "...Собирались к Софье Николаевне и к Алексею Степаньичу, - писал СТ. Аксаков, имея в виду родительский дом конца XVIII в. (он находился в Уфе, в так называемой Голубиной слободке), - несколько человек бесцеремонных и приятных гостей, или сами Багровы отправлялись в гости к кому-нибудь, по большей части к Чичаговым. Братья Катерины Борисовны Чичаговой были очень дружны с молодыми хозяевами (т.е. Багровыми. - *Авт.*), особенно меньшей, Д.Б. Мертваго; он заранее напросился к ним в кумовья (Софья Николаевна в то время ждала ребенка. - *Авт.*). Оба брата часто бывали в Голубиной слободке и приятно проводили время у Багровых... Чтение книг было одним из главных удовольствий у Багровых; но как нельзя было беспрестанно читать или слушать чтение, то выучили Софью Николаевну играть в карты..."¹⁶

В некоторых домах для гостей и в будни устраивались театральные и музыкальные представления. Так, по словам известного художника М.В. Нестерова, его дед, купец, 20 лет бесценно бывший городским головой Уфы (умер в 1848 г.), очень любил собирать у себя "общество"; для гостей давались домашние спектакли. «...В нашей семье, - писал Нестеров, - долго сохранялась афиша такого спектакля, напечатанная на белом атласе. Шел "Ревизор". Среди действующих лиц были дядя мой Александр Иванович (городничий) и мой отец (Бобчинский)»¹⁷. В конце XIX - начале XX в. домашние театральные и музыкальные гостевые вечера получают в уральских городах заметное распространение. Для них выписывались ноты и сценарии, готовились специальные костюмы¹⁸.

Были города, в которых еще в середине XIX столетия для мужчин и женщин устраивались отдельные приемы. "Мужчин, женщин и девушек, - писал, например, о Чердыни местный житель Н. Корнаухов (1848), - зовут в одно время в гости только на ъ свадьбы, а на прочие пиры зовут или одних женщин, или одних мужчин, но девушек никогда не бывает: для них делают особенные собрания, на которых они гостят у своих подруг дня по три и более"¹⁹. В средневековой России этот обычай соблюдался в городах достаточно строго. Г. Котошихин, автор книги "О России в царствование Алексея Михайловича", на основе собственных наблюдений писал, что женщины "с мужским полом, кроме свадеб, не обедают никогда, разве которые гости бывают самые сродст-венные, а чужих людей не бывает, и тогда обедают вместе"²⁰. Из источников XVIII - начала XIX в. следует, что в это время на Урале горожане - мужчины и женщины - чаще гостевали по отдельности. Уже упоминаемый Ф.Л. Карпинский, отправляясь в гости, в редких случаях брал с собой жену. Французский астроном аббат Шапш д'Отерош, оказавшись в 1761 г. в Екатеринбурге, сразу получил много приглашений в гости и решил, в свою очередь, устроить у себя "наилучший ужин на сорок персон" -дам и господ. "В городе Екатеринбурге живет немало иностранцев, по преимуществу немцев; поэтому нравы и обычаи имеют здесь меньше общего с русскими обычаями, чем в других местах...", - заметил аббат в своем путевом дневнике (изданном позднее во Франции в двух томах под названием "Путешествие в Сибирь"), констатируя, что в других городах Сибири (Урал вместе с его горнозаводской столицей Шапш д'Отерош относил к Сибири) устроить подобное мероприятие с участием и мужчин, и женщин было бы невозможно, "так как женщины там чересчур стеснительны"²¹. По словам Н.А. Дуровой, в подростковом возрасте она "не пропускала ни одного удобного случая украсться от надзора матушки; эти случаи представлялись всякий раз, как к матушке приезжали гости (знакомые дамы. - Лет.): она занималась ими, а я, я, не помня себя от радости, бежала в сад...". Отец - са-рапульский городничий - в этих встречах не участвовал, у него была своя мужская компания. "Батюшка обыкновенно проводил вечера у кого-нибудь из знакомых...", - вспоминала Дурова²².

В Чердыни раздельное гостеванье лиц мужского и женского пола бытовало и в кругу городской верхушки, и в среде простонародья. "Хотя всех вообще русских называют хлебосолами, -свидетельствовал Н. Корнаухов, - но здешним жителям, кажется, следует отдать в этом отношении преимущество перед прочими. Все вообще, богатые и бедные, вменяют себе в непрременную обязанность угостить своих друзей и родственников...и у всех заведен один порядок как в приглашении, так и в угощении". Приходить в гости без приглашения здесь считалось недопустимым. Приглашали гостей через специальную "зватую". От имени хозяев, устраивавших угощение, она просила

приглашаемых прибыть "пообедать" или "поужинать" (на обеды звали к трем часам пополудни, к ужинам - к восьми). Соглашаться прийти с первого "зова" традиция не позволяла - зватой приходилось обходить или объезжать одни и те же дома по три раза, и только при третьем посещении следовал определенный ответ: принимается приглашение или нет. "Но если за всем этим, - делился своими наблюдениями Корнаухов, - не все явятся, то к почетным посылают [зватую] и в четвертый".

Если угощение устраивалось для мужчин, то гостей встречал в сенях сам хозяин, если для женщин, то это делала хозяйка. Войдя в комнату, гость (или гостья) произносил молитву и кланялся - сначала образом, а затем "на все стороны гостям". На женских собраниях вновь прибывшая гостья целовала "по три раза" каждую из присутствующих в комнате женщин.

"У богатых, - сообщал Корнаухов, - накрывают стол с приборами, а у людей бедного состояния приборов не бывает, а ставят среди стола кушанья в оловянных мисках и блюдах и едят из них прямо без тарелок; кругом стола стелют полотенца, под которые кладут хлеб, вилку и ложку. Кушанья: жаркое, холодное и пироги подают неразрезанными; их разрезают за столом..." Обязательными гостями на мужском собрании были приходской священник и дьякон, на женском - жена приходского священника. Они занимали самое почетное место. Что касается остальных мест за столом, то, по словам Корнаухова, бывало "много перекогов между гостями, кому и куда садиться - под тем предлогом, будто бы никто не хочет занять первых мест". "Перекогы" продолжались до тех пор, пока хозяева не рассаживали приглашенных "почти силою". Гостям-мужчинам хозяин сначала подносил вино. При этом ни один из них не принимал угощения сразу (иначе такого гостя сочли бы "или бесстыдным, или пьяницею") - хозяину приходилось прежде каждому поклониться по несколько раз. Женщинам принимавшая их хозяйка предлагала перед подачей кушаний выпить пива или сладкого ягодного морса, поскольку редкие из жительниц Чердыни употребляли вино. Из кушаний подавали сначала пиди или похлебку "разных сортов", потом рыбный пирог, "холодные, жаркие, пирожные и, наконец, каравай". "У богатых, - отмечал Н. Корнаухов, - бывает всегда блюд по шести разных холодных, жарких и пирожных, а всего до двадцати пяти, у бедных и среднего сословия менее". Перед каждой переменной блюд мужчинам предлагалось вино, женщинам - пиво или морс. Гостевой обед продолжался около 4-х часов - ужин - около 3-х²³.

Весь этот ритуал гостеванья восходил к старинной русской городской традиции. Многими наблюдателями и исследователями отмечалась приверженность чердынцев русской старине. Например, составитель "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даль в 1852 г. писал: "В Чердыни живет еще старина русская, как при царях, и притом старина не раскольникья..."

Здесь, по его данным, первыми словами гостя были: "Здорово в избу!". Хозяин на это приветствие отвечал: "Полезай на избу!" (что означало: просим в дом)²⁴. В 1888 г. в Чердынском крае побывал известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. "О Чердыни можно сказать, - заключил он, - что она вся в прошлом...". "Предания, песни, поверья, притчи, сказки и весь обиход народного творчества на месте родины, - писал он, имея в виду древние центры восточного славянства - Киевщину и Новгородчину, - похоронены под позднейшими историческими наслоениями и заменились новыми бытовыми формациями, а здесь еще жива эта глубокая старина и хранит свой эпический склад". По мнению Мамина-Сибиряка, объяснялось это тем, что "Чердынь после завоевания царства Казанского осталась совершенно в стороне от главного потока колонизации, повернувшей к южному приволью и в Сибирь"²⁵.

От старых времен сохранился в Чердыни и обычай девичьего гостеванья. Вообще жизнь чердынских девушек, по утверждению Н. Корнаухова, оказывалась "самая веселая и даже счастливая", поскольку проводили они ее "всегда в разнообразных забавах и удовольствиях". Кроме того, что они регулярно бывали в гостях друг у друга (всякий раз гостеванье растягивалось на несколько дней), в Филиппов и Великий посты устраивались девичьи посиделки ("посиденки"). На посиделки девушки являлись со своим "рукодельем" и, занимаясь им, одновременно наслаждались "разговорами" (обычно местом сбора служили дома одиноких вдов). В "свадебный сезон" (со святок до Великого Поста) все девичье население Чердыни перебиралось в дома невест, где они гостили "недели по две и долее": днем занимались шитьем приданого для своей подруги-невесты, а по вечерам "играли кружками". "После каждой свадьбы они также собираются к прежним своим подругам и гостят у них неделю и более". Осень для девушек начиналась "капустками": хозяйева, имевшие взрослых дочерей, приглашали их подруг рубить капусту. "За капустками, - писал Корнухов, - следуют копотихи и супрядки; на первых готовят лен к пряже, а на вторых приносят уже пряженный лен в мотах к тем, которые раздавали прясть и делают супрядку". Хозяйева готовили для девушек угощение. Эти девичьи сборища (своеобразная форма гостеванья) продолжались в Чердыни до Филиппова поста²⁶.

Супрядки, копотихи и капустки бытовали и в других городах Урала, причем как в среде простонародья, так и в более "высоких" кругах. Екатеринбургский протоиерей Ф.Л. Карпинский 2 апреля 1798 г. записал в дневнике: "Поутру и днем был дома, после вечерни - у Раздеришина, где были пляски по причине супрядки; там ужинал и сидел до 10-го часа"²⁷. В Красноуфимске в середине XIX в. и в богатых, и в бедных домах за неделю - две приглашали девушек и женщин для прядения, трепания льна и рубки капусты. В течение дня гости вместе с хозяйкой занимались работой, а к вечеру являлись парни и молодые мужчины. Устраивалось угощение - с чаем, пивом, вином. После ужина старшие уходили в

другую комнату, где занимались "разговорами", а молодежь оставалась развлекаться песнями и плясками²⁸.

М.В. Нестеров, вспоминая свои детские годы в Уфе, отметил, что одним из "осенних удовольствий" являлась "рубка капусты": "появлялись большие корыта", и приглашенные женщины, "под начальством", правда, не самой хозяйки, а "кухарки Фоминичны", "начинали традиционную рубку капусты, заготовку ее на зиму". "Стук тяпок", которыми орудовали "капустницы", "раздавался целый день по двору"²⁹.

В небольших городах имела место и еще одна форма гостеванья - вечерки. В Чердыни, где вечерки устраивались с начала святок до Великого Поста, на них собирались одни девушки. Иначе обстояло дело в Красноуфимске. Здесь, по словам корреспондента "Пермских губернских ведомостей" (1864), только "купечество" не принимало участия в вечерках, "сохраняя более закрытую семейную жизнь". Обычно устроителями вечеров были домохозяева, имевшие взрослых детей. На красноуфимских вечерках веселились и молодежь обоего пола, и старшее поколение. Вечерки сводили вместе представителей разных слоев городского общества: чиновников, мещан, учителей, других представителей местной интеллигенции. Начиналась вечерка с угощения: подавались чай и вино (по замечанию наблюдателя, "чай бывал, впрочем, у более знатных"), затем - около 7-8 часов вечера - ужин, "за коим подавали также вино, а у некоторых даже пиво". После ужина пожилые уходили в отдельное помещение, где мужчины играли в карты, а женщины обсуждали городские новости. Молодежь "упражнялась" в играх, песнях, танцах. Корреспондент отметил, что, когда один из молодых людей попытался завести разговор с девушкой, присутствовавшая при том женщина, подойдя к ним, заявила: "Что вы тут пришли на вечерку, надо играть, петь, а они разговорами занимаются".

На вечерках в Красноуфимске особой популярностью пользовались такие традиционные для русских сельских молодежных сборищ игры, как "в соседи", "в скоморохи", "порей", "киселем", "селезень ловит утку", "ходит царь круг нова города", "сеять мак", "а мы просо сеяли", "дрема", "олень". Из числа собственно городских игр упоминаются только три - "табареточкой" (табакеркой), "туалетом" (имелись в виду принадлежности женского туалета) и "почтой"³⁰. По свидетельству жителя г. Верхотурья Е.Е. Холщевникова, местные барышни как-то при игре "в почту" сочли одного из кавалеров обманщиком на том основании, что он выбрал себе имя несуществующего, по мнению барышень, города Лиссабон³¹.

Каждая из игр оказывалась сопряженной с определенной песней. Например, под песню "Ветер дует, солнце греет..." участники игры "прохаживались парочками" под руку по комнате взад и вперед, по необходимости инсценируя

ее³². Танцы сопровождалась музыкой. Так, на вечерках в г. Ирбите в середине XIX в. звучали скрипка, гитара, бандура, балалайка³³. Это свидетельствовало, что при всей близости городских вечеров к традиционным народным забавам в них присутствовали и новые черты (имеется в виду, в частности, распространение гитары). То же подтверждало и проникновение на городские вечерки уже в XVIII в. новомодных танцев: польки, тройки, позднее - кадрили ("кандрели") и "ланцей". Причем, если традиционному русскому танцу были присущи чинное достоинство, плавность движений, задорность, то "ужимки" и "прыжки" танцоров-модников на тех же красно-уфимских вечерках отдавали дурной манерностью. Сохранилось описание (1864) того, как чиновник и мещанин исполняли танец тройку на одной из вечеров: чиновник "и в прискокку, и в присядку, и даже языком выделывал фигуры; мещанин плясал иначе: он только вынул красный платок и, держа концы его в обеих руках, помахивал им, да иногда, вероятно, для фигуры пригибал голову то вправо, то влево". Впрочем, местным барышням все это нравилось. Иногда на вечерках происходили стычки между молодыми чиновниками и мещанами, если последние замечали, что симпатии девушек явно на стороне "стрикулистов" (так в мещанской среде называли чиновников). Потасовки обычно завершались победой мещан. Случалось, наиболее назойливым "стрикули-стам" их соперники прибивали "на гвозди" калоши, которые при входе в дом оставались у порога³⁴.

Разновидностями гостеванья у дворян, чиновников, крупных промышленников и купцов были балы, танцевальные вечера, официальные званые вечера, маскарады. Балы отличались от танцевальных вечеров многолюдством и особенной изысканностью нарядов. Для бала требовался зал значительных размеров, танцевали на нем только под оркестр. На официальные званые вечера явка всех приглашенных была обязательной. С.Т. Аксакову мать рассказывала, что ее отца, служившего "товарищем" (помощником) наместника Уфимского наместничества после смерти второй жены (дочери известного "описателя" Оренбургского края П.И. Рычкова), "разбил нервический паралич". Однако он продолжал регулярно, в определенные дни, дважды в год давать в своем доме "вечера с танцами, сам к дамам не выходил, а мужчин принимал лежа в кабинете, но молодая хозяйка (дочь товарища наместника, она же рассказчица. - *Авт.*) принимала весь город"³⁵. Проводить такие званые вечера товарищу наместника, как и самому наместнику, губернаторам и вице-губернаторам, городничим, городским головам и прочим высоким (штатским и военным) начальникам, было положено по статусу.

В.И. Даль, служивший чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе, оставил подробный рассказ о званых вечерах, устроенных в г. Уральске сначала полковником В.О. Покотилковым по случаю своего

назначения наказным атаманом Уральского казачьего войска (1834), а затем по тому же поводу - казачьими старшинами. Сначала было решено выставить угощение рядовым казакам. На "зов атаманский погулять, попраспоздновать да распить перед домом атаманским за здравие благодетеля не купленную сороковую бочку вина горячего" явилась масса народа. "Пил чару зелена вина малый и великий да поминал хозяина..." В тот же день атаман "дал вечер и бал" для казачьей старшины, куда, по словам Даля, "съехались и уралки в цветных сарафанах своих, в шелковых широких рукавах, в богатых саженьных сороках да в девичьих драгоценных поднизьях, не в бронзовых модных цепочках, а в чистом золоте, не в чужих кудрях и не в райских птичках, а в косе своей да в скатных жемчугах".

Через некоторое время старшины от имени войска устроили вечер в честь нового атамана. Утром назначенного числа к атаману явились два казачьих штабс-офицера с приглашением - "порадоваться с ними общей радости". Вечером, когда в доме одного из главных старшин собрались все званые гости, за исключением наказного атамана, те же офицеры отправились к Покоти-лову "со вторичным и окончательным приглашением". Дорогого гостя встречали на крыльце дома. Внутри и снаружи дом был щедро освещен. На балконе установили громадный щит с изображением вензелей императора, императрицы и наследника престола - атамана всех казачьих войск.

Празднество открылось "польским" (в своем "Толковом словаре" Даль поясняет, что польский - это "пляска и музыка к ней, коею обычно открывается бал"); в голове танцующих шел сам атаман с одной из казачек. "Пляска" продолжалась всю ночь. Многие молодые офицеры, по авторитетному мнению Даля, танцевали "охотно и хорошо". Во время ужина дамы сидели, а большая часть мужчин стояла. Неожиданно на щите "осветилось имя атамана с лестною надписью". Заздравная братина пошла по рукам: пили за здоровье царя и царицы, атамана-цесаревича и всей августейшей фамилии, "всех вместе и порознь", затем - за оренбургского военного губернатора и, наконец, за наказного атамана. "Тогда принесено было атаману условленное поздравление всеми наличными чиновниками, потом избранными почетными казаками от имени целого войска, потом учениками войскового училища". В завершение вышли вперед "пятеро мильх, богато убранных девиц высшего казачьего сословия"; "шумный, радостный говор умолк, мирная, почтительная тишина воцарилась".

"Девицы", по словам Даля, "подошли к атаману, поклонились ему по обычаю своему низенько, сказывали ему долго жить, братьями, женихами и отцами праведно и ласково управлять, суд и правду рядить и поднесли ему... цветов живых, самородных. Все наличные подняли "ура" прямо по-казацки: окна задребезжали, и двери сами порастворились! А казаки, запрудив широкую улицу, того и ждали: подхватили и себе, да так, что и пушки заздравные заглушили".

«"Ура" кричали и вино пили, и пушки палили, а как разъехались поздним утром по домам да глянули на снаряд, иже нарекается часомерие, так и вспомнили половицу: казаку гулять, так и ночь коротка!» - завершал свой рассказ Даль³⁶.

Большое впечатление произвел званый вечер с балом, устроенный атаманом в 1841 г. в Уральске (по случаю прибытия в столицу Уральского войска высоких воинских чинов из Оренбурга) и на генерала И.Ф. Бларамберга. В доме атамана оренбургские гости встретили весь цвет местной казачьей старшины, а также "целый букет красивых, стройных, пышащих здоровьем девушек в великолепных платьях" и столь же неотразимых дам "в русских головных уборах". "После нескольких часов танцев, во время которых исполнялись веселые национальные пляски и кадрили, был подан обильный ужин"³⁷.

Званые вечера, балы, маскарады устраивались как в частных домах, так и в различных казенных и общественных зданиях. С.Т. Аксаков рассказывал, что его дед по матери (который, как уже говорилось, будучи тяжело больным, продолжал исполнять обязанности товарища наместника), несмотря на то что на плечах его взрослой дочери оказались дом, он сам и два младших брата, несколько раз в год непременно посылал ее "на балы к почетным лицам города". Девушка, "богато одетая, отлично по-тогдашнему (конец XVIII в. - *Авт.*) танцующая, уступая усиленным просьбам старика, приезжала на бал на самое короткое время.

Протанцевав польский минует и один конгрданс или экосез, она сейчас уезжала, мелькнув в обществе, как блестящий метеор"³⁸. На балах нельзя было вести долгих и серьезных разговоров. У Существовало даже выражение "точить балы", т.е. вести непринужденный, легкий разговор. "21 ч. был у Платонова, - записал в дневнике екатеринбургский протоиерей Ф.Л. Карпинский (август 1805 г.), - где были Чистяков и лекарша Ворвинскова; по отъезде ее говорил я, что мало севодня с нею точил балы, чтобы не завраться и не сказать что лишнее; на что Чистяков сказал мне: да, Вы здесь по этой части славитесь". Впрочем, по собственному признанию протоиерея, ему гораздо больше нравилось "точить балы" с некоей "г-жой Веселковой". "Ввечеру был у г-жи Весел-ковой, - записал в свой дневник Карпинский 13 апреля 1804 г. -

Она мне учинила выговор за мою нескромность: я ее превозносил хвалами, а она ето сочла в насмешку, чего у меня отнюдь не было и в мыслях. Я ею был весьма доволен и только открывал прямо свои перед нею мысли".

Протоиерей посещал и балы, и званые и танцевальные вечера, и маскарады. Так, вечер 30 августа 1798 г., как следует из его дневника, Карпинский с женой провел на маскараде у полковника Маркловского (развлекались до полуночи), а следующий (тоже с женой) - на балу у "г-на Раздеришина"³⁹.

Екатеринбург славился своими балами и маскарадами. Правда, Ф.Ф. Вигель, побывавший (начало XIX в.) на балу в доме тогдашнего начальника Уральского горного правления генерала И.Ф. Германа (на обратном пути в Санкт-Петербург), увозил с собой не очень приятные воспоминания. Сам Герман в это время находился по делам в столице, и бал давала его жена. Неприятности начались еще днем, когда подполковник екатеринбургского полка Коренев "повез" гостя к супруге генерала, Елизавете Гавриловне, "урожденной Качке". Хозяйка заставила гостя краснеть "от любезности приветов". «Она, - рассказывал Вигель, - не хотела отпустить меня до обеда, на который пригласила к себе; и когда, по окончании его, начал я раскланиваться, чтоб... в тот же день отправиться далее в дорогу, она объявила мне, что этому не бывать, что повозка моя у нее в сарае, а пожитки мои в пустом кабинете ее мужа. Когда же я стал отговариваться, она отвечала мне: "Неужели в Петербурге молодые люди так грубы, что не уважают просьбами женщин? Нет, вы не будете так неучтивы, чтоб отказаться от бала, который сегодня я даю в честь вашу и на который созвала я весь город". Что мне было делать?.. я... дал г-же Герман распоряжаться мною, как ей было угодно». "Наружность" гостеприимной хозяйки не внушала симпатии: "От роду было ей лет сорок, если не более, весу в ней было пудов сорок, если не более; она была рыжевласая, и рябины на лице ее спорили за место с веснушками".

Во время бала на гостя началась "атака" с двух сторон. Сначала ее повела гувернантка взрослой дочери хозяев мадам Легран: "Найди меня в кабинете, куда зашел я отдохнуть, она без церемоний села мне на колени и обе руки закинула мне за голову". Спасло Вигеля только внезапное появление в кабинете Елизаветы Гавриловны. "Елизавета Гавриловна, - растерянно признавался Вигель, - все со мной танцевала, и я сначала думал, что от усталости так крепко жмет она мне руку. На этот счет был я от природы туп, совсем не избалован прекрасным полом и нескорю мог догадаться, чего от меня хотят; но тут уже дело было очевидное. В целые сутки я почти минуты не имел отдыха и когда пошел к себе в комнату спать, то заперся; ну, что много извиняться, виноват, струсил!"⁴⁰

Зато на ученых-естествоиспытателей из Дерптского университета К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера, зимой 1826 г. возвращавшихся домой из экспедиционной поездки на Алтай, екатеринбургский бал-маскарад произвел самое отрадное впечатление. "В Екатеринбурге, где нам пришлось пробыть несколько дней после длительного переезда из Барнаула, продолжавшегося днем и ночью, - писал руководитель экспедиции Ле-дебур, - я был на блестящем маскараде, где дамские украшения -тяжелые золотые цепи и богатые ожерелья из шлифованного аметистового жемчуга, черного шерля и т.п. - свидетельствовали о богатстве этого края"⁴¹. На маскарадах в горнозаводской столице не только танцевали и забавлялись шутками "масок", но и играли в карты (в бостон) и на бильярде. "Последняя забава, - отмечал журналист Д. Сигов (1834), - была

потому, что маскарады здесь давались в том же доме, в котором помещается и клуб... Дом, занимаемый клубом, принадлежит штаб-лекару Варвин-скому и весьма прекрасно расположен для публичных увеселений... Нынешняя зима проведена была здесь самым веселым образом: начиная с генваря месяца до Великого Поста собрания в клубе и балы в частных домах не прерывались"⁴².

Н.П. Нестерова-Анфиногенова, старая екатеринбурженка, вспоминала, что в Екатеринбурге начала XX в. в доме "благородного собрания" в зимнее время по субботам бывали танцы для молодежи, а в здании "общественного собрания" устраивались балы. Так, 21 ноября проводился так называемый "польский" бал, выручка от которого шла в пользу бедных прихожан католического костела. «6-го декабря, - писала она, - был бал, не помню, в пользу кого. Этот бал каждый год менял название, но я запомнила только два - "матросский" и "белый". На первом все присутствующие должны были одеться матросами, иначе платили штраф по одному рублю, а некоторые по 3 и 5 рублей. На "белом" балу все дамы, несмотря на возраст, должны были быть одетыми в белые платья, а мужчины - во фраки, иначе тоже взимался штраф. У провинившихся деньги собирали девушки в белом. Часто им помогали молодые люди во фраках или особой форме». 28 декабря ежегодно давался бал, на который полагалось являться не раньше 9 часов вечера. Его в шутку называли "показом невест". "Барышни", по словам Нестеровой-Анфиногеновой, были в парадных бальных платьях, а их матери - в бархатных или шелковых. Выделялись на бальном "показе невест" купчихи и их дочери, которые иногда оказывались одетыми в толстые шелковые платья ярких цветов. "Публика держалась почему-то очень чопорно, и на этих балах было скучно"⁴³.

Балы, танцевальные вечера, маскарады постепенно начинали вытеснять традиционные виды развлечений (в частности, вечерки) и в уездных городах. Например, в Шадринске конца XIX - начала XX в. "городские балы-маскарады" устраивались на всем протяжении рождественских каникул, да и в другое время. Из отчета о финансовой деятельности Шадринского общества взаимопомощи приказчиков за март 1911 - начало февраля 1912 г. следует, что за этот период только в помещении Общества состоялось 15 маскарадов: 2 и 17 октября, 6, 26 ("ситцевый" маскарад), 29 и 30 декабря, 1 ("железнодорожный"), 2 ("русский"), 3 ("боярский"), 4 ("малороссийский"), 15 ("цыганский") и 29 ("зоологический") января, 2 (маскарад "коробейники"), 3 ("кабарэ") и 4 ("международный") февраля. Кроме того, в том же помещении за год успели провести два любительских спектакля (22 мая и 24 июля), 14 спектаклей приглашенной труппы, а также 6 детских вечеров (в том числе один костюмированный), два танцевальных, один юбилейный (11 декабря отмечали юбилей Общества взаимопомощи приказчиков) и "елку" (31 декабря)⁴⁴.

К концу XIX - началу XX столетия балы, маскарады, клубные вечера, театральные и цирковые зрелища и другие новые формы отдыха широко проникли и в простонародную городскую среду. Любительский театр в городах Урала начал формироваться еще в XVIII в., а во второй половине XIX столетия любительские спектакли и концерты в Екатеринбурге, например, шли постоянно. В начале 1870-х годов местные любители объединились в общество, названное Екатеринбургским музыкальным кружком (с драматическим отделением). В театральном репертуаре Екатеринбургского музыкального общества входили пьесы А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, Д.И. Фонвизина, П.П. Гнедича и др. Ставились любителями и оперные спектакли. Ежегодно кружок знакомил слушателей с двумя-тремя новыми операми (в их числе были "Фауст", "Русалка", "Сельская честь", "Отелло", "Трубадур", "Тангейзер", "Вражья сила", "Царская невеста", "Демон", "Мазепа", "Садко", "Князь Игорь" и др.). «На моей памяти, - рассказывала Н. Нестерова-Анфиногенова, - только 3 раза на ведущие партии в операх приглашались "настоящие" артисты, когда не хватало "своих" - для оперы "Тангейзер" артиста Давыдова, а для "Садко" и "Трубадура" артиста императорских театров Клементьева».

Кроме того, Екатеринбургский музыкальный кружок устраивал в год несколько концертов, в том числе "исторических", на которых исполнялись произведения сначала старинных композиторов, затем современных. "Концерты давались в актовом зале первой женской гимназии, - рассказывала одна из жительниц

Екатеринбурга, имея в виду начало XX в. - Перед их началом обычно выступал П.А. Кронберг (председатель музыкального кружка. - *Авт.*) как музыковед с небольшой лекцией-беседой о композиторах, чьи произведения исполнялись". В концертах принимали участие хор музыкального кружка, хоровой коллектив гимназии, оркестр городского "общественного собрания" и певцы-солисты кружка.

Имелось в кружке и хореографическое отделение, которым, по словам Н. Нестеровой-Анфиногеновой, руководили Э.Ф. Га-лецкий и его жена М.С. Ленчевская, бывшая артистка балета Варшавского театра, преподавательница балльных танцев в женских учебных заведениях Екатеринбурга. Они готовили постановки "живых картин" и танцев разных народов, ставили небольшие балеты для детей (например, "Фею кукол" Баера, "Царицу эльфов" Герца и др.).

В кружок могли записаться все желающие - независимо от возраста, социального положения, профессии, уровня образования. По воспоминаниям Нестеровой-Анфиногеновой, в нем занимались люди как с высшим образованием, так и почти с начальным, "но все крепко дружили, все были равны и очень ответственно относились к делу".

На концерты и спектакли музыкального кружка приходила не только "благородная", но и демократическая публика. С 1910 г. музыкальный кружок использовал зал местного "коммерческого собрания", принадлежавший обществу приказчиков, где проводились концерты для широкой публики. Музыкальный кружок организовал в Екатеринбурге общедоступную школу пения, были открыты бесплатные классы хорового пения. В 1912 г. в городе создается отделение Русского музыкального общества, на базе которого в 1916 г. образовалось первое на Урале музыкальное училище⁴⁵.

В 1903 г. возникло музыкально-драматическое общество в Челябинске. Оно тоже ставило спектакли и давало концерты. В 1910 г. здесь появились хоровое и мусульманское драматическое общества. Челябинское музыкально-драматическое общество пропагандировало музыку Мусоргского, Даргомыжского, Рубинштейна и других композиторов. На сцене местного Народного дома его силами была поставлена опера П.И. Чайковского "Евгений Онегин". В 1909 г. в общество вступил народный хор, организованный в Челябинске по инициативе податного инспектора В.А. Михайловского. С 1905 г. в городе существовал любительский симфонический оркестр, регулярно выступавший перед горожанами. Активно работал любительский драматический кружок в Оренбурге. В 1910 г. он осуществил постановку такой сложной пьесы, как "Дядя Ваня" А.П. Чехова, а в 1913 г. - "На дне" М. Горького⁴⁶.

Любительские театры со второй половины XIX в. существовали и в небольших городах. Еще в 1862 г. возник любительский театр в Камышловле, в конце 1860-х годов - в Ирбите, в 1880-х годах - в Осе, Чердыни, Верхотурье⁴⁷. В числе актеров-любителей оказывались ремесленники, торговцы, служащие, учителя, солдаты, рабочие, крестьяне. Зрителями городских любительских спектаклей, а также выступлений профессиональных артистов были представители самых разных слоев населения.

Знакомство горожан с театром начиналось уже в детском возрасте. М.В. Нестеров так вспоминал о своем первом посещении театра: «Помню, зимой отец, вернувшись домой, сообщил нам, что вечером мы поедем в театр. Это была для меня, восьми-девятилетнего мальчугана, новость совершенно неожиданная. Вот пришел вечер, и нас повезли. Театр настоящий, "всамделишный". Мы сидели в ложе. Перед глазами - нарисованный занавес. Он поднялся, и я, прикованный к сцене, обомлел от неожиданности... Передо мной был настоящий, настоящий словый лес, валил хлопьями снег, снег был повсюду, как живой. В лесу бедная девушка, все ее несчастные переживания тотчас же отозвались в маленьком впечатлительном сердечке. Шла "Параша-сибирячка". Что я пережил с этой несчастной Парашей! Как все было трогательно: и горе Парашы, и лес, и глубокий снег - все казалось мне более действительным, чем сама действительность...»

На цирковом представлении М.В. Нестеров впервые побывал тоже в детском возрасте. Когда в Уфу приехала итальянская труппа акробатов братьев Валери, народ, по словам мемуариста, "валом повалил" на ее представления. "Итальянцев полюбили, ими восхищались..." - писал Нестеров, признаваясь, что сам он и его приятель "Николашка" были братьями Валери просто "очарованы", приведены "в восторг" и потом даже предприняли попытку устроить в одном из сараев собственный "цирк"⁴⁸.

Различные гастролеры довольно часто навещали Урал и, как правило, находили у жадной до зрелищ местной городской публики радушный прием. "Надобно... сказать несколько слов и о проезжающей чрез Екатеринбург в Ирбит труппе вольтижеров, из компании известного в С.-Петербурге и Москве Киарини, которая здесь останавливалась в начале февраля на несколько дней и давала свои блистательные представления отличной верховой езды и вольтижирования. И эта забава для здешних жителей показалась также занимательною - и труппа за свои посильные труды получила от здешних сибиряков (екатеринбуржцев. - *Авт.*) хорошее возмездие. Но, кажется, едва ли не счастливее ее был в собрании доходов живший здесь всю прошедшую зиму Амфим Баум, фокусник и фигурант, или, как он себя именовал, профессор магии, физики и фантазмагии и ученик знаменитого Пинетти. Надобно сказать правду, что он своею ловкостью в произведении представляемых им штук не только удивлял, но даже изумлял здешних жителей, которые, не жалея, платили ему за пошлые его шарлатанские представления по пяти рублей с персоны", - сообщал в 1834 г. Д. Сигов, автор "Вестей из Екатеринбурга", опубликованных в казанском журнале "Заволжский муравей". "К сожалению" самого Сигова и многих других местных любителей музыки в 1834 г. в городе не было публичных концертов, которыми радовали екатеринбургское общество "всю прошлую зиму хорошие виртуозки на фортепиано" "девицы Цингль"⁴⁹.

С оглушительным успехом проходили в Екатеринбурге также представления заезжих профессиональных театральных трупп. Так, в октябре 1843 г. в город прибыла труппа казанского антрепренера П.А. Соколова, имевшая в репертуаре музыкальные и драматические спектакли. Был устроен временный театр, причем все места, кроме двух последних рядов, оказались абонированными на весь сезон еще до того, как подготовили помещение. Вскоре вообще обнаружилось, что число желающих попасть на представления во много раз превосходит возможности зрительного зала. "В назначенный на афише час, - рассказывал о премьеры один из зрителей, - начинается представление: изумление и глубокое молчание царствуют в театре, далее показалась в своей роли примадонна, пропела несколько куплетов, и мертвая тишина переходит в оглушительные рукоплескания, которые уже сопровождают обе пьесы до конца представления".

Просмотрев несколько спектаклей труппы, екатеринбургское купеческое общество сделало "подписку" и собрало в короткий срок сумму, необходимую для сооружения каменного здания театра - "со всеми принадлежностями", удобного и просторного⁵⁰.

Со временем число гастролеров, посещавших горнозаводскую столицу Урала, росло. В январе 1849 г. литератор П.Н. Небольсин, живший в Санкт-Петербурге, получил письмо от "екатеринбургского знаконца" - "прямого русского купца, с бородой и мильенами". "Нынешний зимний сезон, - сообщал купец, - у нас замечателен усиленным набегом артистов разных искусств... так что не дают перевести духа... Христиани, виолончелистка Пуччи, пьянист Гверра, вольтижер, калабрийцы-музыканты, панорама, косморама, акробаты, фокусники, ученики Боско... не говорю уже о театре, который не прерывает своих представлений"⁵¹.

Во второй половине XIX в. выступления профессиональных артистов уже были привычной чертой жизни города. Однако интерес к этим выступлениям только усиливался, причем со стороны самых разных общественных слоев. В.Н. Давыдов вспоминал о том, как в сезон 1878/79 г. проходили гастроли труппы, в составе которой он (тогда еще провинциальный актер) находился в Перми, Ирбите и Екатеринбурге. Всюду публика ломилась на представления. Но особенно талантливому актеру запомнился Екатеринбург, где состоялся его бенефис. "Сбор был доверху! Подарков получил немало и среди них - хлеб-соль от екатеринбургского общества на бархатной подушке, на которой был вышит серебром и золотом герб Екатеринбургга..."⁵²

В 1912 г. в горнозаводской столице Урала открылся новый театр, построенный на средства любителей искусства. На роль дирижера пригласили итальянца Сильвио Барбини. В первом сезоне в этом театре выступала и оперная певица М.Г. Ростовская-Ковалевская. Сезон открылся оперой Глинки "Жизнь за царя". «Театр был переполнен, заняты были приставные стулья, в проходах стояли, - свидетельствовала Ростовская-Ковалевская. -С немалым успехом... прошел второй спектакль - "Демон" Рубинштейна». Вообще от спектакля к спектаклю "любовь зрителя к театру", по словам певицы, возрастала. "К нему тянулись все слои екатеринбургского общества", - утверждала она, отмечая, что особенно местных любителей оперы привлекали спектакли "Латинский квартал", "Кармен", "Вертер", "Дубровский" и "Снегурочка". "Завершал сезон сборный спектакль, - писала Ростовская-Ковалевская. - Трогательно прощались зрители с полюбившейся труппой. Овациям, вызовам на сцену не было конца". Всем артистам преподнесли ценные подарки из уральских камней. Прощание их со зрительями затянулось далеко за полночь⁵³.

Профессиональное исполнительское искусство пользовалось большим спросом и в других городах Урала. В конце XIX - начале XX в. профессиональные труппы и гастролеры-одиночки регулярно выступали, например, перед жителями уездного Шад-ринска. В 1896 г. здесь открылся постоянно действующий театр, через два года он получил собственное здание со зрительным залом на 400 мест. Позднее основная сценическая площадка переместилась в здание Шадринского общества взаимопомощи приказчиков, в котором имелись зрительный зал на 700 мест и удобные артистические уборные. До 1915 г. спектакли давали приезжие труппы (в некоторые сезоны в Шадринске гастролеровало одновременно несколько артистических коллективов), а затем была создана постоянная городская труппа под руководством А.А. Донского. Ему удалось собрать довольно известных в провинции исполнителей. Большую часть публики здесь составляли обслуживающий персонал торговых заведений, ремесленники, рабочие. Этот зритель предпочитал более "легкие" сценические действа, в центре которых были человеческие судьбы и чувства, борьба добра и зла. Так, всегда при переполненном зале шли спектакли по произведениям Шпажинского и Протопопова. Любили в Шадринске и классику, особенно пьесы А.Н. Островского. О музыкальных вкусах горожан можно судить по тому успеху, который имели здесь выступления приезжих певцов и музыкантов: капеллы В.Г. Завадского (с репертуаром из сочинений Чайковского, Рубинштейна, Римского-Корсакова, Направника, Рахманинова, Глинки, Гуно и русских народных песен), популярного скрипача-виртуоза К.М. Думчева, оперного тенора Ю.М. Круглова и др.⁵⁴

Театр постепенно начинал занимать все больше места и в досуге жителей старой Чердыни. Этому во многом способствовала деятельность музыкально-драматического кружка при местном Обществе семейных вечеров, а также талант и авторитет А.П. Затыркевич-Карпинской - выдающейся украинской актрисы, приехавшей в Чердынь вместе с мужем (он получил здесь должность земского начальника) в конце XIX в.⁵⁵

Большую роль в воспитании хорошего театрального и музыкального вкуса уральского горожанина играли отдельные энтузиасты, которые приглашали на гастроли известных своим мастерством певцов, музыкантов, артистов из Москвы и Санкт-Петербурга. В Вятке, например, этим занимался С.А. Ситников, родственник местного богатого купца С.О. Якубовского. По совету Ситникова Якубовский, владевший в городе кондитерской, шоколадной мастерской, несколькими каменными домами и пр., открыл также музыкальный магазин, в котором продавались и давались на прокат рояли и пианино. Благодаря Ситникову Вятка видела и слышала многих знаменитостей, выступавших на сценах городского театра и дома "общественного собрания"⁵⁶.

В Перми начала XX в. особой популярностью стали пользоваться хоровые концерты духовной и светской музыки и концерты народной песни. Традицию народных песенных концертов здесь заложил выдающийся музыкальный деятель, певец и дирижер А.Д. Городцов. В течение более 20 лет он занимался реализацией своей программы широкого приобщения простонародья к профессиональной музыке через хоровое пение. По его инициативе в городских и сельских школах Пермской губернии создавались хоры, регентские курсы (готовили руководителей хоров)⁵⁷. Вообще музыкальная жизнь уральских городов с начала XX столетия обрела новое дыхание. Местные музыкальные кружки и общества затрачивали немало сил на то, чтобы посещение концертов симфонической и камерной музыки, оперных спектаклей стало столь же привычной формой проведения свободного времени (в том числе для "низшего класса"), как и присутствие на цирковых и драматических представлениях. Конечно, в более привилегированных условиях оказывались в данном случае жители Екатеринбурга и губернских центров. Однако даже в небольшом городке Камышловe, например, в сезон 1913/14 г. было дано 82 оперных спектакля⁵⁸.

К новым видам развлечений, быстро вошедших в привычку уральских горожан в начале XX в., относился синемаграф. Во многих городах для показа фильмов были открыты специальные "электротeatры". В Шадринске, например, под частный электротeatр приспособили один из купеческих кирпичных амбаров (1910). Городская управа дала на это разрешение при условии - не демонстрировать "безнравственных" кинофильмов. Почти одновременно по инициативе Шадринского общества приказчиков начались киносеансы в помещении местного цирка. После того как у Общества появилось собственное здание, в него переместились и общественный кинематограф. Недостатка в зрителях не было - кинематограф в первую очередь привлекал широкие слои городского населения: ремесленников, рабочих, обслугу, служащих, учащихся. Шадринское общество взаимопомощи приказчиков от проката фильмов получало в год несколько тысяч рублей чистого дохода⁵⁹.

В Екатеринбурге первый киносеанс состоялся еще в 1896 г. в городском театре. Вскоре в городе действовали уже 5 кинотеатров, и число их со временем росло. Несколько кинотеатров имелось в начале XX в. и в Перми. Кино с удовольствием смотрела "публика всех классов общества" и в крупных городских центрах, и в маленьких городах, где фильмы часто демонстрировались не в специальных кинотеатрах, а в народных домах, домах "общественных собраний" и пр. В одной из газет за 1915 г. был, например, опубликован репертуар фильмов, которые шли в кинотеатрах Екатеринбурга: "Паутина зла", "Пила вино и хохотала", "Разгул с отравленным вином", "Любовь с помятыми цветами", "Любовь и бензин", боевик "Грядущая Русь"⁶⁰.

Одним из новых увлечений горожан стало посещение музеев. В Екатеринбурге музей Уральского общества любителей естествознания, например, за один 1909 г. посетили около 7 тыс. человек. В Перми с 1899 г. широкой публике стал доступен Научно-промышленный музей (основанный в 1890 г.). В 1899 г. благодаря усилиям местной интеллигенции появился Музей имени А.С. Пушкина в г. Чердыни. В Вятке в 1910 г. для народа был открыт художественно-исторический музей, принадлежавший Вятскому художественному кружку⁶¹. / Популярностью стали пользоваться клубы, объединявшие горожан по интересам, профессиональной принадлежности. В клубах играли в карты, лото и домино. Здесь можно было пообедать или поужинать, почитать газеты и книги, пообщаться с друзьями и знакомыми. Устраивались в клубах также концерты, танцы, спектакли и пр. Многих привлекал в клубы бильярд. В Вятке с середины XIX в. имелся общий городской клуб, который местные жители иногда называли "благородным собранием". В 1907 г. Вятский клуб был официально зарегистрирован, однако в январе следующего года губернатор закрыл его "ввиду несоблюдения Вятским общественным собранием устава оного, происходящих там безобразий, драк и азартных игр..." Только через год клуб заработал снова⁶². В Чердыни клуб являлся в начале 1880-х годов, по словам Д.Н. Мамина-Сибиряка, "самым бойким общественным местом". «Иду туда закусить и просмотреть новые газеты, - рассказывал писатель. - ...Помещение незавидное - как на железнодорожной станции средней руки, где по расписанию полагается буфет. Из передней ход прямо в бильярдную, а за ней уже зал, буфет, библиотека и проч. В бильярдной звонко щелкали шары, несмотря на полдень, - играл сам буфетчик с каким-то старичком "из отставных"».

- Желтого в среднюю! Карамболь по красному! - громко выкрикивал буфетчик, вытягиваясь всем своим составом по бильярду. - Прраз... Ну-ко, Павел Митрич, черкните шар шаром по шару шара!..

Старичок, видимо, сердился и промазал, вызвав раскатистый, жирный смех веселого партнера...»⁶³

Игра в лото и домино вошла в моду в городских клубах в начале XX в. В газете "Уральский край" за 10 марта 1911 г., например, объявлялось, что в этот день в коммерческом клубе состоится музыкально-литературный вечер, а в большом зале клуба - игра в лото.

Значительную часть свободного времени жители уральских городов проводили под открытым небом. 11 ноября 1798 г. екатеринбургский протоиерей Ф.Л. Карпинский записал в дневнике: "...С полчаса с детьми катался по улицам". Встречаются в нем и такие записи: "...С женой и детьми были на Благодатном клочке... ввечеру смотрел вступление в город полка... днем был на лугу смотреть полковое учение... ушли к Зотову в сад... пошел

прогуляться на крыльце... потом прохаживались в саду"⁶⁴. Н.А. Дурова вспоминала, что ее отец купил для себя для прогулок верховую лошадь - черкесского жеребца, которого назвал Алкидом. Будучи еще девочкой "кавалерист-девица" тайно по ночам и на заре пробиралась в конюшню, чтобы приучить к себе Алкида, а потом и научиться ездить в седле. Освоив самостоятельно верховую езду, она стала по ночам совершать верховые прогулки. Однако через какое-то время тайна раскрылась, и история завершилась большим скандалом. Через несколько лет будущей "кавалерист-девице" удалось выпросить у отца позволение ездить верхом. "С этого времени, - писала она, - я была всегдашним товарищем отца моего в его прогулках за город; он находил удовольствие учить меня красиво сидеть, крепко держаться в седле и ловко управлять лошадыю"⁶⁵.

Общераспространенным на Урале явлением были выезды горожан за город на природу, прогулки в лодках, пикники. М.В. Не- \ стеров вспоминал, что во время своих приездов в родную Уфу из Санкт-Петербурга и Москвы он постоянно участвовал в пикниках, совершал лодочные вояжи по р. Белой. Одним из любимых мест отдыха уфимцев служила Шихан-гора на берегу Белой (по утверждению Поленова, "место само по себе ничем не примечательное", но за ним "была особая слава, туда ходило издавна много народа погулять"). "Мы, все участники, - рассказывал художник об одном из своих походов на Шихан-гору, - запаслись съедобным и отправились веселой толпой". По прибытии на место "разбились по парочкам, по группам". "Кузнечики стрекотали, где-то за Белой горели костры у рыбаков, где-то внизу слыли на лодке, пели. А у нас на Шихане было тихо, пока отец Федор не стал скликать народ к чаю. Собрались вокруг зажженного большого костра. Кто-то затянул хоровую, все подхватили, и долго в ночной тишине слыли мелодические звуки старой, всем известной песни про Волгу, про широкое раздолье..."⁶⁶

Немалое число горожан проводили лето на дачах. Вблизи городов появляются целые дачные поселки. Дачи шадринцев, например, находились в уютном местечке под названием Городище. Любительница старины из Шадринска В.Н. Иовлева, со слов своей тети рассказала о том, как в 1915 г. местные гимназистки праздновали окончание 8-го класса гимназии: накупили в кондитерской пирожных и крем-брюле и отправились в городской сад. "Двадцать пять гимназисток шли в один ряд, держась за руки, и счастливые, уплетали потом сласти в беседке". Затем они покатались "за плату" на лодках по Исети и, наконец, "взяли лошадь у Нины Бобровой, нагрузили ее провизией, а сами пошли рядом, пешком, на Городище, где у отца Нины была своя дача, и там устроили настоящее пиршество, с самоваром". Обрадовались, увидев своего любимого словесника В.А. Филиппова (его родители тоже имели на Городище дачу),

"гуляли с ним по всем дорожкам". Спать не ложились. На исетском обрыве встретили восход. «Читали стихи. Декламировали: "Да здравствует солнце!"»⁶⁷.

В летнее время многие жители городов чуть ли не ежедневно "после трудов" отправлялись целыми семьями в загородные леса, к речке, озеру, "вооруженные самоварами, закусками, питьями". Местом постоянных гуляний были также городские сады. В Екатеринбурге, например, в конце XIX в. имелись два летних сада - при доме "общественного собрания" (по словам одного из современников, "очень миленький сад", "с недурным оркестром") и так называемый Харитоновский. В 1875 г. завели сад (также при здании "общественного собрания") и жители Кургана. В Уставе местного "общественного собрания" говорилось, что его цель - способствовать тому, чтобы его члены и их семейства могли проводить свободное время "с удобством, приятностью и пользой". В саду находился летний театр. Шадринск получил в подарок от местного купца Ф.И. Фетисова роскошную рощу, которая, однако, сильно пострадала во время пожара 1873 г. В 1879 г. на месте этой рощи начались работы по разбивке общественного сада. В саду построили "вокзал" (зал для танцев), установили фонтан, соорудили искусственные холмы и пр. Торжественное открытие сада состоялось 1 мая 1883 г. В летнее время в саду устраивались гуляния - с музыкой, выступлениями артистов, лотереями. 12 января 1909 г. Шадринская городская дума приняла решение "уступить общественному собранию городской вокзал в саду в пользование на лето сего года бесплатно, на прежних основаниях" ("чтобы собрание на свой счет производило мелочной ремонт здания и чтобы клубная музыка в воскресные и праздничные дни играла в саду для гуляющей публики до 11 час. вечера, а в прочие дни по усмотрению собрания") и "разрешить тому же собранию устройство в саду предстоящим летом одного платного гулянья". Кроме того, по ходатайству общества взаимопомощи приказчиков Дума согласилась предоставить в его распоряжение "городской сад, сцену и зал при вокзале с верандой" для организации одного платного гуляния - с тем условием, "чтобы доход от гуляния поступил на содержимую обществом приказчиков школу или другую благотворительную цель". 17 июня того же года разрешение на устройство в городском саду "народного гулянья" Дума выдала местному Обществу вспомоществования нуждающимся учащимся, а в июле городским властям поступило заявление от жены статского советника М.И. Свинкиной: "Предполагая устроить 16 августа с.г. в пользу погорельцев города Далматова платное народное гулянье с лотереей аллегри, имею честь покорнейше просить городскую управу разрешить мне устройство означенного гулянья в городском общественном саду. При этом имею честь присовокупить, что кроме лотереи будет устроен народный спектакль без особой приплаты за вход на него. Плата за вход в сад предполагается в 20 коп."⁶⁸

М.В. Нестеров поведал, что со своей будущей женой он познакомился во время своего приезда в Уфу летом 1883 г. В один из дней в городском Ушаковском парке была назначена лотерея аллегри. "Разыгрывались кроме вещей обычных, пожертвованных за ненадобностью купцами, разными дамами-благотворительницами, бурая корова, велосипед и еще что-то заманчивое, - вспоминал художник. - Скуки ради и я пошел в парк и на лужайке, где продавались билеты, где была большая толпа жаждущих выиграть корову, вдруг остановил свой взор на двух незнакомых, не уфимских (уфимских-то я знал поголовно) барышнях". Одна из них и стала потом его женой⁶⁹.

Одним из развлечений служили также "променады" по набережным, проспектам, скверам и пр. Д.Н. Мамин-Сибиряк в 1881 г. с сожалением замечал, что в губернской Перми нет удобных мест для гуляний. «Здоровый и трудящийся человек любит обыкновенно повеселиться - это его отдых, - писал он. - Самый бойкий сезон в Перми - летом, во время навигации, и что же - город скучает, как паралич. На единственном гулянье, пристроенном, как задний двор, где-то на выезде, в совершенно голом месте, толчется человек десять-пятнадцать - и это "вся Пермь"»⁷⁰. В Екатеринбурге конца XIX - начала XX в. излюбленным местом зимних прогулок горожан служила часть Главного проспекта -от здания классической гимназии, по скверу на плотине и до городского театра. "Здесь, начиная с четырех часов пополудни, -сообщал местный житель, - ежедневно вы встретите скучающих екатеринбуржцев, а в праздники - совершенно разношерстную толпу, устраивающую на этом коротком пространстве сущую толкучку". К вечеру здесь оставались редкие одиночки. Остальные расходились по домам, клубам, театрам и пр.⁷¹

Многие горожане посвящали значительную часть времени охоте и рыбной ловле. В городах во второй половине XIX - начале XX в. возникают общества правильной охоты. На рубеже XIX-XX вв. популярным становится занятие различными видами спорта: гимнастикой, легкой атлетикой, спортивными играми, \ велосипедом, футболом, хоккеем, конскими бегами, коньками и пр., в связи с чем в городах появляются разные спортивные общества. Развертывается строительство спортивных сооружений. Так, в 1890-х годах Екатеринбургское общество велосипедистов решило построить в центре города, в саду, манеж для занятий гимнастикой, атлетическими упражнениями, спортивными играми. В начале XX в. на екатеринбургском велодроме проводились регулярные состязания велосипедистов. И в больших, и в малых городах Урала появились свои футбольные команды. Любители спорта могли наблюдать футбольные и хоккейные матчи⁷².

Вообще со временем городской досуг приобретал все больше публичности. Домашние (семейные и индивидуальные) формы его проведения активно вытеснялись общественными формами. Даже для чтения книг, журналов и газет горожане нередко стали отправляться в публичные заведения: клубы, библиотеки, народные дома.

Книга всегда занимала заметное место в жизни уральцев. "Весь день был дома, читал книги"; "после обеда читал книгу"; «весь день был дома, читал книгу "Забавная игра умов"»; «читал книгу "Весна прекрасной девицы"»; «после ужина читал книгу "Жизнь благородных особ, нещастием гонимых"», - это выдержки из дневниковых записей екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского⁷³. Редкий день он не заглядывал в книгу⁷⁴. Сохранилась записная книжка А.И. Коновалова, купца из города Туринска (середина XVIII в.). В ней перечислены некоторые книги, прочитанные купцом, среди них: "Регламент адмиралтейский", "Генеральная география", "Гистория цесарская", "О делах содеянных Александра Великого" (Македонского), сочинение парижского академика Марсильи "Военное состояние Оттоманской империи", "Разговоры о множестве миров" Б. Фонтенеля и пр. Другой уральский купец XVIII столетия П.П. Ентальцев из города Верхотурья собрал у себя в доме целую библиотеку. Он принял участие в работе Уложенной комиссии 1767 г. в качестве одного из депутатов. Известно несколько рукописей из его собрания: жизнеописание Петра Великого, список "Летописца келейного" Д. Ростовского, несколько проповедей, произнесенных деятелями русской церкви в ознаменование политических событий начала XVIII в. (списанных самим купцом с изданий 1720-1740-х годов), копия Таможенного устава 1755 г. и «Предисловия, сочиненного профессором Гмелиным к первому тому "Сибирской флоры"»⁷⁵.

Будущего пермского купца М. Ядринцева отец выучил часослову и тем решил закончить его образование. Однако мальчик, тайком от отца, забираясь по ночам на чердак, при свете сального огарка читал книги. Впоследствии он приучил к книге и свою жену, которая вышла за него, будучи неграмотной крестьянкой. "Уже замужем, - писал их сын, известный публицист и общественный деятель Н.М. Ядринцев, - она выучилась грамоте, читала... Пушкина, Лермонтова и лучших русских авторов; тогдашние романы ей доставляли особенное удовольствие и особенно нравились романы Жорж Занд". Прекрасную библиотеку имел пермский купец Д.Е. Смышляев (в купечество он записался в 1813 г.). Одно из самых крупных книжных собраний на всей территории Урала (1891 том) принадлежало купцу из Верхотурья Я.Я. Кузнецову; формирование этого собрания происходило в 1814-1850-х годах. Большая библиотека была и у купца из вятского города Уржума С.Д. Шамова. О г. Ирбите корреспондент Русского географического общества сообщал в 1849 г., что "редкий найдется в городе дом, в котором не было бы знающих по крайней мере читать".

"Научившись читать, я очень полюбила книги, - вспоминала свое детство дочь одного из вятских купцов. - ...Отрежешь, бывало, краюшку хлеба, густо посолишь и залезешь в укромный уголок с книгой, читаешь и ешь"⁷⁶.

«В общей сфере провинциальных городов у нас повсюду одно утешение в жизни после дневных трудов - карты; "король-ва-лет-сам-пять", "играю", "ренонс", "леве", "угол", "пароли", - вот обычные фразы обыкновенной семейной компании по вечерам, - писал П.И. Небольсин, побывавший, как отмечалось, в Екатеринбурге в 1849 г. - В Екатеринбурге не то: там можно прослушаться здравых понятий о политической экономии, там сумеют передать новейшее изобретение какого-нибудь французского ученого, там образуются даже партии литературные - одни стоят за "Современник", другие не допускают, чтоб мог существовать журнал умнее "Библиотеки", третьим нравятся "Отечественные записки", но дело в том, что в большинстве читателей заметно рвение прочесть прежде всего отдел наук и художеств, а это, сколь известно, очень хороший масштаб для измерения степени образования данного лица»⁷⁷.

Во второй половине XIX - начале XX в. число читателей в уральских городах неизмеримо выросло по сравнению с предшествующим временем. Сказалось и резкое расширение сети учебных заведений, и качественное улучшение школьного образования, и быстрое развитие библиотечной службы. К 1917 г. на Урале было 1687 библиотек⁷⁸. В городах кроме публичных библиотек имелись частные (которыми нередко могли пользоваться и посторонние читатели), а также библиотеки при учебных заведениях, клубах, музеях, различных обществах и пр. Например, в Шадринске в это время действовали земская библиотека, библиотеки при учебных заведениях, публичная библиотека (с бесплатным пользованием книгами), библиотека при Шадринском научном хранилище (музее), а также библиотеки целого ряда обществ: общества взаимопомощи приказчиков, общества охоты и др. Большие городские праздники, связанные с чествованием памятных дат и событий, не обходились без исполнения произведений писателей и поэтов-классиков⁷⁹.

При библиотеках устраивались чтения для детей и взрослых, возникали литературные кружки. Так, в Чердыни (публичная библиотека появилась здесь в 1889 г.) в 1898 г. возник литературно-художественный кружок, который по имени организатора Д.А. Удинцева назывался "удинцевским". На собраниях обсуждали новые литературные произведения, встречались с интересными людьми (в том числе путешественниками). В этом кружке родилась идея создать в Чердыни общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края (что и было сделано в 1899 г.)⁸⁰. Общества, в задачу которых входило изучение родного края (этому в основном их члены посвящали свое свободное время), в конце XIX - начале XX в. существовали в большинстве уральских городов.

Таким образом, на протяжении XVIII - начала XX в. в формах проведения досуга, домашних и публичных развлечениях уральских горожан происходили заметные изменения. При этом модернизации в большей степени подвергались общественные формы досуга, роль которых в жизни всех слоев городского населения со временем возрастала. Хотя досуг горожан (особенно простолюдины и в небольших городах) до конца рассматриваемого периода сохранял связь со средневековой русской городской и сельской традициями, эта связь постепенно ослабевала.

Городские праздники

Хотя и в будни, как было показано, городской люд находил время для отдыха и развлечений, но главные "увеселения" приходились на праздники. Праздничный год начинался со святок. Одним из самых любимых праздников горожан являлось Рождество. На Рождество в среде городской "аристократии" (чиновников, купцов, духовенства, богатых мещан, предпринимателей и пр.) принято было наносить визиты. М.В. Нестеров вспоминал, что в их уфимском купеческом доме накануне Рождества в "зале" всегда накрывался большой раздвижной стол, на котором на белой подкрахмаленной скатерти "выстраивалось целое полчище разнообразных бутылок, графинов, графинчиков. Впереди них помещался слева огромный разукрашенный окорок, дичь, паплет, потом разные грибы, сыры, рыба, икра и прочее". Принимала на следующий день гостей с визитами нарядная хозяйка дома, поскольку хозяин, празднично одетый, сам с утра отправлялся в гости. «Гости, больше купечество, приезжали, садились, обменивались праздничными новостями, закусывали и... ехали дальше, а на их место появлялись новые. Так длилось часов до четырех-пя-ти. К этим часам некоторые гости успевали так "навизитироваться", что только присутствие строгой хозяйки удерживало их от излишней развязности». В числе обязательных посетителей были священники городских церквей⁸¹. И.К. Громозова из Вятки рассказала о том, как ее отец, служивший в губернской земской управе, совсем бросил пить (конец XIX в.). Он и прежде выпивал редко - иногда с друзьями или в клубе. Однако однажды в Рождество Громозов, по словам дочери, «пришел домой после визитов что называется "навеселе"», позвал к себе детей и "что-то начал шутить". «Его необычный тон, развязность в манерах испугали нас, мы отшатнулись от него, а мать еще добавила "хорош, ведь у тебя растут дочери, как будут они уважать тебя!" Отец сразу ушел и лег. С тех пор за всю свою жизнь я не видела его в нетрезвом состоянии»⁸².

Впрочем, такой пример являлся исключением - выпить в праздник Рождества считалось делом богоугодным. Дед В.Н. Иов-левой Н.А. Муксунов тоже был земским служащим, но в уездном Шадринском земстве. Утром 25

декабря он, по воспоминаниям его дочери, надевал ентовую шубу, такую же шапку, брал трость и отправлялся с визитами. До этого он успевал отвезти несколько корзин снеди в богадельни и в тюрьму (в Рождество принято было делать добрые дела) и встретить первых "славильщиков" - ребятишек, которые приходили со "звездой" (фонарем со свечой на палке) и "славили" - пели кондак "Рождество Твое, Христе Боже наш..." Их угощали плюшками и прочей стряпней, давали денег.

Во всех домах, принимавших визитеров, были накрыты в "зале" праздничные столы. На столе гостей ждали гусятина, запеченный окорок, "всякая всячина", вина "конусом" (в середине -самые высокие бутылки) - все красиво украшено разноцветной бумагой. Однако приглашали к столу только в том случае, если хозяин был дома. Они быстро сами угощались и отправлялись дальше. Если хозяин отсутствовал, то гости оставляли свои визитные карточки и тут же уходили.

На следующий день отправлялись с поздравлениями супружеские пары - друзья дома или хорошие знакомые. Их уже кормили и поили в обязательном порядке. Затем наступало время для гостей-детей - на третий и в последующие святочные дни. В доме ежедневно пекли и стряпали.

В Новый год, 1 января, повторялись церемонии с поздравлениями. Дети же днем катались с гор на санках, на коньках, которые прикручивались ремешками к валенкам. В то время, к которому относился рассказ матери В.Н. Иовлевой (начало XX в.), в городах уже принято было устанавливать на Рождество в домах елку. У Муксуновых накануне Рождества запрягали лошадь, и хозяин дома с сыновьями отправлялся в лес за елкой. Устанавливали ее на крестовину в зале, наряжали игрушками. В новогодний вечер зажигали на елке свечи. Вся семья была в сборе. Дети пели песни про елочку, водили хоровод. В общий хор включались и родители, отец подыгрывал на гитаре, мать - на женской гармошке. Звучали и стихи - Н.А. Муксунов любил декламировать Пушкина, Некрасова. После вручения подарков начинались игры и выступления детей. «Пятилетний Миша, - делилась воспоминаниями своей матери В.Н. Иовлева, - вертел ручку предполагаемой шарманки (перевернутый стул) и пел: "Шумел, горел пожар московский". Соня, моложе его двумя годами, была при нем вроде обезьянки и танцевала». Старшим дочерям разрешали приглашать в дом юношей. Угощались чаем, танцевали, играли.

В рождественские каникулы устраивались в Шадринске городские балы-маскарады, катания на рысаках, тройках, розвальнях. Гимназистки нанимали две тройки и катались, стоя в кошевках, а то и "кучей-малой"⁸³.

Примерно так же в конце XIX - начале XX в. отмечали Рождество и Новый год и во многих других уральских городах. Почти в каждом городском доме ставили елку. Хотя, например, в г. Слободском Вятской губернии в конце XIX

столетия елок в рождественские дни еще не было. Уральские газеты начала XX в. перед Рождеством пестрели объявлениями о продаже елочных игрушек. Но большую часть игрушек изготавливали сами, посвящая этому последнюю предпраздничную неделю. И для взрослых, и для детей это тоже было своеобразным развлечением. Вешали также на елку пряники, фрукты, конфеты и другие лакомства, которые потом раздавались детям в качестве подарков.

Для детей между Рождеством и Новым годом с конца XIX столетия проводились специальные праздники - "елки". "Появление специального зимнего детского праздника, - справедливо заключает О.Н. Яхно, - свидетельствовало о переоценке отношения к детству, признании его самоценности"⁸⁴. Н. Нестерова-Анфиногорова помнила, что в Екатеринбурге для детей устраивался также особый вечер 2 января (такой же вечер повторялся затем на масленицу). С 6 до 8 часов по полудни развлекали детей в возрасте до 5 лет, с 8 до 10 часов - в возрасте 9-11 лет, а для более старших отводилось время с 10 час. до полуночи. Для детей билет на вечер стоил около 25 коп., для их родителей - вдвое больше. Всем детям предлагались бесплатно стакан сладкого чая и сладкая булочка. Кроме того, дамы-патронессы на каждый детский билет выдавали маленькую картонную коробочку, наполненную шоколадными конфетами, в коробочку клались также яблоко или мандарин. "На вечера, - рассказывала Нестерова-Анфиногорова, - обычно приходило очень много ребят из небогатых семей с мамами или бабушками, которые брали с собой и чужих детей".

Для маленьких детей организовывались массовые игры, хороводы. Все дети на вечер танцевали: малышня - польку, ребята постарше - разные бальные танцы. Предпоследним танцем была кадрили. Перед началом кадрили лакей обносил танцующих подушкой с наколотыми букетиками матерчатых цветов - "кавалеры" должны были приколоть эти букетики своим "дамам"; после этого второй лакей разносил на такой же подушке "ордена" из посеребренного или позолоченного картона, и "дамы" прикалывали их своим "кавалерам". За кадрилию следовал "прощальный" вальс, после чего публика расходилась.

4 января в Екатеринбурге, по словам Н. Нестеровой-Анфиногоровой, в помещении "общественного собрания" бывал семейный вечер, на который допускались только ряженые. "Публика собиралась обычно к 8 часам, а в 9 вечера являлись ряженые группами в 8, 16 человек и даже больше и исполняли заранее подготовленные танцы. Например, в группе из 16 человек 8 кавалеров во фраках и 8 дам, одетых в костюмы цветов мака, гвоздики, хризантемы, колокольчика, ландыша, василька, ромашки, виолы. Эта группа танцевала менуэт и входила в зал под музыку полонеза"⁸⁵.

Балы-маскарады в начале января в Екатеринбурге следовали один за другим. Д. Сигов, который в 1834 г. провел здесь эти дни, был особенно доволен этими маскарадами. Они, по его заключению, "ничем не уступали столичным, кроме

числа посетителей, которых, однако ж, собиралось в каждый более 200 человек... великолепно освещенные залы, неумолкающий гром музыки, непрерывные танцы - все располагало чувства к приятному опущению. А дамы и их модные костюмы - это прелесть! Многие из молодых дам (*des madmeoselle*) были одеты даже в национальные русские платья, бархатные разных цветов сарафаны, обшитые золотыми позументами, с кокошниками на головах и с живописными шелковыми лентами в косах... были также и хорошие маски, с острыми шутками замаскированных лиц"⁸⁶.

Разумеется, светские маскарады XIX в. уже мало напоминали традиционное русское ряжение на святках, хотя в XVIII столетии эта традиция сохранялась даже в Екатеринбурге. Свидетелем такого представления оказался академик И.Г. Гмелин. Поздним вечером 31 декабря 1733 г. квартира, которую он занимал, заполнилась "замаскированными людьми" во главе с одетым во все белое предводителем. Предводитель - смерть - держал в руках косу и деревянный брусок, "о который он ее часто будто бы точил". В окружении смерти были черт, музыканты, "знатные господа и барыни". Музыканты, по свидетельству Гмелина, играли, "господа" и "барыни" плясали, смерть и дьявол смотрели на происходящее и говорили, что люди теперь в их власти. Смерть направила косу и на самого академика со словами: "Христос хочет, чтобы ты более не жил". После того, как Гмелин дал смерти денег на вино, вся компания удалится"⁸⁷.

Впрочем, немногочисленные домашние маскарады, имевшие место в Екатеринбурге XIX в., свидетельствовали о сохранении определенной связи городских маскарадных действий с русской народной карнавальной культурой. М.А. Казанцева-Иванова вспоминала, что в конце 1880-х годов вокруг жившего в горнозаводской столице Урала Д.Н. Мамина-Сибиряка сложился небольшой кружок, в который входили Н.В. и А.В. Казанцевы (дядя и отец мемуаристки), И.Н. Климпшин, Н.Ф. Магницкий, А.А. Фолькман и Г.Г. Казанцев, богатый и "очень просвещенный человек", имевший свой домашний театр, "где ставили пьесы в духе Художественного театра", и "великолепную библиотеку". "Эта компания", по свидетельству Казанцевой-Ивановой, "собиралась, кажется, раз в неделю по очереди у каждого, читали и разбирали новинки журналов, спорили, музицировали". Время от времени устраивались и маскарадные игры. «Как-то на Рождество раздается звонок, приехали "маскированные", как тогда было в обычае. Торжественно вошел турецкий "султан" со своим "гаремом" в сопровождении "евнуха" и "негров" с медными тарелками; изображали они какую-то инсценировку, но в чем она состояла, уже не помню. Дмитрий Наркисович изображал "важное" лицо, кричал: "Бей в там-там", негры ударили в тарелки, и все поверглись ниц перед "султаном" (Фолькманом). Климпшин изображал "евнуха" и тщательно оберегал "гарем". Все очень веселились и много смеялись».

Запомнился М.А. Казанцевой-Ивановой и другой рождественский случай - когда "цыганский табор", возглавляемый "старой цыганкой" (ее изображала мать мемуаристки, сама она тоже участвовала в действе в образе "юной цыганки"), отправился к Маминьм-Сибирякам. Мария Якимовна, жена писателя, "сейчас же села за рояль", а сам Дмитрий Наркисович и его брат принялись с гостями танцевать, "усиленно распаркивались" перед ними, заставляли гадать и пр.⁸⁸

В небольших городах, каким, например, был уездный Сарапул, рождественская "старина" более успешно противостояла новизне. "Настали святки, начались игры, переодевания, гадания, подблюдные песни. В нашей стороне все это сохранилось еще во всей своей свежести...", - писала в 20-х годах XIX в. Н.А. Дурова. Дочь сарапульского городничего и ее подруги не только хорошо знали все старинные святочные девичьи гадания (с блюдом и кольцом, с зеркалом, с бросанием башмака за ворота и пр.), повторяли их, но и верили в то, что предсказания должны обязательно сбыться. Дурова вспоминала, как однажды, в последний день святок, она с другими "девицами", собравшимися у нее, в сопровождении нескольких дворовых девок, отправились толпой во двор, чтобы "заклочить все роды гаданий бросанием башмака через ворота". Подруги ее "были одеты просто", в ситцевых и белых перкалевых платьях, потому что "в нарядном платье не так свободно можно заниматься волшебными действиями, как-то: полоть снег или упасть в него навзничь". Одна только главная героиня повествования красовалась в шелковом пунцовом платье с золотыми шнурами и кисточками. "Все мы построились в шеренгу против ворот; я была в середине, итак, начинать было не мне; поочередно каждая снимала свой башмак, оборачивалась спиной к воротам и бросала башмак через голову и через ворота". Каждый раз девушки опроретью бросались за ворота, чтобы посмотреть, как очередной башмак лег, в которую сторону носком, после чего хозяйка башмака натягивала его на ногу, и гадальщицы "опять становились во фронт". "Дошла очередь до меня; я скинула свой атласный светло-голубой башмак, оборотилась спиной к воротам... В это время послышался скрип полозьев... этот скрип не помешал мне сказать моему башмаку, что куда я поеду, чтоб туда он упал носком". Башмак еще был в воздухе, когда к воротам подкатил экипаж, в котором находилась мать героини, возвращавшаяся домой после длительного пребывания в родной Малороссии, брошенная обувь упала ей едва ли не на голову. Выговор рассерженной матроны ("Как разряжена!.. Что значит этот наряд? И для чего Вы, сударыня, не заплетаете волос в косу, как я Вам приказала?.. И об чем Вам угодно было гадать?.. Вам, я вижу, было очень весело без меня!.. Верю!.. Возвратитесь, однако ж, к должным Вашим занятиям и не смейте никогда распускать волос, как русалка...") не заставил себя ждать⁸⁹.

Святочные гадания девушек вообще оказались одним из наиболее живучих элементов традиционного рождественского праздничного обряда. В Шадринске

начала XX в., как и в Сарапуле первой четверти XIX столетия, гадаaniem занимались и простолюдинки, и представительницы "высших классов". В сочельник накануне Крещения и в святочные дни гадали, - вспоминала о дореволюционной жизни дочь земского служащего (начальника одного из отделов Шадринского уездного земства). - Пекли пресный сочень (лепешку), девушки брали ее за пазуху и бежали на росстань, на перекресток, и у первого встречного спрашивали имя - ответ и должен быть именем жениха. Падали на снег за воротами и слушали: если громко собаки лают, то муж будет ругливым, если весело собачка заливается, - весельчак. Или детский плач слышится, то и ожидает. А то на бане захватывают руками вверх и вниз, сколько достанут, и считают по бревнышку: амбар-сусек (богатый или бедный)"⁹⁰.

Не менее глубокие корни имел и обычай обхода домов "славильщиками". В конце XIX - начале XX в. он был зафиксирован не только в Шадринске, но и в большинстве других уральских городов. М.В. Нестерову в деталях запомнилось, как он с дочерью Ольгой в 1892 г. праздновал Рождество в Уфе, "в купеческой семье Нестеровых". К тому времени Михаил Васильевич был уже известным живописцем, жил в Москве, но любил приезжать на родину, к отцу и матери, к знакомым с детства пейзажам.

Утром все в доме проснулись рано, хотя сон был непродолжительным - накануне были в церкви у всенощной. Впрочем, взрослых опередила маленькая Олюшка - "в великом восторге" она полюбовалась маленькой слочкой, увитой огнями, увешанной кукольными игрушками, осмотрела подарки, сложенные в углу, у большой изразцовой печки. Чего там только не имелось! "Тут и московские куклы, наряженные в пшубы, шляпы с муфтами... всяческая мебель, пианино и прочее". Однако и остальные члены семейства не стали залеживаться - "того и гляди, начнут стучаться в дверь славильщики". «А вот и они, ввалились в горницу вместе с морозным паром и бойкими задорными голосами уже поют "Ангели с пастырьми славят, волсви же со звездой путешествуют..." Не успели одни хлопнуть дверью, пересчитать медяки, как в комнате другие весельми, складными голосами заливаются, славя родившегося младенца Христа... Много перебывало в то утро славильщиков. Довольные, они убегают дальше, к соседям. Понабрали много медяков на подсолнухи, леденцы в это морозное утро», - воссоздавал по памяти события этого дня художник.

Проводив "славильщиков", все собрались к чайному столу, угощались разными "вкусными штучками", которые успела накануне напечь хозяйка дома. Хозяин уехал с визитами, предоставив жене принимать других таких же, как он, визитеров (для них, как всегда, приготовили стол "во весь зал, с закусками и питьями"). Правда, в силу преклонного возраста (ему было за 70 лет) отец Михаила Васильевича с некоторых пор стал делать визиты "лишь немногим избранным", поэтому домой возвратился рано. После небольшого отдыха

принялись украшать настоящую елку - "под самый потолок". Ее купили заранее, но готовить елку, украшать ее в Уфе было принято в день Рождества.

К тому времени, когда начали собираться гости - дети и "с их мамами и тетушками", елка стояла в зале в полном своем праздничном облачении. "Прежде других появились соседи - семья аптекаря Штехера. Появились Зосинька, Зиночка, Ниночка и прочие, - вспоминал Нестеров. - Их начали раскупоривать, освобождать от платков, пуб, валенок... Пришли Бельшевы. То и дело звонил звонок - гости всё прибывали. Когда вся эта милая, волнующаяся, шумная компания была налицо, зажгли елку, открыли двери в зал, и вся ватага, увидав великолепное зрелище, под звуки веселой музыки двинулась вперед. Насмотревшись, натамцевавшись, получив подарки, все поуспокоилось, затихли..." В завершение гостям еще представили "живые картины" (на тему рождения в Вифлеемской пещере младенца Христа). Михаил Васильевич заранее написал декорации; его сестра спила хитон Богоматери, подготовила все остальное, что было необходимо. Зрителям так понравилась представленная им мистерия, что пришлось возобновлять ее несколько раз⁹¹.

На святках на Урале горожане катались также по городским улицам на лошадях. Краевед Н.Ф. Савичев из Уральска утверждал (вторая половина XIX в.), что среди местных праздничных "зимних удовольствий" была езда на собаках. В Екатеринбурге на набережной городского пруда заливали катальные горы. Кипело веселье на городских молодежных святочных вечерках. Один из корреспондентов "Пермских губернских ведомостей" (1862. № 3) сообщал, что эти вечерки для мещанских дочерей Перми служили "истинным утешением". Они наряжались в новые платья и башмаки, доставали из сундуков платки, косынки, сетки, ленточки, румянили щеки и отправлялись завоевывать сердца кавалеров. Тем временем те тоже прихорашивались перед зеркалами, "начищали" сюртуки и сапоги. Чтобы сразить своим видом потенциальных невест, старались обзавестись к святкам модной обновкой, например, галстуком, манишкой, жилеткой.

В Крещение уральские горожане отправлялись крестным ходом к "Иордани" - проруби, которую заранее делали во льду реки. Возвращались с реки со святой водой. Дочь шадринского жителя Н.А. Муксунова, о котором говорилось выше, вспоминала, что ее мать мелом чертила крестики по всему дому: над окнами, над дверями, «чтобы никакая "нечисть" не проникла»⁹². В Уфе в крещенский праздник катались на лошадях - после обеда, часа в три-четыре, по словам М.В. Нестерова, "вся Уфа выезжала на Казанскую, самую большую улицу города, идущую от центра до реки Белой". По этой улице можно было кататься в два-три ряда⁹³.

Следом за святками шла масленица. Праздник этот почти не испытал на себе влияния христианства, за исключением запрета мясной пищи в течение всех семи

дней и обычаи просить друг у друга прощения в воскресенье накануне Великого Поста. Церковь, однако, включила масленицу в цикл пасхальной обрядности, рассматривая ее как время подготовки к длительному и изнурительному посту. Некогда масленичные обычаи и обряды должны были способствовать плодородию земли и размножению всего живого. В народной традиции масленица рассматривалась как самый веселый, самый разгульный праздник года. Однако в городском календаре она заняла более скромное место. Со временем масленица теряла монополию на целый ряд традиционных масленичных забав; некоторые из этих забав вообще оказывались утраченными. Например, в немногих уральских городах можно было наблюдать на масленичной неделе катание "госпожи Масленицы", сожжение ее чучела, взятие снежного городка, уличные шествия ряженных. В наиболее "первобытном виде" праздник сохранялся у уральских казаков. В Уральске взятие снежного городка и к середине XIX в. оставалось центральным событием масленицы. Подробное описание этой забавы, относящееся к 1840-1850 гг., оставил местный краевед Н.Ф. Савичев. К празднику здесь сооружали настоящую снежную крепость. Участники игры разбивались на две партии: защитников крепости и осаждавших. Среди осаждающих находились ряженные - "турецкие паши", "арабы", вымазанные сажей, и "разные рыцари небывалых орденов". Все это воинство возглавлял "генерал", сопровождаемый "знаменосцами" с развивающимися платками на пиках и "пестрой шалью, представляющей штандарт". "Генерал" был в эполетах, искусно сплетенных из соломы, в звездах и орденах из фольги, с лентой через плечо, сделанной из розовой бумаги (в которую в обычной жизни завертывали чай); старая аудиторская шляпа с плюмажем собственного изготовления покрывала голову "генерала", ехавшего на лошади "со всей важно-стию полководца и с обнаженной пашкой". Многие годы, как сообщал Савичев, роль "генерала" на празднике в Уральске исполнял казак Матвей Бакалдин.

Масса пехих и конных зевак сопровождала импровизированный "корабль", который во время масленицы появлялся на улицах Уральска, его тащили запряженные лошади. На нескольких санях устраивались подмостки, в центре которых возвышалась мачта, притянутая со всех сторон канатами к краям подмостков, - это и был "корабль". На подмостках помещались различные "маски" и музыканты - они пели, играли, подогревали себя водкой. На верху мачты, на укрепленном на ней колесе, находилась "фигура" - замаскированная женщина, одетая в старинный русский костюм. Она олицетворяла собой "госпожу Масленицу". "Фигура" размахивала широкими рукавами в такт музыке.

В Уральске, войсковой столице, существовал и еще один масленичный обычай. На дровнях, в которые впрягали быка, усаживались две "харюшки" (ряженные) - "старик" со "старухой", изображавшие "лобезную чету": "мадам Масленицу" и ее мужа. Мимикой и жестами они должны были показывать, что

живут друг с другом в ладу. На том же быке, в седле, лицом к чете сидела вторая "старуха", представляющая злую свекровь, цель которой - посорить "супругов". Фигурировали на масленичном празднестве у казаков Уральска и рыбацкие челны. «Две харюшки (маскированные), - воспроизводил картину Н.Ф. Савичев, - едут в старых челнах, привязанных к хвостам лошадей, на которых из всей упряжи только узда и вожжи. Раскидывают они сеть-"ярыгу", представляя плавное рыболовство; в сеть бросается горбатый паяц, барахтается, кричит и жалуется, представляя из себя осетра, что ему не дают покоя в Урале и всё ловят»⁹⁴.

В других городах подобных представлений в рассматриваемое время, как правило, не устраивалось. Правда, в Чердыни "город брали" на масленицу еще и в 80-х годах XIX в. Д.Н. Мамин-Сибиряк, передавая содержание беседы двух местных жителей, подслушанной им в городском клубе, упомянул, как один из собеседников заявил: "А лопадку-то у Иван Федотыча я приспособил-таки... Как же-с... Не лошадь, а прямо сказать, дракон. На масленице город брать будем"⁹⁵. Устраивалась игра под названием "взятие снежного городка" и в Кургане, однако она не имела ничего общего с традиционной русской масленичной забавой. Здесь на льду реки на масленицу укреплялась длинная жердь, верхнюю часть которой предварительно окунали в прорубь, после чего она покрывалась тонким слоем льда. На верхушке жерди помещали бутылку водки или петуха (иногда поросенка), желающий добыть этот приз должен был забраться по жерди до самого верха. На этом игра заканчивалась⁹⁶.

Повсеместно сохранились, однако, такие масленичные развлечения, как катание с ледяных гор и по улицам на лошадях, поедание блинов, гостевые приемы. "На масленицу здесь катаются на санках и коньках как с восточного городского валу, так и с слодки на р. Каму, или во дворах делают для сего подобные катушки на снегу...", - писал в начале XIX в. о жителях Перми Н.С. Попов⁹⁷. Другой краевед - А.И. Кривошеков - оставил описание этой забавы у казаков Оренбурга. Смотреть на катающихся с ледяных гор на санках здесь собиралась целая толпа. Удовольствие получали и катающиеся, и зрители. "Неудержимый хохот, раскрасневшиеся веселые лица, шум и треск быстро несущихся санок, гик парней и взвизгивание катящихся девиц", - воссоздавал обстановку праздника краевед⁹⁸.

В дореволюционном Екатеринбурге, по воспоминаниям Н. Нестеровой-Анфиногеновой, в феврале на середине городского пруда, недалеко от плотины, сооружались из снега и заливались водой две горы, с которых все желающие могли кататься на санках. Рядом возводился балаган с балконом. "Главный паяц" Петрушка, по несколько раз выходя на балкон, приглашал гуляющую публику в балаган на цирковое представление (по мнению мемуаристки, "весьма низкого свойства") и при этом сыпал "шутками весьма вульгарного характера". Билеты на

балаганное представление стоили от 5 до 15 коп. "В морозные или ветреные дни тяжело было видеть посиневшего, трясущегося от холода Петрушку. И балаган, и клоуна хорошо было видно с катка, который располагался неподалеку". Надежда Павловна Нестерова-Анфиногорова принадлежала к екатеринбургскому "обществу", которое в описываемое время предпочитала "вульгарным" балаганам и катанию с ледяных гор (развлечения для людей с невзыскательным вкусом) "настоящий" театр, балы, танцевальные вечера и пр. В некоторых городах городские управы стали отдавать участки под строительство ледяных гор в аренду частным лицам на весь зимний сезон, так что покататься с этих гор желающие могли не только на масленицу. В Шадринском архиве, например, сохранился "Торговый лист Шадринской городской управы на отдачу в арендное содержание на зиму 1907/8 года места на р. Исети, близ дома уездного земства, для устройства катальных гор и места на старой площади для устройства круглой катупки". Выиграл торги, как следует из документа, мещанин П.А. Колмогорцев".

Также и на лопадах в городах, как уже можно было заметить, в XIX - начале XX в. катались не только на масленичной неделе. В Уфе, например, крещенские катания по своей массовости не уступали масленичным. "На последних днях масленицы, после блинов и тяжкого сна после них, - вспоминал М.В. Нестеров, - выезжало купечество, выезжали те, что сиднем сидят у себя круглый год". Местом катаний была все та же улица Казанская. Вот какой запомнилась картина масленичного катанья художнику:

«Каких саней, упряжек, рысаков и иноходцев не увидишь, бывало, в эти дни на Казанской!.. Медленно выступают широкогрудые, крупные, с длинными хвостами и гривами вороные кони пристяжкой. Сани большие, ковровые, казанские, а в санях сидят супруги Кобяковы - староверы из пригородной Ниже-городки; они там первыг богачи. Там у них мыловаренный завод, дом огромный, в два этажа; а при кем "моленна". Редко - раз или два в году - покидают супруги Кобяковы свое насиженное гнездо: в Крещенье да на последний день масленой. Вот они сейчас степенно, как священнодействуют, катаются по Казанской, кругом площади. На широких санях им тесновато; для пущего удобства супруги сидят друг к другу спинами - уж очень они дородны, а тут и одежда зимняя. Сам - в лисьей шубе, в бобрах камчатских; сама - в богатейшем салопе с чернобурым большим воротником. Супруги как сели у себя дома орлом двуглавым, так и просидят, бывало, молча часа три-четыре, покуда не повезут их с одеревенелыми ногами домой, в Нижегородку. Там кони у подъезда встанут, как вкопанные, и супруги, не торопясь, вылезут из саней, разомнут свои ноженьки, поплывут в горницы, а там уж и самовар на столе. Вот тут они поговорят, посудят, никого не забудут.

Вот Вера Трифоновна Попова с детьми выехала в четырехместных санях, обитых малиновым бархатом, на своих гнедых, старых конях "в дышло". Она не менее дородна, чем Кобячиха. Она - "головиха" супруг ее, Павел Васильевич, второе трехлетие сидит головой в Уфе; и кто не знает, что настоящая-то голова - у головихи, Веры Трифоновны. Павел Васильевич тихий, смиренный, а она - боевая... Вот и теперь, на катанье, отвечает она на

поклоны не спеша. Сама редко кому первой поклонится. Катается Вера Трифоновна недолго, чтобы только знали люди, что из города не выезжала ни в Екатеринбург, ни в Кунгур, где у ней богачи-родственники.

А вот сломя голову летит посреди улицы, обгоняя всех, осыпая снежной пылью, на своих бешеных иноходцах, "наш Лентовский" - Александр Кондратьевич Блохин. Он всю масленицу путался с актерами. Все эти Горевы и Моревы - закадычные ему друзья; пьют, едят, а Александр Кондратьевич платит. Самодур, а душа добрая, отходчивая. Богатырь-купец жжет себя с обоих концов. За Александром Кондратьевичем мчится, сам правит, великан-красавец - удалой купец Набатов. К нему прижалась молоденькая супруга; едва-едва сидят они вдвоем на беговых санках. И страшно-то ей, и радостно с милым лететь стрелой. Эта ватага несется вниз по Казанской до Троицы, чтобы обратно ехать шагом. Так принято, да и коням надо дать передохнуть. А там снова - кто кого, пока сумерки не падут на землю»¹⁰⁰.

В Екатеринбурге еще в 30-х годах XIX в. катались на масленицу на лошадах "утугой", когда собиралось "саней 30-40, иногда даже 50, и все вместе ездят по улицам, из одной в другую"¹⁰¹. К концу XIX столетия в горнозаводской столице Урала вошло в обычай на масленицу устраивать детский вечер - по тому же сценарию, что и в январе.

Но вообще такого всеобщего веселья, как в деревнях или у казаков, в городах второй половины XIX - начала XX в. не наблюдалось. И.К. Громозова-Франческа, рассказывая о жизни своей с родителями в г. Слободском (Вятская губерния, конец XIX в.), о масленице вспомнила лишь то, что еще за две недели до нее начиналась подготовка к Великому Посту и что на масленной неделе каждый день пекли блины (сначала - на дрожжах, в пятницу и субботу - тонкие блинчики), а в "прощенное" воскресенье (по словам мемуаристки, вечером взрослые просили друг у друга прощения, также заставляли и детей кланяться взрослым в ноги -просить прощения за грехи) кроме блинов на дрожжах готовили хворост; в этот день в 4 часа, когда колокол ударял к вечерне, все "молосное" из дома убиралось, отдавалось нищим¹⁰².

Гораздо большее значение придавалось горожанами Пасхе. На пасхальной неделе опять ездили друг к другу с визитами. «Приезжали священники от Спаса, соборные, Александровские;

приезжал всеми любимый "батюшка Сергиевский" (от "Сергия"). Пели краткий молебен, славили Христа. Сидели недолго и ехали дальше», - рассказывал М.В. Нестеров, имея в виду родительский купеческий дом в Уфе. Настроение у всех было светлым, радостным. "Посмотришь из залы в окно или выскочишь, бывало, за ворота, что там творится? А там празднично разряженный народ движется по улицам к качелям. Еще задолго до Пасхи, бывало, станут возить на нашу площадь бревна, сваливать их поближе к Аллейкам, - значит, пришла пора строить балаганы, качели и прочее. К первому дню Пасхи все готово, действует с шумом, с гамом, с музыкой. Народ валит туда валом. Солнце светит особенно ярко. В

воздухе несется радостный пасхальный звон. Всё веселится, радуется, как умеет. Пьяных еще не видно - они появятся к вечеру, когда все наслаждения дня - балаганы, качели - будут пережиты, когда горожане побывают друг у друга, попьют чайку, отведают пасхальных яств и напитков. Вот тогда-то и пойдет народ с песнями, с гармоникой. Тогда и пьяные побредут, заколобродят"¹⁰³.

В Чердыни девушки на пасхальной неделе (середина XIX в.) ходили "большими группами на колокольни, а вечером с песнями" качались на качелях или скакали на "скакульках" (доска, положенная на бревно или деревянный "отрубок").

К Пасхе украшали церкви. В "Екатеринбургских епархиальных ведомостях" за 1912 г. (от 1 апреля) сообщалось, что в горнозаводской столице Урала не оставалось ни одного храма, который не был бы по-праздничному украшен. "Убранные внутри зелеными гирляндами из пихты, украшенные цветами, разноцветными электрическими лампочками и пр.", принявшие "вид роскошно декорированных чертогов", эти храмы во время пасхального богослужения оказывались переполненными народом "до крайней тесноты". В Вятке в Кафедральном соборе в Великий четверг, по словам одного из очевидцев, "разыгрывались мистерии: архиерей, изображавший Христа, омывал ноги священникам, изображавшим апостолов. На Пасху здесь собиралось все местное начальство. Службу проводил архиерей; пел архиерейский хор, славившийся своим мастерством.

На Пасху повсюду красили яйца. Дети, получив крашенные яйца, устраивали игры. В Слободском, например, делали так: прислоняли к стене дома доску, и игроки скатывали с нее яйца, стараясь при этом разбить чужое яйцо; разбивший забирает это яйцо себе. В Уральске катанием яиц развлекались "девицы"-казачки. "Шагах в 20 от играющих, - рассказывал Н.Ф. Савичев, - расставлены несколько раскрашенных яиц, фронтом, расстоянием на 2 четверти одно от другого. В них катают войлочным мячом, который имеет форму миниатюрного жернова, только без отверстия в середине". Яйцо считалось выигранным той девушкой, которой удавалось задеть его мячом"¹⁰⁴.

Из других календарных праздников горожан выделялись Троица и Семик. В г. Котельниче на Троицу девушки собирались в хороводы, развлекались разными играми (1862). Юноши при этом могли присутствовать, но участия в девичьих хороводах и играх они не принимали (в крайнем случае затевали свои, отдельные игры)¹⁰⁵. Девичьи хороводы являлись старинной русской городской традицией - иностранец С. Герберштейн в XVI в. видел их в Москве¹⁰⁶. Эта традиция к середине XIX в. сохранялась не только в Котельниче, но и в Чердыни. Чердынские "девицы"-красавицы на прокопьевской и троичкой неделях, по свидетельству очевидца, играли "на переулках в хороводы, горелки и в прочие игры". Житель Перми Н.С. Попов сообщал (начало XIX в.): "Но гораздо большее

сего роду увеселение бывает в Троицын день, когда весь город обращается за Кунгурский плагбаум и располагается для своих забав при большой дороге и при опушке начинающегося оттуда лесу. На другой день, то есть в Духов день, теми же потехами занимается женский пол при стечении многочисленных градских жителей на горе, что выше города, отделяющей от него речкою Егопихою¹⁰⁷.

В Уфе в XVIII-XIX вв. гуляния девушек приурочивались к Семику. До XIX столетия на эти гуляния являлись дочери и бедных, и богатых. Однако «ныне, - замечал один из тех, кто относил себя к обитателям "лучших домов" (1812), - нашего состояния не собираются»¹⁰⁸. К девушкам присоединялись парни, молодежь водила хороводы, пела песни. В Слободском Семик являлся детским праздником. В город со всего окрестного пространства привозили на продажу много разных игрушек (конец XIX в.). Вся детвора спешила на своеобразный базар - даже те, которым родители не могли дать денег, чтобы, если не купить, то хотя бы полюбоваться игрушками. Перед радостно распахнутыми детскими глазами представляли горы пицалок, свистулков, глиняных кукол с яркой росписью, глиняных птичек, невиданных глиняных зверей с рогами, бурачков, шкатулок из бересты с нарезными рисунками, деревянных грибов, выструганных кукол в лаптях и меховых кафтанах, вырезанных из дерева коней, телег, саней, пряничных (сусальных) коней и пр. Радостные восклицания, громкий свист, ребячий гомон - город утопал во всем этом. Одна из вятских жительниц, детство которой прошло в Слободском, вспоминала, что все они ждали Семик, "считая дни".

Таким же детским праздником в Вятке была "Свистунья", которая проводилась в мае. За два дня до праздника на торговой площади около Кафедрального собора начинали устанавливать полотняные палатки. Приезжали торговцы из других городов, в том числе из Казани. Они привозили вяземские пряники, халву, восточные лакомства. Но больше всего здесь продавалось игрушек вятских кустарей. Из заречной слободы Дымково доставляли гипсовые и глиняные изделия: статуэтки, вазы, дудки, коней, "стариков-моховиков" и пр. Здесь можно было также купить воздушные шары, деревянные ружья, корзинки из соломы - вообще каждый посетитель базара мог найти здесь для себя нужный предмет. Жестяные и сделанные из березы дудки по цене оказывались доступными каждому ребенку. С утра свист стоял по всей Вятке. Иногда на базар доставлялись карусели. Взрослые и дети с удовольствием катались на лебедях, конях и лодочках, привешенных к кольцу карусели¹⁰⁹.

Вообще в городах Урала немало различных развлечений было приурочено к специальным базарам, к ярмаркам. В Вятке 1 сентября ежегодно (конец XIX - начало XX в.) на верхнем рынке около Александровского собора открывался большой Семеновский базар. Здесь появлялись также балаганы "с разными чудесами, вроде женской головы на блюде", бродячие цирки¹¹⁰. На ярмарках

выступали акробаты, фокусники, бродячие музыканты, кукольные комедианты. Ученый путешественник К.Ф. Леде-бур в 1826 г. побывал на Ирбитской ярмарке. "Когда я ходил там, любуясь сутолокой, - делился он своими впечатлениями, - до меня донеслись звуки барабана, это извещали о представлении театра кукол, и незначительная входная плата - 10 коп. - привлекла множество народа. Я также протолкался туда, однако сюжет и само представление вполне соответствовали заведению и цене, чего и следовало ожидать"¹¹¹. Самим же уральцам, в особенности простонародью, ярмарочные представления (театр кукол, раек, выступления балаганных дедов) очень нравились. Так, в 1879 г. корреспондент "Екатеринбургской недели" сообщал из Ирбита о ярмарочных забавах: "В одном месте показывали морского человека, Аврору или прекрасную Галатею, Александровский сад, большой живот, голову, висящую в воздухе, и многое другое, от чего образованной публике было не по себе, зато простой народ от увиденного и тем более услышанного был в восторге"¹¹².

В Уфе открытие ярмарки праздновалось всеми горожанами. Вот как об этом рассказывал М.В. Нестеров:

«В феврале бывала в Уфе ярмарка. После всероссийской Нижегородской шли местные: Ирбитская, Мензелинская, наша Уфимская. К известному времени приводились в порядок так называемые "ярмарочные ряды" - деревянные лавки, заколоченные в продолжении десяти месяцев в году. Они оживали на полтора-два месяца. Почти все купцы, в том числе и мой отец, на эти два месяца перебирались на ярмарку. Так повелось уже издавна... В одно из первых воскресений по открытии ярмарки мы с матерью отправлялись к отцу "на новоселье"... До центра, до Главного ряда, где торговал отец, добираться было делом нелегким. По пути так много было разнообразных впечатлений, столько раз приходилось останавливаться, очарованным то тем, то другим. Проходили мимо ряда балаганов, где на балконе, несмотря на мороз, лицедействовали и дед, и девица в трико, и сам "Зрилкин", без которого не обходилась ни одна окрестная ярмарка, ни одно деревенское празднество. Зрилкин был душой народных увеселений. Тут, конечно, был и знаменитый Петрушка. Вот и книжные ряды, здесь тоже захватывающе интересно. Развешаны лубочные картинки: "Ерус-лан Лазаревич", "Как мыши кота хоронили", генералы на конях, по бокам которых так славно прошли кармино, а по лицу Паскевича-Эриванского - медянка... Здесь навалены на прилавке книжки одна другой занимательней. Тут и "Фома-дровосек", "Барон Мюнхаузен", да и чего здесь только нет!.. Но вот, наконец, и Главный ряд. Вот разукрашенная коврами лавка Пены, первого конкурента отца, тоже галантерейщика, а напротив и наша, тоже разукрашенная, но беднее. На коврах самые разнообразные сюжеты от одалисок и турок с кальяном, в чалмах, до бедуина на белом коне. В дверях стоит отец, какой-то обновленный, "ярмарочный" - в длинной шубе, подпоясанной пестрым кушаком, углы бобрового воротника "по-ярмарочному" загнуты внутрь; он в валенках... Мимо лавки толпы гуляющих. Медленно они двигаются. Нарядные купчихи, их дочки, такие румяные, счастливые, с ними галантные кавалеры. А в воздухе сотни разнообразных звуков. Тут мальчишки свистят в свистульки, в трубы, слышны нежные звуки баульчиков и прочее»¹¹³.

В Чердыни недельная городская ярмарка устраивалась в Прокопьев день. Посетители могли покатаются на качелях, посмотреть сцены с Петрушкой, послушать игру на свистульках. Купцы предлагали бесплатные обеды¹¹⁴.

Отмечались также горожанами государственные и войсковые праздники; торжественными мероприятиями и различными "увеселениями" сопровождались визиты в город важных государственных особ, круглые юбилеи выдающихся деятелей культуры и пр.¹¹⁵. Обязательным элементом многих официальных торжеств стали в городах военные парады. Дочь наказного атамана Уральского казачьего войска на всю жизнь запомнила, например, парад, который был устроен в 1891 г. в Уральске по случаю прибытия в город наследника престола цесаревича Николая Александровича: «Казачи, одетые с иголки, в своих мохнатых папахах, на крепко сбитых, выносливых, чисто военных лошадях, с пиками в руках двигались рядами, как стройный лес. Самый строгий военный критик, мне кажется, не мог придаться к их военной выправке и дисциплине. Мощное - "Здравия желаем, Ваше императорское высочество!" - дружно катилось по уральским степям». Казаки продемонстрировали наследнику престола джигитовку и скачки, за которыми он "следил с большим интересом". "От души веселился" Николай Александрович на балу, который был дан вечером того же дня в казачьем собрании и который по традиции затянулся до утра. Ему очень понравились и красавицы-казачки (с одной из которых он прошелся в мазурке), и "чудный ужин", и общая непринужденная атмосфера праздника. Особое впечатление произвел на цесаревича уральский танец-казачок: "офицеры-казачи друг перед другом щеголяли своей удалью, а казачки в красивых цветных костюмах с кисейными рукавами,шитыми золотом, и в головных уборах (золотой галун с жемчужной сеткой) шпли, грациозно подбоченясь, им навстречу, помахая платочком". По словам мемуаристки, год или два спустя, на одном из придворных балов, где она присутствовала, Николай Александрович неожиданно в шутку ей предложил: "Давайте станцуем казачка"¹¹⁶.

Сценарий всех подобных празднеств создавался уже не народным творчеством, а официальными лицами.

Вообще в праздничной культуре горожан Урала в XVIII - начале XX в. наблюдался процесс постепенной утраты многих традиционных черт, вытеснения традиций новациями. Наиболее активно он развивался в крупных центрах и в высших "классах" городского населения.

¹ Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII - начало XX века. Л., 1988. С. 6.

² Котлярчук А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII века: Официальные церемонии и крестьянская обрядность. СПб., 2001. С. 6, 20.

³ Каган М.С. Град Петров и история русской культуры. СПб., 1996. С. 20-21; Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001. С. 14-15.

⁴ Келлер М.С. Указ. соч. С. 9.

⁵ Дуков Е.В. Полихрония российских развлечений // Развлекательная культура России XVII-XIX веков: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 499.

⁶ Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Дневник священника // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 116-118.

⁷ Там же. С. 123-125.

⁸ Там же. С. 133-137.

⁹ Там же. С. 133-134, 136-137.

¹⁰ Аксаков С.Т. Семейная хроника: Детские годы Багрова-внука. М., 1987. С. 192.

¹¹ Там же. С. 94-95.

¹² См.: Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М, 1983. С. 307-336.

¹³ Блаرامберг М.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 219.

¹⁴ Николаева Т. Династия Громозовых // Купечество вятское. Киров-Вятка, 1999. С. 99; Агеев А.С., Микитюк В.П. Рязановы - купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 2000. С. 56.

¹⁵ См.: Дурова Н.А. Указ. соч. С. 248; Змиев И.В. Город Красноуфимск // ПГВ. 1872. № 8. С. 36; Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1842. № 3. Т. 21. Отд. 8. С. 10.

¹⁶ См.: Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн.1. С. 347-348; Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 217.

¹⁷ Нестеров М.В. Давние дни. Уфа, 1986. С. 26.

¹⁸ Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX - начале XX в. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 25.

¹⁹ Корнаухов Н. Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. LVII. Отд. VIII. С. 51.

²⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1894. С. 118.

²¹ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 46.

²² Дурова Н.А. Указ. соч. С. 30, 266.

²³ Корнаухов Н. Указ. соч. С. 51-52.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. LVIII-LIX.

²⁵ Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь: Путевые очерки. Чердынь, 1994. С. 48, 50.

²⁶ Корнаухов Н. Указ. соч. С. 57.

²⁷ Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 119.

²⁸ Архив РГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-4 об.

²⁹ Нестеров М.В. Указ. соч. С. 35.

³⁰ См.: Холщевников Е.Е. Письма из Верхотурья // ПГВ. 1864. № 7. С. 41; Местный житель. Вечерки в городе Красноуфимске // ПГВ. 1864. № 1. С. 3; Вологдин А. Материалы для этнографии Закамья // ПГВ. 1863. № 52. С. 258.

- ³¹ Холщевников Е.Е. Указ. соч. С. 40.
- ³² Местный житель... С. 4.
- ³³ Архив РГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
- ³⁴ Местный житель... С. 4; Белобородова И.Н. Осенний досуг русского старожильского населения Урала: Сельские и городские вечерки // Методика и опыт изучения сельских поселений Урала. Екатеринбург, 1993. С. 35.
- ³⁵ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 92-95.
- ³⁶ Даль В.И. Новый атаман (письмо из Уральска) // Неизвестный Даль Владимир Иванович. Оренбург, 2002. С. 67-70.
- ³⁷ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 266.
- ³⁸ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 92-95.
- ³⁹ Байдин С.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 131.
- ⁴⁰ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 398-400.
- ⁴¹ Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 156.
- ⁴² Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 182-183.
- ⁴³ Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 186-188.
- ⁴⁴ Иовлева В.Н. Рождественские были // Шадринская старина. 1995. Шадринск, 1995. С. 47; ШФ ГАКО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1811. Л. 544.
- ⁴⁵ Андреева Т.А. Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907-1916) // Народное образование на Урале в XVIII - начале XX в. Свердловск, 1990. С. 135.
- ⁴⁶ Там же. С. 135-136.
- ⁴⁷ Костерина-Азарян А.Б. Театральная старина Урала. Екатеринбург, 1998. С. 136-168.
- ⁴⁸ Нестеров М.В. Указ. соч. С. 38-40.
- ⁴⁹ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 183-184.
- ⁵⁰ Там же. С. 219.
- ⁵¹ Там же. С. 238-239.
- ⁵² Там же. С. 331.
- ⁵³ Там же. С. 579.
- ⁵⁴ Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: Страницы шадринской летописи. Шадринск, 1997. С. 193-199.
- ⁵⁵ Чагин Г.Н. Русь Московская и Пермь Великая (о Чердыни) // Уральское краеведение. Екатеринбург, 1996. С. 66.
- ⁵⁶ Уржумское купечество в воспоминаниях старожилов // Купечество вятское. С. 181-182.
- ⁵⁷ Андреева Т.А. Указ. соч. С. 138S6—137.
- ⁵⁸ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 404-407. ШФ ГАКО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1811. Л. 12-13.
- ⁶⁰ См.: Яхно О.Н. Указ. соч. С. 24; Она же. Общественные развлечения в Екатеринбурге начала XX в. // Четвертые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 89; Она же. "Образ города" в периодической печати Екатеринбурга рубежа XIX-XX вв. // Екатеринбург - вчера, се-

годня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 275-летию города. Екатеринбург, 1998. С. 92.

⁶¹ История Урала в период капитализма. С. 215, 398; *Андреева Т.А.* Указ. соч. С. 134.

⁶² *Николаева Т.* Указ. соч. С. 116-117.

⁶³ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Указ. соч. С. 52.

⁶⁴ *Чагин Г.Н.* Указ. соч. С. 66.

⁶⁵ *Дурова Н.А.* Указ. соч. С. 30-40.

⁶⁶ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 75-77.

⁶⁷ *Иовлева В.Н.* Указ. соч. С. 48.

⁶⁸ См.: *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 508-509; *Васильева А.М.* Забытый Курган. Курган, 1997. С. 333-334; *Миненко Н.А., Федоров С.В.* Указ. соч. С. 105; ШФ ГАКО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1616. Л. 14-15, 20, 23.

⁶⁹ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 73.

⁷⁰ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Указ. соч. С. 11.

⁷¹ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 508.

⁷² См.: *Яхно О.Н.* "Образ города"... С. 91; *Она же.* Общественные развлечения... С. 88.

⁷³ Уральский край. 1902. 4 авг.; 1911. 5 янв.

⁷⁴ *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 116-117.

⁷⁵ *Ситников Л.А.* Книжные сокровища Сибири. Новосибирск, 1985. С. 33-36.

⁷⁶ См.: *Ядринцев Н.М.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 4: Николай Михайлович Ядринцев. Новосибирск, 1979. С. 253; Дмитрий Дмитриевич Смышляев // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 1; Архив РГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 - боб.; *Николаева Т.* Указ. соч. С. 91, 98; Уржумское купечество... С. 184.

⁷⁷ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 238.

⁷⁸ История Урала в период капитализма. С. 380.

⁷⁹ *Миненко Н.А., Федоров С.В.* Указ. соч. С. 189.

⁸⁰ *Чагин Г.Н.* Указ. соч. С. 66.

⁸¹ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 32.

⁸² Цит. по: *Николаева Т.* Указ. соч. С. 97.

⁸³ *Иовлева В.Н.* Указ. соч. С. 43^47.

⁸⁴ *Яхно О.Н.* Любимый зимний праздник горожан // Третьи Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2000. С. 410.

⁸⁵ *Нестерова-Анфиногенова Н.* Указ. соч. С. 188-189.

⁸⁶ *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Указ. соч. С. 182-183.

⁸⁷ Там же. С. 22.

⁸⁸ Там же. С. 442.

⁸⁹ *Дурова Н.А.* Указ. соч. С. 274-276.

⁹⁰ *Иовлева В.Н.* Указ. соч. С. 47.

⁹¹ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 148-150.

⁹² *Иовлева В.Н.* Указ. соч. С. 47.

⁹³ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 30.

⁹⁴ *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика в "Уральских войсковых ведомостях" // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX. С. 53-59.

- ⁹⁵ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Указ. соч. С. 52.
- ⁹⁶ Архив РГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.
- ⁹⁷ *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 2. С. 236.
- ⁹⁸ *Кривошецов А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 1-7. С. 203.
- ⁹⁹ ШФ ГАКО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1560. Л. 556.
- ¹⁰⁰ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 36-37.
- ¹⁰¹ *Некрывлова А.Ф.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁰² См.: *Николаева Т.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁰³ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 30, 32.
- ¹⁰⁴ См.: *Николаева Т.* Указ. соч. С. 89, 93; *Щербанов Н.М.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁰⁵ *Глушков И.* Топографически-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Этнографический сборник. СПб., 1862. Вып. 5. С. 76-77.
- ¹⁰⁶ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 62.
- ¹⁰⁷ *Попов Н.С.* Указ. соч. С. 251; *Корнаузов Н.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁰⁸ *Ефремов В.* Из истории Уфимского края: Город Уфа и уфимское общество на рубеже XVIII-XIX столетия // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 318.
- ¹⁰⁹ *Николаева Т.* Указ. соч. С. 88-90, 94-95.
- ¹¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹¹ *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Указ. соч. С. 22.
- ¹¹² Екатеринбургская неделя. 1879. № 13. С. 159.
- ¹¹³ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 37-38.
- ¹¹⁴ *Чагин Г.Н.* Указ. соч. С. 66.
- ¹¹⁵ См.: *Апкаримова Е.Ю.* Праздники в Екатеринбурге в конце XIX - начале XX в. // Традиционная культура Урала. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 131-138.
- ¹¹⁶ Казачий круг. М., 1991. Вып. 1. С. 13.

Заключение

В повседневной жизни горожан на протяжении XVIII - начала XX в. происходили важные изменения, обусловленные целым рядом факторов: экономических, социальных, политических, демографических, социокультурных. Изменения охватывали и социально-бытовую инфраструктуру города, и материальную культуру горожан, и их семейный уклад, и сферу досуга, и общественно-конфессиональный быт. Наибольшей динамичностью отличалась культура жизнеобеспечения городского населения. При этом перемены в сфере

материальной культуры (в частности, жилища, одежды) в XVIII - первой половине XIX в. происходили с гораздо меньшей интенсивностью, чем во второй половине XIX - начале XX в. Великие реформы времени правления Александра II дали мощный импульс новациям в этой сфере. Одним из проявлений процесса модернизации культуры жизнеобеспечения стало создание профессиональной городской медицины. Инсти-туционализация здравоохранения одновременно означало и его "оповседневнивание". Правда, "прогрессивные" ценности в области медицинского обслуживания горожан во многом навязывались им извне и осознавались с трудом. Однако постепенно профессиональная медицина стала неотъемлемым компонентом городского образа жизни.

На всем протяжении XVIII - начала XX в. решающее значение в поддержании повседневного существования людей играла семья. В городской среде, как и в традиционной крестьянской, социальное во многом реализовалось посредством "семейного", "родственного". При этом внутри семьи человек получал возможность самоопределиваться в рамках родственных связей. Благодаря благоприятному климату во внутрисемейных отношениях, которые в целом были свойственны уральской городской семье, этому институту удавалось успешно выполнять свои многочисленные функции, в том числе по воспроизводству населения, развитию городской экономики, социализации детей. Семейная обрядность горожан до конца рассматриваемого периода сохраняла прочные связи с народной традицией. Эта обрядность во многом характеризовала семью как место, где перекрещиваются

и взаимодействуют приватная и публичная сфера жизни. Обряды обладали правом легимитизации актов частной жизни, сакрали-зовали важнейшие внутрисемейные события.

Реформы 60-70-х годов XIX в., "подстегнувшие" в России процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу, вызвали заметное ускорение эволюции форм досуга - семейного и общественного. При этом изменениям в большей степени подвергались общественные формы проведения свободного времени, роль которых постепенно возрастала - в особенности в жизни городских "верхов": дворян, предпринимателей, чиновников, купцов, интеллигенции. Досуг городского населения активно дифференцировался - у простонародья до конца периода продолжали доминировать традиционные формы, у остальных - новые. Однако в целом городской досуг, и в особенности праздничная культура, сохранял непосредственную преемственность со средневековой русской городской и сельской традициями.

Городская повседневность во многом определялась господством в жизни дореволюционной России религиозной идеологии и психологии. Источники свидетельствуют об укорененности религиозного сознания и конфессиональной практики в жизни уральского города. Религиозная повседневность выступала пре-

жде всего как социальный феномен, способствующий самоопределению индивидов и общностей, эффективно выполняющий в социуме идентификационную и интегративную функции. Повседневная жизнь горожан свидетельствовала, что на Урале в процессе модернизации религиозный фактор не терял своих позиций. Вера вполне уживалась как с ростом рациональности и повышением уровня образования, так и с проникновением в городскую массу революционных настроений.

Повседневная жизнь населения городов в немалой степени направлялась и такими городскими микроструктурами, как сословные корпорации. В целом организация общественного быта горожан оказывалась достаточно эффективной, обеспечивая развитие экономической, социальной инфраструктуры города, рост его населения и благосостояния.

писок сокращений

ВГВ	Вятские губернские ведомости
ГАПО	Государственный архив Пермской области
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости
ОЕВ	Оренбургские епархиальные ведомости
ПГВ	Пермские губернские ведомости
ПЕВ	Пермские епархиальные ведомости
ПСЗ РИ	Полное собрание законов Российской империи
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО	Русское географическое общество
СОКМ	Соликамский областной краеведческий музей
СПБИИ РАН	Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
ШФ ГАКО	Шадринский филиал Государственного архива Курганской области

Оглавление

Введение (Н.А. Миненко)	3
Глава 1. Социально-бытовая инфраструктура и материальная культура городского населения	
Развитие социопространственной структуры города (Е.Ю. Анкаримова)	12
Традиции и новации в городской медицине (СВ. Голикова)	88
Материальный быт горожан (Н.А. Миненко)	128
Глава 2. Конфессиональная жизнь горожан	
Православие в жизни городского населения (СВ. Голикова)	183
Православные сообщества в городах (Е.Ю. Анкаримова)	206
Горожане-старообрядцы (СВ. Голикова)	265
Глава 3. Городская семья (СВ. Голикова)	
Семейный строй и внутрисемейные отношения	295
Семейные обряды	310
Глава 4. Праздники и развлечения горожан (Н.А. Миненко)	
Семейный и общественный досуг	330
Городские праздники	360
Заключение (Н.А. Миненко)	380
Список сокращений	382

Научное издание

Миненко Нина Адамовна,
Анкаримова Елена Юрьевна,

Голикова Светлана
Викторовна

Повседневная жизнь
уральского города в XVIII —
начале XX века

*Утверждено к печати ■ Ученым советом
Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии
наук*

Зав. редакцией *Н.И. Петрова* Редактор *В.М.
Черемных* Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Т.А. Печко, М.Д.
Шерстенникова*

Подписано к печати 04.09.2006 Формат 60 x 90¹/₆.
Гарнитура Тайме Печать офсетная. Усл.печ.л.
24,0 Усл.кр.-отг. 24,5. Уч.-изд.л. 26,7 Тираж 800
экз. (300 экз.- РГНФ). Тип. зак. 3569

Издательство "Наука" 117997, Москва,
Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука" 199034, Санкт-
Петербург, 9-я линия, 12